

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Г. С. СВАЗЯН

ИСТОРИЯ СТРАНЫ АЛУАНК
(с древнейших времен по VIII век)

ЕРЕВАН 2008

Издается по рекомендации ученого совета
Института Истории НАН РА

СВАЗЯН Г. С. ИСТОРИЯ СТРАНЫ АЛУАНК С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ПО VIII В.-
Предлагаемая монография посвящена изучению политической и социально-экономической истории страны Алуанк с древнейших времен по VIII в.

Она является историко-критическим исследованием, изложенным на основе материальных и письменных первоисточников (греко-римских, армянских, грузинских, византийских, сирийских, арабских), а также имеющейся литературы. В ней впервые в армянской историографии изучается история страны Алуанк первобытно-общинного, рабовладельческого и раннефеодального периодов.

Выявлены и подвергнуты научной критике антиармянские и антинаучные тенденции азербайджанских историков в отношении армянских областей Утик и Арцах и вообще истории Алуанка.

Книга рассчитана на специалистов и широкий круг читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая монография посвящена изучению политической и социально-экономической истории страны Алуанк с древнейших времен по VIII в.

Страна Алуанк в период своей государственности (I в. до н.э. - сер. V в. н.э.) исторически занимала в Южном Кавказе территорию, границы которой на севере доходили до Главного Кавказского хребта, на востоке - Каспийского моря, на западе - р. Алазан, а на юге - р. Куры.

Соответствуя "Собственно стране Алуанк" армянских источников, она в греко-римских сочинениях называлась "Албанией", в грузинских - "Рани" (также и Эрети), а в сирийских и арабских - "Аран".

Располагаясь по соседству с Великой Арменией, страна Алуанк соприкасалась с ней с ранних времен. Однако их взаимоотношения и общность исторических судеб часто воспринимались и интерпретировались исследователями неверно, порою сознательно искажались, что и порождало серьезные ошибки в историографии по вопросам политической истории, исторической географии и истории культуры как одной, так и другой страны. И это является следствием игнорирования исторических фактов и недифференцированного изучения отдельных государственно-политических образований, возникших в разное, отличавшиеся друг от друга политическими обстоятельствами периоды истории, неправильной трактовки изменений в содержании топонима "Алуанк". Дело в том, что в середине V в. Сасанидский Иран, ведя завоевательную политику на Южном Кавказе, после упразднения царства Великой Армении, ликвидировал также и царскую власть в Алуанке, превратив его в марзпанство. Поскольку этот процесс Сасаниды сопровождали территориальными изменениями, то к "Собственно Алуанку" они присоединили сопредельные ему области Великой Армении - Утик и Арцах и тем самым из "Собственно Алуанка" и армянских областей создали Алуанское марзпанство. В результате этих территориальных преобразований южная граница новой административно-политической единицы проходила уже по реке Аракс. С тех пор вся данная территория, включая, и армянские области Утик и Арцах стала называться "Алуанк". Однако для Утика и Арцаха, расположенных между Курой и Араксом, оно имело лишь значение административного понятия, так как будучи временно и искусственно включенными в состав Алуанского марзпанства и

получив общее для всего марзпанства название, эти области не потеряли ни самостоятельность ни свой армянский облик.

Алуанское марзпанство недолго сохраняло свою политико-административную структуру. С конца VI в. в результате той же политики Сасанидов, оно распалось на различные политические мелкие единицы, управляемые представителями местных княжеских домов. Отныне они выступали под названием этих домов, топонимов или этнонимов: в северных районах бывшего Алуанского марзпанства возникают и формируются отдельные политические единицы - государственные образования Шаки (с центром в Шаки), Ширван (с центром в Шемахе) и Дербент (с центром в Дербенте), а в южной части, на правобережье Куры, т.е. в Арцахе и Утике - княжество Араншахов. Выступая уже под упомянутыми названиями, эти политические образования перестали носить ставшее для них общим название "Алуанк". Тем не менее это название бывшего марзпанства не исчезло, а стало применяться в отношении территории областей Арцах и Утик.

После распада Алуанского марзпанства историческое развитие этих политических единиц шло совершенно независимо друг от друга руслах. В IX в. на территории "Собственно Алуанка" формируются княжества Шаки и Ширваншахов, известные в истории под названиями "Шаки" и "Ширван". Они, в свою очередь, во второй половине XI в. были завоеваны тюрками-сельджуками и подверглись языковому и этническому изменению. А княжество Араншахов после восстановления Багратидами армянской государственности (в 885 г.) выступило в качестве одного из армянских административных образований в системе находившихся под их верховной властью феодальных княжеств. Вместе с тем, в источниках оно традиционно продолжало называться "Алуанк". Вполне понятно, что эти отдельные административные и политические единицы, сложившиеся исторически и выступавшие под упомянутыми географическими названиями, отличались как своими территориально-административными делениями, так и социально-экономической и политической историей. Именно сознательное игнорирование этих различий и географического содержания названия "Алуанк" является причиной того, что до сих пор появляются работы, в которых политическая, социально-экономическая и культурная история страны Алуанк представляется на искусственно расширенной территории и излагается вопреки исторической правде.

Вследствие такого подхода многие вопросы не нашли должной трактовки, исторические события одной страны переносились на другую, делались ошибочные выводы. Это привело к тому, что у широких масс в Азербайджане сложилось одностороннее, лженаучное, искаженное представление о прошлом страны Алуанк, о месте и роли ее в общей истории народов региона, о ее территориальном, этническом и культурном наследии.

В сложившихся условиях перед армянской историографией со всей важностью встала задача изучения общей и целостной истории Алуанка на фоне истории армянского народа, ибо исследование истории страны Алуанк изолированно от истории Великой Армении приводит к недостаточности, недосказанности и неточности ее освещения. Во избежании подобных ошибок необходимо и исторически верно при изучении истории Алуанка учитывать три основных периода, отличавшихся друг от друга как в административном, так и в политическом отношении: Алуанского царства (I в. до н. э. – сер. V-го в. н. э.) и предшествовавшего ему времени, Алуанского марзпанства (вторая половина V-го – конец VI-го вв.) и эпохи господства после распада марзпанства, отдельных феодальных домов в тех рамках, которые получили наименование “Алуанк” (конец VI-VIII вв.)

В основу данной работы положен именно этот принцип. В первом и в начале второго раздела монографии исследуется история страны Алуанк с древнейших времен до середины V в. в тех ее пределах, которым соответствуют сведения греко-римских авторов, т.е. территории, простирающейся к северу от Куры до Кавказских гор и от реки Алазан до Каспийского моря.

Следующая часть второго раздела посвящена исследованию вопросов связанных с установлением марзпанского режима в Алуанке, его политического развития и распада, образования нового понятия “Алуанк”.

Последний раздел работы посвящен освещению нового понятия названия “Алуанк”, которое после раздробления марзпанства стало применяться в отношении Восточного края Армении или Утика и Арцаха, определению его границ, политической истории Михранидских князей, достигших власти в этих краях и другим смежным вопросам. Для обозначения этого региона в работе использованы названия “Восточный край Армении”, “Северо-восточный край Армении”, “Аран” (в узком смысле), но следуя примеру древних и средневековых

армянских историков чаще всего -наименование "Алуанк", однако уже вне всякой связи с территорией Собственно Алуанк. По существу в этом разделе изложена история армянских областей Утик и Арцах в VII-VIII вв. и показана ее неразрывная связь с общей историей Армении.

Монография является историко-критическим исследованием, изложенным на основе материальных и письменных первоисточников (греко-римских, армянских, грузинских, византийских, сирийских, арабских), а также имеющейся литературы. В ней впервые в армянской историографии изучается история страны Алуанк древнего и раннесредневекового периодов. В работе особое внимание уделяется географическому названию "Алуанк", его этимологии и иноязычным эквивалентам, в их охвате и сферах применения на каждом новом историческом периоде. Затронут также ряд вопросов этнического характера. Это обусловлено как важностью более правильного восприятия истории Алуанка, так и необходимостью внесения ясности в те вопросы, которые больше всего преподносятся предвзято, искаженно и односторонне и в таком виде находят отображение в обобщающих трудах.¹

История Алуанка излагается в тесной взаимосвязи с историей его соседей - Великой Армении и Иверии так как их исторические судьбы имеют много общего. На завоевательную политику иноземных захватчиков эти страны отвечали освободительной борьбой, благодаря которой на Кавказе "подобно персидским и греческим завоеваниям, и римское нашествие нашло здесь предел":²

Предлагаемый труд является дополненным и доработанным вариантом нашей монографии "История страны Алуанк (с древнейших времен по VIII в.)" изданной в Ереване в 2006 г. на армянском языке.

Но прежде чем начать изложение книги, хочу выразить благодарность своим коллегам по отделу "История Армении Средних веков" во главе с академиком НАН РА, доктором исторических наук Р. М. Бартикяном за организации обсуждения монографии и сделанные ими ценных замечаний, которые нашли свои отражения в книге.

Приношу свою глубокую признательность также директору института Истории НАН РА, члену-корреспонденту НАН РА, доктору исторических наук,

¹ Всемирная история, т. I, М., 1956, с. 416-417. Советская историческая энциклопедия, т. I, М., 1961, с. 353-354 и карта "Албания (Кавказская), II в. до н.э. - Хв. н.э." /Там же/.

² Т. Моммзен, История Рима, русский пер. под общей ред. Н. А. Машкина, т. III, М., 1941, с. 109.

профессору Ашоту Агасиевичу Мелконяну за всестороннюю помощь и усердие,
благодаря которым осуществлялось издание сей работы.

Глава I

Обзор источников и литературы

Алуанк в армянских источниках

Ввиду отсутствия алуанской исторической литературы¹, в качестве основных источников выступают армянские. Созданные с V в. они содержат важные сведения главным образом о феодальном Алуанке, но вместе с тем определенную ценность представляют и для истории Алуанка античного периода.

Среди них первым является знаменитый труд Мовсеса Хоренаци "История Армении"², в котором отец армянской истории сообщает сведения об участии алуанцев на стороне армянских царей Тиграна Великого и Артавазда в борьбе против римлян, о политическом и правовом состоянии алуанцев в те далекие времена. Его "История Армении" содержит важный материал для изучения истории армяно-алуанских отношений 30-х гг. IV в. о вторжении и четырехлетнем владычестве северных племен в Алуанке и создании алуанской письменности. В ней впервые в нашей многовековой исторической литературе сделана попытка этимологизации топонимического термина "Алуанк".

Географические границы страны Алуанк, ее административное устройство, гавары, реки и отдельные местности, обусловленные политическими событиями административно-экономические и территориальные изменения отражены в "Ашхарацуице" ("Армянской географии VII в.") Анания Ширакаци, который дошел до нас под именем Мовсеса Хоренаци.³ Это сочинение является бесценным источником, уникальным памятником всемирного значения для изучения истории и географии Великой Армении, Колхиды, Алуанка-Албании и ряда этнических образований, входивших в

¹ Несмотря на достоверные сведения о создании армянским ученым Месропом Маштоцем письма на языке "гаргарейцев" историческая наука еще не располагает ни одним алуанским письменным памятником. Правда, в Мингечауре обнаружены четыре надписи, считавшиеся албанскими и расшифровкой которых занимался А.Г.Абрамян (см. А.Г.Абрамян, *Дешифровка надписей кавказских агван*, Ереван, 1964), однако они даже, если бы и были таковыми, не решают проблему.

² Мовсес Хоренаци, *История Армении* пер. с древнеармянского языка, введения и примечания Гагика Саркисяна, Ереван, 1990 (далее Хоренаци).

³ "Ашхарацуиц" Мовсеса Хоренаци, Венеция, 1881 (на древнеармянском языке, далее "Ашхарацуиц").

Азиатскую Сарматия, а также стран Европы, Ливии /Африки/, Средиземноморья.¹

Благодаря своей источниковедческой ценности оно неоднократно переводилось на другие языки и имело ряд изданий. Кроме того была сделана попытка реконструкции его первоначального текста.²

Анания Ширакаци при составлении своих карт и изложении приложенных к ним объяснений принял за основу данные выдающегося географа и картографа II в. Клавдия Птолемея, однако, при описании своей родины - Великой Армении и соседних с ней стран - Алуанка-Албании и Иверии руководствовался совершенно новыми материалами, благодаря чему в его труде описание Алуанка дано настолько детально, что локализация упомянутых там многих этно-гаваров, рек, населенных пунктов и других географических местностей не представляет особой трудности. "Ашхарацуиц" является также тем единственным источником, в котором сохранились все названия исследуемой страны - "Албания", "Алуанк" и "Ран".

Историк Агантагелос IV в./ повествует о династическом перевороте в Иране и связанных с этим событиях, борьбе армянского царя Хосрова Великого (Трдат II) против Сасанида Арташира (Տառն I) и алуанцах, которые вместе с другими кавказскими племенами участвовали в этой борьбе³.

Другой армянский историк Фавстос Бузанд⁴, сообщая о политических событиях и административных изменениях 60-х годов IV в., подтверждает существовавшее издревле положение, в соответствии с которым границей между Великой Арменией и собственно Алуанком была река Кура. "История Армении" Фавстоса Бузанда содержит ценные сведения об армяно-алуанских отношениях того времени, а также характеризует социальную и экономическую структуру Алуанка, как феодализирующегося общества.

К числу важнейших источников по истории Алуанка относится "Житие Маштоца" Корюна⁵. В нем особенно подчеркивается тот факт, что Месроп Маштоц кроме армянского и грузинского алфавитов создал также алуанскую

¹ С.Т.Еремян, Армения по "Ашхарацуицу", Ереван, 1963, /на арм. яз./.

² С.Т.Еремян, Опыт реконструкции первоначального текста "Ашхарацуица", 1972, N4, с.209-230, 1973, N1, с. 236-252, N2, с. 261-274, (на арм. яз.).

³ Агантагелос, История Армении, научно-критический текст. Г. Тер-Мкртчяна и С. Канаянца, перевод на совр. арм. яз. и коммент. А.Тер-Гевондян, Ереван, 1983 (далее - Агантагелос).

⁴ История Армении Фавстоса Бузанда, перевод с древнеарм. и коммент. М.А.Геворгяна, Ереван, 1953 (далее - Бузанд).

⁵ Корюн, Житие Маштоца, перевод Ш.В.Сибатяна и К. А. Мелик-Оганджяна (В книге "Житие Маштоца", на арм., русс., англ., франц. и немец. яз., Ереван 2005 (далее Корюн).

письменность, благодаря которой были сделаны переводы из священной книги. В повествовании о деятельности армянского просветителя и ученого в Алуанке дается политическая характеристика этого периода, вырисовываются яркие образы алуанского царя Есвагена и епископа Еремии как поборников письменности и просвещения.

Мощному восстанию, поднятому в V в. народами Южного Кавказа и возглавленному Великою Армениею в ответ на захватническую политику Сасанидского Ирана, посвящено историческое сочинение Егише¹. Являясь в основном историей борьбы армянского народа против персидского владычества, сочинение Егише повествует и о восстании в Алуанке, помощи армян алуанцам, сражении объединенных армяно-алуанских войск под общим командованием Вардана Мамиконяна и разгроме персов. Книга Егише содержит важные сведения также и о другом восстании в Алуанке в 457-461 гг., о подавлении его, расправе персидского царя Пероза с восставшими, упразднении алуанского царства и установлении там марзпанского режима.

Историю второй половины того же века излагает и другой автор "золотого века" Лазар Парпеци². В его "Истории Армении" описываются народно-освободительные войны армян 450-451 гг., ассимиляторская политика персов в отношении армянам, алуанцев и иверам, поднятое ими на этой почве восстание 481-484 гг. и заключение в 484 г. договора в Нварсаке. Самой значительной особенностью труда Лазара Парпеци является то, что во всех описанных в ней исторических событиях Алуанк не упоминается отдельно от Великою Армении и Иверии. Повсюду у Парпеци они выступают вместе и в этом ярко проявляется то общее и единое, те исторические нити, которыми были связаны между собой Великая Армения, Алуанк и Иверия.

Для изучения истории конца VI и VII вв. (до 661 г.) первостепенное значение имеет сочинение епископа Себеоса³. Его "История" содержит богатый материал по изучению персидских походов императора Ираклия и ряда исторических событий, произошедших в Алуанке и сопредельных районах во время этих походов. Будучи очевидцем и современником, Себеос в армянской

¹ **Егише**, О Вардане и войне армянской, перевод с древнеармянского акад. И.А.Орбели, Ереван, 1971, (далее - Егише).

² **Лазар Парпеци**, История Армении, Письмо Вагану Мамиконяну, крит. текст Г. Тер-Мкртчяна и Ст.Малхасянца, пер. на совр. арм. яз. и примеч. Б.Улубабяна, Ереван, 1982 (далее-Парпеци).

³ **История епископа Себеоса**, пер. Ст. Малхасянца, Ереван, 1939 (далее - Себеос).

историографии является первым историком, который сообщает о походах арабов в Алуанк.

Из армянских источников для изучения истории Алуанка важнейшим, а в ряде вопросов единственным и незаменимым является "История страны Алуанк". Она состоит из трех книг, из коих первые две написаны историком VII в. Мовсесом Каланкатуацци, а третья - Мовсесом Дасхуранци, жившим в X в. К этому труду, с первых же дней публикации еще с середины XIX в. приковано внимание западноевропейских, русских, армянских, грузинских и азербайджанских исследователей, и этот интерес не ослабевает по сей день. "История страны Алуанк" издавалась неоднократно и переводилась на французский, немецкий, венгерский языки - фрагментарно, на русский, английский, современный армянский - полностью¹. В 1984г. был издан новый русский перевод с научно-критического текста², а в 1985г. полный перевод труда на грузинский язык³.

Данному труду посвящены многочисленные исследования, в которых рассматриваются вопросы о личности автора (или авторов), языке сочинения, историческом материале, его историко-географической основе, сделаны текстологические уточнения и разъяснения. Тем не менее среди исследователей нет единого мнения по многим аспектам историографического и филологического характера, связанных с этим сочинением. Часто в специальной литературе могли встретить неверное толкование тех или иных вопросов.

Так, в частности было, например, высказано мнение о том, что Мовсес Каланкатуацци был "албанским историком"⁴, или "албанским летописцем"⁵, а

¹ Полную библиографию см. Исто́дия страны Алуанк, критический текст и предисл. В. Аракемяна, Ереван, 1983, с. XLIII - XLVIII (на древнеарм. яз.). Рецензия на это издание см. А. П. Новосельцев, Мовсес Каланкатуацци, История страны Алван, История СССР, 1985, N1, с. 186-188. Есть сведения также о турецком переводе (см. М. Зулалян, Вопросы древней и средневековой истории Армении в освещении современной турецкой историографии, Ереван, 1970, с. 52).

² Мовсес Каланкатуацци, История страны Алуанк, пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Ш. В. Смбагыана, Ереван, 1984 (далее - Каланкатуацци). Рецензия на книгу см. Г. С. Связян, Мовсес Каланкатуацци, История страны Алуанк, ВОН, 1986, N1, с. 84-86).

³ Мовсес Каланкатуацци, История страны Алуанк, пер. с древнеарм., предисл., примеч. и указатели Л. С. Давлианидзе-Татишвили, Тбилиси, 1985 (на груз. яз.).

⁴ К. В. Тревер, Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, IV в. до н. э. - VII в. н. э., М.-Л., 1959, с. 4, 182, 188 и сл. Термин "албанский историк" теперь нашел свое твердое место в работах историографического и филологического содержания всех азербайджанских исследователей.

⁵ З. И. Ямпольский, К изучению летописи Кавказской Албании, Известия АН Аз. ССР, 1957, N9, с. 151.

иногда и прямо заявлялось: "Неверным, на наш взгляд, является "твердое убеждение" некоторых ученых в том, что М.Каланкатвацци был армянским историком"¹. Согласно же мнению, высказанному по поводу сочинения Мовсеса Каланкатуацци, "История страны Алуанк" является якобы историей "албанского народа", его политической и социальной жизни и первоначально была написана на гаргарейском языке, затем переведена на армянский язык², а оригинал был уничтожен³. Развивая эту ложную, не имеющую ничего общего с наукой концепцию, "Историю страны Алуанк" стали рассматривать как образец алуанской литературы, в ней "находили" алуанские или удийские слова, тюркизмы⁴, а имена авторов как самого труда Мовсеса Каланкатуацци, так и составляющего его неотъемлемую часть "Плача" - Давтака Кертола, соответственно начали писать в тюркской форме - "Муса Каланкатуикли" и "Девдек" называя последнего также "азербайджанским шехиром"⁵. Однако исследование источников Каланкатуацци выявляет, что при написании своего труда он использовал исключительно армянские источники (Агатангелос, Бузанд, Хоренацци, Егише, Петрос Онеци, послания официального характера, переписку армянских духовных и светских лиц и т.д.) слово в слово переписав из них целые отрывки, из чего можно сделать один, единственный вывод: только армянский историк мог столь широко и свободно использовать отечественную литературу. Армянское происхождение Каланкатуацци доказывается также анализом стиля его изложения. Подобно другим армянским историкам Каланкатуацци использует в своей книге стройную хронологическую систему, согласно которой время, описываемых исторических событий, определяется датами свержения и смерти сасанидских царей или византийских императоров, зачастую приводимыми по армянскому летосчислению, что иногда сопровождается с упоминанием армянских названий месяцев.

Не может быть двух мнений: Каланкатуацци - армянский историк и его "История..." написана в соответствии с принципами, существовавшими в

¹ З.М.Буниатов, Азербайджан в VII-IX вв., Баку, 1965, с. 97.

² З.И.Япольский, К изучению летописи Кавказской Албании, с. 154.

³ З.М.Буниатов, Азербайджан в VII-IX вв. с. 97.

⁴ В.Гукасян, О некоторых вопросах истории албанской письменности и литературы, Известия АН Аз. ССР (серия лит. языка и искусства), 1968, N2, с. 85-101; Его же, Удинские слова в "Истории албан", там же, 1968, N1, с.53-61; Его же "Тюркизмы в истории албан" М. Утицкого. Сб. "Структура и история тюркских языков", М., 1971, с.238-250.

⁵ "Уддуз", Баку, 1971, N6, с.34-36.

армянской историографии и, разумеется, на древнеармянском литературном языке того времени - грабаре.

Попытка подобного "присвоения" предпринимается и в отношении "Плача на смерть великого князя Джуаншира" Давтака Кертола, являющегося неразрывной частью труда. Надуманным представлением о "Плаче", согласно которым это произведение первоначально было написано не на армянском языке и в нем издателями якобы были сделаны сокращения, противопоставляются примеры рукописей и изданий, в которых "Плач" опубликован полностью, и первое слово каждого четверостишия начинается с буквы, написанной в рукописях красными чернилами, а в изданных текстах - заглавной буквой, составляя акrostих из армянского алфавита¹, который вообще непереводим. Представленные факты сводят на нет все усилия исследователей, которые, считая это произведение образцом алуанской литературы, написанным на алуанском (гаргарейском) языке, ищут в нем так называемые "албанизмы"². Ошибочно также предположение о том, что труд не только был переведен с гаргарейского на древнеармянский язык, но и подвергся в силу политических обстоятельств определенным тенденциозным изменениям³. Однако, анализ⁴ соответствующих отрывков рукописей, в которых этими исследователями отмечены "принципиальные" и "существенные" изменения, показывает несостоятельность подобных утверждений. Весьма наглядно прослеживается, что ни сам Каланкатуаци, ни последующие писцы, ни отдельные церковные деятели не имели никакой необходимости вносить какие-либо изменения, что такая идея является плодом научной недобросовестности надуманной и антиисторической.

Исследования показывают, что труд Каланкатуаци является историей Восточных краев Армении, т.е. историей армянских областей Утик и Арцах. В этом не трудно убедиться, обратившись к самой "Истории...". Приступая к

¹ Институт древних рукописей им. Месропа Маштоца (Матенадаран), рук. N2646, 4197; История страны Алуанк, с примеч. издал К. Шахназарян, Париж, 1860, с. 354-359 (на древнеарм. яз.); "Ноян Агавни" ("Ноев голубь"), Константинополь, 1852, N36-37, 58 (на арм. яз.); Зармаи́р Мосеря́нц, Справка о князе Джуаншире и Давтаке ораторе, Цраках., М. 1860, с. 79-83 (на арм. яз.), Подробнее см. Каланкатуаци, с. 208, пр. 142.

² Попытки азербайджанских авторов доказать, что "История страны Алуанк" первоначально была написана не на армянском языке, находят неубедительными и другие ученые (см. А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, А. В. Лерепнин, Пути развития феодализма, М., 1972, с. 43, пр. 76.

³ З. Япольский, К изучению летописи кавказской Албании, с. 153, М. Буниатов, Азербайджан в VII-IX вв., с. 6-7 и далее. Ф. Мамедова, "История албан" Мовсеса Каланкатуаци как источник по общественному строю раннесредневековой Албании, Баку, 1977, с. 28.

⁴ Каланкатуаци, с. 183, пр. 42.

изложению своей "Истории...", Каланкатуаци прежде всего указывает границы описываемой им страны: "от реки Ерасх до крепости Һынаракерт"¹. В этих пределах от реки Куры до крепости Һынаракерта (Хнаракерт), находившейся на правом берегу Куры, были расположены армянские области Арцах и Утик. Данную территорию армянский царь Вагаршак, занимавшийся "устройством запада и севера *"нашей"* (курсив наш - Г.С) страны"² и создавший новые административные единицы, отдал в управление отважному Арану из рода Сисакан. В таком случае, естественно, легендарный Аран мог получить только бесспорно армянские территории. Кроме того, согласно указанным Каланкатуаци границам, изучаемый край не выходит на ту сторону Куры, в то время как упоминаемая греко-римскими географами и историками страна "Албания" находилась к северу от Куры, на ее левом берегу³. Каланкатуаци, так же как и Хоренаци, свидетельствует, что территорию между реками Курой и Араксом населяли армянские племена утиицев, цавдейцев, гардманцев и гаргарцев, происходившие от потомка Айка, сородича Сисака Арана⁴, между тем как в собственно Алуанке проживали 26 разноязычных, пока что неизвестных (за незначительным исключением) племен.

В самом начале "Истории...", указав границы описываемой им страны, Каланкатуаци, как и следовало ожидать, излагает историю на основе событий, происходивших в очерченных им пределах, часто употребляя выражения "мы, жители востока", "восточные жители"⁵, а это дает основание полагать, что автор считал себя и своих соотечественников жителями Восточного края Армении. Однако нашлись исследователи, которые оспаривая реальность этого факта и ссылаясь на то, что Каланкатуаци, применяя отмеченные выражения, ни разу не употребляет выражения "Восточный край Армении", "Восточная Армения" и т.д., выдвигают, якобы "установленное" ими положение о том, что эти понятия будто "осмысливаются в "Истории албан" так, что Албания является восточной окраиной, восточным пределом христианского мира по отношению к Иерусалиму⁶. Да будет известно таким исследователям, что во-первых, Каланкатуаци, как армянскому историку, незачем было особо

¹ Каланкатуаци, с. 25.

² Хоренаци, с. 61.

³ Подробнее - ниже.

⁴ Каланкатуаци, с. 25, Хоренаци, с. 64.

⁵ Каланкатуаци, с. 25и далее.

⁶ Ф.Мамедова, Политическая история и историческом географии Кавказской Албании (III в. до н.э. - VIII в н.э.), Баку, 1986, с. 77.

подчеркивать для себя и своих соотечественников само собою разумеющийся факт того, что он пишет историю восточных краев именно Великой Армении, а, во-вторых, будь они более объективны, нашли бы нужные им выражения. Каланкатуацци, рассказывая о просветительской деятельности первого распространителя христианства в Армении апостола Фаддея, сообщает, что он успел просветить только часть Восточных краев Армении, а остальная же часть досталась святому Григору Лусаворичу (Просветителю). Вот его слова: "Один из учеников Господа,, Фаддей, которому, как мы уже упоминали выше, досталась в удел часть Армени, просвещал некоторые стороны Восточного края, пока не прибыл туда достославный поборник (веры) и триады блаженный Григориос"¹. Яснее, думается, не скажешь: речь идет именно о восточных краях Армении. А объявления о том, что исследуемые выражения в книге Каланкатуацци употреблены для определения географического местоположения Албании по отношению к Иерусалиму, не выдерживают никакой критики. Великая Армения также находилась к востоку от Иерусалима, однако, ни один другой армянский историк не употреблял тех выражений, которые упоминались Каланкатуацци в отношении себя и своих соотечественников, как жителей Восточных краев Армени.

Далее: в труде содержится множество примеров того, что для Каланкатуацци живущие "по эту сторону" реки Куры были своими, которые непрерывно подвергались нашествиям северных племен "с той стороны" Куры.

Кроме того, в "Истории страны Алуанк" упоминается большое число областей, гаваров, сел и поселений, где в основном происходили описываемые исторические события. Локализация упомянутых в книге географических местностей, не переходящих на ту сторону Куры², не оставляет сомнений в том, что Каланкатуацци написал историю Восточного края Армении, историю территории между реками Кура и Аракс, а именно - историю Утика и Арцаха.

Таким образом, Каланкатуацци бесспорно был армянским историком, свой труд написал на своем родном литературном языке - грабаре и излагал историю, как уже отметили, армянских областей Утика и Арцаха, на общей канве истории Армении. На основе сказанного можем констатировать что изложенная им история является органической частью истории Армении и

¹ Каланкатуацци, с. 35.

² Г.С.Связян, Понятие "Страна Агванк" в сочинении Мовсеса Каланкатуацци, ВВА, 1973, N1, с. 231-233 (на арм. яз.).

следовательно абсолютно несостоятельны антинаучные концепции некоторых исследователей о национальной принадлежности Каланкатуаци и о языке и содержании "Истории", в целом считающих этот труд образцом несуществующей алуанской литературы.

Описывая в основном исторические события, имевшие место в этих областях, сочинение Каланкатуаци, наряду с "Ашхарацуицем", содержит подробные сведения о гаварах, городах, селениях, орографии, гидрографии и полезных ископаемых этих двух армянских областей - Утика и Арцаха - и этим в значительной степени дополняет сообщения других наших историков - Хоренаци, Парпеци, Бузанда, Егише и др. В этом труде особенно ярко проявилось то, что даже в составе Алуанского марзпанства Арцах вместе с Утиком продолжали самостоятельную политическую жизнь во главе с собственными князьями Араншаһиками. Именно в связи с историей этих гаваров в составе Алуанского марзпанства Мовсес Каланкатуаци сообщает ценные сведения об исторических событиях Собственно Алуанка, благодаря которым подтверждаются идентичные данные других армянских источников, отклонения же делают наглядными те социальные, политические и экономические изменения, которые неизбежны вследствие закономерного развития общественной жизни.

Сочинение Мовсеса Каланкатуаци является единственным, незаменимым источником сведений о политической, социально-экономической, строительной и культурной деятельности армянского княжеского дома Араншаһиков и пришедшей им на смену династии Муһранидов.

Труд Каланкатуаци причисляется к наилучшим историографическим трудам армянской исторической литературы не только из-за содержащихся в нем сведений о местностях и событиях, происходивших на территории Арцаха, Утика и собственно Алуанка, но и благодаря материалам об Иверии, народах и племенах Северного Кавказа (в особенности о хазарах, их быте и даже антропологическом типе), Сасанидском Иране, Византии и Арабском халифате.

Таким образом, "История страны Алуанк" по своему источниковедческой ценности выходит за узкие локальные рамки и, становясь ценным источником для изучения различных аспектов истории названных стран и народностей, приобретает значение "вселенской" истории.

Историк Гевонд изложил историю VII-VIII вв., а именно с 620-х по 780-е годы¹. Его повествование охватывает период арабского нашествия их столетнего владычества и является лучшим источником того времени. Гевонд отличается от других армянских историков тем, что уделяет большое внимание внутренней жизни Великой Армении, Алуанка и Иверии. Его описание налоговой политики арабов в этих странах оставляет потрясающее впечатление. Параллельно историк сообщает ценные сведения об объединенном восстании этих стран против арабского владычества, вторжении хазар, арабо-хазарских отношениях и участии в них указанных стран, назначении новых правителей над последними и другие подробности.

Иованнес Драсханакертци (IX-X вв.)² епископ Ухтанес (вторая пол. X в.)³, Степанос Орбелян (XIII в.)⁴ сообщают сведения об алуанской церкви, ее связях с армянской церковью, конфессиональных спорах или идеологической борьбе того времени.

Сведения об Алуанке содержатся также в трудах Асохика (X-XI вв.)⁵ Киракоса Гандзакеци (XIII в.), Мхитара Аириванеци (XIII в.) и других⁶.

¹ История халифов Вардагета Гевонда, писателя VIII в. Пер. с армянского К. II. Патканяна, СПб, 1862 (далее Гевонд).

² Иованнес Драсханакертци, История Армении, пер. с древнеарм., вступительная статья и коммент. М.О.Дарбинян-Меликян, Е., 1986 (далее - Драсханакертци).

³ Епископ Ухтанес, История Армении, Вагаршапат, 1871 (на древнеарм. яз, далее Ухтанес).

⁴ Степанос Орбелян, История Сюника, Тифлис, 1910 (на древнеарм. яз, далее Орбелян).

⁵ Всеобщая история Степаноса Таронского Асохика по прозванию, переведена с армянского и объяснена Н.Эмином, М., 1864, (далее - Асохик).

⁶ См. список литературы.

Алуанк в греко-римских и в других иноязычных письменных источниках

Греко-римские источники

Впервые албанцы появляются на исторической арене в конце IV в. до н.э., когда они, объединенные в племенные союзы, приняли активное участие в сражении при Гавгамелах (331 г. до н.э). Об этом свидетельствует историк II в. н.э. Флавий Арриан, который в своем труде "Поход Александра", повествуя о борьбе Александра Македонского с персидским царем Дарием III, сообщает, что против македонян на стороне последнего Ахеменίδα сражались также алуанцы, занявшие важные военно-стратегические позиции¹.

Сообщения Арриана свидетельствуют как о степени общественного развития алуанских племен, так и об их политической зависимости от Ахеменидов.

Об Алуанке, достигшем уровня государственного образования, сообщает Страбон (63 г. до н.э. - 20 г.н.э.). Ему принадлежат ранние и наиболее ценные по полноте и подробностям сведения об Алуанке. Он написал труды исторического и географического характера, из коих до нас дошел только труд в 17 книгах под кратким заглавием "География"². Этот, содержащий интересующие нас сведения, труд, в основном является результатом собственных наблюдений. Вместе с тем, описывая Великую Армению и весь регион, Страбон широко использовал труды как предшественников (Эратосфен, Посидони́, Патрокл и др.), так и современников (Феофан Митиленский, Демий, Митродор Скенсийский, Гипсикрат и др.), однако значительное место уделит также сведениям современников и очевидцев³. В частности, при описании Алуанка, Страбон использовал сведения тех, "кто совершил поход в эту сторону, рассказывая об их (алуанцев - Г.С.), так сказать, "киклоповском" образе жизни⁴. Здесь географ имел в виду участников Кавказского похода Помпея и, в первую очередь, его друга и соратника Феофана Митиленского, который сопровождал Помпея и тем самым" был в

¹ **Арриан**, Поход Александра, пер. с древнегреческого М.Е.Сергеевко, М. - Л., 1962, III, 4; II, 4 (далее - Арриан).

² **Страбон**, География в 17 книгах, пер., статья и комментарии Г.А.Стратановского, Л., 1964 (далее - Страбон).

³ О страбоневскх источниках по истории Алуанка, см. Г.С.Связян, Источники Страбона о Кавказской Албании. ИФЖ, 1978, N 1, с. 95-104 (на арм. яз.).

⁴ **Страбон**, XI, IV, I.

"стране албанцев"¹. Иначе говоря, в основе сообщений Страбона о политической истории, социально-экономической жизни и географии Алуанка лежат записи очевидца и военного деятеля². Используя такие источники, Страбон с большой точностью показывает границы Алуанка и яркими красками описывает его природные условия, этнический состав, обычаи, быт, язык, войско, степень и род его вооруженности, рассказывает бытовавших там жертвоприношениях и других культовых обрядах. Сообщения Страбона дают исследователю широкие возможности для изучения проблемы государственного строя и храмового хозяйства страны.

Согласно сообщениям Страбона, алуанцы в его время (I в. до н.э. - I в.н.э.) находились на низком социальном и экономическом уровне развития. По его словам, они "больше привержены к скотоводству и стоят ближе к кочевникам"³, "землей не пользуются по ее достоинству", ведут "киклоповский" образ жизни, пахут землю деревянной сохой⁴, "у них обьмно нет в употреблении чеканной монеты, и, не зная числа больше 100, они занимаются лишь меновой торговлей... Точные меры и вес им неизвестны. К вопросам войны, государственного устройства и земледелия они относятся беззаботно"⁵ и т.д. Исходя из этих сообщений Страбона, исследователи справедливо заключили, что Алуанк своим социальным и экономическим развитием отставал от соседей - Великой Армении и Иверии. Такое заключение некоторым исследователям показалось неверным и для устранения этого "несоответствия" они выдвинули мысль о том, что в основе страбоновских сообщений о примитивном уровне социальной и экономической жизни Алуанка лежат якобы материалы путешествия Патрокла (283-282 гг. до н.э.) - селевкидского военачальника и правителя восточной части державы в Бактрии, которые, отражая картину социальной и экономической жизни III в. до н. э., не могут характеризовать Алуанк и его население периода Страбона⁶. Однако, детальное исследование сообщений греческого автора об алуанцах и соседних с ними народах приводят к

¹ Там же, XI, V, I.

² Г.С.Связян, Источники Страбона..., с. 95-104.

³ Страбон, XI, IV, I.

⁴ Там же, XI, IV, 3.

⁵ Там же, XI, IV, 4.

⁶ К.В.Тревер, Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э. - VII в. н.э., М-Л, 1959, с. 9 и сл.; К.Алиев, К вопросу об источниках Страбона в описании древней Кавказской Албании, ДАН, Аз. ССР, т. XVI, 1960, с. 419-422; Его же, Кавказская Албания (I в. до н.э. - I в. н.э.), Баку, 1974, с. 6-8. И.А.Бабаев и С.М.Казиев, Кабалинский клад монет эллинистической эпохи ("Эпиграфика и нумизматика", IX, 1971, с. 17).

убеждению, что кроме указанных им самим некоторых незначительных материалов, заимствованных через Эратосфека, он не использовал каких-либо сведений, связанных с изучаемой страной, из данных сомнительного путешествия Патрокла. Анализ источников соответствующей главы "Географии" безоговорочно показывает, что сведения Страбона характеризуют почти всю страну и ее население на рубеже старой и новой эры¹.

Страбон также был первым из античных авторов, который использовал названия "Албания" и "албанцы".

Обращаясь к сведениям Страбона, тем не менее, необходимо учитывать то обстоятельство, что в некоторых сообщениях использованных им источников он часто делал сокращения и купюры, что привело к возникновению противоречий и неточностей. Необходимо также отметить, что последующие античные авторы, за редким исключением, обращаясь ко многим вопросам истории Алуанка и окружающих его народов, уже повторяли Страбона.

Бесценный материал о политической истории Алуанка I в. до н.э. содержится в сочинении Плутарха "Сравнительные жизнеописания"². Здесь греческий автор изложил биографии выдающихся государственных, политических и военных деятелей Греции и Рима, в ходе изложения приводя интересные сведения о взаимоотношениях Албании и Рима. Из них следует, что алуанцы впервые в истории столкнулись с римлянами, сначала сражаясь против них в составе армии Тиграна Великого, и лишь потом, в связи с походом Помпея в Алуанк, вступили в непосредственные контакты с ними. В труде Плутарха находят свое живое воплощение походы Помпея в Армению и в Закавказье, его битвы с алуанцами, поражение последних и установление владычества Рима в Алуанке. Он пишет об алуанских войсках, роде войск, их количестве и вооружении, приводит имя их военачальника (Косий) и описывает его бой с Помпеем. Историк с большим воодушевлением перечисляет военную добычу, многочисленных родовитых пленных и среди них, в качестве заложников, отмечал алуанских и иверийских князей, выставленных Помпеем во время триумфального шествия в Риме. Плутарх описал также походы Антония и его полководцев на Восток, в частности, в страну алуанцев. В этих описаниях Алуанк представляется как страна, которую еще предстояло завоевать. Это

¹ Г.С.Связан, Источники Страбона..., с. 95-104.

² Плутарх, Сравнительные жизнеописания, т. I-III, М., 1961-1964 (далее - Плутарх).

серьезный факт, свидетельствующий о том, что после ухода Помпея Алуанк снова стал независимым и самостоятельным.

Плутарх затрагивает также ряд вопросов о границах, географии и природных условиях Алуанка. Благодаря его сообщениям становится очевидным, что уже до нашей эры алуанцы имели государство во главе с царем.

Современниками Страбона и Плутарха являются Тит Ливий, Валле́й Патеркул и Юли́й Фронтин, которые упоминают Алуанк и алуанцев также в связи с походами Помпея. В отличие от тех авторов, согласно которым алуанцы приняли Помпея с распростертыми объятиями, Тит Ливий отмечает, что, алуанцы и иверы, напротив, сопротивлялись, и Помпе́й, преследуя Митридата Понтийского, был вынужден с боями пробивать себе дорогу¹.

Га́й Валле́й Патеркул в своем сочинении "Римская история" утверждает, что Помпе́й со своей победоносной армией вторгся в Мидию, Алуанк и Иверию², а Юли́й Фронтин в книге "Военные хитрости" рассказывает о той военной тактике, применение которой принесло Помпею победу над алуанцами³.

В связи с походами Помпея, серьезные и весомые сведения об алуанцах сообщает греческий автор II в. Анпиан⁴. XII книгу своего обширного труда по римской истории "Митридатовы войны" он посвятил описанию войн римлян против Митридата Евпатора, сообщая при этом важные сведения.

Повторяя известное сообщение Плутарха о том, что якобы алуанцы в начале разрешили Помпею пройти через их страну, а затем напали на него, он добавляет интересные подробности о военных качествах алуанцев и их технике ведения боя. Из его повествования выясняется, что в битве с Помпеем алуанцы имели своих союзников. Дополняя Плутарха, Анпиан сообщает, что во время продолжавшегося два дня триумфального шествия Помпея демонстрировались три иверийских и два алуанских военачальника, а на проносившихся досках в числе царей, побежденных Помпеем, значился и царь Алуанка Оро́йс.

Заслуживающие внимания события истории Алуанка первых веков нашей эры описаны Иосифом Флавием и Публием Корнелием Тацитом. Грекоязычный

¹ Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, собрал и издал с русским переводом В. В. Латышев, Т.П., СПб., 1904, с. 50-51.

² Там же, с. III.

³ Там же, с. 229.

⁴ Там же, т. I, вып. 2, СПб., 1896, с. 526-539.

еврейский историк в своем труде "Иудейские древности"¹ повествует о вовлечении иверов и алуанцев в антипарфянскую борьбу императора Тиберия (14-37 гг.), а выдающийся римский историк Корнелий Тацит в своих сочинениях "История" (написанных в 110 г.) и "Анналы" (в 117 г.)² сообщает сведения об исторических событиях 14-66 гг., благодаря которым становятся известными такие подробности этого периода истории Алуанка, как совместная борьба иверов и алуанцев против парфян, их боевое превосходство над ними, решение о борьбе грузинского царя Фарнаваза против алуанцев с помощью римлян, сопротивление его брата этому, со всеми вытекающими отсюда последствиями и другие подробности.

Сообщения Тацита, за редкими исключениями, вполне достоверны и надежны.

Дион Кассий³, который жил и творил во второй половине II в. и начале III в., написал объемистый труд под заглавием "Римская история", в котором описываемые события, начиная с древнейших времен истории Рима, доведены до 229 г. К сожалению, большая часть этого труда, состоящего из 80 книг, утеряна и до нас дошли лишь 24 книги (XXXVI-LX), а также отдельные отрывки, но даже эти уцелевшие части, связанные с походами Помпея, содержат подробные сведения по истории Алуанка. Историк самым детальным образом повествует о Кавказских походах Помпея, его зимовке на берегу Куры, нападении алуанцев и их тактике, построении войск и применяемой Помпеем военной хитрости, поражении алуанского царя и заключении договоров с рядом кавказских племен и других событиях.

Дион Кассий является первым автором, который сохранил и довел до нас имена двух алуанских царей - Оройс и Зобер. Он описывает поход полководца Антония Кандидия Красса в Иверию, затем в Алуанк, сообщает о поражении этих стран, их становлении "союзником и другом римского народа", совершаемых аланами походах в Алуанк при подстрекательстве грузинского царя Фарнаваза и их последствиях.

¹ *Известия древних писателей*, т. I, вып.2, с. 482-485. См. также в книге "Иосиф флавий, Дион Кассий, пер. с оригинала, предисловие и примечание С.М.Крисяряна", Ереван, 1976, на арм.яз. (далее - Иосиф флавий, Дион Кассий).

² *Корнели Тацит*, Сочинения в двух томах, Л., 1969 (далее Тацит).

³ *Известия древних писателей...*, т. I, вып. 3, с. 609-623. См. также в книге Иосиф Флавий, Дион Кассий, *Dio's Roman History with an English translation by Earnest Cary*, in nine volumes, (далее - Dio).

Дион Кассий изложил свою историю, приукрашивая и искажая исторические события, стремясь восхвалить римлян и унижить зависимые народы.

Для изучения истории Алуанка наряду с сочинением Страбона важное значение имеют труды географического характера, которые дополняют и делают целостным сведения других источников как о внешне, так и внутривосточной жизни, географическом положении, границах, городах и реках Алуанка.

Римский автор I в. Плиний Старший оставил сочинение энциклопедического характера "Естественная история"¹. Плиний является правдивым и критически относящимся к своим источникам автором. Его сведения внушают доверие. В соответствии с заглавием своего труда, он наряду со многими данными, относящимися к разным сферам научных знаний античности, показывает естественные границы Алуанка, сообщает название ее главного города или столицы - Кабаласа. /Cabalasa/, упоминает ряд кавказских племен и старается внести ясность в понятия "Каспийские" и "Кавказские" ворота. Он перечисляет реки страны /Кас, Албан, Камбечан/, отмечая, что они берут свое начало в Кавказских горах и, протекая по территории Алуанка, впадают в реку Куру. Его сведения способствуют уточнению некоторых географических названий этого региона. Ту часть Каспийского моря, куда впадает р. Кура, он называет "албанским" по имени алуанцев, обитавших на его западном берегу.

Тем не менее в этом весьма ценном труде Плиния встречаются определенные ошибки и противоречия. Например, он считал, что Алуанк также был завоеван Александром Македонским, в то время как известно, что не только Армения и Иверия, но и Алуанк не подчинялись македонянам. Он питал большую веру в мифы и фантастические явления, вследствие чего происхождение алуанцев связывал с легендарным Ясоном и уверял, что в Алуанке

¹ Известия древних писателей..., т. II, с. 167-200. Pliny, Natural History in ten volumes, London, 1950-1962.

люди рождаются с серо-синим глазами, с детства белокурые, хорошо видящие по ночам и т.д.

О географическом местоположении Алуанка ценные сведения сообщают Клавдий Птолемей /83-168 гг./. После Страбона он первый автор, который приводит подробнейшее описание интересующей нас страны и тщательно обозначает ее географические границы.

Клавдий Птолемей в своем известном "Географическом руководстве" целую главу (11-ую 5-ой книги) посвятил описанию Алуанка¹. Здесь и в описанной в ней третьей карте Азии, заключавшей "Колхиду, Иверию, Албанию и Великую Армению"², автор показывает, что Алуанк простирался вдоль западного берега Каспийского моря от устья реки Куры до реки Соаны на севере. Он говорит об "албанских воротах" (albanus puae) упоминает 29 алуанских городов и сел, перечисляет ряд рек и горных проходов.

Интересные сведения о самых разнообразных вопросах истории Алуанка, происхождении его жителей, их этно-племенных образованиях и отдельных качествах сообщают Дионисиус и его комментатор Евстафий, Помпей Трог, отдельные фрагменты труда которого дошли до нас благодаря автору III в. Юниану Юстину, Помпонию Мела, Евсевию, Флор, Юлий Солин, пытавшийся первым объяснить название "Албания", Аврелий Виктор, Руф Фест и другие. Клавдий Элиан (конец II в. - начало III в.) в своем сочинении "О животных", которое дошло до нас фрагментарно, описывает животный мир прикаспийских стран. В нем автор сообщает ценные сведения о ряде промыслов: получение из рыбьего жира мази, а из требухи - клея, изготовление одежды из шерсти верблюда, а также о продаже сушеной и соленой рыбы, которую каспы доставляли на верблюдах до Эббатаны и других мест. Он был одним из первых авторов, упоминание которого о жрецах, богатых и знатных людях позволяет составить представление о расслоении общества Алуанка и существовании в нем разных социальных прослоек³.

¹ Известия древних писателей..., т. 1, вып. 1, с. 242-243. Посвященная Алуанку глава издана в новом переводе и исследована С.Н.Муравьевым (см. Птолемея карта Кавказской Албании и уровень Каспия, ВДИ, 1983, N1, с. 117-147). Выказано также мнение, что карта Птолемея отражает географическую картину Алуанка не его эпохи, т.е. II в., а VII-VIII вв. (см. С.А.Ковалевский "Карта Птолемея" в свете исторической географии Прикаспия, ИВГО, 1953, т. 85, вып. 1, с. 31-48). Автор до того как придти к такому неверному заключению, допускает грубые ошибки в вопросах территории и политических взаимоотношений Алуанка и Великой Армени.

² Известия древних писателей..., т. 1, вып. 1, с. 247.

³ Известия древних писателей..., т. 1, вып. 3, с. 605-608.

В IV в. шестью авторами был составлен сборник истории римских императоров. Он известен под заглавием "Писатели истории Августов" и, хронологически охватывая 117-284 гг., содержит биографии римских императоров - от Адриана до Нумериана. Однако из них только в биографиях императоров Адриана (Эли́и Спартиан), двух Валерианов (Юли́и Капитолии) и Аврелиана (Флави́и Вописк) упоминаются "Албания" и "албанцы"¹. В указанных трудах Алуанк представляется как страна зависимая и подчиненная герою соответствующей биографии.

Материалом для книги автора IV в. Аммиана Марцелина послужила история войн двух крупных держав, стремившихся достичь гегемонии в Передней Азии². Автор является или непосредственным участником описанных в ней событий, или же записал их со слов другого очевидца и участника. Его сообщения показывают, что в эти войны были невольно вовлечены также армяне, алуанцы и иверы. Аммиан Марцелин наряду с основным материалом излагает интересные фрагменты из коих следует, что страна Алуанк, в частности, была подчинена Сасанидскому Ирану и выступала в этих войнах на стороне последнего. Вместе с тем выясняется, что в изучаемое время престиж Алуанка при персидском дворе был настолько велик, что войску была доверена осада северной части крепостных стен окруженного города Амид.

Грузинские источники.

Для изучения истории Алуанка важное значение имеют также грузинские источники. Несмотря на то, что их сведения весьма скудны и приводятся в той степени, в какой они связываются с Иверией, тем не менее они способствуют исследованию тех или иных вопросов истории Алуанка, делают ясными и понятными некоторые исторические события, выявляют их причинно-следственные связи. В этом отношении выделяются исторические труды Арсена Сапараци (IX в.), Леонтия Мровели (Ру́йсеци), Омбата Багратуни, Анонима, Джуаншира (все - XI в.) и других³. Из них Леонтий Мровели приводит

¹ *Scriptores Historiae Augustae*, vol. I, 1960, p. 67; vol. III, 1965, p. 7, 277.

² Аммиан Марцелин, пер. с латинского Ю. Кулаковский и А. Сонни, вып. 1, Киев, 1906; вып. II, Киев, 1907; вып. III, Киев, 1908, (далее Аммиан).

³ Карлис Цховреба, подготовил к изданию по всем основным рукописям проф. С. Г. Каухчишвили, т. 1, Тбилиси, 1955, т. II, Тбилиси, 1959 (далее - КЦ), Е. С. Такашвили, Источники грузинских летописей, Три хроники, Сборник материалов местностей и племен Кавказа (далее СМОМК), вып. 28, Тифлис, 1900. Л. М. Меликсет-Бек, Грузинские источники об Армении и армянах, т. 1, (V-

предание о происхождении народов, в том числе и ранов-алуанцев, выводя всех их от одного предка - Торгома¹.

Другой грузинский историк Смбаг Багратуни рассказывает о походе византийского императора Ираклия против Ирана и в этой связи - о крещении им Михрана Вараз-Григора (у грузинского историка - Гагели) в халкедонистскую веру, о назначении его князем Восточного края Армении, в то время называемой Алуанком, и тем самым превращение его в союзника против Ирана².

Арабские источники.

Арабские историки, географы и путешественники сообщают интересные сведения об Алуанке и вообще кавказских народностях и племенах, о политике, проводимой здесь персами и арабами, походах хазар и строительстве оборонительных укреплений, предназначенных воспрепятствовать этим вторжениям. Они подробно говорят о торговых связях страны и экспортируемых товарах, о торговых путях, караван-сараях, городах, расстояниях между ними и, наконец, размерах налогов, взимаемых с Армении, Алуанка и Иверии. В арабских источниках примечательно то, что в них в качестве географического названия выступает "Аран", причем неоднозначно, как в широком, так и узком смысле. В первом случае имелась в виду вся территория бывшего Алуанского марзпанства - от Кавказских гор до реки Араке, а во втором - для указания территории между Курой и Араксом. Поэтому при использовании арабских источников необходимо в каждом конкретном случае выяснить какую территорию имеет в виду арабский автор при использовании термина "Аран". Арабские авторы первыми вместо прежнего названия собственно Алуанка для обозначения той же территории используют название "Ширван", тем самым подчеркивая те административно-политические изменения, которые произошли в этой стране.

Сочинения арабских авторов Баладзори (IX в.), Ал-Истахри, Ибн -ал-Факиха, Ибн-Хордадбега, ал-Мукаддаси, Ибн-Хаукаля (все -X в.), Якут ал-Хамави,

XII вв.); Ереван, 1934, т II, (XIII-XVIII вв.), Ереван, 1936, (на арм.яз.). Краткая история Грузии, написанная историком Джуамширом, Венеция, 1884, (на арм.яз., далее - Джуаншир).

¹ КЦ, т 1, с.3.

² Там же , с. 375, Е.С.Такашвили, Три хроники, СМОНК, вып. 28, с. 127-128.

Ибн ал-Аспра (оба - XIII в.) и др. использованы в русском и армянском переводах Н. А. Караулова, П.К.Жузе, Б. Халатянца, А.Т.Налбандяна и А. Тер-Гевондяна¹.

Византийские и сирийские источники.

Начиная с VI в. к числу первоисточников по истории Алуанка прибавляются труды византийских и сирийских авторов. Их значение как первоисточников, заключается не только в сообщениях об Алуанке, но и о персидско-византийских отношениях, в которых развивалась история Алуанка. С этой точки зрения из византийских авторов достойны внимания труды Прокопия Кесарийского², Феофилакта Симокатты³, Петра Патриция (или Магистра), Феофана Византийского⁴. Из византийских историков Алуанку и алуанцев упоминает Менандр⁵. Это упоминание связано с возобновлением персидско-византийских войн (70-е гг. VI в.), и повествует о вторжении византийских войск в Алуанку, его завоевании и взятии заложников.

Сирийские источники в основном говорят о персидско-византийских отношениях (V-VI вв.). Историки Иовша Стилит, Мшиха Зеха, Иованн Эфесский дают широкое представление о политике персов по отношению к христианам, войнах Пероза, внутренних и внешних осложнениях и других событиях. Благодаря им выясняются экономические, социальные и политические причины, заставившие шахиншахов предоставить зависимым странам, в том числе Великой Армении, Алуанку и Иверии, самостоятельность и восстановить наследственные права родовой знати⁶. Из сирийских историков Захарий Митиленский по прозвищу Ритор, в своем сочинении "Хронография"⁷ упоминает Алуанку под названием "Аран" как страну в Армении с христианским населением и подчиненным Сасанидскому Ирану царем.

¹ Н.А.Караулов, Сведения арабских писателей о Кавказе Армении и Азербайджане, СМОМК, вып. 29, Тифлис, 1901, вып.31, Тифлис, 1902, вкл.32, Тифлис, 1903, вып.38, Тифлис, 1908; Баладзори, Книга завоевания стран, пер. П.К.Жузе, Баку, 1927 (далее - Баладзори). Арабские историки об Армении, собрал и перевел Б. Халатянц, Вена, 1919 (на арм. яз., далее - Арабские историки). Арабские источники об Армении и сопредельных странах составил А.Т.Налбандян, Ереван, 1965 (на арм. яз.) (далее - Арабские источники), Ибн ал-Аспр, перевод с оригинала, предисл. и прим. А.Н.Тер-Гевондяна, Ереван 1967 (на арм.яз., далее - Ибн ал-Аспр).

² Прокопий Кесарийский, О войнах, пер. с оригинала, предисл. и прим. Р. М. Бартикяна, Ереван, 1967 (на арм. яз., далее - Прокопий),

³ Феофилакт Симокатта, История, пер. С.П.Кондратьева, М., 1957 (далее - Феофилакт Симокатта).

⁴ Византийские историки, пер. С.Дестуниса, СПб., 1860, с. 281-309; 491-495 (далее - В. И.).

⁵ Менандр, История, ВИ, с.313-470.

⁶ Сирийские источники, пер. с оригинала, предисл. и примеч, Г.Г.Мелконян, Ереван, 1976 [на арм.яз.).

⁷ Захария Митиленский (Ритор) Хронография, Сирийские источники, с. 259-317, (далее - Захарий Митиленский).

Алуанк в лапидарных надписях и археологических материалах

Сам факт существования лапидарных надписей в исследуемой стране освещает ряд вопросов, представляющих определенную важность для истории Собственно Алуанка.

В июне 1948 г. у подножья горы Бююк-даш, недалеко от Баку, в Кабристане была найдена пока что единственная на этой территории латинская надпись. Изданием и изучением надписи занимался ряд исследователей¹, которые выяснили, что она была оставлена центурионом XII римского легиона Фульмината (Fulminatio - Молниеносный) Лукием Юлием Максимусом в период правления императора Домиция (81-96 гг.). Упомянутый легион имел свою постоянную стоянку в Сирии и при необходимости участвовал в событиях, происходящих в самой Сирии, Малой Азии и Закавказье. Поэтому нахождение легиона, или вернее, одного из его отрядов в Алуанке свидетельствует о римском политическом влиянии и дает возможность выяснить некоторые аспекты истории Алуанка 80-90-х гг.

Надписи с упоминанием страны "Алуанк" и его жителей найдены также и вне ее территории. Одной из них является надпись, обнаруженная в 1555 г. на стенах храма, некогда главного города Галатии - Анкоре², оставленная римским императором Октавианом (Августом). Надпись, состоящая из 35 глав и трех частей на латинском языке (в греческом переводе) была высечена в последние годы жизни императора и представляет собой отчет о его политической деятельности, являясь своеобразным завещанием. В части отражающей внешнюю и внутреннюю политику императора (25-35 главы), упоминаются алуанцы, которые вместе с иверами, марами (индийцами), некоторыми кавказскими и причерноморскими племенами пытались установить

¹ И.М.Джафарзаде, Древнелатинская надпись у подножья горы Бююк-даш, ДАН, Аз.ССР, т. IV, (1948), N7, с. 304-311; ; П.Х.Тумбиль, Римская надпись I в н. э., обнаруженная в пределах Азербайджана (Кабристан), там же, с. 312-313; Л.Хачикян, Несколько замечаний по поводу 54 главы второй книги истории Армении М.Хоренского (по поводу латинской надписи, найденной в Азербайджане), Известия АН АрмССР (общ. науки), 1948, N11, с.91-97 (на арм. яз.); Е.А.Пахомов, Римская надпись Iв н.э. и легион XII Фульмината. Известия АН Аз.ССР, 1949, N1, с. 7988; Л.А.Ельницкий, Северочерноморские заметки. Римляне у Каспийских ворот, ВДИ, 1950, N 1, с. 193-194; З. Ямпольский, К римской надписи в Азербайджане, Известия АН Аз. ССР (серия общ. науки), 1919, N 1, с. 89. Его же, Вновь открытая латинская надпись у горы Бююк-даш (Азербайджанская ССР), ВДИ, 1950, N 1, с. 177-182. К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 342-345.

² Деяния божественного Августа, ВДИ, 1949, I, с.214.

дипломатические отношения с Римом¹. В этой надписи нашло свое отражение то новое в политике Рима в отношении Алуанка, которое заключалось в установлении дипломатических отношений с целью ослабления тыла Армении.

Недалеко от Персеполя на древнем (ахеменидском) строении Кааба-и-Зардушт в ущелье Накш-и-Рустем во время раскопок 1936 и 1939 годах была найдена надпись, которую в III в.н.э. оставил Шапух I (242-272 гг.). Она высечена на трех языках - пехлеви́йском, греческом и среднеперсидском, и является исторически важным документом о походах и победах Шапуха I во владениях Римской империи и в Закавказье. В связи с этим упоминается также Алуанк как подвластная Сасанидскому Ирану страна, наряду с Амропатэно́й, Велико́й Армение́й и Иверие́й².

Исторически собственно Алуанк занимал ту часть Азербайджанской Республики, которая почти соответствует территории распространения культуры, известной под названием "Яло́лутепинской". Эта археологическая культура своим названием обязана местности Яло́лутепе Куткашенского района Азербайджана, где археологи впервые открыли грунтовые погребения с сильно скорченными человеческими останками, характерными для этой культуры. Ее граница проходит на западе по Алазанской долине в пределах Кахетии, а на востоке подходит вплотную к р. Джебранкачмаз, т.е. почти до Апшеронского полуострова. Северной границей данной культуры являются юго-восточные отроги Главного Кавказского хребта, а южной - р. Кура³. Так что социально-экономическая история страны Алуанк бесписьменного периода в основном изучается на материалах Яло́лутепинской культуры. Последние дают исследователям возможность с достаточной ясностью определить тот социально-общественный строй, при котором жили племена населяющие эту страну, показать их занятия, обычаи и быт, их мировоззрение и верования. Изучение Яло́лутепинской культуры позволяет также выяснить вопрос

¹ Там же, с.214-215

² Recherches sur Les Res Geestae divi Saporis par Ernest Honigmann et Andre Maricq, Brusell, 1953, p.10-20; Andre Maricq, Res Geestae divi Saporis, Syria, t. XXXV, Paris, 1958, p. 304-337; К.В.Тревер, Очерки по истории...Албании, с. 135; С.Т.Еремян, Страна Махелония, надписи Кааба-и-Зардушт, ВДИ, 1967, N4, с.47; Р.Фрай, Наследие Ирана, М., 1972, с. 295.

³ О.Ш.Исмизаде, Яло́лутепинская культура, Баку, 1956, с.3.

аборигенности его носителей, их расселение и плотность в пределах этой культуры, их связи с соседними племенами, а также другие подробности, начиная с середины первого тысячелетия до н.э.¹

Продолжающиеся в Ялоулутепе археологические раскопки раскрывают новые свидетельства об истории исследуемой страны.

Раскопки, проводимые на Апшеронском полуострове и, в особенности, вблизи Баку², открыли древнейшие гробницы с человеческими останками и погребальным материалом, вполне определенно свидетельствующие о заселенности этого региона Кавказа с древнейших времен и способствующие исследованию социально-экономической жизни местного населения. Об этом, а также о животном мире страны, технике охоты, оседлом земледелии и скотоводстве, использовании животных в домашнем хозяйстве, религии, верованиях и других областях говорят наскальные изображения /рисунки людей, животных, разные знаки, сцены и др./, разнообразные фигурки, статуетки, узоры на керамике и другие археологические материалы, обнаруженные на территории будущего Алуанка³.

Гробницы с явными признаками новых ритуальных захоронений, свидетельствуя о проникновении с северо-восток пришлых племен одновременно показывают этническую пестроту населения⁴.

Важным и бесценным источником являются предметы материальной культуры, обнаруженные при раскопках в Мингечауре, находящейся на стыке Великой Армении и Собственно Алуанка. Эти материалы в равной мере способствуют освещению ряда вопросов не только указанных стран, но и племен Кавказа.

Раскопки Мингечаура ведутся с 1946 г.¹ Здесь четко выявляются разные этапы развития культуры, начиная с неолита до позднего средневековья². В

¹ **Е.А.Лалаян**, Раскопки ос. Нидж и Варташен Нухинского уезда, "Известия Кавказского отделения Московского археологического общества", Тифлис, 1919, вып. V, **О.Ш.Иомизаде**, Ялоулутепинская культура, с. 72.

² **И.М.Джафарзаде**, Археологические разведки на Апшероне, Известия АН АзССР, 1948, №6, с.81-94; **Гардашхан Асланов**, Археологические исследования на Апшероне, Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане 1975 г.), Баку, 1978, с. 58-62.

³ **И.М.Джафарзаде**, Наскальные изображения Кобистана (Азербайджанский ССР), Археологические исследования в Азербайджане, Баку 1965, с. 15-28; **Д.Н.Рустамов**, **Ф.М.Мурадова**, Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане 1978 г.), Баку, 1982, с. 5-8; **А.С.Оумбатзаде**, Об истоках истории Азербайджана, Известия АН АзССР, 1979, №1, с. 62-80.

⁴ **Иггар Алиев**, **Гардашхан Асланов**, Племена сармато-массагето-аланского круга в Азербайджане, Древний Восток, Ереван, 1976, №2, с. 218-237; **Иггар Алиев**, О скифах и скифском царстве в Азербайджане, Переднеазиатский сборник, III, Москва, 1979, с. 6-14.

Мингечауре находилась самая удобная переправа через реку Куру, откуда проходили караванные и пешие пути в Капалак, Шамахи, Дербент, Партав и другие местности³. Здесь также обнаружены несколько предметов, носящие следы якобы алуанского письма⁴.

Некоторые вопросы истории страны Алуанк изучаются также на основе археологических материалов из Армении, Грузии и Дагестана соответствующих периодов⁵.

Археологические материалы кроме того, что показывают картину социально-экономической жизни населения Собственно Алуанка, также освещают и ее экономические, политические и культурные связи с Великой Арменией, Иверией, с Римом, римскими провинциями и сарматским миром.

Историография древнего и средневекового Алуанка

Интерес к древнему Алуанку в русской историографии возник еще с 30-х гг. XIX века, когда присоединение Закавказья к России стало свершившимся фактом, а в Западной Европе появились первые исследования об "Истории страны Алуанк" и ее авторе.

Присоединенные закавказские страны для царской России представляли интерес как в экономическом, так и в политическом отношениях и вскоре с целью близкого ознакомления с ними и полноценного использования их ресурсов, наряду с экономическими, административными и статистическими отчетами, начали издаваться исследования об историческом прошлом этих стран.

В 1835 г. была издана статья ординарного профессора, декана ф-та Восточных языков Петербургского университета В.Григорьева¹, в которой, в

¹ С.М.Казиев, Археологические памятники Мингечаура как исторический источник для изучения истории Азербайджана, Известия АН АзССР, 1950, №7, с.167-178.

² Г.М.Асланов, Р.М.Ваидов, Г.И.Ионе, Древний Мингечаур, Баку, 1959.

³ С.М.Казиев, Археологические памятники Мингечаура..., с.168.

⁴ Р.М.Ваидов. Археологическая характеристика эпиграфических памятников Мингечаура, Известия АН АзССР, 1958, №4, с. 107-120 (на аз. яз.); А.Г.Абрамян, Дешифровка надписей Кавказских агван; Необходимо отметить, что найденные на территории бывшей АзССР многие армянские надписи представляются как алуанские (см. А.Г.Абрамян), Дешифровка некоторых надписей, считающихся алуанскими, Ереванский университет (Научно-информационный журнал), 1956 (на арм. яз.); Г.С.Свезян, Об одной "албанской" надписи, ВОН, 1987, №2, с. 42-45.

⁵ С.А.Есаян, Древняя культура племен северо-восточной Армении, Ереван, 1976. Г.Ниорадзе, Раскопки в Алазанской долине, Тбилиси, 1940 (на груз.язв); Каталог археологических материалов, т. II, Тбилиси, 1955; К.Ф.Смирнов, Археологические исследования в Дагестане в 1948-1950гг. КСИИМК, вып.45, 1952; В.Г.Котович, Древности Дагестана, Махачкала, 1974; В.И.Марковин, Наскальные изображения в Дагестане, ИВГО, т. 85, вып. 2, 1953, с. 209-212.

связи с исследованием сообщений арабских историков о походах русских в Закавказье в X в., впервые упоминается Алуанк. Затем следует статья профессора Дерптского университета Ф.Крузе, раскрывающая настроения русской правящей верхушки по отношению к новозавоеванным странам. В ней Алуанк представляется русской общественности не только как страна с многоязычным населением, богатыми недрами и плодородной землей, но и затрагивается ряд вопросов его исторического прошлого².

В 1838 г. французский арменовед Евг.Боре, побывав в Эчмиадзине, ознакомился через Ов.Шахатуяна с одной из рукописей "Истории страны Алуанк", и вернувшись в Париж издает перевод некоторых ее отрывков, приводя при этом первые сведения об этом труде и вводит его в научный оборот³. Начиная с этого времени, история страны Алуанк в разных аспектах привлекает внимание ученых и становится предметом регулярного исследования.

В досоветский период ряд вопросов по истории и географии Алуанка были исследованы русскими историками А.Яновским⁴ и И.Шпенем⁵, касавшимися в своих трудах этимологии названия "Алуанк", исторической географии Алуанка, в частности, границ и топонимов, его составных частей, отдельных племен и других вопросов.

Иногда дискутируя с А.Яновским, почти тех же вопросов истории и географии Алуанка касался академик Б.А.Дорн⁶.

В 1926 г. в Баку вышла в свет работа под заглавием "Гюлистан-Ирам"⁷, написанная на родном автору персидском языке, в дальнейшем переведенная на русский язык самим автором - Абасом Кули-ага Бакихановым (1794-1846 гг.).

Эта работа примечательна и достойна внимания именно тем, что в ней впервые сделана попытка изложения истории Ширвана и Дербента с древнейших времен до 1813 г., т.е. до присоединения Ширвана к России. Автор

¹ В. Григорьев, О древних походах руссов на Восток, ЖМНП, 1835, ч.5, с.229-287.

² Ф.Крузе, О важности юго-кавказских областей России в отношении антикварном и о Птолемея главном писателе в рассуждении Географии сей страны, ЖМНП, 1835, ч.5, с.423-439.

³ Moise Kaghankatoatsi, Aghovans des origines traduite du manuscrit armenien, par E.Bore, avec des annotations de Viven de Saint-Martin, Univers. catholique Journal de l'institute sc.hist, t. XXII, Pris, No. 136, novembre.

⁴ А.Яновский. О древней Кавказской Албании, ЖМНП, 1846, часть 52, с.97-106, 161-203.

⁵ И.Шпен, Новые заметки на древняя истории Кавказа и его обитателей, СПб., 1866.

⁶ Б.Дорн, Каспий, О походах древних руссов в Табаристан (Приложение к XXVI-му тому Записок Императорской Академии Наук, N 1, СПб., 1875.

⁷ Абас-Кули ага Бакиханов, Гюлистан-Ирам, Баку, 1926.

принимает за древний Алуанк весь Ширван и Дагестан, имеет четкое представление о южной границе Алуанка, справедливо считая ею реку Куру, а также пытается этимологизировать термин "Албания", выводя его из слова "белый" в значении "свободный", "незавоеванный" и на основе сообщений античных авторов дает позитивное изложение истории страны.

В конце XIX в. и начале XX в. вышли в свет и труды епископа Макара Бархутарянца по истории Алуанка, его соседей и области Арцах¹. Автор в них впервые пытается показать историю Алуанка и соседних стран на протяжении длительного периода - со времени армянского царя Вагаршака до конца Албанского католикосата (сер. XIX в.). Параллельным изложением политической истории, Макар Бархутарянец в своей трилогии показывает географические границы исследуемых стран, рассказывает об их природных и климатических условиях, полезных ископаемых, животном и растительном мире, описывает обычаи и быт их населения. В его трудах значительное место уделено истории церкви, взаимоотношениям Албанской и Армянской церквей, их позиции в отношении решения религиозных "вселенских" соборов, в частности, халкедонского собора, и т.д.

Труды М.Бархутарянца имеют неравнозначную ценность. Будучи результатом личных наблюдений и поисков автора, много путешествовавшего в исследуемых им краях, они подчас приобретают источниковедческую ценность, вместе с тем, некоторые отраженные в них положения нуждаются в дальнейшем углублении.

В русской историографии советского периода к некоторым вопросам географических границ и связанной с ними политической истории Алуанка обращались А.Е.Крымский, В.В.Бартольд, С.В.Юшков и другие. Первый из указанных исследователей, занимаясь в основном локализацией Шеки и столицы Алуанка - Капалака, высказывает свое согласие с А.Яновским и Б.Дорном в вопросе их географического местоположения, говорит о границах Алуанка и, противореча самому себе, то пишет, что якобы греко-римские источники считали частью Алуанка также правобережные территории Куры, то находит, что последние составляли часть армянского государства².

¹ М.Бархутарянец, Алуанская страна и ее соседи (Средний Дагестан), Тбилиси, 1893; Его же, Арцах, Баку, 1895; Его же, История Алуанка, т. I, Вагаршапат, 1902, т. 2, Тбилиси, 1907 (все на арм.яз.).

² А.Е.Крымский, Страницы из истории северного или Кавказского Азербайджана (Классическая Албания), Сб. в честь С.Ф.Ольденбурга, Л., 1934, с. 289-304; Его же, Страницы из истории

В 1924 г. на факультете Востоковедения Азербайджанского государственного университета В.В.Бартольд прочитал курс лекций по общей истории Прикаспийских областей, а также Алуанка, начиная с первого упоминания алуанцев в 331 г. до н.э. и кончая VIII в.¹ рассматривая на всем названном периоде как страну, известную по греко-римским источникам, хотя упомянутая "Албания" как таковая в VIII в уже не существовала.

Вопросам границ Алуанка и, в особенности, северной - занимался С.В.Юшков². Исследуя высказанные западно-европейскими, русскими и другими учеными мнения по изучаемому вопросу, и, исходя исключительно из сообщений римских источников, и иногда неверно их интерпретируя, русский историк приходит к выводу, что Алуанк включал также всю территорию Дагестана³, с чем никак нельзя согласиться. Относительно южной границы Алуанка он имеет правильное представление, справедливо считая ее проходящей по реке Куре⁴. Он совершенно прав, когда беспрекословно принимает тот факт, что страна Алуанк Мовсеса Каланкатуаци является не страной "Албания" греко-римских источников, а территорией восточных краев Армении, поскольку описываемая армянским автором "Агвания" даже находилась не на территории древней Албании, а на территории Армении⁵.

В 1959 г. издается "Очерки по истории и культуре Кавказской Албании (IV в. до н.э. - VI в.н.э)", принадлежащее перу известного специалиста и знатока истории Кавказа К.В.Тревер⁶. Работа К.В.Тревер охватывает период истории, начиная с IV в. до н.э. до VI в.н.э., и включает в себя почти все вопросы истории Алуанка с использованием разноязычных источников и литературы. Здесь впервые нашли место (в качестве исторических источников) памятники материальной культуры, результаты раскопок археологических памятников, вещественные доказательства, лапидарные и этнографические материалы. На основе глубокого и всестороннего анализа всех источников и литературы автор излагает историю алуанцев, начиная с их появления на исторической арене до завоевания арабов.

северного Кавказского Азербайджана(Классическая Албания), Шеки, Сб. "Памяти Н.Я.Марра", Л., 1938, с. 369-384.

¹ В.В.Бартольд, Сочинения в IX томах, т. II, ч. 1, М., 1963, с. 651-774.

² С.В.Юшков, К вопросу о границах древней Албании, Исторические записки АН СССР, т. I, 1937, с. 129-148.

³ Там же, с. 138, 148.

⁴ Там же, с. 133.

⁵ Там же, с. 137.

⁶ К.В.Тревер, Очерки по истории...Албании, М.-Л., 1959.

При изложении тысячелетней истории этой страны К.В.Тревер останавливается на племенных образованиях, формировании ими путем объединения государства, его месте в политических событиях Передней Азии и совместной борьбе за политическую независимость с другими народами Закавказья против римлян, персов и византийцев.

Наряду с политической историей К.В.Тревер исследует вопросы социально-экономических отношений, политического устройства страны, культурной жизни, культа, письменности, памятников искусства, архитектуры и т.д. И все это в тесной взаимосвязи с историей других народов региона.

Труд К. В. Тревер ценен также тем, что в нем собраны материалы по истории и археологии Алуанка и является первой обобщающей монографией по албанистике¹. Однако и он не лишен недостатков, также явившихся следствием путаницы географических понятий "Албания" - "Алуанк", из-за чего исторические события, происходившие в одной стране, переписывались в другой, историческая судьба одной страны влеталась в другую. Такая неопределенность в разграничении совершенно различных географических единиц, а также превратное представление об исконной территории алуанцев, привело к неверным выводам об аннексии якобы алуанских областей Утик и Арцах армянским царем Арташесом I (189–160 гг. до н.э.), их дальнейшей арменизации, а затем воссоединении с Алуанком². Согласно К.В.Тревер лишь после завоевания упомянутых областей Арташесом античные авторы указывают реку Куру как границу между Великой Арменией и Алуанком³. Неприемлема в особенности мысль о топониме "Аран" как первоначальном наименовании "Албания" и о легендарном Аране как эпониме алуанцев, родоначальнике, от которого, по мнению автора, произошли племена, обитавшие на левобережье Куры⁴.

В книге встречаются и другие недостатки, ошибки и неточности, на которых мы остановимся в ходе изложения.

Вопросу политических границ Алуанка посвящена одна из статей А. П. Новосельцева, в которой автор посредством детального исследования античных источников показывает действительные границы собственно

¹ О достоинствах и оценке работы в целом см. В.В.Струве, В.А. Белявский, Н.Ю.Ломоурц. К.В.Тревер, Очерки по истории Албании, ВДИ, 1960, №3, с. 174-191.

² К.В.Тревер, Очерки по истории... Албании, с.58 и пр.7 См также ниже.

³ Там же, с. 58.

⁴ Там же, с. 136.

Алуанка, подчеркивая тенденциозность и необъективность некоторых исследователей по этому вопросу¹. Правильно ориентируясь в вопросах социальных, экономических и политических взаимоотношений Великой Армении и Алуанка, А. П. Новосельцев не сомневается в том, что “История страны Алуанк” дошла до нас на языке своего оригинала, т. е. на древнеармянском языке².

Задачам генезиса феодализма в странах Закавказья посвящена одна из работ А. П. Новосельцева³. Она является историко-сравнительным исследованием о возникновении феодального общественного строя на развалинах раннеклассового общества.

Автор подчеркивает, что процесс формирования и окончательного установления феодального общественного строя в Великой Армении, Алуанке и Иверии был длительным и неравномерным. Согласно А. П. Новосельцеву “В Албании конца V в. формирование господствующего класса еще находилось на стадии, пройденной и в Армении, и в Картли. Только в VI-VII вв. можно говорить о сложении единого (разумеется, относительно) класса-сословия феодалов с его двумя большими градациями (нахарарами-ишханами) и собственно азатами”⁴.

Исследованию “Истории страны Алуанк”, а также вопросов об ее авторе и времени создания посвящена монография Я. Манандяна, изданная в 1897 г. в Лейпциге и защищенная в Иене как докторская диссертация⁵. В ней маститый филолог-историк, кроме вопросов филологического характера, исследовал также вопросы взаимоотношений армянской и алуанской церквей и привел перевод некоторых глав “Истории” на немецком языке. В дальнейшем, он по разным поводам обращался и к другим вопросам истории Алуанка, кавказским походам Помпея и Антония, их маршрутам, сделал ряд географических уточнений⁶.

¹ А. П. Новосельцев, К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании в античный период, Кавказ и Византия, вып. I, Ереван, 1979, с. 10-18.

² А. П. Новосельцев и др. Пути развития феодализма, с. 42-43, с. 43, пр. 76.

³ А. П. Новосельцев, Генезис феодализма в странах Закавказья, М., 1980.

⁴ Там же, с. 199.

⁵ *Beitrag zur albanischen Geschichte. Inaugural Dissertation zur Erlangung der philosophischen Doctorwürde, Leipzig, 1897.*

⁶ Я. Манандян, Критический обзор истории армянского народа (с начала до утверждения Аршакидов в Армении, 66 г. н. э.), Труды, т. I, Ереван, 1977, т. II, Ереван, 1978 (на арм. яз.); Его же, Тигран II и Рим (в новом освещении по первоисточникам), там же; Его же, “Круговой путь Помпея в Закавказье”, Труды, т. V, Ереван, 1984, с. 219-237; Его же, Цель и направление подготовлявшегося Нероном Кавказского похода, там же, с. 324-338; Его же, О местонахождении Caspia Via и Caspia portae, Там же, с. 357-374.

В советской армянской историографии своими кавказоведческими работами известен академик АН Арм. ССР С. Т. Еремян. Еще в изданном в 1939 г. двухтомнике “История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства” (Макет) – обобщающем исследовании истории народов СССР, С. Т. Еремян впервые в советской историографии приводит историю Алуанка с древнейших времен до X в. с соответствующими картами¹. В дальнейшем она составила соответствующие главы II и III томов многотомного издания “Очерки истории СССР”² и тем самым стала в советской историографии целостно-политической, социально-экономической и культурной историей Алуанка. Этими трудами С. Т. Еремяна были заложены основы научного исследования истории этой страны.

В 1952 г. вышел в свет “Атлас” С. Т. Еремяна, где также впервые даны и четко показаны границы Алуанка³.

Географические границы Алуанка, связанные с политическими событиями, изменения этих границ наглядно показаны в труде С. Т. Еремяна “Армения по “Ашхарацуицу” и в приложенной к нему карте⁴. Здесь отражено административно-политическое деление Алуанка по “Ашхарацуицу” и конкретизировано в особенности понятие “собственно страна Алуанк”⁵.

В своих трудах⁶, посвященных отдельным вопросам истории, политической и социально-экономической жизни Алуанка разных эпох, С. Т. Еремян, благодаря многогранному исследованию достиг ценных результатов, показал закономерности объективно создававшихся исторических явлений, привел многочисленные географические разъяснения, уточнил топонимы.

С. Т. Еремян дает и картину социально-экономической жизни Алуанка. Полагая, что своим общественным развитием Алуанк отставал от соседей – Великой Армении и Иверии, ученый отмечает, что только на рубеже новой эры там произошел процесс разложения первобытно-общинного строя, углубления имущественного неравенства и перехода к классовому обществу. По его

¹ Книга I (части I-II), с. 325-331, 369-375; книга II (части III-IV), с. 159-164, 369-381.

² Очерки истории СССР III-IX вв., М., 1958, с. 303-330, 530-536; Очерки истории СССР в период феодализма IX-XV вв. (в двух частях), М., 1953, с. 642-662; По материалам С. Т. Еремяна, История Алуанка с последних веков до н. э. до II в. н. э. написана А. И. Болтуновым (см. Очерки истории СССР – первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР, М., 1956, с. 420-485).

³ Атлас к книге “История армянского народа”, ч. I, Ереван, 1952.

⁴ С. Т. Еремян, Армения по “Ашхарацуицу”, Ереван, 1963 (на арм. яз.).

⁵ Там же, с. 34.

⁶ С. Т. Еремян (Библиография), Ереван, 1984, с. 46-82.

мнению, центром политической и социальной жизни страны в этот период стала долина Автарана, где и находилась столица алуанского государства Капалак¹.

В 1966 г. вышла в свет ценная монография Ас. Мнацаканяна о литературе страны Алуанк, а в 1969 г. – ее русский перевод². Это исследование о письменности Алуанка, однако автор обратился также к “наиболее существенным вопросам историко-географического и этнического характера”³. Работа Ас. Мнацаканяна вносит определенную ясность в понятия “Собственно Алуанк”, “Армянский Алуанк”, “Восточные края Армении”, показывая те исторические условия, в которых они могли возникнуть.

В монографии убедительно показано, что армянские историки под понятием “Восток”, понимали северо-восточную часть Армении, “иначе бы для Агванка эта была бы не восточная, а южная (подчеркнуто – Ас. М.) окраина”⁴. Добавим, что труд Ас. Мнацаканяна является первой серьезной критикой фальсификаций, нашедших место в исторической науке по вопросам истории Алуанка.

Член Венской Конгрегации Мхитаристов, армянский ученый Н. Акинян в своем труде “Мовсес Дасхуранци (прозванный Каланкатуаци) и его история Алуанка”⁵ представляет подробный научный анализ “Истории Мовсеса Каланкатуаци. Ученый исследует почти каждую главу “Истории”, выявляет ее источники, пытается отделить в изложении действительное от недействительного. Он непременно останавливается на каждой личности, упомянутой Каланкатуаци, на выяснении историчности письменного материала первой главы его “Истории” и единственной исторически верной частью труда считает явления и события, описанные в последней главе первой книги и в XI-XIII главах второй книги. Все это он считает принадлежащим перу лишь одного автора. Упоминание же в “Истории” других лиц и событий, согласно Н. Акиняну, выдуманы редактором книги и неверны.

¹ С. Т. Еремян, Основные проблемы периодизации истории народов Закавказья, Труды объединенной научной сессии АН СССР и АН Закавказских республик по общественным наукам, Баку, 1957, с. 95-106.

² Ас. Мнацаканян, О литературе Кавказской Албании, Ереван, 1969.

³ Там же, с. 6.

⁴ Там же, с. 63.

⁵ Н. Акинян, “Мовсес Дасхуранци (прозванный Каланкатуаци) и его история Алуанка”, Вена, 1970 (на арм. яз.)

Истории восточных краев Армении V-VII вв. посвящена книга Б. А. Улубабяна¹. Автор критически исследует источники и литературу, выдвигает и решает новые вопросы, новые проблемы. Важное место в труде уделено разделу, посвященному вопросам исторической географии Алуанка, в котором Б. Улубабян, основываясь только на сведениях античных авторов утверждает, что с древнейших времен до первых десятилетий V в. границей между Великой Арменией и Алуанкомией была река Кура. Б. Улубабян определяет также границу Утика и переходит к анализу названий “Албания”, “Алуанк”, “Аран”, показывает их семантические изменения в разных исторических этапах, этимологизирует их.

Семантическому анализу терминов “Албания” и “алуанцы” посвящена книга А. А. Акопяна². В каждом временном разрезе, показывая политический смысл этих терминов, автор приходит к интересным выводам по вопросам албанской истории, исторической географии и этнонимии.

А. А. Акопян подверг источниковедческому анализу “Историю страны Алуан”, довольно успешно решил вопросы рукописей, заглавия, характера источников, автора, времени его создания.

История Алуанка во всех ее аспектах привлекла внимание и азербайджанских историков. После установления Советской власти в Азербайджане они приступили к делу создания его истории и тем самым история Алуанка стала предметом их изучения.

Первая попытка изложения древнего периода политической, экономической и культурной истории северной части Советского Азербайджана была сделана В. Н. Левиатовым³. В хронологическом отношении работа В. Н. Левиатова включала период с V в. до н. э. по III в. н. э. показывает политическое положение Алуанка в Передней Азии в периоды владычества Ахеменидской Персии и последовавших за ней других завоевателей – римлян и парфян. Однако он подробнее говорит о подчиненности алуанцев Ахеменидам и об алуано-парфянских, чем алуано-римских отношениях, которые занимали более важное место в истории Алуанка.

¹ Б. Улубабян, Очерки истории Восточного края Армении (V-VII вв.), Ереван, 1981 (на арм. яз.).

² А. А. Акопян, Албания-Алуанк в греко-латинских и древне-армянских источниках, Ереван, 1987.

³ В. Н. Левиатов, Азербайджан с V в. до н. л. по III в. н. л., Известия АН АзССР, 1950, N 1, с. 65-92.

В вопросе границ Алуанка В. Н. Левиатов придерживается мнения тех ученых, которые считали, что в него входил весь Дагестан, а на севере границу составляла река Терек.

История Алуанка во всех ее аспектах привлекла внимание азербайджанских историков. После установления Советской власти в Азербайджане, они приступили к делу создания его истории и тем самым история страны Алуанк стала предметом их изучения.

Проблемам истории Алуанка разного характера касался З. Ямпольский. В его трудах прежде всего бросается в глаза тенденциозность и предвзятость в освещении затрагиваемых им вопросов. Стремясь любой ценой согласовать границы исторического Алуанка с территорией Азербайджанской ССР, он, искажая факты, искусственно расширяет их, доводя до Аракса и даже до районов южнее этой реки, и пытается доказать, что такие границы существовали во все периоды истории Алуанка. Он считает Аракс границей между Алуанком и Атропатеной¹, которая, однако, по его мнению, не мешала этнической общности этих двух стран, поскольку “население различных областей Азербайджана было одноименным”² и говорило “на однотипных или даже на одинаковых языках”³, являясь предком населения Азербайджана⁴.

Кроме вопросов политической истории Алуанка, в круг псевдонаучных интересов З. Ямпольского входили также его письменность и литература, вопросы автора или авторов “Истории страны Алуанк”, языка этого сочинения и т. д. Ему принадлежит одна из первых попыток назвать Мовсеса Каланкатуаци “алуаном” или “Утицем”. Он считает “Историю страны Алуанк” образцом алуанской литературы и совершенно беспочвенно объявляет ее написанной первоначально на гаргарейском языке, а затем переведенной на грабар, при этом высказывая такую нелепую мысль – якобы армянские церковные деятели из политических соображений внесли в нее многочисленные изменения, сокращения и добавления⁵. Эта идея и многие другие подобные суждения являются сознательным искажением исторической истины, служащим

¹ З. И. Ямпольский, К вопросу об одноименности древнейшего населения Атропатены и Албании, Труды Института истории и философии, Баку, 1954, т. IV, с. 101.

² Там же, с. 105; См. также Материалы о происхождении Азербайджанского народа, Известия АН АзССР, 1956, N 1, с. 93-101.

³ З. Ямпольский, Древние авторы о языке населения Азербайджана, Известия АН АзССР, 1955, N 8, с. 61.

⁴ З. Ямпольский, Об этногенетической непрерывности на почве Азербайджана, Сб. Вопросы истории Кавказской Албании, Баку, 1962, с. 41.

⁵ З. Ямпольский, К изучению летописи Кавказской Албании, с. 149-161.

определенной цели. Названия “утии́цы” и “Утик” без каких-либо оснований он считает самоназваниями “албанцев” и “Албании”, отмечая, что “утии” и “Ути” соответственно тождественны “албанцам” и “Албании”¹. Однако, этому неаргументированному заявлению противопоставляются сведения армянских историков, в которых упомянутые термины часто выступают рядом и в отдельности, чем рельефно показывают, что термины “Албания – алуанцы” и “Ути – утии́цы” совершенно разные понятия.

Таким образом, труды З. Ямпольского содержат сознательное искажение истории Алуанка в угоду национальному чванству определенных лиц, в ущерб научной истине.

Пророчную тенденцию безосновательного удревнения истории Азербайджа́на подхватил, развил и, ни с чем не считаясь, буквально раздел З. Буниятов, касаясь всех без исключения вопросов разных периодов истории. Последовательно развивая антиармянскую тенденцию своими псевдонаучными исследованиями, лжеуче́ный не только сеет межнациональную вражду между двумя народами, но и искажает науку, от имени которой выступает. В 1965 г. он издал исследование², в самом начале которого, хотя и обещает “дать общий очерк истории областей, составивших позднее территорию Азербайджа́на”³, однако исследует их не в историческом разрезе, а рассматривает как изначальные составные части своей страны. Иначе отмеченные им же Ширван, Кабалу и другие области он изучил бы как области Алуанка, а Арцах, Утик и Гардман – области Армении, и вообще не касался бы области Сюник, никогда не входившей в состав Азербайджа́на. Однако он не только рассматривает Сюник как одну из областей Алуанка, но и высказывает абсурдную мысль о том, что, якобы, Сюник с 577 г. находился в составе Арана (читай Алуанка, а если Алуанка, то согласно З. Буниятову, непременно Азербайджа́на) и только с 1921 г. перешел к Армении⁴. Это является грубейшей фальсификацией, так как Сюник, за исключением небольшого отрезка времени, охватывающего VI в., всегда находился в составе Армении. И даже в течение указанного периода в VI в. Сюник лишь обособился от Армении и дань, выплачиваемая Сюником Сасанидскому Ирану, просто стала поступать по налоговому кадастру в

¹ Там же, с. 154.

² З. Буниятов, Азербайджа́н в VII-IX вв., Баку, 1965.

³ Там же, с. 4.

⁴ З. Буниятов, Размышления по поводу книги А. Н. Тер-Гевондяна “Армения и арабский халифат”, Известия АН АЗССР, 1977, N 4, с. 116.

Атрпатакан, не подвергаясь при этом никакому политическому влиянию с его стороны, Себеос пишет: “Ваган владетель Сюнийской земли, восстал и отделился от армян и просил персидского царя Хосрова, чтобы он архивы Сюнийской земли перенес из Двина в город Паїтакаран и их город внес в границы Атрпатакана”¹. Следовательно в действиях Вагана скорее всего проявился сепаратизм армянских княжеств феодальной эпохи. Поэтому исторически неверно считать, что Сюник когда-либо входил в состав Азербайджана.

В обзоре источников своего труда З. Бунятов упоминает девять армянских историков, чьи труды считает армяноязычными², т. е. отрицает армянское происхождение их авторов, имея в виду в первую очередь Мовсеса Каланкатуаци, Давтака Кертола, Мхитара Гоша, Киракоса Гандзакци. Это несуразное “новшество” он мотивирует тем, что “только отсутствие в Азербайджане исследователей христианского периода истории Аран (Албании) дало возможность эту литературу армянской, хотя для этого никаких оснований, кроме языка, нет”³.

Достоинно внимания то, что это заявление З. Бунятова перекликается с мнением, высказанным до него турецким историком Ф. Кырзюглу, который неразработанность этого периода турецкой истории также объясняет отсутствием соответствующих специалистов. “Вследствие того, что мы не имели собственных специалистов в области истории, эти книги (изданные в Петербурге армянскими и русскими историками-востоковедами – Г.С.) внушали нам страх и вынуждали отступить”⁴.

З. Бунятов не ограничивается присвоением армянских авторов. Он считает алуанцами также и армянских князей Сахла Оубата, Есаиу Абу Мусе, Амама Аревелци и других представителей армянской знати, правившей в областях между Курой и Араксом⁵. Вслед за З. Ямпольским, З. Бунятову принадлежит “открытие”, согласно которому армяне уничтожили оригиналы алуанской литературы после их перевода на армянский язык⁶.

¹ Себеос, с. 28-29.

² З. Бунятов, Азербайджан в VII-IX вв., с. 6-11 и сл.

³ Там же, с. 99.

⁴ См. в книге М. К. Зуляян, Вопросы древней и средневековой истории Армении в освещении современной турецкой историографии, с. 6.

⁵ З. Бунятов, Азербайджан в VII-IX вв., с. 185 и др.

⁶ Там же.

3. Бунятову вообще свойственно молча обходить невыгодные ему сведения авторов, приводить цитаты в отрыве от контекста, искаженно, из причинно-следственных связей предпочитать следствия, представляя их читателю обязательно в отрицательном свете. В его трудах немало подтасовок фактов, что мы покажем по ходу изложения при исследовании конкретных вопросов. Отметим, что подобные антиисторические и антинаучные положения получили серьезный отпор со стороны армянской историко-филологической науки¹. Была показана порочная система его взглядов по отношению к истории и выявлена характерная для него “тенденциозность, исключаящую какую-либо положительную роль армянского народа, его культуры в исторических судьбах братских народов Закавказья”².

Под редакцией З. Ямпольского вышла в свет работа К. Алиева о географических границах Алуанка, этническом составе, экономике, торговых связях, храмовом хозяйстве и верованиях алуанцев, автор которой поставил перед собой задачу исследовать указанные вопросы периода I в. до н. э. – I в. н.э.³

Работа К. Алиева написана на основе готовых выводов. Поэтому из источников он выбирает то, что может приспособить к своей точке зрения, делает неверные комментарии, “исправляет” “ошибки” и “неточности” переводов античных авторов и строит свои выводы уже на основе “исправленных” им же текстов, представляя их как умозаключения, исходящие из анализа сведений античных авторов. Однако подобный подход к исследуемым вопросам, их натянутые и своевольные интерпретации, преувеличения и неуместная подгонка сообщений источников под свое предвзятое отношение к проблеме не имеет никакой связи с наукой.

Игнорирование такого важного поворота в истории Алуанка, каковым является упразднение царства и формирование марзпанства, ставшего причиной серьезных социально-экономических и политических изменений в истории страны, привело Т. Мамедова к ошибочным выводам, согласно которым Алуанк с древнейших времен до VIII в. включительно был постоянно управляемым

¹ **Ас. Мнацаканян**, О литературе Кавказской Албании; **Ас. Мнацаканян, П. Севак**, По поводу книги З. Бунятова... **К. А. Мелик-Оганджян**, Историко-литературная концепция З. Бунятова, ВАА, 1968, N 2, с. 169-190; **Его же**, Еще раз о национальной принадлежности Мхитара Гоша, автора “Судебника”, ВАА, 1969, N 1, с. 183-198; **А. Ганалаян, Л. Хачикян, А. Тер-Гевондян**, Об очередных “размышлениях” З. М. Бунятова, ВОН, 1978, N 5, с. 95-104.

² **К. Мелик-Оганджян**, Историко-литературная концепция..., с. 169.

³ **К. Алиев**, Кавказская Албания (I в. до н. э. – I в. н.э.), Баку, 1974.

своими царями самостоятельным государственным образованием с распростертыми до Аракса неизменными политическими границами. По его мнению, известный княжеский дом Мухранидов являлся одной из царских династий в Алуанке, а вся территория до Аракса была заселена только алуанскими племенами¹.

Отдельным вопросам политической, социально-экономической жизни, городов и торговых связей Алуанка в своих трудах касались также И. Алиев, И. Бабаев, Г. Асланов, Ф. Османов, Дж. Халилов и другие².

История Алуанка исследуемого периода обобщена также в первом томе трехтомной «Истории Азербайджана»³.

Своими исследованиями в области алуановедения выделяется Ф. Мамедова. В ее работах рассматриваются вопросы истории общественной и политической жизни Алуанка древнего и раннесредневекового периодов, исторической географии, этнического состава, идеологии и культуры, языка и автора или авторов «Истории страны Алуанк» и алуанской литературы. В этих работах, к числу которых недавно добавилась еще одна⁴, Ф. Мамедова приписывает себе честь первооткрывателя многих вопросов, давно уже выясненных армянскими учеными, развивает и приукрашивает ложные и ошибочные мнения, выдвинутые азербайджанскими исследователями, при этом неустанно восславляя более ярких фальсификаторов типа З. Буниятова и др. Это особенно четко проявилось в последней работе Ф. Мамедовой⁵, которую она представляет как исследование политической истории и исторической

¹ Т. М. Мамедов, *Албания и Амропатена по древне-армянским источникам (IV-VII вв.)*, Баку, 1977; *Его же*, *Кавказская Албания в IV-VII вв.* (Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук), Баку, 1965.

² И. Алиев, К интерпретации параграфов 1, 3, 4 и 5 IV главы XI книги «Географии» Страбона, ВДИ, 1975, N 3, с. 150-165. *Его же*, О скифах и скифском царстве в Азербайджане, с. 4-14; И. Алиев, Ф. Л. Османов, Бассейн рек Геокчай-Гирдминчай-Ахсучай в античное время, СА, 1975, N 1, с. 188-202; Г. Асланов, Племена сармато-массагето-аланского круга в Азербайджане, с. 218-237; Дж. Халилов, И. Бабаев, О городах древней Кавказской Албании, СА, 1974, с. 98-109; И. А. Бабаев, К вопросу о возникновении государства Албании (Кавказской), Известия АН АзССР, 1976, N 4, с. 40-51; Дж. А. Халилов, Материальная культура Кавказской Албании, Баку, 1985.

³ История Азербайджана, в трех томах, т. I, 1958.

⁴ Ф. Мамедова, *Кавказская Албания и албаны*, Баку, 2005. Книга охватывает длительный период времени – с III в. до н. э. – по XIX в. н. э. и посвящена политико-социально-экономической истории с III в. до н. э. – по VIII в. н. э., представляя собой совокупное изложение прежних работ автора и другим аспектам истории IX-XIX вв., по выражению автора, «поздних албанов», под этим термином подразумевая всех подряд жителей Утик-Арцаха. В целом она является дополненной и более углубленной фальсификаторской работой, которыми вообще отличаются сочинения Ф. Мамедовой. И поэтому если она и может удовлетворить национальное чванство автора, но никогда не может найти место в науке и у настоящих ценителей ее.

⁵ Там же, с. 5.

географии “исторического”¹ Азербайджана, включаемого, по ее мнению, области Арцах, Утик, Паїтакаран, Сюник и населенного в древности этнически исчезнувшими за много веков до формирования азербайджанского народа, албанцами - мнимыми предками азербайджанцев², для утверждения этих антиисторических концепций измышляя ряд ложных и несостоятельных положений.

К изложенным в книге выводам автор приходит не на основе научного и всестороннего анализа сведений источников, а на основе предвзятого подхода, для чего она не брезгает приписками, фальсификацией фактов, их подтасовкой, отрицанием исторически достоверных сведений, игнорированием наиболее значимых из них.

Предварительно обезопасив себя заявлениями о том, что сообщения античных и армянских авторов противоречивы и, как таковые, исторически неверны, Ф. Мамедова в дальнейшем уже однозначно объявляет результатом противоречий невыгодные ей сведения источников и строит свои концепции на основе собственных перекроек.

Будучи одержима страстью отрицать подлинность сведений античных и армянских авторов об Алуанке и алуанцах, Ф. Мамедова вовсе не беспокоится об отсутствии научной серьезности. Со спокойной совестью она, с одной стороны, может заявить, что Нахичеван не может быть армянской областью, поскольку у Бузанда нет даже намека на это³, а с другой - объявить “совершенно не соответствующими реальной истории Армении”⁴ прямые сведения других армянских источников, в частности, “Ашхарацуїца” о Нахичеване как одной из областей и городов Армении. Сведения же Корюна о просветительской деятельности Месропа Маштоца во всей Армении, в том числе и в Гохтне, по ее мнению вовсе не означают, что последний являлся также армянской областью⁵ и т. д. Подобные примеры, свидетельствующие об исследовательской недобросовестности и несостоятельности автора, встречаются с завидным постоянством.

¹ Термин впервые используется по отношению к Азербайджану. Он вымышлен, чтобы создать представление, равносильное понятию “историческая Армения”.

² Ф. Мамедова, Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н. э. – VIII в. н. э.), Баку, 1986.

³ Ф. Мамедова, Политическая история..., с. 112.

⁴ Там же, с. 109.

⁵ Там же, с. 113.

Руководствуясь этим методом и своим горячим желанием опровергнуть “оскорбительное” мнение об относительном отставании Алуанка от соседних стран по экономическому и политическому развитию, Ф. Мамедова сочиняет, как сама того желает, воображаемую историю Алуанка. В ее изложении Алуанк выступает как равнозначная Велико́й Армении и Иверии, а иногда и первостепенная, страна.

В системе фальсификаций Ф. Мамедовой исходное место занимает точка зрения о том, что до VIII в. Алуанк являлся централизованным государством с незыблемыми границами. Не считаясь с тем, что из-за установления марзпанства и возникновения на его бывшей территории ряда самостоятельных образований Алуанское государство безвозвратно было упразднено¹, она в лице Мухранидских князей видит ту княжескую династию, которая в Алуанке якобы стала безусловным продолжателем традиций царской власти.

Особое место в системе фальсификаций Ф. Мамедовой занимает раздел, относящийся к албанской письменности и литературе. Ей не нравится называть создателем алуанского алфавита Месропа Маштоца, и она желая иметь алуанский алфавит еще до него и с этой целью игнорируя известные сообщения Корюна и Хоренаци о “создании” его², она отводит Маштоцу лишь роль реставратора и преобразователя³. “Патриотические” эмоции Ф. Мамедовой становятся более бурными, когда речь заходит о литературе Алуанка. Она считает своим приятным долгом любыми способами добыть литературу для алуанцев и, отнюдь не смущаясь от того, что таковой нет попросту берет “образцы” этой литературы из рукописного наследия армянского народа без малейших угрызений совести объявляет их алуанскими, а их авторов – алуанскими летописцами. Жертвами подобной тенденции стали армянские историки, деятели армянской культуры, общественно-политические деятели Мовсес Каланкатуаци, Киракос Гандзакеци и Ванакан Варданет, поэт Давтак Кертох, основоположники армянского письменного законодательства авторы “Судебников” Давид Алавкаорди и Мхитар Гош, а согласно последней работе, также Омбат Спаранет, hЭтум Патмич, Степаннос Орбелян (по Ф. Мамедовой – Орбели), Григор Магакия, Есаи hАсан-Джалалян, Макар

¹ См. ниже.

² Корюн, с. 146, Хоренци, с. 194.

³ Ф. Мамедова, Политическая история..., с. 6-7 и сл.

Бархударянц¹, а их произведения, наряду с канонами Алуенского и Партавского соборов, нарекает образцами алуанской литературы, трансформировавшимися в армянские и силой “армянской традиции” присвоенными армянами. По ее мнению этот процесс наглядно прослеживается в труде “албанского историка” XIX в. Макара Бархударянца “Арцах”. “Ярким свидетельством процесса трансформации албанского историко-культурного наследия в армянское, - пишет она, - а также частичного его уничтожения, унификации может послужить фундаментальный труд Макара Бархударянца “Арцах”.² Ф. Мамедова руководствуется лишь тем принципом, что вышеназванные деятели родились и вели свою общественно-политическую деятельность в таких географических местностях, которые будучи исконно армянскими территориями, по несправедливости какое-то время находились в составе Азербайджана. Ей нет дела до того, что сочинения, на которые она претендует, написаны на древнеармянском языке. Ф. Мамедова преподносит читателю уже готовое, но совершенно несостоятельное объяснение: “В силу особенностей исторических судеб письменные памятники Албании местного происхождения представлены на древнеармянском языке”³, не утруждая себя выявить эти “особенности”, ибо ей также ясно, что вымышленные мотивировки не могут быть обоснованы. Подобным образом она относится также к канонам Алуенского и Партавского церковных соборов, выдавая их за плод общественно-политической мысли Алуанка.

Лейтмотивом работ Ф. Мамедовой являются попытки всячески умалить роль Великой Армении по сравнению с Алуанком, что до сих пор не наблюдалось ни в одном труде отечественной и зарубежной историографии, при этом конечно же искажая и историю Алуанка. По ее мнению, Алуанк не затрагивали войны, происходившие между Римом и Ираном⁴, что эта страна, в отличие от Армении, которая “стала фактически провинцией”⁵, сохранила свою самостоятельность и даже была более привилегированной⁶. Она скрывает такие факты истории Алуанка, как постоянное присутствие оккупационных римских войск в Алуанке, выдвижение на царский престол Алуанка римских

¹ Ф. Мамедова, Кавказская Албания..., с. 69 и сл.

² Там же.

³ Ф. Мамедова, Политическая история..., с. 5.

⁴ Там же, с. 57.

⁵ Там же, с. 59.

⁶ Там же.

ставленников и другие явления, которые считает позорными для Армении. Приведенные факты свидетельствующие о римском владычестве в Алуанке, сомканы, потому что они противоречат версиям Ф. Мамедовой, согласно которым Алуанк, в отличие от Армении и Иберии, не был завоеван римлянами¹, и что якобы “Албания была без царской власти всего навсего с 463 по 487 гг.”². Она создает для Алуанка так называемую “чистую”, без каких-либо взаимоотношений историю, а потому заявляет: “Изучение албанских и армянских реалий убеждает в том, что “Великая Армения” как в политическом, так и в географическом понимании никоим образом не связана с судьбой Албании³. Подходя к вопросу таким образом, она обвиняет К. В. Тревер в том, что последняя в своем посвященном истории Алуанка труде “неоправданно много внимания уделяет истории Армении”⁴. Но это неверный метод изучения истории вообще. Раздельное изучение прошлого двух соседствующих стран неизбежно приводит к неточностям и искажениям.

Целая глава работы Ф. Мамедовой посвящена истории алуанской церкви. Здесь автор всячески пытается представить ее как апостольскую, независимую от армянской церкви и первичную по сравнению с последней духовную организацию.

К книге Ф. Мамедовой “Политическая история...” приложены карты, на которых, как и следовало ожидать, Алуанк представлен на громадном пространстве в искусственно расширенных пределах, на юго-западе чуть не включая все озеро Севан. Более того, на этих картах показаны даже мнимые сферы влияния Алуанка на севере в III-I вв. до н.э. (карты N 1, 2) и на юге в I-II вв. н.э. (карта N 3). При этом многие географические местности на картах представлены не под их соответствующими эпохе историческими, армянскими наименованиями, а под более поздними, зачастую даже имевшими кратковременное применение тюркскими названиями. Так, озеро Севан, которое в древней и средневековой Армении называлось озеро Гегама или море Гехаркун, на картах обозначено как озеро Гекча, река Лопнас – Акстафачай, река Тус – Тоузчай, река Гетару – Агричай, Себодж – Карасу, Воротан – Баргушат и т. д.

¹ Там же, с. 122-123 и сл.

² Там же, с. 57.

³ Там же, с. 56.

⁴ Там же, с. 63.

Ф. Мамедова объявляет себя первым автором этимологии таких социальных терминов, как “хостак”, “аваг”, “кртсер”, “спаранет”, “рамик”, “шинакан”, “алахин” и т. п. Но поступая так, она фактически обирает выдающихся армянских историков Я. Манандяна, Н. Адонца, С. Еремяна, С. Акопяна, Т. Авдалбекяна и других¹, которые давно изучили упомянутые термины и дали их обстоятельное толкование. Таким образом, сама являясь примером научной недобросовестности, она принимает позу обиженной и позволяет себе обвинить других исследователей в плагиате.

Труды Ф. Мамедовой изобилуют множеством других антиисторических и антинаучных положений, в частности, существовании в I в. н. э. в Алуанке династии Аршакидов, о признании Нахичевана и вообще Сюника алуанскими областями и одной из главных областей обитания алуанских племен с лишением их своего исконного армянского населения, причисление утиицев, гардманцев, цавдеицев к алуанским племенам, о мнимом существовании отдельных сюникского и арцахского языков, о культурном наследии “1000-летнего Албанского государства, а также культурное наследие поздних албан – пяти албанских меликств и остальных албан”² и многих подобных казусов. Они многочисленны и определенную часть их мы рассмотрим в ходе исследования, другая же часть уже получила достойную оценку в исторической литературе³. Согласно заключения книги Ф. Мамедовой “Политическая история...”, ее книга “является попыткой всестороннего исследования вопросов по истории Албании...”⁴, которое можно спокойно скорректировать как “попытку всестороннего искажения вопросов по истории Албании”, что действительно соответствует целям и содержанию монографии. Именно за эти

¹ Я. Манандян, Феодализм в древней Армении, Труды, т. 4, Ереван, 1981, с. 187-436; Его же, Заметки о положении шинаканов древней Армении в эпоху марзбанства, Там же, с. 11-12; Т. Авдалбекян, Хас, сак и баж, Арменоведческие исследования, Ереван, 1969, с. 362-413; С. Акопян, История армянского крестьянства, т. 1, Ереван, 1957, т. 2, Ереван, 1964; Его же, Царраи-алахинь-рабы и их социально-экономическое положение в средневековой Армении, ИФЖ, 1962, N 1, с. 124-138 (все на арм. яз.); Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, Ереван, 1971; С. Т. Еремян, Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху, Известия АН Арм. ССР, 1948, N 11, с. 33-73; Его же, О рабстве и рабовладении в древней Армении, ВДИ, 1950, N 1, с. 12-26; Его же, Опыт периодизации истории Армении феодальной эпохи, ВИ, 1951, N 7, с. 52-73; Его же, Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., Очерки истории СССР III-IX вв., с. 303-310.

² Ф. Мамедова, Кавказская Албания..., стр. 3.

³ Б. Арутюнян, Когда отсутствует научная добросовестность, ВОН, 1987, N 7, с. 33-56; А. А. Акопян, П. М. Мурадян, К. Н. Юзбашян, К изучению истории Кавказской Албании, ИФЖ, 1987, N 3, с. 166-189; Г. С. Свазян, Пример использования исторической науки в экспансивных целях, ВЕУ, N 2, с. 46-56. А. В. Мушегян, Псевдоалбанская литература и ее апологеты, ВОН, 1989, N 8, с. 16-33.

⁴ Ф. Мамедова, Политическая история..., с. 240.

антиармянские положения работы Ф. Мамедовой привлекли пристальное внимание азербайджанских “патриотов”. По поводу издания книги “Политическая история и историческая география Кавказской Албании” в прессе появились хвалебные рецензии¹, что свидетельствует о нездоровых настроениях, распространенных среди азербайджанской интеллигенции, властей и некоторых слоев общества. Таким образом работы Ф. Мамедовой, как по поставленным задачам, так и по существу антинаучны, полностью пропитаны тенденцией разжигания вражды между армянскими и азербайджанскими народами и служит умыслам враждебных групп лжеинтеллигентов.

Сочинение географа и историка XVIII в. Вахушти Багратиони “География Грузии”² представляет большую ценность для изучения исторической географии и истории Закавказья. Вместе со многими другими материалами автор труда анализирует также и вопросы истории и исторической географии Алуанка. Он пытается этимологизировать название “Алуанк-Рани”, однако, принимая за основу русское транскрибирование, естественно, приходит к неверному объяснению, интерпретируя его как слово, возникшее из русского “раны”, “ранить”³. Вахушти Багратиони, вслед за древнегрузинскими историками, совершенно ясно различает и описывает Эрети и Рани⁴, указывая их границу. Такой подход географа раскрывает одну из важных страниц исторической географии Закавказья.

Алуанк, располагаясь непосредственно к востоку от Грузии, вызвал естественный интерес также у современных грузинских исследователей, которые изучали историю Алуанка как в общих работах по истории Грузии⁵, так и в специальных исследованиях⁶. В них затрагиваются вопросы географического, политического, социально-экономического и этнического характера. И несмотря на то, что в целом грузинские историки внесли определенный вклад в изучение исторической географии, политической и

¹ “Вышка” (орган ЦК КП Азербайджана 13 мая, 1986, N 111); “Баку” (орган ЦК КП Азербайджана и Бакинского горсовета, 15 июля, 1986, N163); “Молодежь Азербайджана” (орган ЦК ВЛКСМ Азербайджана, 20 сентября 1986); “Азербайжан муэллими”, 6 августа 1986; Литературный Азербайджан, 1986, N 10.

² Царевич Вахушти, География Грузии, Введение, перевод и пр. М. Г. Джанашвили, ЗКОИРГО, XXVI, вып. 5, Тифлис, 1904.

³ Там же, с. 136.

⁴ Там же, с. 31 и сл.

⁵ Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959.

⁶ Д. Л. Мухелишвили, Из исторической географии Восточной Грузии, Тбилиси, 1982; Т. Папуашвили, Вопросы истории Эрети, Тбилиси. 1970 (на груз. яз.).

социально-экономической истории Алуанка и других смежных вопросов, тем не менее некоторые неточности, как например, в вопросах локализации крепости Хунаракерта¹, Камбечана, якобы разделенного между тремя странами региона², заселенности правого и левого берегов Куры алуанцами и тем самым признание их вхождения в единое алуанское государство³ и др. затрудняют составление правильного представления о них и невольно приводят к неверным интерпретациям.

Вопросов исторической географии, политической, социально-экономической истории и этнического состава в своих трудах касались также европейские ученые В. Томашек, Й. Маркварт, Г. Гюбшман, Т. Моммзен, В. Шур, К. Туманов⁴.

Разные вопросы истории Алуанка затронуты также в первых томах Британской, Советской исторической Энциклопедиях, в Армянской советской энциклопедии, а также “Истории Дагестана” и первых двух томах академического издания “История армянского народа”.

¹ Д. Л. Мухелишвили, Из исторической географии ... Грузии, с. 7; Его же, К вопросу о локализации Хунана (Хунаракерта), Археологические памятники феодальной Грузии, II, Тбилиси, 1975, с. 275-277).

² Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, с. 123.

³ Т. Папуашвили, Вопросы истории Эреми, с. 11.

⁴ Tomaschek, Albania, Albanoi, PWN, Stuttgart, 1893, I, 1, s. 1303-1306; J. Marquart, Eransahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i, Berlin, 1901, H. Hübschmann, Die Alt-armenischen Ortsnamen, Indogermanische Forschungen, Bd. 16, 1904; Т. Моммзен, История Рима, т. I-V, М., 1854-1856; В. Шур, Восточная политика императора Нерона, пер. с немецкого на арм. яз. Месрон Гапозян, Вена, 1930; С. Toumanoff, Studies in Christian Caucasian History, Georgetown, 1963.

Глава вторая

ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ АЛУАНКА

Топонимы “Албания”, “Алуанк”, “Аран”

Термины “Албания” и “албанцы” как названия указанной страны и ее населения впервые в истории дошли до нас после Кавказского похода (65 г. до н. э.) через выдающегося греческого географа Страбона. Однако он, используя названия “Албания” и “албанцы”, не объясняет ни их происхождения, ни значения. Это делают античные авторы более позднего времени, чьи разъяснения, однако, носят характер исторических комментариев к мифам и основаны на описании внешних признаков жителей страны. В основе таких пояснений лежит толкование топонима “Албания” от латинского слова “albus – белый”, который якобы был дан ее жителям из-за их белых волос, что будто и обусловило возникновение названия страны – “Албания”.

Латинский историк I в. Плиний Секунд, ссылаясь на Исигона Никейского, писал, что в Албании рождаются люди с серосиними глазами, с детства седые и ночью видящие лучше, чем днем¹. Об этих признаках людей далекой Албании писал также и автор II в. Авлий Геллий², а автор IV в. Юлий Солин ту же историю сопроводил следующими комментариями: “От природы (алуанцы – Г. С.) имеют белые волосы, пепельный же цвет волос они считают особым предзнаменованием. Таким образом, цвет волос дал название этому народу. Зрачок у албанцев серый, потому-то они ночью видят лучше, чем днем”³.

Эти объяснения, данные античными авторами сочетанию “Албания” и “албанцы”, считались полностью приемлемым последующими авторами и исследователями, обратившими внимание на историю исследуемой страны и ее населения. Более того А. Бакиханов и другие не только в основе слова видели корень “albi”, того же самого латинского слова “albus – белый”⁴, и тем самым “Albania” истолковали как “Белая страна”, но и нарекателями страны считали римлян⁵. Но К. В. Шахназарян, Сен-Мартен, И. Шпенн, Н. Марр, К. В. Тревер, авторы “Британской энциклопедии”, “Очерков истории Дагестана” и др. в

¹ Известия древних писателей..., т. II, с. 187

² Там же, с. 264.

³ К. Ган, Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе, СМОМПК, вып. 4, Тифлис, 1884, с. 179.

⁴ И. Х. Дворецкий, Латинско-русский словарь, с. 54.

⁵ Аббас Кули-ага Бакиханов, Гюлистан-Ирам, с. 9.

корне исследуемого названия также усматрив слово “alp”, “alb”, однако трактовали его как “гора”, “высокий” на основе кельтского языка. Сопоставляя с имеющей горный рельеф Шотландией, называемой в древности “Албания”, а также с находящимися в Италии горами, носящими название “Албанские”, и расположенной в западной части Балканского полуострова страной Албанией, название Кавказской Албании они истолковывают как “Горная страна”¹. Соглашаясь с подобной этимологией, Б. Улубабян считает, что во время своих походов кельты достигли Кавказа и оставили свое кельтское обозначение (alb) в основе интересующего нас названия страны. В подтверждение своего мнения он ссылается на Каланкатуаци и Егише. К первому он обращается в связи с сообщением о происхождении от Яфета народа (“сыны Иафета: Гомер – от него и [пошли каппадокийцы]; Магог – от него и кельты, они же галаты”²), из чего якобы выходит, что кельты были аборигенами Кавказа, а ко второму – в связи с упоминанием имени одного из гуннских племен “хайландур”, которое, по его мнению, будто соответствовало кельтскому слову “highlander” с обозначением “горец”, и лежало в основе названия страны³. Однако, такая трактовка сообщения источника основана лишь на внешней схожести предполагаемого кельтского слова “alp”, “alb” и названия “Albania”, поэтому неверно видеть кельтский корень в исследуемом топониме.

Совершенно иную интерпретацию слова “Албания” предлагает Ю. Б. Юсифов. Предполагая, что в начале указанного слова исторически мог существовать придыхательный звук “h”, вследствие чего оно из-за соединения первоначального этнического названия “hal” и суффиксов “ba” и “n” звучало как “halban”, исследователь связывает его с этнонимом “halb” и комментирует происхождение названия страны как страна “hal”-ов⁴. Однако и эта трактовка

¹ **Мовсес Каланкатуаци**, История Алуанка, изд. К. Шахназарян, с. 42; История агван Моисея Каганкатуаци писателя X в. Пер. с армянского К. Патканяна, СПб., 1861, с. 284; **И. Шопен**, Новые заметки на древние истории Кавказа и его обитателей, СПб., 1866, с. 374; **Н. Марр** (сообщает К. В. Тревер, однако без указания труда и места, отмечая свое согласие с ним); **Его же**, Очерки по истории... Албании, с. 5; **Его же**, К вопросу о культуре Кавказской Албании, М.-Л., 1960, с. 1; Очерк истории Дагестана, т. I, Махачкала, 1957, с. 23. The Encyclopaedia Britannica, vol. I, New York, 1910, p. 482.

² **Каланкатуаци**, стр. 23.

³ **Б. Улубабян**, Топонимы “Албания”, “Агванк”, ИФЖ, 1971, N 3, с. 115-126 (на арм. яз.); **Его же**, Очерки истории Восточного края Армении, с. 42-45.

⁴ **Ю. Б. Юсифов**, О наименованиях “Албания” и “Арран”, Известия АН АзССР, 1961, N 10, с. 28; **Ср. Н. Я. Марр**, По поводу русского слова “сало” в древнеармянском описании хазарской трапезы VII в., Избранные работы, т. 5, М.-Л., 1935, с. 70, пр. 3.

является искусственной и необоснованной и не вносит ясность в изучение вопроса.

Исторической науке известно, что, еще с времен древних греков местным географическим и этническим названиям придавалось звучание, созвучное своим языкам. По этой же причине, как правильно отмечает Н. Марр, дошедшие до нас через античных авторов топонимы, особенно кавказского происхождения, приводятся в транскрипции или переводе¹. В частности, К. В. Тревер в связи с названием “Албания” писала, что “римляне” могли местному названию только придать латинское звучание”². Действительно, не исключено, что и в нашем случае имеем дело с подобным явлением. Греко-римское название “Albania” могло возникнуть на основе армянского слова и оно есть армянское “Алуанк” на корне и форме которого могло возникнуть греко-римское “Албания”, являясь его латинским транскрибированием, с обильным чередованием звуков [x-l] (х-л) и [u/v]-[b] (у/в)-(в/б) и в таком виде зафиксировалось в античных источниках, отражая географическую территорию, которая лежала к северу от Куры до Главного Кавказского хребта и от реки Алазан до Каспийского моря.

Термин “Albania” как географическое название указанной территории применялся до V в., после чего перестал употребляться для этой территории. Это явление указывает на политико-административные изменения, делающие архаичным и неприменимым в территориальном отношении прежнее понятие “Albania”³.

Не меньший интерес у исследователей вызывает и толкование армянского названия страны “Алуанк”. Первая попытка этимологизации термина принадлежит Мовсесу Хоренаци, который видя в корне интересующего нас топонима слово чисто армянского происхождения “аху” или “алу” (³Хбх, ³Йбх), то есть “кроткий”, “приятный”, “сладкий”, находит, что страна “Алуанк” получила свое название от кроткого, приятного нрава одного из потомков прародителя армян hԱյկա, Сисака, наследовавшего эту территорию. В соответствии с его кротким нравом – “алу” – страна была названа “Алуанк”. Мовсес Хоренаци пишет: “(Люди Сисака – Г. С.) унаследовали Алванскую равнину, включая ее обращенную к горам сторону, от реки Ерасх до крепости

¹ Н. Марр, Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием (арабская версия), СПб, 1905, с. 166.

² К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 4.

³ См. ниже.

называемой Хинаракерт, страна же получила название Алвани из-за его кроткого нрава, ибо его называли “алу”¹. То же самое повторяет и Мовсес Каланкатуаци, однако, пользуясь этим сообщением Хоренаци, черты характера Сисака приписывает потомку Сисака Арану и, следовательно, происхождение названия “Алуанк” связывает с его именем. “Аран,- пишет он,- который унаследовал долины и горы страны Алуанк, от реки Ерасх до крепости Һинаракерт... Из-за его [Арана] мягкого нрава страна эта была названа Алуанк, ибо из-за мягкого нрава звали его Алу”².

Этимологией слова в дальнейшем занимались исследователи, чьи трактовки коренным образом отличаются от толкований вышеупомянутых историков. По наиболее распространенному мнению армянское название страны “Алуанк” является арменизированной формой греко-римского названия “Албания”³. Однако такая трактовка неверна. Армянская форма названия “Алуанк” возникла в армянской среде и таким путем, как обычно происходят географические названия, - принимая за основу какое-либо историческое событие, имена отдельных легендарных личностей, народов или особенности природных условий. Поэтому считаем, что и топоним интересующей нас страны происходит подобным образом и в его корне лежит черта характера Сисака, обозначенная армянским словом “алу” и характеризующая всю страну со своей богатной природой и мягким климатом, о чем так много говорят источники⁴. Итак, основой слова является “алу”. Второй же частью его “анк” словообразовательный, показывающий принадлежность суффикс “еан”+ указатель множественного числа “к” с выпадением “е”. И он со словом “алу” составил топоним “Алу+(е) анк – Алуанк”. Образование слова с помощью суффикса “еанк” в армянском языке – нередкий случай. Аналогиями его могут служить “Сисакан-еан-к (“Сисаканцы”)", “Кадм-еан-к (“Кадмейцы”)", “ҺАйказ-еан-к (ҺАйказяны-армяне”)", “Аран-еан-к (“Аранцы”)", “лернотн-еан-к, “саротн-еан-к – саростан-еан-к (“жители подножия гор”)" и т. д. Исходя из значения суффикса, придающего словам смысл указания на то место жительства людей или

¹ Хоренаци, с. 64.

² Каланкатуаци, с. 25.

³ К. Патканов, Ванские надписи и значение их для истории Передней Азии, СПб, 1881, с. 116; Ю. Б. Юсифов, О наименованиях “Албания” и “Аран”, с. 26, 29. Б. Улубабян, Очерки истории Восточного края Армении, с. 39. Из русских исследователей И. Шопен транскрибирует армянское название страны “Алуанк” как “Агован” и поэтому толкует слово как “Страна огня” (см. Новые заметки..., с. 370).

⁴ Страбон, XI, IV, 2-3; Каланкатуаци, с. 25, СМОМПК, вып. 29, с. 17; вып.38, с. 8, 92, 98 и т. д.

принадлежность их к какой-либо категории семейному роду, можно полагать, что “Алуанк” означает “жители страны алу”, т. е. благодатной страны – “алуанцы”. Из подобного толкования выясняется, что топоним “Алуанк” дан стране для определения общности людей, живших в благоприятных природных условиях.

Таким образом, армянское название “Алуанк” возникло в армянской среде, связано с природным своеобразием страны, и как таковое, не имеет этнического происхождения. Оно через армян перешло к римлянам, которые дав этому названию латинское звучание ввели его в обращение в форме “Албания”, которое, разумеется, также не может иметь этнического происхождения.

Армянское название “Алуанк” в целом обозначало ту географическую территорию, которая соответствовала восточным краям Армении, определенных в трудах армянских авторов “от реки Ерасх до крепости Һынаракерта”¹.

Названия “Аран” (“Рани”, “Ар-ран”, “Ал-ран”) в грузинских, сирийских и арабских источниках появляется в то время, когда названия “Албания” и “Алуанк” уже употреблялись. Казалось бы, в этих условиях оно должно было возникнуть под влиянием упомянутых названий и иметь то же самое значение, что и они. Однако из исследований выясняется, что оно имеет совершенно иное происхождение, следовательно и другую этимологию.

Этимологией названия “Аран” первым занялся Н. Марр, обратившись с этой целью к дагестанским языкам. Согласно ему в языке лаков – одного из дагестанских племен, сохранилось слово “ар (ar)” в значении “долина”, а в языке племени хыналугов это слово означает “теплый”, “горячий” и использовалось в значении “равнина”, “зимние пастбища”². Такое же значение (“теплый”, “горячий”, “равнина”) названия “Аран” придает на основе языка дагестанских племен Ю. Юсифов³. С понятием “горячий” связывает название “Аран” и Б. Улубабян⁴.

В известной трехязычной надписи Шапуха I (241-272 гг.) на строении Кааба-и-Зардушт, где перечисляются подчиненные сасанидам кавказские страны, вместо греческого “Албании” в парфянской версии отмечена одна страна в написании “l-r'n”. В последнем исследователи склонны видеть название

¹ Хоренаци, с. 64; Каланкатуаци, с. 25.

² С. Т. Еремян, Н. Марр и армянский “Ашхарацуц” VII в. (Марр и вопросы арменоведения, Ереван, 1968, с. 88-89, на арм. яз.).

³ Ю. Юсифов, О наименованиях :Албания” и “Аран”, с. 25.

⁴ Б. Улубабян, Очерки истории Восточного края Армении, с. 52.

“Аран”¹ имеющее иранское происхождение. Если это действительно так, то нам кажется, что имеем дело с пехлеви́йским словом, который, разумеется, будет иметь иную этимологию, нежели предписывалось ему. Тем не менее, более чем вероятно, что в обоих случаях первоначально интересующее нас слово имело смысловое значение, и лишь в дальнейшем превратилось в географическое название. Исторически возникнув в восточных краях Армении и став географическим названием, оно обозначало собой эти края. Доказательством этого служит как раз встречающиеся в этих краях, т. е. в армянских областях Утик и Арцах топонимы с компонентом “Аран”: *Аран*рот и *Ути-Аран* (дзнак в Утике) и Мец *Аран в Арцахе*². То что название “Аран” могло возникнуть в восточных краях Армении и использовалось для обозначения именно этого края, показывает упоминаемое Хоренаци имя Арана как наместника указанных краев.

Из вышесказанного следует, что основой грузинского “Рани”, сирийского и арабского “Аран”, “Ар-ран” или “Ал-ран” была местная форма армянского названия.

Политические границы Алуанка в I в. до н. э. – сер. V в. н. э.³

Границы страны Алуанк совершенно ясно и определенно показаны в сочинениях крупнейших географов древнего мира – Страбона, Плиния Старшего и Клавдия Птолемея, сообщения которых подтверждаются и дополняются другими античными и армянскими историками и географами. Согласно сообщению Страбона, “албанцы... живут между иберийцами и Каспийским морем, на востоке их страна прилегает к морю, а на западе граничит с иберийцами. Что касается остальных сторон, то северная окружена Кавказскими горами (потому что эти горы возвышаются над равнинами и называются, в особенности их части, что у моря, Кераунийскими горами), а последнюю сторону образует Армения, граничащая с ней”⁴. Армения же, согласно Страбону граничила с Алуанком до того места, где “впадают в)Каспийское – Г. С.) море реки Кир и Аракс”⁵, то есть до устья этих рек.

¹ К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 135-136.

² Ашхарацуйц, с. 33 (курсив наш - Г. С.).

³ См. также Г. Свазян, Алуанк в первоисточниках и в историографии (Краткий историко-географический обзор), ВВА, 1989, №2, с.143-161.

⁴ Страбон, XI, IV, I.

⁵ Там же, XI, I, 5.

По свидетельству Плиния Старшего, “ всю равнину, начиная от реки Кира (к северу – Г. С.¹), заселяет племя Албанцев, а затем – Иверов, которые отделены от первых рекою Оказаном (Алазаном – Г. С.), текущую с Кавказских гор”². И Клавдий Птолемей описывает Алуанк современной ему эпохе в тех же границах: “Албания граничит с севера описанной частью Сарматии, с запада – Иверией... , с юга - частью Великой Армении, идущего от границы с Иверией до Ирганского моря к устью реки Кира”³. Кроме этих общих сообщений о границах Алуанка они попутно обращались и к описанию разных вопросов истории страны и, в связи с этим, вновь отмечая те же границы, придавали географическому охвату Алуанка четкую определенность. По разным поводам те же самые границы Алуанка отмечают также Плутарх и Аппиан, Дион Кассий и Асиний Квадрат, Стефан Византийский и др.

После греко-римских авторов о границах Алуанка сообщают армянские историки. Первым из них является Фавстос Бузанд, который повествуя о событиях IV в., южной границей Алуанка показывает реку Куру⁴. Более ясное представление о границах Алуанка дает “Ашхарацуиц”, согласно которому “Албания, т. е. Алуанк [находится – Г. С.] к востоку от Грузии, граничит с Сарматией, Кавказским хребтом и простирается до границы Армении по реке Кире”⁵, или “собственно страна Алуанк, которая расположена между рекой Курой и горой Кавказза”⁶.

Вопросом географических границ Алуанка занимались также и исследователи, которые, несмотря на то, что ссылаются на сведения упомянутых источников, тем не менее, по сей день не пришли к общему заключению. При этом расхождения наблюдаются как в вопросе территориального охвата, так и времени сложения границ Алуанка. Особенно острые разногласия вызвал вопрос о его южной границе, которую источники начиная со Страбона, т. е. с I в. до н. э., и до V в. неизменно считали проходившей по р. Куре. О Куре как границе между Великой Арменией и Алуанком уже упоминалось в вышеприведенных сведениях Страбона и Плиния Старшего. Кроме того, Страбон выражает эту мысль и в других своих сообщениях.

¹ Ср. С. Н. Муравьев, Заметки по исторической географии Закавказья. Плиний о населении Кавказа, ВДИ, 1988, N 1, с. 157.

² Известия древних писателей..., т. II, с. 181.

³ Там же, т. I, с. 242.

⁴ Бузанд, с. 15, 162.

⁵ Ашхарацуиц, с. 28-29.

⁶ Там же, с. 29.

Например, говоря о гаваре Шакашен области Утик, географ сообщает, что гавар этот граничит с Алуанком, и границей между ними является река Кура: “За этой равниной, - пишет Страбон, имея в виду равнину Аракса, - идет Сакасена, тоже граничащая с Албанией и с рекой Курой”¹. Принимая реку Куру в качестве границы между этой армянской областью² и Алуанком, Страбон фактически считает эту реку границей между Арменией и Алуанком. Плиний Старший в свою очередь, перечисляя с севера на юг племена, обитавшие на западном берегу Каспийского моря, и отмечая, что алуанцы “расселившиеся по Кавказским горам, доходят, как сказано, до реки Кира, составляющей границу Армении и Иверии”³, тем самым подтверждает вышеприведенную мысль о том, что южной границей Алуанка была река Кура. То, что последняя была границей между Арменией и Алуанком, после Страбона и Плиния вполне определенно сообщает Клавдий Птолемей, отмечая: “Кир, который течет по всей Иверии и Албании, отделяя от них Армению”⁴, и продолжая: “Великая Армения ограничивается с севера частью Колхиды, Иверией и Албанией по вышеуказанной линии, проходящей через реку Кир”⁵, наконец, говорит об армянских областях, заключающихся “между рр. Евфратом, Киrom и Араксом”⁶.

Эти сведения о реке Кура как пограничной реке между Арменией и Алуанком обосновываются также сообщениями Плутарха, из которых следует, что алуанцы, при нападении на Помпея зимой 66-65 гг. до н. э., перешли реку Куру⁷. Так дважды поступал и Помпей, т. е. переходил реку Куру, чтобы напасть на алуанцев⁸. Кстати, как раз эту часть реки Куры алуанцы перекрыли перекрыли частоколом, чтобы воспрепятствовать вторжению в Алуанк⁹. Дион Кассий вспоминает обитавших к северу от Куры алуанцев¹⁰, а это означает, что река Кура являлась южной границей алуанцев. Повествуя о первой стычке римлян с алуанцами Дион Кассий пишет, что Помпей разгромил алуанцев как раз у переправы через Куру, куда они пришли для ее перекрытия, боясь вторжения римлян в Алуанк. В этой связи Дион Кассий делает еще одно интересное

¹ Страбон, XI, XIV, 4.

² То, что упомянутая область была армянской и составляла неотъемлемую часть Армении Страбон свидетельствует многократно (см. Страбон, II, I, 14; XI, VII, 2; XI, VIII, 4).

³ Известия древних писателей..., т. II, с. 184.

⁴ Там же, т. I, вып. I, с. 242.

⁵ Там же, с. 243.

⁶ Там же, с. 244.

⁷ Плутарх, Помпей, XXXIV.

⁸ Там же, XXXV.

⁹ Там же.

¹⁰ Дион Кассий, XXXVI, 54, 1.

сообщение, из которого следует, что собственно страна алуанцев находилась за Курой. Так, рассказывая, что этим наступлением алуанцы вызвали гнев Помпея, историк пишет, что римскому военачальнику “очень хотелось отомстить им вторжением *в их собственную землю*”, но не смог вследствие наступающей зимы и остался зимовать в стране “Анаитис” у реки Куры¹. А так как страна “Анаитис” (или “Аспис”), по сведениям того же историка, находилась в Армении², то значит и “собственная земля” алуанцев находилась за ее пределами, т. е. за Курой. Наконец и Стефан Византийский, ссылаясь на Асиния Квадрата, правобережье Куры рассматривает как место обитания оваринов и утийцев, заселяющих значительную часть Армении³.

Уже было сказано, что Фавстос Бузанд считал границей между Великой Арменией и Алуанком реку Куру. По его свидетельству, она являлась северной границей Армении в течение всего IV в. и этот факт отражал существующую на протяжении предыдущих веков историческую действительность. Повествуя о вторжении в Армению северных кочевых племен во главе с так называемым мазкутским царем, прозванным Санесаном, Бузанд сообщает, что они, перейдя реку Куру, сразу очутились в Армении: “Перешел свою границу, - пишет Бузанд о Санесане, - большую реку Куру и наводнил армянскую страну”⁴. В другом месте, уже говоря о периоде, последовавшем за армяно-персидскими войнами 60-70-х гг. того же века, историк повествует о том, что спарпет армянских войск Мушег Мамиконян сражался против союзника Сасанидского Ирана Алуанка, отвоевал захваченные им гавары Армении и “... реку Куру сделал границей между своей страной и Албанией, как было раньше”⁵. Также согласно “Ашхарацуиц”, как видели, граница Алуанка проходила между Великой Арменией и Алуанком по реке Куре⁶.

Таким образом, известия античных и армянских историков и географов, живших и творивших с I в. до н. э. до V в. н. э., приводят к бесспорному убеждению, что в течение всего этого времени южной границей Алуанка была река Кура. Этот факт принимают многие исследователи: А. Яновский, С. Юшков, С. Еремян, Ас. Мнацаканян, Б. Улубабян, А. П. Новосельцев, В. Томашек,

¹ Там же, XXXVI, 54, 5 (курсив наш – Г. С.).

² Там же, XXXVI, 48, I.

³ Известия древних писателей..., т. I, вып. I, с. 270-271.

⁴ Бузанд, с. 15.

⁵ Там же, с. 162.

⁶ Ашхарацуиц, с. 28-29.

А. Акопян и др.¹. К. В. Тревер находит, что Кура была границей между Арменией и Алуанком еще раньше – со II в. до н. э.², К. Алиев – только со II в. н. э.³. Согласно последнему, до этого граница Алуанка проходила по реке Аракс⁴. Аракс для всех времен южной границей Алуанка считает Ф. Мамедова. Более того, безосновательно, лишь по своей прихоти, перенося “ретроспективно” сообщения источников на III в. до н. э., она находит, что Алуанк еще с указанного века, якобы, не только был заключен между Кавказским Главным хребтом и рекой Аракс, но и на севере имел сферу своего влияния вплоть до реки Сулак и далее⁵.

Считая реку Куру границей между Великой Арменией и Алуанком со II в. до н. э., К. В. Тревер связывает ее с “завоевательной” политикой Великой Армении. Согласно ее мнению, еще в начале II в. до н. э. армянский царь Арташес I (189-160 гг.) в процессе своей деятельности, направленной на объединение страны, будто отнял у Алуанка входившие в его состав области Утик, Арцах, Паутакаран и гавар Шакашен, которые “будучи раздроблены... не могли воспрепятствовать захвату их земель” и “с той поры пограничной рекой между Албанией и Арменией античные авторы называют Куру”⁶. Затем она считает, что эта “аннексированная” территория до IV в. н. э. оставалась в составе Армении и лишь после этого века объединилась с Алуанком⁷. Для подтверждения своего мнения К. В. Тревер ссылается на известное сообщение Страбона о мнимом “завоевании” земель Арташесом у соседних стран⁸. Однако ссылка на сообщение, в котором для такого заключения нет никакого основания, представляется антинаучной, Страбон поименно перечисляя страны, подвергшиеся завоеваниям и “захваченные” области⁹, вообще не касается ни Алуанка, ни областей, отмеченных К. В. Тревер. В период, указанный К. Тревер, т.е. во II в. до н.э., Алуанк еще не представлял собой сформировавшегося

¹ А. Яновский, О древней Кавказской Албании, с. 97; С. В. Юшков, К вопросу о границах древней Албании, с. 132, 144; С. Т. Еремян, Атлас к книге “История армянского народа”; Ас. Мнацаканян, О литературе Кавказской Албании, с. 18-33; Б. Улубабян, О границах древнего Агванка, ВЕУ, 1979, N 1, с. 113-114 (на арм. яз.); А. П. Новосельцев, К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании, с. 10-18; Tomaschek, Albania; Albanoi; РМК, р. 1303; А. А. Акопян, Албания-Алуанк..., с. 21-27.

² К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 58.

³ К. Алиев, Кавказская Албания, с. 122.

⁴ Там же, с. 90, 122 и сл.

⁵ Ф. Мамедова, политическая история... Албании, с. 58.

⁶ К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 58.

⁷ Там же, пр. 8.

⁸ Там же, с. 58.

⁹ Страбон, XI, XIV, 5.

государственного образования и, естественно, Арташес не мог от несуществующей политико-административной единицы завоевать определенные области. Игнорирование этого обстоятельства антиисторично и ошибочно, поэтому без труда опровергается данными источников и, в первую очередь, сказанием о Ерванде и Арташесе, пересказываемым Мовсесом Хоренаци: “В области Утик Еруанда застаёт весть о том, что персидский царь собрал большую рать под начальством Омбата, чтобы напав на тебя, возвести молодого Арташеса на положенное ему царство”¹. Одно уже то обстоятельство, что, согласно сказанию, представители разных армянских родов свой династический спор решают в Утике, показывает, что эта область, а тем более расположенная южнее нее область Арцах, издревле являлись органическими частями Армении и задолго до Арташеса составляли неотъемлемые части Ервандидской Армении.

“Открытие” К. Алиева о Кура как границе между Арменией и Алуанком только во II в. н.э. основано на фальсификации и самовольных толкованиях сообщений источников. Например, сообщение Страбона, согласно которому “река Аракс течет до границ Албании”², из которого следует только то, что Аракс не является границей Алуанка, а всего лишь течет до его границы, К. Алиев переделывая, пишет: “Аракс течет в пределы Албании”³, пытаясь создать такое впечатление, что Страбон считает Аракс рекой, протекающей по территории Алуанка. Тем не менее, под давлением сообщений источников он вынужден признать, что река Кура являлась границей между Арменией и Алуанком, и лавируя среди достоверных сообщений, пытается во что бы то ни стало доказать, что она могла быть южной границей Алуанка лишь во II в. н. э. По его мнению, рассмотрение Куры как южной границы Алуанка до II в. н. э. — результат неверных переводов соответствующих сообщений античных авторов и с воодушевлением первооткрывателя приступает к выявлению и “исправлению” наличествующих в них “ошибок”. Он пишет, что в переводе В. В. Латышева сообщение Плиния (“всю равнину, начиная от реки Куры, заселяет племя албанцев”) оторвано от контекста и создает иллюзию того, что алуанцы проживали, начиная от Куры, а на самом деле, согласно К. Алиеву, из контекста того же сообщения якобы следует, что “албанские и иберские

¹ Хоренаци, с. 95-96.

² Страбон, XI, XIV, 4 (курсив наш — Г. С.).

³ К. Алиев, Кавказская Албания, с. 114 (курсив наш — Г. С.).

племена обитали “вплоть до всей равнины Кюр”¹, т. е. алуанцы обитали и на правом берегу и на левом берегу Куры. Основываясь на этих “корректурках”, он объявляет: “данные Страбона, Плиния и Птолемея свидетельствуют о том, что территория Кавказской Албании разделилась на две части: на области, расположенные к северу от Куры, и на области, находящиеся южнее Куры и входившие до этого в состав Албании”². Однако алиевские переводы совершенно своевольны, а заключения предвзяты, поскольку противоречат сущности сообщений названных авторов, которые сохранились как в русском переводе В. В. Латышева, так и в английском, приведенном параллельно с греческим оригиналом³. Так что выискивая ошибки там, где их нет, К. Алиев фальсифицирует исторические факты. Высказывая свое несогласие с теми исследователями, которые южной границей Алуанка ранее II в. считают реку Куру, он самодовольно объявляет, что река Кура была границей между двумя странами “только во II в.”⁴.

Таким же образом к сообщениям источников подошла и Ф. Мамедова. Как и предыдущий автор, оставив в стороне многочисленные сообщения античных и армянских историков о том, что река Аракс являлась одной из рек Армении⁵, следовательно не могла быть южной границей Алуанка, она сообщения же о ней объявляет противоречивыми и исторически неверными. Ложными она называет также и те сообщения Страбона, в которых Шакашен и Араксена упоминаются как армянские гавары, находит преувеличенным и тенденциозным свидетельство Фавстоса Бузанда о Куре как границе между Алуанком и Великой Арменией, да и вообще об Алуанке и алуанцах, считает необоснованными сообщения того же Бузанда и Ширакаци об Утике, Арцахе, Шакашене, Гардмандзоре и Паутакаране как исконно армянских областях⁶ и т. д., поскольку приводимые ими сведения совершенно не в интересах Ф. Мамедовой.

Ф. Мамедовой представляются ошибочными сведения Страбона, Плутарха, Плиния Старшего, Аппиана и Диона Кассия о Куре как о границе

¹ Там же, с. 88.

² Там же, с. 121. Такого же превратного мнения придерживается и грузинский историк Т. Папуашвили, который считает, что рекой Курой Алуанк разделен на две части: левобережный и правобережный Алуанк (см. Т. Папуашвили, Вопросы истории Эреми, с. 5, на груз. яз.).

³ Ср. Известия древних писателей..., т. II, с. 181; Pliny, Natural History (“All the plain from the Kur onward is occupied by the race of the Albani”), VI, 11.

⁴ К. Алиев, Кавказская Албания, с. 122.

⁵ Страбон, XI, I, 5; IV, 2; XIV, 4, 6, 7; Плиний (Известия древних писателей, т. II, с. 181); Помпоний Мела (Там же, с. 125); Птолемей (Там же, т. I, вып. I, с. 244); Хоренаци, с. 93, 99.

⁶ Ф. Мамедова, Политическая история... Албании, с. 45, 46, 53, 119, 124, 145-146.

между Арменией и Алуанком. Она считает, что река Кура рассматривалась границей Армении и Алуанка лишь вследствие не критичного подхода исследователей к свидетельствам указанных авторов, без попытки выявления их достоверности, появления “армянской традиции”¹ по этим вопросам и в особенности из-за полного игнорирования сообщений Хоренаци и Каланкатуаци². Она прямо требует не верить античным авторам, поскольку, по ее мнению, “их информация носила случайный и противоречивый характер и вполне могла быть неточной”³. Это своевольное требование она объясняет тем, что в основе сообщений этих авторов лежат сведения плохо знавших географию Южного Кавказа Эратосфена, Патрокла и участников Кавказского похода Помпея, особенно последних, “чьей целью было преследование понтийского царя Митридата, а вовсе не изучение Албании”⁴. Однако обвинения Ф. Мамедовой в адрес античных авторов совершенно надуманы и беспочвенны. В основе описания Алуанка и особенно сообщений Страбона лежат не сведения Эратосфена, Патрокла или случайных спутников походов Помпея, а данные компетентных людей: в основном военные дневники и отчеты участника и очевидца походов Помпея военного, политического и государственного деятеля Феофана Митиленского⁵, которые были официальными государственными докладными записками, достоверными документами. Как таковые, они содержали в необходимом количестве достоверные сведения не только по вопросу границ Алуанка, но и об его социальной, экономической и политической жизни, поскольку римских завоевателей именно в этом аспекте интересовали подлежащие завоеванию страны. Увлекаясь поисками противоречий в сообщениях Страбона (и других авторов), Ф. Мамедова критическое отношение Страбона к своим источникам, в частности, к Посидонию⁶, представляет как факт, подчеркивающий противоречивость его сообщений⁷. Но это ненаучный подход. Такое критическое отношение Страбона к своим источникам привело бы добросовестного исследователя к правильному заключению о научном,

¹ “Армянской традицией” Ф. Мамедова называет засвидетельствованное источниками положение о реке Кура как южной границе Алуанка, которое якобы в противоположность исторической истине в историографии ввели армянские историки.

² Ф. Мамедова, Политическая история... Албании, с. 119.

³ Там же, с. 120, 146.

⁴ Там же, с. 120.

⁵ Г. С. Овезян, Источники Страбона о Кавказской Албании, с. 95-104.

⁶ Страбон, XI, 1, 6.

⁷ Ф. Мамедова, Политическая история... Албании, с. 119.

аналитическом подходе Страбона используемым им сведениям. Страбон вследствие тщательного отбора широко использовал сведения Феофана Митиленского¹, которые никак нельзя считать “случайной информацией”. Значит, в основе сообщений Страбона лежали данные надежных и достоверных источников, на которых базировалось описание Алуанка I в. до н. э. – I в. н. э. в политическом, социально-экономическом и географическом отношениях. Согласно же этим сообщениям, южная граница Алуанак в указанный период проходила по реке Куре.

Отрицая достоверность сообщений античных и армянских авторов о Куре, как границе между Арменией и Алуанком, Ф. Мамедова указывает на Мовсеса Каланкатуаци и Мовсеса Хоренаци, хорошо знавших регион и якобы проводивших границу Алуанка на юге по реке Аракс. С этой целью она ссылается на те их сообщения, в которых говорится о назначении царем Вагаршаком легендарного Арана заместником в северо-восточных областях и передаче ему территории “от реки Ерасха до крепости, называемой Хнаракерт”². Ни у одного серьезного исследователя не возникло, да и сейчас не возникает, сомнения в том, что это сообщение Хоренаци и его последователя Каланкатуаци³ относится к происшедшим в Армении преобразованиям, приведшим к созданию нового армянского наместничества на северо-востоке страны. Уже то обстоятельство, что основателем нахарарств являлся армянский царь, к тому же “вдоль границ армянской речи”⁴, не оставляет места даже для предположения, что Аран мог унаследовать неармянские территории. Но Ф. Мамедова (как и некоторые другие) видит в этом сообщении не только свидетельство об Араксе как о южной границе Алуанка, но и объявляет Арана первым правителем Албании и предком алуанцев⁵. Но власть этого “предка” распространялась отнюдь не на ту территорию, искусственное расширение которой считает своей миссией Ф. Мамедова. Проходя на юге по реке Аракс, на западе – у крепости Хнаракерт, граница “предка албанских племен” на севере, как отмечает Хоренаци, доходила

¹ Г. С. Овсян, Источники Страбона о Кавказской Албании, с. 95-104.

² Хоренаци, с. 64.

³ Каланкатуаци, с. 25.

⁴ Хоренаци, с. 63.

⁵ Ф. Мамедова, Кавказская Албания..., с. 39, 140. и сл. Ее же, Политическая история... Албании, с. 101 и сл. См. также К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 46, 144 и сл.

до реки Куры¹. Значит, территория Арана на севере ограничивалась течением Куры и его власть не распространялась по ту сторону реки, где располагалась совершенно чужая для него страна – Алуанк. Таким образом, на юге до реки Аракс раскинулась не территория Собственно Алуанка, а владения Арана, которые были отделены от нее рекой Курой, что делает беспочвенным их отождествление. По той же логике Аран не мог быть прародителем алуанских племен, обитавших к северу от Куры. Владение Арана, которое армянские историки называют “Алуанком”, включало территорию, которая на севере была окаймлена рекой Курой, на юге-востоке – рекой Аракс, юго-западе – Арцахскими горами, северо-западе – крепостью Хнаракерт, составляя треугольник, включающий армянские окраинные области Утик и Арцах. Доказательством того, что владением Арана являлся именно этот край, служит то, что те же историки считают происшедшими от него лишь племена живших в этом треугольнике утийцев, гардманцев, цавдейцев и гаргарейцев. Как видим, “Алуанк” армянских историков по своим географическим границам отнюдь не соответствует “Албании” греко-римских источников. Так что сообщения Хоренаци и Каланкатуаци о границах владения Арана не могут быть основой для доведения границы Собственно Алуанка до Аракса, а полностью служат неопровержимым доказательством того, что его южной границей была река Кура. Отметим, однако, что в определенный исторический период политическая граница Алуанка доходила до Аракса. Это произошло при следующих политических обстоятельствах. Как повествует Бузанд, воспользовавшись тяжелым положением в Армении, создавшимся вследствие армяно-персидских войн 50-60-х годов IV в., Алуанк, будучи союзником Сасанидского Ирана, напал на Армению и захватил гавары Ути-Арандзнак, Шакашен и Гардман области Утик. Согласно тем же сведениям Бузанда, Алуанк захватил также гавар Кохт, что в Арцахе. Повествуя об этом и перечисляя гавары, захваченные Алуанком, Бузанд в их числе отмечает “и сопредельные им гавары”², давая основание для предположения о том, что Алуанк завоевал также и другие гавары северо-восточных краев Армении. Так в 60-х годах IV в. впервые в истории южная граница Алуанка оказалась за рекой Курой. Однако такое положение сохранялось недолго и уже в 70-х годах того же века, с окончанием

¹ Хоренаци, с. 63-64.

² Бузанд, с. 162.

армяно-персидской войны, Мушег Мамиконян смог отвоевать отторгнутые от Армении гавары, восстановить прежнее положение и вновь сделать Куру границей между этими двумя странами: "(Мушег Мамиконян – Г. С.) пошел войною также на страну албанов и жестоко разгромил их. Отнял у них много гаваров, которые ими были захвачены, - Утик, Шакашен и Гардманадзор, Колт и сопредельные им гавары. Реку Куру сделал границей между своей страной и Албанией, как было раньше¹.

Таким образом, как бы ни старались некоторые исследователи исказить исторические факты, фальсифицируя и истолковывая их в выгодном для них свете и выдавая желаемое за действительное, анализ сообщений историков приводит к убеждению, что река Кура была границей Алуанка и что эту свою роль границы она (кроме указанного короткого времени) сохранила на протяжении всей истории существования государственности Алуанка, т. е. с I в. до н. э. и до середины V в. н. э.

Немало споров вызвал и вопрос северной границы Алуанка. Первое сообщение о ней опять принадлежит Страбону. Согласно его сведениям, гора Кавказ "отделяет с юга Албанию и Иберию, а с севера – сарматские равнины"². Затем в общем описании границ Алуанка, в частности, по интересующему нас вопросу Страбон пишет: "что касается остальных сторон, то северная окружена Кавказскими горами, потому что эти горы возвышаются над равнинами и называются, в особенности их части, что у моря, Кераунийскими горами"³ Одновременно географ подчеркивает, что "наиболее высокими частями настоящего Кавказа являются самые южные его части – у Албании, Иберии"⁴. Эти сообщения Страбона дополняются сведениями других античных и армянских авторов. Плиний Старший пишет, что выше приморской части страны Алуанк, то есть к северу от нее, простиралась земля Сарматии⁵. Птолемей, также описывая Сарматию, сообщает, что южная граница последней завершилась у пограничной линии Колхиды, Иверии и Алуанка⁶ и уже в описании Алуанка подтверждая сказанное, пишет: "Албания граничит с севера

¹ Там же.

² Страбон, XI, II, 15.

³ Там же, XI, IV, 1.

⁴ Там же, XI, V, 6.

⁵ Известия древних писателей..., т. II, с. 184.

⁶ Там же, т. I, вып. I, с. 237.

описанной частью Сарматии”¹. Из армянских историков на соседство Алуанка и Сарматии указывает Лазар Парпеци, одновременно располагая между ними один из проходов Кавказа: “Паһак вормоін, который между владениями Алуанка и Гуннов”². Вспомним, что и по “Ашхарацуицу”, Алуанк находится “на востоке Грузии, граничит с Сарматией Кавказским хребтом”, а границы Сарматии простирались “от Кавказских гор, Иверии и Алуанка до Каспийского моря, у устья реки Суанас”³.

Из этих сообщений источников исследователи пришли к общему убеждению: Алуанк на севере граничил с Сарматией. Однако по поводу линии границы, проходящей между ними, их мнения расходятся. Для рассмотрения этого вопроса исследователи обычно за отправную точку принимали местоположение гор, называемых Кераунискими, в системе Кавказского хребта, о которых, кроме Страбона, говорят также Помпониус Мела и Птолемей⁴, и реку Соана, у устья которой, согласно Птолемею, завершилась граница Алуанка на северо-востоке⁵, пытаясь найти их современные названия и в соответствии с этим определить границу между Алуанком и Сарматией. Так, некоторые исследователи (С. Юшков, В. Левиатов, авторы “Истории Азербайджана” и др.), отождествляя реку Соану с современной рекой Терек, включают в пределы Алуанка весь Дагестан⁶. К. Алиев, отождествляя упомянутые Птолемею Керуниские горы с Самурским хребтом, а реку Соану с рекой Самур⁷ доводит границу до Дербента, включая также значительную часть Дагестана. Он пишет: “Согласно античным писателям северные пределы древней Кавказской Албании доходили до Большого Кавказа, северных предгорий Самурского хребта – от верховьев Иори и Алазани на западе до устья реки Соаны или нынешнего Дербента на Востоке”⁸.

О северной границе Алуанка аналогичным образом высказывается и Ф. Мамедова, однако, видимо, считая это недостаточным, сразу же добавляет: “но временами северная граница (Алуанка – Г. С.) могла доходить до реки Сулак и

¹ Там же, с. 242.

² Парпеци, с. 154.

³ Ашхарацуиц, с. 28.

⁴ Известия древних писателей, т. I, вып. I, с. 238.

⁵ Известия древних писателей..., т. I, вып. I, с. 242.

⁶ С. В. Юшков, К вопросу о границах древней Албании, с. 138, 148 и сл.; В. Н. Левиатов, Азербайджан с V в. до н. л. по III в. н. л.; История Азербайджана, т. I, с. 50-51.

⁷ К. Алиев, Кавказская Албания, с. 97, 100.

⁸ Там же, с. 107-108.

далее”¹. Северную границу Алуанка доводят до Дербента и другие современные азербайджанские историки².

Из армянских историков северную границу Алуанка до Дербента доводят также Макар Бархутарянц³, Б. Улубабян⁴, А. Акопян⁵.

Отождествляя реку Соану с современной рекой Сумгаит, северную границу Алуанка до указанной реки доводит А. Яновский⁶. Такое тождество считает возможным также С. Муравьев⁷.

Из сопоставления вышеупомянутых сообщений Страбона становится ясно, не только то, что Сарматия являлась северным соседом Алуанка, но и то, что границей между ними была та ветвь Кавказского хребта, которая являлась самой высокой и южной частью горного массива, находилась у моря и называлась Страбоном Керауниским. Близлежащие к Каспийскому морю горы Кераунискими называет и Помпониус Мела⁸. Из одного сообщения Птолемея также следует, что северной границей Алуанка могла быть их южная ветвь, примыкающая к Каспийскому морю. Он пишет: “Сарматию прорезывают еще другие горы, называемые Иппейскими и Кераунискими, и гора Корак, которой оканчиваются горы, идущие через Колхиду и Иверию и называемые Кавказскими, а также отрог их, который идет к Ирганскому морю и называется также Кавказом⁹. Нетрудно заметить, что из перечисленных горных хребтов последний – Кавказ, являясь той южной ветвью хребта, пересекающего Сарматию, который отделял Сарматию от Алуанка. Это подтверждает также и Анания Ширакаци, который, хорошо зная топографию Кавказа и обитавшие там племена, вносит больше ясности в изучение вопроса, чем его греческие предшественники. Он пишет: “Кавказ делится на два хребта. Один идет в прямом направлении, на котором живут народности Шрван и Хсрван, до Хорсвэма. От другого хребта начинается река Арм, приток которой течет прямо на север к реке Ати. Затем тот же самый хребет идет на северо-

¹ Ф. Мамедова, Политическая история... Албании, с. 144.

² Р. Б. Гюшев, Христианство в Кавказской Албании, Баку, 1984, с. 3; Дж. А. Халилов, Материальная культура Кавказской Албании, с. 11.

³ М. Бархутарянц, Алуанская страна и соседи (Средний Дагестан), с. 105.

⁴ Б. Улубабян, О границах древнего Агванка, с. 114-118, 121.

⁵ А. Акопян, Албания-Алуанк..., с. 35.

⁶ А. Яновский, О древней Кавказской Албании, с. 97.

⁷ С. Л. Муравьев, Птолемеява карта Кавказской Албании и уровень Каспия, с. 131.

⁸ ВДИ, 1949, N 1, с. 274.

⁹ Известия древних писателей..., т. I, вып. I, с. 238.

восток, где обитают Таваспары, Хечматаки, Ижмахи, Пусхи, Базки”¹. Эти хребты, протянувшиеся на север и прямо (который по сравнению с первым является южным), и племена, живущие вокруг них, в “Ашхарацуице” выступают в описании Сарматии², той Сарматии, которая, как отмечают греко-римские и армянские источники, являлась северным соседом Алуанка и отделялась от нее Кавказскими горами или, можно сказать, по одному из его хребтов. Значит, согласно также и “Ашхарацуицу”, северная граница Алуанка проходила по южному, или “прямо” идущему хребту, вокруг которого жили самые южные жители Сарматии – народности Шрвана и Хсрвана.

Таким образом, как видно из приведенных свидетельств, северную границу Алуанка составлял не весь массив Кавказского хребта, а его южная ветвь, которую Страбон и Помпониус Мела называют Кераунскими, а Птолемей – просто Кавказом. Для армянского автора этой ветвью являлся “прямо” идущий хребет. По всей вероятности, именно эти горы “албанскими” называет римский историк Тацит³. Из приведенных данных следует, что не правы К. Алиев и его последователи, которые отождествляют упоминание Страбоном и Птолемеем горы и северную границу Алуанка определяют согласно одноименным Керауниским горам Птолемея, которые в действительности располагались намного севернее. По своему географическому положению с Кераунискими горами Страбона могут быть отождествлены только горы, называемые Птолемеем “Кавказом”. Однако северная граница Алуанка не ограничивалась упомянутой горной ветвью. Как показывает сообщение Птолемея, северо-восточной оконечностью границы Алуанка являлось устье реки Соана, впадающей в Каспийское море. То, что восточная граница Алуанка на севере завершалась у устья одной из рек, впадающей в Каспийское море, подтверждает также Анания Ширакаци, говоря о южной границе Сарматии - северного соседа Алуанка. Сарматия, согласно его сведениям, простиралась до “Каспийского моря, у устья реки Суана”⁴. Судя по тому, что для обозначения пограничной линии между Алуанком и Сарматией Птолемей указывает северо-восточную крайнюю точку Алуанка, а Анания Ширакаци – юго-восточную – Сарматии, можно твердо сказать, что речь идет о разных названиях той же реки Соана

¹ Ашхарацуиц, с. 27.

² Там же, с. 25-27.

³ Тацит, Анналы, VI, 33.

⁴ Ашхарацуиц, с. 25.

или Суанас, в разных звучаниях. А вообще из этих сообщений можно заключить, что северная граница, завершаясь южной ветвью Кавказского хребта, продолжалась по реке Соане, берущей начало с этой ветви, и заканчивалась у ее устья. Из современных рек, впадающих в Каспийское море, только река Сумгаит берет свое начало с южной ветви Кавказских гор. Поэтому, исходя из одинакового географического положения этих двух рек, мы считаем, что действительно, река Соана античных авторов – современная река Сумгаит¹, которая являлась продолжением северной границы Алуанка после Кераунского хребта².

Здесь считаем необходимым остановиться на получившей распространение в историографии ошибочной концепции отождествления Мазкутской и Алуанской страны или включения первой в состав второй. Эта концепция породила и другие ошибки, в частности, мнение о том, что якобы северо-восточной пограничной точкой был Дербент, а центр Мазкутской страны Чох (Чор, Чол) являлся столицей Алуанка. В качестве убедительного аргумента, опровергающего подобное мнение, следует привести сообщение “Ашхарацуица”, в котором Мазкутская страна локализуется на территории Азиатской Сарматии, как одного из ее 46-ти гаваров, а Сарматия как известно была совершенно отдельной от Алуанка страной. К тому же “Ашхарацуиц” подчеркивает, что Алуанк и Мазкутк совершенно различные страны: “Третье море – Врканское, которое называется Каспийским... с запада граничит с (Великой) Арменией, с северо-запада – Алуанком по реке Кесиос и Мазкутком”³. Как явствует из этого сообщения, из стран, прилегающих к западному берегу Каспийского моря, Алуанк простирался к северу от Великой Армении до устья Кесиоса и, что особенно важно для нас, до страны Мазкутов. Иначе страна, начинающаяся от земель Мазкутк и граничащая с Каспийским морем, уже не Алуанк и не имеет никакой связи с ним. Более того, согласно приведенному сообщению “Ашхарацуица”, страна Мазкутк имела свои собственные границы,

¹ По мнению С. Ковалевского, одного из исследователей карт Птолема Сумгаит соответствует отмеченный на его карте “Албанус” (см. С. А. Ковалевский, “Карта Птолема...”, с. 34)

² Придя к такому заключению, можно полагать, что “Паһак вормоин”, упомянутый Парпеци, не ущелье Дербент, как считали исследователи, а горный проход Хорсвэм, находящийся, согласно “Ашхарацуицу”, значительно южнее его и на территории Сарматии. Поэтому сообщение Тацита об ущелье между горами, называемыми “албанскими”, и морем, относится к этому ущелью, а не к ущелью Дербента.

³ С. Т. Еремян, Опыт восстановления первоначального текста “Ашхарацуица”, ИФЖ, 1972, N 4, с. 218 (на арм. яз.).

из которых южная проходила по крепостной стене, называемой Анзуткават, а северная – Дербент. Следовательно, неверно рассматривать Чор как столицу Алуанка, тем более, что этому противоречат историографические и археологические данные согласно которым в изучаемый период столицей Алуанка был Капалак¹.

Таким образом, несомненно, что северная граница Алуанка проходила по вышеупомянутой линии, по южным Кераунийским горам Главного Кавказского хребта и реке Соана (совр. р. Сумгаит) до впадения ее в Каспийское море. Признание какой-либо другой границы в исследуемый период приводит к неверному представлению о территориях не только Алуанка, но и Сарматии.

Все известные нам греко-римские источники доводят восточную границу Алуанка до Каспийского моря. Принимая за основу единодушные сообщения античных авторов о Каспийском море как восточной границе Алуанка невозможно найти иного основания для принятия другой пограничной линии на востоке. Можно лишь полагать, что восточная граница Алуанка сформировалась позднее – после походов Помпея, будучи обусловлена ими. Основой для такого предположения, как нам кажется, может послужить сообщение Диона Кассия, согласно которому, Помпей, завоевывая Алуанк, заключил союз с рядом племен западного побережья Каспийского моря, с каждым в отдельности. “Совершив это и сделав набег на страну (Алуанк – Г. С.), - пишет Дион Кассий, - Помпей даровал мир албанцам и заключил через послов договоры с некоторыми другими из обитателей Кавказа до Каспийского моря”². Последнее обстоятельство показывает, что у этих племен еще не завершился процесс перехода к государственности, поэтому государственно-политическая граница Алуанка на востоке еще не сформировалась. И только после подчинения Помпею и создания одинаковых условий для других племен, процесс перехода к государственности у этих племен ускорился. И они, оказавшись в одинаковом государственно-политическом образовании, придали Алуанскому государству окончательный и полноценный характер, доведя его восточную границу до Каспийского моря.

¹ Известия древних писателей..., т. II, с. 181; О. Ш. Исмаилов, Кабала – столица древней Кавказской Албании. Сб. Вопросы истории Кавказской Албании, с. 54-74; А. Е. Крымский, Страницы из истории... Азербайджана, с. 289-305.

² Дион Кассий, XXXVII, 5, I.

Страбон, также как и Плиний Старший западной границей Алуанка считают реку Алазан: “Проход из Албании (в Иберию – Г. С.) идет сначала через скалы высеченной в камне тропой, а затем через поиму, образуемую рекой Алазонию, текущей с Кавказа”¹. “Всю равнину, начиная от реки Кира, - пишет уже Плиний, - заселяет племя албанцев, а затем Иверов, которые отделены от первых рекою Оказаном (Алазаном – Г. С.), текущую с Кавказских гор”². Эти сообщения вполне ясно показывают, что западная граница Алуанка проходила по реке Алазан. Его западным соседом была Иверия. Это отмечают Страбон и Птолемей. Согласно первому, алуанцы “живут между иберийцами и Каспийским морем”³, а по второму – “Албания граничит... с запада с Иверией”⁴. Такого единодушия сообщений было бы достаточно, чтобы принять за факт то, что Алуанк и Иверия граничили друг с другом по всей длине реки Алазан, если бы не вопрос политического состояния расположенной на западном берегу Алазана области Камбечан. С. Т. Еремян считает, что в состав Армении входила лишь часть Камбечана, называемая Страбоном Комисена, притом, эта армянская часть рекой Курой отделялась от других частей Камбечана входивших в состав Иверии и Алуанка⁵. Я. Манандян предполагал, что Камбечан располагался между современными реками Иври (древний Камбечан) и Алазан (Абант)⁶. Ас. Мнацаканян и Б. Улубабян находят, что Камбечан входил в состав Армении⁷. Камбечан в составе Алуанского царства видит и А. Акопян⁸. Ф. Мамедова называет ее “албанской областью”⁹. Третьи же, как, например, Г. А. Меликишвили, Д. Л. Мусхелишвили и другие полагают, что область в равной мере была разделена между армянами, грузинами и алуанцами¹⁰.

Из сообщений источников, и в особенности “Географии” Страбона (“проход из Иверии в Албанию идет через безводную и каменистую область Камбисену к реке Алазонию”¹¹), следует, что в I в. до н. э. – I в. н. э. Камбечан

¹ Страбон, XI, III, 5.

² Известия древних писателей..., т. II, с. 181.

³ Страбон, XI, IV, I.

⁴ Известия древних писателей..., т. I, с. 242.

⁵ С. Т. Еремян, Армения по “Ашхарацуицу”, с. 67.

⁶ Я. Манандян, Тигран II и Рим, Труды, т. I, с. 590.

⁷ Ас. Мнацаканян, О литературе... Албании, с. 38-41; Б. Улубабян, Очерки истории Восточного края Армении, с. 31.

⁸ А. А. Акопян, Албания-Алуанк..., с. 28-30.

⁹ Ф. Мамедова, Политическая история... Албании, с. 93-94.

¹⁰ Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, с. 123 и сл.; Д. Л. Мусхелишвили, Из исторической географии... Грузии, с. 19.

¹¹ Страбон, XI, IV, 5.

находился между Алуанком и Иверией. Являясь пограничной с ними областью, Камбечан не входил в состав ни одного из них. Об этой области Страбон говорит еще дважды и в обоих случаях – при описании Армении. При этом в одном из них отмечает, что Камбечан находится в Армении, даже подчеркивает, что он был сопредельной Иверии областью: “Провинцией Армении является Фавена, а также Комисена и Орхистена... Хорзена и Камбисена – самые северные и больше всех покрыты снегом, они находятся на границе с Кавказскими горами, с Иберией и Колхидой”¹. Из другого его сообщения, также касающегося Армении, выясняется, что “Армения.. частью же гористая страна, подобно Камбисене, где армяне граничат одновременно с иберийцами и албанцами”².

Исходя из сообщений источников можно утверждать, что в античное время Камбечан входил в состав Великой Армении и являлся той областью, где Армения граничила с Иверией и Алуанком, имея такой политический статус, она, разумеется, не могла принадлежать Алуанку. Это, к большому разочарованию Ф. Мамедовой подтверждают также свидетельства других авторов, в особенности Плутарха и Диона Кассия. Согласно их единодушному сообщению, Помпей во время похода в Алуанк в первую очередь прошел по Камбечану и только после этого встретил стоящее наготове алуанское войско на другом берегу реки Алазан (Абант, Абас)³. Если бы Камбечан являлся алуанской областью, то едва ли Помпей мог иметь возможность дойти до другого берега реки Алазан без сопротивления. Являясь одной из областей завоеванной Армении, она была превращена Помпеем в плацдарм для нашествия в Алуанк. Таким образом, не права Ф. Мамедова и вместе с ней те исследователи, которые придают Камбечану I в. до н. э. – I в. н. э. другой политический статус, кроме как армянский. Эта область в исследуемый период полностью входила в состав Великой Армении и была отделена на юго-западе от Иверии-Картли крепостью Хнаракерт и местом слияния рек Храма и Куры, на севере крепостью Велис-Цихе⁴, а на востоке от Алуанка по всей протяженности реки Алазан, являющаяся также и западной границей Алуанка.

¹ Там же, XI, XIV, 4.

² Там же, XI, IV, 1.

³ Плутарх, Помпей, XXXV; Дион Кассий, XXXVII, III, 6.

⁴ С. Т. Еремян, Карта к книге “Армения по “Ашхарацуицу”.

Таким образом обобщая свидетельства о границах страны Алуанк-Албании древнегреческих и римских авторов, можем констатировать, что граница ее на севере проходила по Керуанийским горам, составлявшим южную ветвь Кавказского хребта, и далее по реке Соана (Сумгаит), на востоке – вдоль Каспийского моря, а на юге и западе – соответственно по рекам Куре и Алазан.

Сформировавшись в I в. до н.э., политические границы Алуанка, за исключением вышеупомянутого короткого отрезка времени, просуществовали до середины V в., когда произошли решающие изменения в исторической судьбе Южного Кавказа (упразднение местных царств и формирование марзпанств), повлекшие за собой социально-экономические и политические перемены.

Страна Алуанк в своих отмеченных границах была разделена на отдельные административные единицы-области, которых, согласно “Ашхарацуйцу”, было одиннадцать: Ехни, Бех, Камбечан¹, Шаке, Гетару, Хохмах, Гехаву, hАмбаси, Востан-и-Марзпан, Кахадашт и Дашт-и-Базкан или hЭджеру². Они же в свою очередь делились на гавары.

Столицей Алуанка был Капалак (“Хабала”, “Кабалак” – греко-римских источников³, который, как показывают раскопки, находился в районе современного Куткашенского района Азербайджанской Республики, на месте развалин у села Чухур-Кабала⁴. Он сохранил роль столицы до середины V в., т. е. до формирования Алуанского марзпанства, после чего уступил место новоизбранному центру марзпанства Партаву.

Ретроспективно бросая взгляд на вышеизложенное о границах Алуанка, определенных согласно сведениям античных и древнеармянских источников, замечаем, что вне этих исторически сложившихся пределов интересующей нас страны, на севере оставались территории, лежащие от реки Сумгаит до реки Самур, а на юге – все правобережье реки Куры, которые азербайджанские историки совершенно беспочвенно включают в состав Алуанского государства.

Относительно правобережья Куры можно сказать, что помимо греко-римских и армянских источников, единодушно свидетельствующих о том, что Кура была границей между Великой Арменией и Алуанком, и, тем самым, вполне обоснованно утверждающих, что оно является армянской территорией,

¹ Камбечан должен был отпасть от Армении во II в. н. э.

² С. Т. Еремян, Армения по “Ашхарацуйцу”, с. 105.

³ Известия древних писателей, т. I, вып. I, с. 243; т. II, с. 181.

⁴ О. Ш. Исмизаде, Кабала-столица... Албании, с. 54-74; С. М. Казиев, Из истории Кабалинского магала, Сб. Вопросы истории... Албании, с. 75-105 (на азерб. яз.).

имеются также и прямые указания источников, подтверждающие это. Географически эта территория включила армянские области Арцах и Утик, с их армянским населением¹.

Сведения о последних восходят к клинописному периоду истории Армении, когда утийские племена составляли часть большого армянского племенного объединения “Этиуни”, распространившегося от Таика до Сюника, озера Севан и далее на северо-восток, на территорию области Утик, Арцах, а также Аїрарат Великой Армении и сопредельный ей районов². В то же время в надписи, составленной Сардури II (764-735 гг. до н. э.), упоминается область Арцах в форме “Уртехини – kurUrtehini”³ как составная часть Аїраратского царства⁴.

Выше приводилось сообщение Хоренаци о борьбе за власть между последним представителем Ервандидской династии Ервандом и Арташесом, бывшим в это время селевкидским стратигом⁵, которая проходила в Утике, что доказывает тот факт, что Утик был армянской областью и находился во власти Ервандидов. Из этого следует вполне логическая мысль о том, что не только Утик, но и тем более Арцах, расположенный на юго-западе от него находились в пределах того же царства.

Победа Арташеса над Ервандом привела к тому, что вся территория Ервандидской Армении, а значит и Утик и Арцах, перешла к основателю новой династии в Армении, а в дальнейшем как неотъемлемые части Армянского царства переходили по наследству к потомкам Арташеса. Это подтверждается как археологическими, так и письменными данными. В пределах нынешнего села Софулу (Агдамский район, являющегося некогда частью гавара Пианк Арцахской области) раскинуты развалины поселений, которые местные жители называют “Ткракерт” или “Тарнакерт”, что является местным звучанием названий “Тигранакерт”⁶, и, безусловно, связаны с именем их

¹ Об этом см. также Г. С. Связян, Арцах в исторических первоисточниках, ВОН, 1989, N 11.

² Хрестоматия по истории армянского народа, т. I, с. 42, пр. 2 (на арм. яз.). См. также, Ов. Карагезян, Армянское нагорье в клинописных источниках, т. I, Ереван, 1998, с. 173-174, 215 (на арм. яз.).

³ Г. А. Кананцян, Chetto-Armeniaca, Ереван, 1931, с. 104. То же самое, обосновывая лингвистическим анализом, утверждает и Ов. Карагезян (см. его Урартские топонимы Восточной Армении, ВОН, 1978, N 10, с. 56-57, на арм. яз.), его же, Армянское нагорье в клинописных источниках, с. 41, 272.

⁴ Г. А. Меликишвили, Урартские клинописные надписи, Москва, 1960, с. 310, N 161.

⁵ Хоренаци, с. 95-96.

⁶ С. Г. Бархударян, Княжества Арцаха, Шаки и Парисоса в IX-X вв., ИФЖ, 1971, N 1, с. 66 (на арм. яз.). Свод армянских надписей, составил С. Г. Бархударян, вып. V, Ереван, 1982, с. 135 (на арм. яз.).

основателя Тиграна Великого. О них под названиями “Тигранакерт”, “Минос (Другой) Тигранакерт” и “Ткракерт” упоминают и армянские историки Себеос¹ и Мовсес Каланкатуаци². Это достоверное свидетельство о том, что Утик и Арцах, на территориях которых они были основаны, являлись составными частями государства этого выдающегося представителя династии Арташесидов³.

Факт нахождения Арцаха и Утика в составе Великой Армении в этот период и позже подтверждается и сведениями греко-римских источников и, в частности, уже знакомыми нам сведениями Страбона об Утикской области Шакашене как области, граничащей с Албанией по реке Куре⁴, и об Арцахе, упоминающемся под названием “Орхистене”⁵, как провинции Армении⁶. Страбон, Страбон, как известно, жил и творил в I до н. э. – I в. н. э. и определение им политического статуса Арцаха и Утика относится к этому времени. Об армянской области Утик и утиицах, как проживающих в Армении племенах, говорит также историк второй половины II в. Асиний Квадрат и, со ссылкой на него, Стефан Византийский (IV в.): “Отины (т. е. утиицы, живут – Г. С.) в Армении”, - говорит Квадрат и разъясняет: “Вокруг реки Кира живут Оварены и Отины, составляющие значительную часть Армении”⁷. “Отина – область Армении”, - подтверждает Стефан Византийский⁸. Вот так, ясно и четко зафиксировано античными авторами не только то, что Утик, следовательно и Арцах, является армянской областью, но и то, что утиицы составляли значительную часть населения Армении.

В последующие века, в царствование Аршакидов, упомянутые области находились в составе Армении. Это следует из свидетельства Агатангелоса о том, что подсланный сасанидским царем Арташиром с целью покушения на жизнь армянского царя Хосрова Великого (216-256 гг.) Анак Партев прибыл в

¹ Себеос, с. 80.

² Каланкатуаци, с. 151.

³ В последние годы научной экспедицией Института Археологии и Этнографии НАН РА во главе с доктором исторических наук Г. Петросяном, на территории поселения регулярно ведутся раскопки, которые год за годом выявляют все новые и новые вещественные доказательства о его, следовательно и всего региона, принадлежности к составной части Великой Армении.

⁴ Страбон, XI, XIV, 4.

⁵ С. Т. Еремян, Атлас к книге “История армянского народа”.

⁶ Страбон, XI, XIV, 4.

⁷ Известия древних писателей, т. I, вып. I, с. 271.

⁸ Там же, с. 270.

Утик, в город Халхал, зимнюю резиденцию армянских царей¹, где отдыхал Хосров Великий. Поскольку Утик с городом Халхал находился в пределах армянского царства, стало быть – в III в. также и области Арцах и Утик являлись частью Армении.

Согласно армянским источникам, Арцах и Утик в составе Великой Армении находились и в IV в. Это политическое положение двух областей определяется прежде всего тем, что Григорий Просветитель, по сведениям Фавстоса Бузанда и Ухтанеса, основывая церкви в Великой Армении, сооружает их как в Арцахе, в селе Амарас Абандского гавара², так и в Утике, в гаваре Гардман³.

При армянских царях Аршакуни Арцах, который выступал под названием “Княжество Цавдеев” и Утик по свидетельству Агатагелоса, были одними из знаменитых княжеств, принимавших активное участие во внутренних и внешних сношениях Армении. Так, когда возникла необходимость послать Григория Просветителя в Кесарию для рукоположения в качестве католикоса Армении, армянский царь Трдат III (298-330 гг.) в его свиту включил избранных наместников и правителей дома Торгома (Великой Армении), выставивших тысячу и десять тысяч всадников, среди которых были и князья Утика и Арцаха. “Тогда царь (Трдат – Г. С.), - пишет Агатагелос, - срочно и благочестиво, проявлял заботу с большой радостью, собрал главных нахараров и наместников страны... одиннадцатый князь Оника, двенадцатый – князь страны Цавдеев, тринадцатый – князь Утика”⁴. В числе других та же роль предназначалась и князю Гардманского гавара Утика, который на сей раз сопровождал Шаһака в Кесарию для рукоположения как католикоса Армении⁵. Наряду с другими княжествам Утику и Арцаху была доверена также охрана северных ворот Армении от угрозы постоянных набегов кочевых племен с Кавказских гор. Эта их роль специально отмечена в “Зоранамаке” (“Воинской грамоте”), показывающем военную мощь “армянских нахараров и азатов” с обозначением также количества войск, поставлявшегося княжествами. Согласно этому документу Утийское и Цавдейское выставляли по тысяче

¹ Агатагелос, с. 30.

² Бузанд, с. 14.

³ Ухтанес, История, с. 100 (на древнеарм. яз.).

⁴ Агатагелос, с. 446.

⁵ Бузанд, с. 38.

воинов¹. Они перечисляются и в “Разрядной грамоте” (“Ганнамаке”), показывающей место или ранг (престол, сан) армянских нахарарских домов. Здесь Арцах выступает под названием “Второй Сюник” и занимает 28-е место среди 70-ти армянских нахарарских домов, а Утик, которого представляет князь Гардмана - 23².

В армянской историографии Арцах был известен также под названием “Покр (Мальи) Сюник”, которое кстати, сохранилось и в наименовании арцахского гавара “Сисакан-и-Котак”. (“Сисакан”, т. е. “Сюник” и “Котак” – “Покр-Мальи”, дословно означал “Мальи Сюник”).

Под названием “Покр Сюник” и как армянская область Арцах выступает, в частности, в сообщении Мовсеса Хоренаци. Рассказывая об убийстве юного “католикоса” Григораса на Ватнеанском поле, историк пишет, что “его дьяконы подняли тело и перенесли в Мальи Сюник и похоронили в аване “Амарас”³.

Согласно данным источников, Арцах и Утик находились в составе Великой Армении и в V в. Историк Корюн, рассказывая о просветительской деятельности Месропа Маштоца, сообщает, что во время распространения им письменности в разных краях Армении, Маштоц самую деятельную поддержку получил у Хурса, князя Гардмана⁴. Не будь Утик армянским Маштоц не распространял бы там армянскую письменность и Хурс не поддерживал бы его.

Отметим, что в армянской историографии также имеется свидетельство, в котором Утик и Алуанк упоминаются как отдельные друг от друга страны. Это рассказ Каланкатуаци о просветительской деятельности Месропа Маштоца в разных гаварах восточной части Армении, в том числе Утике, в закуринских областях и в Албании. Историк пишет: (“Месроп Маштоц – Г. С.) возобновил и укрепил веру христианскую, распространив проповедование Евангелия в гаваре *Ути*, в *Алуанке*, в *Лпинке*, в *Каспи*, до ворот Чора”⁵. Подобные сведения имеются также об Арцахе. Егеше, рассказывая о раскольнической деятельности Васака Сюнеци в преддверии армянской освободительной войны в 450-451 гг., пишет, что Васак свою преступную деятельность распространил на все края “страны, где было [много] крепостей, в Тморики и Кордики, в Арцахе, в Албании, в Иверии и в стране

¹ Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, с. 251.

² Там же, с. 249-250.

³ Хоренаци, с. 149.

⁴ Корюн, с. 148.

⁵ Каланкатуаци, с. 60 (курсив наш – Г. С.).

Халтике”¹. Упоминания в приведенных цитатах областей Арцаха и Утика подтверждают сказанное о том, что они были только армянскими областями, а их отдельное упоминание от Алуанка, того Алуанка, в состав которого, согласно азербайджанским историкам, входили эти области, красноречивое доказательство тому, что они и Алуанк являются совершенно разными, ничем не связанными друг с другом странами.

Усилия Васака Онеци привели к тому, что ни Арцах, ни Утик не участвовали в народном восстании. Но они не примкнули также и к лагерю Васака. В списке его соратников не значатся арцахские либо утийские князья. А между тем имеются сведения о том, что после Аварайрской битвы многие из повстанцев нашли убежище в Арцахе и оттуда непрерывно отправляли посланцев к гуннам с целью поднять их против Ирана, стремясь вновь разжечь огонь восстания². Это является доказательством того, что Арцах – армянская область, преисполненная симпатий к освободительному движению своих соотечественников.

Таким образом, все приведенные данные армянских и античных авторов однозначно свидетельствуют, что до середины V в. Арцах и Утик оставались одними из древнейших областей Великой Армении. Мнение же тех авторов, которые игнорируя данные античных и армянских письменных памятников, объявляют, что эти области были алуанскими и находились в I-IV вв. под властью Алуанских Аршакидов³, является ничем иным, как фальсификацией и сознательным искажением исторической правды.

С середины V в. административное положение Арцаха и Утика меняется, о чем речь пойдет ниже.

Утик и Арцах были заселены с древнейших времен. Свидетельством этого являются обнаруженные в пещере Ворван села Азох⁴ (hАдрутский район

¹ Егше, с. 91.

² Там же, с. 114, 116.

³ Ф. Мамедова, Политическая история... Албани, с. 100-105.

⁴ М. Бархударянц, Арцах, с. 88. Палеологический памятник пещеры Ворван известен в научной литературе под названием “Азох”. “Азох” чисто армянское слово и на древнеармянском языке (грабаре) означал “неспелый виноград” (см. Р. Ачарян, Этимологический коренный словарь армянского языка, т. 1, Ереван, 1971, с. 87, на арм. яз.). Стремясь лишить это слово армянской этимологии, некоторые азербайджанские историки (М. Гусейнов, Древний палеолит Азербайджана, Баку, 1985, с. 22-32) исказили его в ничего не означающую форму “азьх”. Последствия такого подхода не замедлили сказаться. В союзных изданиях этот памятник

Нагорно-Карабахской Республики, исторический гавар Арцаха Мюс hАбанд), следы палеолитического человека: орудия труда, отходы производства, кости животных, а также хорошо сохранившаяся челюсть раннего неандертальца¹.

Население Арцаха и Утика, пройдя все этапы развития человека, в конце концов приобрело форму определенного антропологического типа – “арменоид”. Это делает бесспорным тот факт, что основную массу аборигенов Утика и Арцаха составляли представители арменоидного типа – армяне.

Касаясь вопроса о населении Утика и Арцаха, Ф. Мамедова упоминает только гаргаров, утиев, гуннов, хазар, базилиев и цавдеев², и сознательно умалчивает об аборигенах края – армянах, считая, видимо, что тем самым лишает край своего коренного армянского населения. Между тем сведения греко-римских и армянских историков и географов свидетельствуют о том, что издревле Утик и Арцах были населены армянами. Еще Страбон писал, что все народности, живущие в Армении, а значит и население исследуемого края, во времена армянского царя Арташеса I (189-160 гг. до н. э.) говорят на одном, т. е. на армянском языке³. Свидетельства же Мовсеса Хоренаци об основании армянского нахарарства во главе с Араном по принципу “вдоль границ армянской речи”⁴, также не оставляет сомнений в том, что их население говорило только на армянском языке, так как находилось в пределах “армянской речи”. Как показали грамматики раннего средневековья, они говорили на том диалекте армянского языка, который назывался “арцахским” (современный карабахский диалект). Из числа этих грамматиков Степанос Онеци, советуя для приобретения навыков в армянском языке хорошо изучить его диалекты, пишет: “И для знания языка твоего требуется знакомство со всеми говорами периферии, такими как [говоры] Корчайка и Тайка, и Хута, и Армении Четвертой, и Спера, и Оника, и Арцаха”⁵. Позднее другой армянский грамматик, рабунапет Гладзорского университета Есаи Нчеци особо

именуется “Азык (Азербайджан)” (см. Большая Советская энциклопедия, т. 1, М., 1969, с. 724; В. А. Ранов, Древнейшие страницы истории человечества, М., 1988, с. 95, 152-153).

¹ М. Гусейнов, Древний палеолит Азербайджана, с. 22-32.

² Ф. Мамедова, Политическая история... Албании, с. 101, 104.

³ Страбон, XI, XIV, 5.

⁴ Хоренаци, с. 63.

⁵ Н. Адонц, Дионисий Фракийский и армянские толкователи, II г., 1915, с. 187.

подчеркивал, что перечисленные Степаносом Сюнеци диалекты относятся к армянскому языку: “Языку не других народов, а собственного народа”¹.

Исходя из названия “Аран”, арабские авторы этот диалект армянского языка называют “аранским”².

В соответствии с лингвистическим анализом арцахский диалект имел широкое географическое распространение. На нем говорили не только во всей восточной Армении, но и за ее пределами³.

Таким образом, очевидно, что местное население арцаха и утика составляли армяне, и мнение о том, что оно арменизировалось лишь после X века⁴, является лишь одним из звеньев фальсификации истории Арцаха и Утика. Чтобы показать тенденциозность этой необоснованной точки зрения, помимо приведенных свидетельств, достаточно упомянуть также сообщение Корюна, Хоренаци и, особенно, Каланкатуаци о деятельности Месропа Маштоца по основанию в восточных краях Армении школ для распространения армянской письменности и вообще проведения культурно-просветительской работы⁵, которая могла быть осуществлена лишь при наличии населения, говорящего на армянском языке.

Итак, все приведенные сведения античных и армянских историков и географов позволяют вполне обоснованно утверждать, что Утик и Арцах, составляющие территорию правобережья Куры, были армянскими областями, и имели армянское население, которое активно участвовало во внутренней, внешней и культурной жизни Армении. Будучи таковыми и находясь вне границ Алуанка⁶, они никак не могли иметь другую кроме как армянскую принадлежность.

¹ **Есаи Нчеци**, Анализ грамматики. Текст подготовил и снабдил предисловием Л. Г. Хачерян, Ереван, 1966, с. 65.

² **СМОМЦК**, вып. 29, с. 29; вып. 38, с. 12.

³ **Б. Улубабян**, Очерки истории Восточного края Армении, с. 54-107.

⁴ **Ф. Мамедова**, Политическая история..., с. 105.

⁵ **Корюн**, с. 148, **Хоренаци**, с. 193-194, **Каланкатуаци**, с. 60-61.

⁶ Вне границ Алуанка находилась и современная область Нахичеван, которая вообще не имела никакой связи с Алуанком, однако, подвергнувшись аналогичным методам азербайджанских историков, также считается одной из областей Алуанка (**Ф. Мамедова**, Политическая история... Албани, с. 108-115).

Население Алуанка. Занятия, быт и верования.

Согласно известному сообщению Страбона, на территории Алуанка жили двадцать шесть отдельных разноязычных племен, возглавляемых собственными вождями¹. Называя их всех "албанцами" (albanoi) греческий географ приводит описание внутренней жизни, быта, обычаев, верований и занятий этих племен. Его описание, однако, носит общий характер и относится без различия ко всем 26 племенам. Независимо от этно-племенной принадлежности, население собственно Алуанка называют "албанцами" Плиний Старший² и Плутарх³. В этом вопросе не составляют исключения также и другие античные авторы. Те же авторы показывают границы расселения этих "алуанских" племен. Страбон располагает их "между иберийцами и Каспийским морем" и добавляет, что северная сторона их страны "окружена Кавказскими горами..., а последнюю сторону образует Армения"⁴. На ту же территорию, расположенную между страной иберийцев и Каспийским морем, как на место обитания "албанцев" указывает и Плутарх⁵. Между Каспийским морем, Кавказскими горами, реками Кура и Алазан располагает "албанцев" также и Плиний⁶. Согласно Диону Кассию, алуанцы обитали к северу от Куры⁷. Таким образом, по единодушному мнению античных авторов, названные ими племена "албанцы", обитали на той же территории, которая и являлась территорией собственно Алуанка. Поэтому вполне естественно заключить, что античные авторы под термином "албанцы" имели в виду вообще все племена страны. Отсюда следует заключить, что "албанцы"- "алуанцы" – термин не этнического происхождения, а имеет лишь собирательное значение, обозначающее "житель данной страны" и применялся в равной мере по отношению ко всем племенам страны. И это вполне понятно, так как термин "албанцы" греко-римских авторов, происходя от армянского названия "Алуанк", также не имеющий этническое

¹ Страбон, XI, IV, 6. Согласно З. Ямпольскому, упомянутые Страбоном 26 племен говорили не на разных языках, а на 26 диалектах того же языка (З. Ямпольский, Древние авторы о языке населения Азербайджана, с. 65, Его же, Две заметки к трактовке Страбонова текста об азербайджанской Албании, Известия АзФАН, 1942, N 7, с. 74). Однако для такого утверждения нет никакого факта.

² Pliny, NH, VI, 11, 15.

³ Плутарх, Помпей, XXXIV.

⁴ Страбон, XI, IV, 1.

⁵ Плутарх, Помпей, XXXIV.

⁶ Pliny, NH, VI, 11, 15.

⁷ Дион Кассий, XXXVI, 54, 1.

происхождение¹, приобрел то же самое значение, что и армянский термин – т. е. житель страны Алуанк – житель страны с благодатной природой².

То обстоятельство, что античные авторы называют все население страны “албанцами” и в качестве места их обитания указывают территорию собственно Алуанка, позволяет вполне обоснованно утверждать, что история алуанских племен складывалась именно в пределах указанной территории.

Ввиду именованя всех племен Алуанка “алуанцами”, античные авторы связывают их происхождение с так называемой “итальянской” гипотезой. Для этого придумывались генетические легенды, согласно которым алуанцы якобы обосновывались в Закавказье, мигрировав из латинской области Италии Алба, при этом в качестве их прародителей указывались то Геракл, то Ясон. Согласно этим легендам, именно память о своем “итальянском” происхождении была причиной того, что они согласились на переход армии Помпея во время Митридатовой войны через свою страну³. Однако греко-римская традиция о происхождении алуанских племен не имеет твердой исторической основы. Вообще такие генеалогические легенды ими были сочинены почти для всех народов⁴.

О происхождении алуанских племен и других кавказских народов существует грузинское предание⁵, которое всех их выводит от одного предка – Торгома, а праотцом алуанцев считает одного из его восьми сыновей – Героса⁶, что может служить некоторой основой для предположения о местном, кавказском происхождении алуанских племен.

Следуя библейской традиции происхождения народов, Мовсес каланкатуаци алуанцев генетически связывает с китийцами (кетурейцы) – одними из сыновей Иафета: “Живущие же в северных странах-соплеменники

¹ См. выше, с. 57.

² На этой основе считаем неверным использование термина “албан-алван” и “албаны” историками, для обозначения населения страны. Этим им придается этническое происхождение, что является ошибочным. В подобной ситуации для обозначения разноплеменного населения Алуанка правильнее будет использование термин “алуанцы” в смысле “житель страны Алуанк”. То же самое можно сказать о термине “азербайджанец”, “азербайджанцы”, которые, не имея этнического происхождения, обозначают “житель-жителю Азербайджана”.

³ Известия древних писателей..., т. II, с. 64; т. I, с. 668; Epitoma Historiarum Phillipicarum Pompei Trogi, XLII, 3, 4; Pliny, NH, VI, 15; Lucius Junius Moderatus, On agriculture, vol. I, London, 1948, p. 47.

⁴ Например, так называемая “фессалийская” гипотеза, которая происхождение армянского народа связывает с именем соратника Ясона – фессалийца – Арменоса (Страбон, XI, IV, 8).

⁵ КЦ, т. 1, с. 3-7 (на груз. яз.).

⁶ Согласно грузинским источникам, он был эпонимом Эрети и племени эров, по имени которого они иногда весь Алуанк называли “Эрети” или “Эрет”.

кити́йцев¹, от них и происходят алуанцы², чем, однако, вопрос происхождения алуанских племен опять не решается.

В конце XIX - начале XX в. широкое распространение получила миграционная теория народов, согласно которой они в своих современных родных местах утвердились в отдаленные времена, после удаления из территории бывшей прародины. Эта теория распространилась почти на все народы, в том числе и алуанцев. Высказываются мысли о каких-то перемещениях алуанцев. Из европейских ученых В. Шур, например, приводит алуанцев “из Кавказа или северных долин”³ приблизительно в 285 г. до н. э.⁴. Перемещение алуанских племен, однако – в направлении с юга на север показывает также И. Алиев. В лице обитавших к северо-востоку от озера Урмии, в северной Мидии или Амропатене в III-II тысячелетиях до н. э. кутиев он видит тех же ути́йцев (kuti – uti – с потерей первичного “к”)⁵, которые в более поздний период уже выступали в районе реки Куры. Объявляя их алуанскими племенами, он пишет: “Продвижение албанских племен (во всяком случае части их) с юга на север, вполне вероятно”⁶.

Эту свою мысль И. Алиев подкрепляет тем вышеупомянутым сообщением Каланкатуаца, согласно которому алуанцы якобы произошли от кетари́йцев⁷ (kedari, ketari).

Отнюдь не отрицая возможность этнических перемещений в древности и участия пришлых племен в формировании того или иного народа, нам кажется, однако, что этническое ядро населения страны Алуанк составляли местные племена, населявшие ее территорию еще со времен неолита⁸.

¹ Несколько рукописей оригинала вместо “кити́йцев” имеют “кетари́йцев”, “китури́йцев”, “кетури́йцев” и другие разночтения (Каланкатуаца, с. 5, строки 1-2). В критическом тексте оригинала, следуя источнику этой главы – “Анонимной хронографии”, использована форма “кити́йцев”. См. Каланкатуаца, История страны Алуанк, пер. на совр. арм. яз. В. Аракелян, с. 274, прим. 15, 16).

² Каланкатуаца, с. 23. В “Анонимной хронографии” – источнике Каланкатуаца, нет выражения “от них и происходят алуанцы”. Оно добавлено самим Каланкатуаца.

³ В. Шур, Восточная политика императора Нерона, с. 98 (на арм. яз.).

⁴ Там же, с. 100.

⁵ И. Алиев, История Мидии, Баку, 1960, с. 65. На тождество кутиев и ути́йцев указывает также и З. Ямпольский, О значении слова “ван” в имени Нахичевань (к анализу имени Нахичевань), Известия АН АзССР, 1961, N 1, с. 16. Однако такое тождество основано лишь на внешнем сходстве терминов и обусловлено желанием авторов.

⁶ И. Алиев, История Мидии, с. 66.

⁷ Там же.

⁸ С. М. Казиев, Из истории Кабалинского магала (на азерб. яз.). (Сб. Вопросы истории... Албании, Албании, с. 104-105); И. М. Джафарзаде, Наскальные изображения Кобистана, с. 23; Р. М. Мунчаев, Кавказ на заре бронзового века, 1975, с. 61-62 и рис. 1 на с. 56; Д. Н. Рустамов, Ф. М. Мурадова, “Кяниза – стоянка каменного века (Археологические и этнографические изыскания в

Во время раскопок были открыты семь типов захоронений (кувшинные, грунтовые, ямные, ванночные, сырцовые, срубные и катакомбные), которые своими одиночными погребениями, погребальными размерами, формами (четырёхугольные, овальные или круглые) и погребальными материалами указывают на сосуществование различных этнических групп и их аборигенность. Формы погребений – скорченные и полускорченные, на боку или спине, по одиночке и парами, в направлениях скелетов на северо-юг, северо-запад, юго-восток и т. д.¹, также выражают существование различных этнических и вместе с тем религиозных представлений.

Каждая этническая группа имела место своего обитания, границы распространения и поле захоронения в этих пределах. Раскопки каждого такого поля захоронения, кроме общего погребального материала, выявляли также материалы, изготовленные другой производительной техникой и способом, принадлежность которых к иным этническим группам не вызывает сомнения. Это явление достойно внимания и указывает на существование мелких этнических групп в крупных этнических единицах и тем самым о процессе объединения отдельных этнических групп среди алуанских племен. Не может быть сомнения, что эти древнейшие гробницы и археологический материал, обнаруженный в них, принадлежал аборигенам страны, и носители этой материальной культуры составляли то ядро, вокруг которого объединились остальные племена. Среди них немалое число составляли также и пришельцы, чье существование рядом с автохтонами доказывается раскопками таких же гробниц. Во время археологических раскопок, проводимых на интересующей нас территории, были открыты также погребения, сопровождаемые скелетами лошадей, со своеобразным погребальным материалом (акинаки с бронзовыми рукоятками, скифские наконечники стрел, браслеты с украшениями, изображающими диких животных, круглые, бронзовые зеркала и т. д.), которые, согласно исследователям, представляют собой следы пришлых племен и, в

Азербайджане (1975), Баку, 1978, с. 5-10; Их же, Археологические исследования в Гобустане в 1978 г., с. 5-8.

¹ О. Ш. Исмаилов, Ялоилутепинская культура, с. 3-97; Дж. Халилов, Материальная культура..., с. 50 и сл. Достоен внимания тот факт, что южнее Куры в основном наблюдаются кувшинные захоронения, которые составляют район другого вида археологической культуры бывшей АзССР (см. И. М. Джафаров, Развитие археологических работ в Азербайджане. Известия АзФАН, 1945, N 6, с. 133). Им характерны в особенности парные захоронения (см. О. А. Даниелян, Парное погребение в кувшине из Мингечаура, ДАН АзССР, т. XV, N 3, с. 263-268; И. Голубкина, Археологические исследования и раскопки кувшинных погребений в Азербайджане в 1953 г., Известия АН АзССР, 1951, N 1, с. 17-38.

частности, скифов¹. В западной части страны наблюдалось проникновение восточно-грузинских племен – картвелов и кахов².

Таким образом, среди алуанских племен различаются в основном два этнических компонента – местный, который, согласно исследователям, принадлежал кавказской языковой семье³, и пришлый, который в свою очередь рассматривается как принадлежащий к племенам ирано-скифской языковой семьи⁴. Эти племена, проживающие на территории будущего Алуанка, начали процесс консолидации алуанских племен, который, однако, ввиду многоплеменности, географической и экономической раздробленности региона, ряда социальных и политических обстоятельств до конца так и остался незавершенным. Данное обстоятельство является одной из особенностей истории страны Алуанк, чем она и отличается от истории соседей, завершивших процессы консолидации и достигших этнической целостности Великой Армении и Иверии. Следовательно, неверно и даже неуместно среди сформировавшегося алуанского народа искать, с точки зрения экономического и военного могущества, те племена, которые якобы, слотив вокруг себя остальных возглавили процесс образования этой консолидации. Игнорирование этих обстоятельств и, тем более, предвзятый подход неизбежно приводит к другим грубым историческим ошибкам и бесплодным спорам.

Большая племенная пестрота, трудности контактов разных племен⁵ и незавершенность языковых и культурных процессов в достижении этнической общности явились теми причинами, которые обусловили постепенную ассимиляцию алуанцев и их исчезновение с исторической арены. Их этническая ассимиляция начинается арабскими завоеваниями в VII-VIII вв. и становится интенсивнее после завоевания края тюрками-сельджуками во второй половине XI в. “Важную роль в языковой тюркизации Закавказья и Малой Азии тюрки

¹ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н. э., Л-град, 1949, с. 120; И. М. Джафарзаде, Археологические разведки на Апшероне, с. 87; М. Н. Погребова, Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время, М., 1984, с. 27-31, карта N 1, на стр. 35.

² С. Т. Еремян, Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., с. 304; Д. Л. Мусхелишвили, Из исторической географии Восточной Грузии, с. 18 и сл.

³ А. И. Болтунова, Племена, обитавшие на территории Азербайджана в I тысячелетии до н. э. Очерки истории СССР, первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР, М., 1956, с. 224, 225; А. П. Новосельцев и др. Пути развития феодализма, с. 39. Раскопки, проведенные в Алуанке, открыли также катакомбные захоронения, которые принадлежат аланам, проникшим в Алуанк в более поздний период (I в. н. э.). См. И. Алиев, Г. Асланов, Племена сармато-массагето-аланского круга в Азербайджане, с. 230-231.

⁴ А. И. Болтунова, Племена, обитающие на территории Азербайджана, с. 225.

⁵ Страбон, XI, IV, 6.

стали играть *только* (подчеркнуто нами – Г. С.) в XI-XII вв., с началом широкого проникновения сюда огузских племен, после образования в Передней Азии Сельджукского государства”¹. И этот процесс проходил так быстро, что при образовании современного азербайджанского народа в XI-XVII вв. одним из его компонентов стали не алуанцы, а составлявшие основную массу тюркок-сельджуков огузские племена. Поэтому абсолютно неверно мнение, что алуанцы являлись предками современного азербайджанского народа. Ошибочность такого мнения становится более наглядной, когда принимается во внимание тот реальный факт, что алуанцы принадлежали к Кавказской языковой семье, а современный азербайджанский народ – к огузской группе тюркских языков².

Тем не менее Ф. Мамедова не может смириться с фактом окончательного исчезновения алуанцев и всех живущих в пределах очерченной ею территории охарактеризовав их уже знакомым нам термином “поздние албаны”, сочиняет для них историю вплоть до XIX в., “выявляет” также и их роль в Киликийском царстве. Совершенно очевидно, что выполнение такой задачи возможно только путем прямой фальсификации и не удивительно, что этот “пробел” истории Алуанка она дополняет событиями, происходящими в Утик-Арцахе и не имеющими никакого отношения к истории собственно Алуанка. По этому на этом фоне просто смешным выглядит ее самодовольное объявление о том, что в ее новом исследовании “воссоздана история Албании и албан с III в. до н. э. до XIX в. включительно”³. Антинаучным методом, так прочно усвоенным Ф. Мамедовой, можно без всяких на то оснований и доказательств писать что угодно, выдавая желаемое за действительное.

Письменные и устные источники, памятники материальной и духовной культуры представляют Алуанк как густо населенную страну, чьи жители были

¹ Р. А. Гусейнов, Тюркские этнические группы XI-XII вв. в Закавказье. Тюркологический сборник, 1972, М., 1973, с. 375-376.

² Об интенсивном проникновении тюркского элемента на исследуемой территории в XI-XIII вв. и опутречивание края и решающей роли в этом процессе огузских племен см. В. В. Бартольд, Краткий обзор истории Азербайджана, Сочинение, т. II, ч. I, с. 778; Его же, Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии, т. V, М., 1968, с. 96; А. А. Ализаде, К некоторым вопросам, относящимся к истории владычества сельджуков на Среднем Востоке и в Закавказье. Сб. Вопросы истории народов Кавказа, Тбилиси, 1966, с. 268; А. П. Новосельцев и др., Пути развития феодализма... , с. 56-57.

³ Ф. Мамедова, Кавказская Албания и албаны, с. 10.

высокорослыми, красивыми и стройными¹. Густонаселенность страны особо отмечается в сообщениях Страбона и Плутарха о выставленном алуанцами контингенте войск – 60 тысяч пехоты и 22 тысячи всадников². Огромные размеры могильных полей, плотность гробниц на расстоянии 40-50 см³ дополняют и подтверждают сказанное античными авторами.

Согласно многочисленным свидетельствам греко-римских авторов, алуанцы были воинственными племенами⁴, они сражались на конях и пешими, легко- и тяжело вооруженные, как армяне⁵, и будучи вооружены луками и копьями, носили доспехи, длинные огромные щиты и были защищены шлемами, изготовленными из шкуры зверей⁶. Обнаруженные во время раскопок остатки оружия – боевые вилы, мечи, кинжалы, наконечники стрел, шлемы, кольчуги и щиты⁷ подтверждают сведения источников и свидетельствуют о вооруженности алуанцев первостепенной для того времени техникой.

Алуанцы в основном занимались скотоводством и земледелием, которое являлось ведущей отраслью хозяйства. Оно было основано на естественном и искусственном орошении. О развитии земледелия, кроме сообщений письменных источников⁸, имеются также вещественные доказательства, обнаруженные при раскопках: серпы и жернова, вилы и резцы, ножи, остатки зерен. Раскопками вскрыты также хозяйственные ямы, предназначенные для хранения зерна, обугленные остатки многорядового ячменя и пшеницы, культовые статуетки быков⁹.

Земля в Алуанке была плодородной и поэтому в отличие от Армении, где существовала двупольная система обработки земли¹⁰, там поле не оставалось под паром. На протяжении длительного времени преобладало мотыжное земледелие и только в последние века I тысячелетия появилась деревянная

¹ Страбон, XI, IV, 4.

² Страбон, XI, IV, 5; Плутарх, Помпей, XXXV. Последнее число алуанской конницы показывает 12 тысяч (см. там же).

³ О. Ш. Исмаилов, Якоитупинская культура, с. 25.

⁴ Прициан, Землеописание, ВДИ, 1949, N 4, с. 302.

⁵ Страбон, XI, IV, 4.

⁶ Страбон, XI, IV, 5.

⁷ А. А. Алиев, Сравнительный анализ археологических находок с письменными источниками об оружии албанов (IV в. до н. э. – III в. н. э.), Известия АН АзССР, 1981, N 1, с. 66-70, табл. I-II (на азерб. яз.); Дж. А. Халилов, Материальная культура, с. 136-139.

⁸ Страбон, XI, IV, 1-3.

⁹ И. Алиев, Ф. Османов, Бассейн рек..., с. 197; Дж. А. Халилов, Материальная культура, с. 164-165.

¹⁰ С. Т. Еремян, Рабовладельческое общество древней Армении (Автореферат докт. дис., М., 1953).

соха. Железный лемех не использовался даже во времена Страбона. Земледельческие племена Алуанка собирали урожай серпами с обсидиановыми или кремневыми, а затем и металлическими вкладышами. Выращенное зерно отделяли от шелухи, раздробляли и обрабатывали в каменных ступках и жерновах. Вероятно, использовалась также молотильная доска, которая вообще применялась в хозяйстве закавказских народов с глубокой древности¹. Приблизительно на рубеже старой и новой эры возникла ручная мельница для молотбы пшеницы и получения муки².

Земля в Алуанке орошалась в основном естественным путем. Однако выражение Страбона о том, что земля в Алуанке орошалась “прочими водами”³, привело К. В. Тревер к правильному выводу, что здесь существовала также система искусственного орошения⁴. Отметим также, что следы примитивного искусственного орошения были выявлены и при археологических раскопках⁵.

Одним из главных занятий алуанских племен являлось скотоводство, для существования и развития которого также имелись благоприятные условия: обширные пастбища, богатые луга и т. д. Страбон пишет: “Равным образом и скот в их стране хорошо растет, как домашний, так и дикий”⁶. Эта отрасль хозяйства у алуанских племен имела кочевой и полукочевой (яйлаговый) характер. Они содержали крупный и, преимущественно, мелкий рогатый скот⁷. Крупный рогатый скот использовался также в качестве тягловой силы при обработке земли и способствовал возникновению молочного хозяйства. Вместе с быками в хозяйстве широко использовались кони и верблюды как тягловая сила, так и при перевозках. Отдельной отраслью хозяйства было виноградарство, о чем сообщает Страбон, описывая также формы его обработки, соответственно естественно-климатическими условиями⁸. Виноградарство способствовало развитию виноделия, следы которого – винные карасы, кувшины с остатками вина, давильни, - обнаружены в разных районах страны⁹. О

¹ История армянского народа (Учебник для вузов), т. I, Ереван, 1963, с. 48 (на арм. яз.)

² Дж. Халилов, Материальная культура, с. 133 (табл. XXVII, 10-12).

³ Страбон, XI, IV, 3.

⁴ К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 71.

⁵ Там же. с. 70.

⁶ Страбон, XI, IV, 3.

⁷ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, с. 75; И. Алиев, Ф. Османов, Бассейн рек..., с. 197.

⁸ Страбон, XI, IV, 3.

⁹ Дж. Халилов, И. Бабаев, О городах древней Кавказской Албании, с. 105; Дж. Халилов, Материальная культура, с. 133 и сл.

производстве вина сообщают также письменные источники. У алуанцев “много хлеба и вина”, - пишет Каланкатуаци¹.

Алуанцы обрабатывали также овощные и технические культуры. Об этом свидетельствуют множественные маслобойни, - обнатуженные на территории Алуанка². Обработка технических культур была обусловлена наличием “несметного [числа] оливковых деревьев”³, которые обильно росли в Алуанке. Наличие сырья – оливковых деревьев и средства обработки – маслобоя, позволяет заключить, что население производило оливковое масло, имевшее широкое применение в хозяйстве. Из технических культур алуанцы выращивали также лен⁴, хлопок и занимались шелкоткачеством⁵.

Обработка земледельческих и молочных продуктов, винограда, технических культур была трудоемкой и требовала большого умения и опыта. Она свидетельствует не только о высоком развитии этих отраслей хозяйства и их многогранности, но и о возросшем интеллектуальном уровне населения страны. Они умело пользовались местными естественными ресурсами и благоприятными природными условиями.

Древнее население исследуемого региона занималось также охотой и рыболовством, чему способствовало обилие рыбы, диких животных и птиц. Во время охоты в большей степени использовались ястребы и собаки. На бронзовом поясе, найденном при раскопках Калакента, изображена сцена такой охоты с собаками⁶. Сцены охоты в сопровождении собак и ястребов есть также и на наскальных рисунках Кобистана⁷. Об использовании в Алуанке собак в хозяйстве говорят Страбон⁸, Плиний Старший и Юлий Солин⁹.

В стране Алуанк рыболовством занимались в основном те племена, которые жили на берегу Каспийского моря и у рек. Долголетний опыт и умение привели к развитию рыболовства, как средства жизни, его широкому применению и возникновению нескольких способов использования рыбы в пище. Из описания Клавдия Элиана следует, что они вылавливали “остроносых”,

¹ Каланкатуаци, с. 25.

² С. М. Казиев, Археологические раскопки в Варташенском и Куткашенском районах в 1945 г. (Об. экспедиции АН АзССР, Баку, 1947, с. 143-147); О. Ш. Иомизаде, Итоги археологического исследования, с. 81.

³ Каланкатуаци, с. 81.

⁴ С. М. Казиев, Археологические памятники Мингечаура, с. 172.

⁵ Каланкатуаци, с. 25.

⁶ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, с. 77.

⁷ И. М. Джафарзаде, Наскальные изображения, с. 19.

⁸ Страбон, XI, IV, 5.

⁹ Pliny, Nat. Hist., 8; ВДИ, 1949, N 3, с. 243.

крупных рыб – осетра и использовали его в пище как в свежем, так и в соленом и копченом виде¹. У прикаспийских народов рыба не только была пищей, но и неиссякаемым источником изготовления бытовых изделий. На внутреннем и внешнем рынках она выступала как товар для обмена и продажи. Вывоз сушеной и соленой рыбы совершался на верблюдах, караваны которых доходили даже до Эббатаны². Достигнув большого искусства в обработке рыбы, они изготавливали из рыбьего жира разные мази, а из чистого жира – благовонные духи, вытряхивая требуху, они варили высококачественный клей, который был прозрачным и обладал большой прочностью. Им склеивали разные предметы. Широко использовался он в изготовлении предметов из слоновой кости³.

Население Алуанка имело развитое по тому времени ремесленное производство. Обилие естественных ресурсов, местного сырья, качественной глины, медных рудников, шерсти верблюда и козы, льна и хлопка предоставляло большие возможности для занятия такими отраслями ремесленного производства, как металлургия, текстильное и кожевенное производство, гончарное и ювелирное дело, а также другие смежные специальности. Отметим, что стекольное производство также не было чуждой специальностью на левобережье Куры⁴.

Племена, населявшие страну Алуанк, занимались также и торговлей. Как у всех народов, так и у них торговля в начальный период выражалась натуральным товарообменом, который сохранялся в быту алуанцев довольно долгое время. Так, Страбон упоминает наличие для своего времени этой формы торговли у алуанцев, как основного средства его ведения⁵. Вероятно, о подобном же товарообмене рассказывает Дион Кассий, когда пишет, что в Алуанке воины Помпея, кроме воды, “прочие припасы получали добровольно от туземцев”⁶. Во времена Страбона населению Алуанка еще были неизвестны монеты, а также использование точных мер и весов. Они не могли считать

¹ Известия древних писателей..., т. I, вып. 3, с. 606.

² Там же.

³ Известия древних писателей..., т. I, вып. 3, с. 606-607.

⁴ И. А. Бабаев, О трех стеклянных многогранных печатях, найденных в Мингечауре, Археологические исследования в Азербайджане, Баку, 1965, с. 128-133; А. Б. Нуриев, Стеклянные изделия и их производство в Кавказской Албании, Баку, 1981 (на аз. яз.); Дж. А. Халилов, Материальная культура..., с. 177 и сл.

⁵ Страбон, XI, IV, 4.

⁶ Дион, XXXVII, III, 6.

больше ста и жили примитивным патриархальным бытом, будучи безразличны к государственным делам¹.

Они почитали Солнце, Луну, Зевса, в особенности Луну. Посвященное ей святилище упоминает Страбон у границ с Иверией². Следы этого астрального культа выразились также и на керамике. Культовое значение имели разные виды растительного и животного мира³, а также обнаруженные при раскопках женские глиняные статуетки⁴. Алуанцы в честь своих богов строили храмы и приносили им жертвы. Приносились в жертву также и люди. Описание такого жертвоприношения встречаем у Страбона⁵ и на наскальных изображениях Кобистана⁶. Для более поздних времен (в V в.) описания человеческого жертвоприношения приводит также Каланкатуаци⁷. При храмах создавались обширные и плотно населенные храмовые хозяйства (ijerav smjra), во главе которых как во главе “священной области” стояли жрецы – самые чтимые у алуанцев после царя люди⁸. Кроме этих общих божеств и других культовых предметов каждое из 26 алуанских племен имело также свое собственное местное божество и предмет культа. Фактом существования различных племенных культов являются разные формы захоронений – грунтовые, кувшинные, катакомбные, ямные, в саркофагах и т. д. У разных племен захоронения производились в гробницах, зажигали костры и ставили усопшего на золу, что по их представлению играло роль очищения⁹. Необходимо отметить, что кострами сопровождалось только захоронения богатых и знатных людей¹⁰.

Алуанцы с глубоким почитанием относились к своим предкам. Разговоры о мертвых считались святотатством. Такое почитание по отношению к

¹ Страбон, XI, IV, 4.

² Там же, XI, IV, 7. Святилище, посвященное этому светилу, согласно Ю. Р. Джафарову, находилось в районе нынешнего Казха (см. Ю. Р. Джафаров, О локализации храмовой области Кавказской Албании, ВДИ, 1985, N 2, с. 106-107). Однако это не может соответствовать действительности по той простой причине, что пределы Алуанка в исследуемый период ограничивались течением Куры и ясно, что храм, посвященный одному из их главных божеств, не мог находиться вне пределов страны.

³ О. Ш. Исмаилов, О зооморфной керамике из Каратене, ДАН АзССР, 1959, т. 15, N 1, с. 93-97 (на аз. яз.).

⁴ Дж. Халилов, Каменные статуи из Хынысли, ДАН, АзССР, т. XVI, 1966, N 11, с. 1128 (на аз. яз.); Его же, Материальная культура, с. 124, табл. XXIII.

⁵ Страбон, XI, IV, 7.

⁶ И. М. Джафаров, Наскальные изображения, с. 19-20.

⁷ Каланкатуаци, с. 43-44.

⁸ Страбон, XI, IV, 7.

⁹ Дж. А. Халилов, Материальная культура. . . , с. 60, 74, 75.

¹⁰ Там же.

предкам сочеталось также с уважением как к собственным родителям, так и вообще к старым людям¹. Вместе с мертвыми в могилу клали все их имущество, вследствие чего алуанцы, фактически, были лишены отцовского наследия и постоянно жили в бедности².

Это краткое описание социально-экономической жизни, быта, обычаев и верований алуанцев равным образом не может распространяться на все, упомянутое греческим географом 26 племен, населявших Алуанк, поскольку они находились на разном уровне социально-экономического развития. Тем не менее, примитивность жизни, патриархальный уклад ее быта характеризуют почти весь Алуанк и его население на рубеже старой и новой эры³.

¹ Страбон, XI, IV, 8.

² Там же.

³ Г. С. Овсянн, Источники Страбона..., с. 95-104.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ
СТРАНА АЛУАНК В ЭПОХУ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО И
РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО СТРОЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
СТРАНА АЛУАНК В ДОГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРИОД.

ГЛАВА III

Ахеменидская держава и племена обитавшие на территории Алуанка (VI в. до н.э. – III в. до н.э.)

Каспы XI сатрапия Ахеменидов

Согласно одному из сообщений Геродота, границы персидской державы на севере доходили до Главного Кавказского хребта¹. Из этого следует, что области западного побережья Каспийского моря некогда были завоеваны Ахеменидами и включены в состав их державы. Можно полагать, что они были завоеваны в VI в. до н. э. Киром Старшим, хорошо осознавший стратегическое значение региона в деле владения Кавказскими проходами. Начиная с этого времени, вся территория Прикаспия, разделила судьбу стран, завоеванных Ахеменидами.

В 522 г. до н. э. персидский трон перешел к Дарию I Гистаспу. Подавив внутренние и внешние смуты, Дарий I, с целью централизации и усиления государства, всю страну делит на новые, отдельные административные единицы – сатрапии и вводит стабильную систему налогов, для каждой сатрапии установив определенную дань². На основ этих изменений прикаспийские племена составляют одну отдельную административную единицу – XI сатрапию, которая, согласно новому налоговому обложению, должна была платить 200 талантов³. По Геродоту, в XI сатрапию входили племена каспов⁴, павсикиев, пантиматов и дарейтов⁵. Как видно, в их числе алуанцы не обозначаются, хотя факту их подчиненности Ирану, должны были быть. Между прочим они в те далекие исторические времена и нигде не упоминаются. Это обстоятельство исследователи объясняют тем, что до IV в. до н. э., т. е. до поименного упоминания “алуанцев” в истории⁶, прикаспийские племена носили общее название, под которыми они и выступали. Согласно единодушному мнению исследователей, таковым могло быть название “Касп”, “Каспы”, которое вообще применялось по отношению к племенам, жившим на

¹ Геродот, История в девяти книгах, Пер. и прим. Г. А. Стратановского, Л., 1972, III, 97.

² Там же, III, 89.

³ Там же, III, 92.

⁴ “Каспы” упоминаются также в XV сатрапии вместе с саками, однако их место жительства определяется в Средней Азии (см. И. М. Дьяконов, История Мидии, с. 360).

⁵ Геродот, III, 92; И. М. Дьяконов предполагает, что в состав XI сатрапии входили и каспиши (kasossioi – античных авторов). См. И. М. Дьяконов, История Мидии, с. 447. Однако это предположение нуждается в корректировке.

⁶ Арриан, III, 8, 4.

берегах Каспийского моря¹. Действительно, в этом нетрудно убедиться, если обратиться к сообщениям Геродота и авторов более поздней эпохи, у которых, по всему западному побережью Каспийского моря упоминаются только племена под названием “каспийцы”², “каспы”³, “каспийский народ”⁴. Из этого можно заключить, что это были собирательные названия племен, обитавших вокруг Каспийского моря⁵. Исследователи обстоятельство отсутствия упоминания “алуанцев” в числе кавказских племен, объясняют тем, что они, как и другие прикаспийские племена, носили общее название “каспы” и входили в состав XI сатрапии Ахеменидского Ирана⁶. Однако собирательное название “каспы” выражало собой не определенное племя или племена “алуанцев”, как полагают исследователи, а было названием всех прикаспийских племен.

Исследователи попытались определить местожительство каспиев и тем самым определить и географическое положение XI сатрапии. Вообще, указывая западное побережье Каспийского моря как место обитания каспов, они, однако, уделяют им разные места по всему побережью. И. М. Дьяконов, например, местом их обитания признает пространство к югу от Апшеронского полуострова⁷, В. В. Минорский и А. И. Болтунова – пояс современного Муган-Мили-Карабаха⁸, В. В. Бартольд – район страны древней Каспианы⁹. К. В. Тревер, принимая за основу сведение Страбона о стране, называемой “Каспиана”, прямо пишет, что Страбон “говоря о Каспиане, имел в виду не только территорию к югу от низовьев Куры, но и левобережье ее (Апшеронский полуостров и прилегающие области), где население в первые века нашей эры, может быть, и продолжало носить наименование каспиев”¹⁰. По мнению К. Алиева, “территория обитания каспиев находилась южнее слияния Куры и

¹ W. W. Tarn, Alexander the Great, t. II, Studies and Sources, Cambridge, 1950, p. 13. И. М. Дьяконов, История Мидии, с. 447, пр. 5; К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 50.

² Известия древних писателей..., т. I, вып. 3, с. 606-607.

³ Там же, т. II, с. 116, 125.

⁴ Pliny, NH, VI, 15.

⁵ Именуя прикаспийские племена общим названием “каспы”, греко-римские авторы имели в виду географическое местоположение, занимаемое ими, в данном случае – название Каспийского моря. Это обстоятельство становится вероятным, когда мы обращаемся к прямому свидетельству Стефана Византийского: “Каспийское море, от него происходят названия: Каспии, Каспийская гора, Каспийские мужи, Каспийская страна и Каспии” (Известия древних писателей..., т. I, с. 261).

⁶ И. М. Дьяконов, История Мидии, с. 447, пр. 5; К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 50.

⁷ И. М. Дьяконов, История Мидии, с. 359.

⁸ В. В. Минорский, История Ширвана и Дербента. X-XI вв., М., 1963, с. 27; А. И. Болтунова, Племена, обитавшие на территории Азербайджана, с. 224, 226.

⁹ В. В. Бартольд, Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963, с. 654.

¹⁰ К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 45.

Аракса, охватывая нижний бассейн Аракса, и простиралась на юг, вплоть до Тальшских гор”¹, что не очень отличается от высказанного ранее мнения В. Левиатова². Согласно А. Сумбатзаде “Юго-восточная прибрежная полоса (от реки Куры до Гиляна) представляла полунезависимую XI сатрапию под названием “Каспиана”³. Отсюда и, как в историографической литературе, так и на картах XI сатрапию ошибочно показывают на обширной территории по правой и левой сторонам реки Куры, с включением довольно широкой территории, расположенной к югу от Аракса⁴. XI сатрапия была локализована также на южных берегах Каспийского моря, по западной границе, проходящей по реке Сефидруд (Амардос)⁵. Однако, XI сатрапия занимала значительно меньшую территорию и была намного севернее, нежели представляется исследователям.

Этот вывод исходит из данных античных и армянских авторов.

Во времена Геродота “каспии”, будучи общим собирательным названием прикаспийских племен, в более позднее время, при дифференциации их, становится названием лишь одной этнической единицы. Вот почему для локализации каспиев важное значение приобретают свидетельства последующих авторов, и в особенности Страбона, Помпония Мелы и Дионисия. Как известно, Страбон располагал сведениями, согласно которым упомянутые племена находились в одном случае на территории будущего Алуанка, а в другом - Мидии⁶. У Страбона имеется еще одно сообщение о каспиях, которое игнорировалось исследователями, однако для изучаемого вопроса оно имеет определенную ценность: “В окружности (Каспийского моря – Г. С.),- пишет он,- за гирканцами обитают амарды, анариаки, кадусии, албанцы, каспии, витии и, быть может, вплоть до скифов, другие народности”⁷. Это свидетельство Страбона соответствует схожим сообщениям других авторов. Например, Помпонию Мелу, который написал в 44 г. н. э. сочинение “Землеописание”, и в соответствии с уровнем знания своего времени, представил Каспийское море как залив, пишет: “У Каспийского залива живут Каспии и Амазонки, называемые

¹ К. Аюев, Кавказская Албания, с. 143.

² В. Н. Левиатов, Азербайджан с V в. до н. л. по III в. н. л., с. 88.

³ А. С. Сумбатзаде, К истории Атропатены, Известия АН АзССР, 1978, N 3, с. 51-52.

⁴ А. И. Болтунова, Племена, обитавшие на территории Азербайджана, с. 226 и карта на с. 336-337; И. М. Дьяконов, Очерк истории древнего Ирана, карта на с. 90-91; К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 44-45.

⁵ А. А. Аюбян, О локализации каспиев и области Каспиана (Каспк), ВОН, 1983, N 1, с. 91-94.

⁶ Страбон, XI, IV; 5; XI, XIV, 5.

⁷ Там же, XI, VIII, 8.

Савроматидами, у Ирканского – Албанцы”¹ и т. д. Место обитания каспиев более определенно показывает Дионисий: ”Я расскажу теперь все о том, какие племена живут вокруг него (Каспийского моря- Г. С.), начавши с северо-западной стороны. Первые – скифы... потом – уны, а за ними Каспийцы, за этими – воинственные Албанцы”² и другие племена.

Таким образом, принимая за основу свидетельства Страбона, Помпония Мелы, Дионисия и последующих авторов³, нам кажется, что место обитания каспиев необходимо искать на прибрежных склонах Кавказского хребта. К этой мысли нас приводит также известное свидетельство Эратосфена о названии Кавказа местными жителями Каспом, от имени каспов⁴, которое безусловно означает, что последние жили вблизи Кавказского хребта, что и оставили свое имя в названии этой горы.

Для определения места обитания каспиев важные сведения содержатся в армянских источниках, из которых Агатангелос является первым, упомянувшим каспиев рядом с другими племенными союзами лшинов и чилбов⁵. Аналогичные сообщения имеют также Каланкатуаци⁶ и Ухтанес⁷. Каспиев, обитавших на склонах Кавказских гор, упоминает и армянский ”Ашхарацуиц”: ”И у той же горы (Кавказа – Г. С.) обитают... хенуки, шихли, чилли, хели, каспк”⁸. Внимательный анализ и сопоставление сообщений античных авторов показывает, что как у армянских, так и у античных авторов речь идет о тех же народах или племенах⁹. И ”каспы” армянских источников соответствовали ”каспиям” греко-римских источников и, как и они, жили к северу от Куры, по соседству с лшинами и на западе граничили с ними¹⁰.

Сообщения античных авторов о том, что граница Ахеменидского Ирана доходила до Кавказского хребта, а каспы жили на южных склонах этого хребта,

¹ Известия древних писателей..., т. II, с. 125.

² Там же, т. I, вып. I, с. 186.

³ Там же, т. II, с. 293.

⁴ Страбон, XI, II, 15.

⁵ Агатангелос, с. 26.

⁶ Каланкатуаци, с. 60.

⁷ Ухтанес, с. 70.

⁸ Библиография нашего святого отца Мовсеса Хоренаци, Венеция, 1865, с. 604 (на арм. яз.). **Анания Ширакаци**, Избранные труды, пер. на современный арм. яз., предисл. и ком. А. Г. Абрамян, Г. Б. Петросян, Ереван, 1979, с. 287; ”Каспы” в пространной редакции ”Ашхарацуица” не упоминаются, а за ”чилбами” следуют ”пвики”, которое, как предполагают, является искаженной формой ”лпинка” (С. Т. Еремян, Армения по ”Ашхарацуицу”, с. 54).

⁹ Подробности см. Г. Связян, Племенные союзы каспов в период господства Ахеменидского Ирана (VI в. до н. э. – IV в. до н. э.), ВОН, №6, Ереван, 1983, с. 81-89.

¹⁰ Б. Арутюнян, К вопросу о локализации Лпинка, ВЕУ, 1981, N 1, с. 123 (на арм. яз.).

показывает, что вся северная граница державы, проходившая по Кавказскому хребту, одновременно являлась также границей страны каспов. Южной границей их была река Кура, поскольку южнее нее простиралось царство Ервандидов¹.

Таким образом, каспы обитали на территории, ограниченной с севера Кавказским хребтом, с востока – Каспийским морем, с юга – рекой Курой, с запада – линией, начинающейся в районе села Алтахадж у Кавказских гор, и на юге пересекавшей реку Куру к западу от реки Пирсаат. Эту страну для определенности можно назвать “Каспк”, топоним, который, кстати, встречается и в армянских источниках в разночтениях “Казбк”, “Каспк”.

Такая локализация местоположения каспов к северу от Куры, на территории будущего Алуанка, позволяет определенно утверждать, что в те далекие времена существовали две области, населенные каспами, под одним и тем же названием “Касп” – “Каспиана”. Одна, о которой шла речь, со своими границами, и другая к югу реки Аракс на западном берегу Каспийского моря и известная из армянских источников как Каспиана-Паїтакаран. Эти области своей одноименностью обязаны существовавшему в древности общему названию “каспы”, которое после дифференциации племен, сохранили племена, заселившие разные места Каспийского побережья. В силу сказанного сообщение Страбона о “Каспиане”, как в одном случае, одной из областей Алуанка², а в другом – Мидии³, кажется вовсе не противоречивым, как до сих пор считалось. Первое из этих сообщений относится к изучаемой области, действительно находящейся на территории Алуанка, второе – к Каспиане-Паїтакарану. Первая по своему административному положению входила в состав XI сатрапии, а вторая – будучи в составе Мидии – в X сатрапию, и совершенно ясно, что она никак не могла входить одновременно как в состав XI сатрапии, так и Мидии. Отсюда следует, что не правы те исследователи, которые, не принимая во внимание различия этих областей, Каспиану-Паїтакаран также включают в состав XI сатрапии и тем самым искусственно расширяют территорию этой области. Они глубоко заблуждаются, игнорируя это важное обстоятельство, и, исходя из сообщений Страбона о том, что Каспиана

¹ Г. Тирацян, Территория Ервандидской Армении (конец VI в. – конец III в. до н. э.), ИФЖ, 1981, N 2, с. 68-84 (на арм. яз.).

² “К области албанцев принадлежит и область Каспиана” (Страбон, XI, IV, 5).

³ “У мидян они (Артасес – Зарен – Г. С.) отняли Каспиану, Фавнитиду и Басоронеду” (Страбон, XI, XIV, 5).

являлась алуанской областью, поспешили это сообщение, относящееся к XI сатрапии, тоже называемой Каспианой, распространить и на Каспиану-Паутакаран, объявляя ее также алуанской областью.

Область “Каспк” или “Каспиана” с северной, восточной и южной стороны, будучи окруженная такими естественными границами, каковыми являлись Кавказские горы, Каспийское море и река Кура, определяла собой также соответствующие границы XI сатрапии. В вопросе определения ее западной границы в значительной степени помогают последние исследования, производимые на основе археологических раскопок. Согласно им, XI сатрапия граничила с той частью XVIII сатрапии, которая находилась к северу от Куры и включала некоторые районы восточной Грузии¹ и Армении, вероятно в районе области Камбечан античных авторов. Страбон в качестве восточной границы последней отмечает реку Алазан². А поскольку это так, то река Алазан является именно той пограничной линией, которая с востока, заключая XVIII сатрапию, с запада отделяет от нее XI сатрапию.

Таким образом, XI сатрапия включала территорию, которая была расположена между южными склонами Кавказского хребта, Каспийским морем, реками Курой и Алазан. На этой же территории обитали племена упоминаемые вместе с каспиями в составе XI сатрапии, т. е. павсии, пантиматы и дарейты³

XI сатрапия в системе административного деления Ахеменидов должна была иметь важное политическое и экономическое значение. Находясь на окраине Ахеменидской державы, она охраняла Кавказские проходы от нашествия могущественных северных племен. Она также вносила налоги и своими войсками участвовала в военных походах Ахеменидов.

Подчиненность каспийских племен Ахеменидскому Ирану продолжалась до роковой для Ахеменидов битвы при Гавгамелах в 331 г. до н. э., когда с победой Александра Македонского был поставлен конец Ахеменидскому владычеству.

Алуанские племена и их политическое состояние

¹ Г. Тирацян, Территория Еруандидской Армении..., с. 72-73.

² Страбон, XI, IV, 5.

³ Геродот, III, 92. Упоминание дарейтов в Мидии и составе XI сатрапии может быть следствием столь обильных для древности этнических миграций племен.

в составе Ахеменидского Ирана

В общественной жизни прикаспийских племен в IV в. до н. э. произошли крупные социальные и экономические сдвиги, вследствие которых общее для них название “каспы”, уступив место новому названию “алуанцы”, перестает обозначать все прикаспийские племена.

Название “алуанцы” в истории впервые встречается в перипетиях крупнейших исторических событий конца 30-х гг. IV в. до н. э. Историк II в. н. э. Флавиус Арриан, опираясь на военные дневники и мемуары участников и очевидцев походов Александра Македонского – Аристобула Кассандрийского и Лагоса Птолемея¹, сообщает, что в битве при Гавгамелах в 331 г. до н. э. на стороне Дария III, против македонян сражались также и алуанцы. Согласно его сообщению, алуанцы наряду с мидийцами, кадусиями и сакесинами составляли отдельное войсковое соединение в составе огромной армии Дария III во главе с сатрапом Мидии – Атропатом. “Мидянами,- пишет он,- командовал Атропат, с мидянами вместе были кадусии, албаны и сакесины”². Арриан приводит также план расположения войск Дария в битве при Гавгамелах, где, как выясняется, свое определенное место занимали и упомянутые племена. Согласно этому плану, который, по Аристобулу, в дальнейшем попал в руки победителей³, на правом фланге персидской армии стояли воины “из Келесирии и Междуречья, а также мидяне, за ними парфяне и саки, затем тапуры и гирканы, затем албаны и сакесины”⁴. Алуанские воины упоминаются также в рядах отряда телохранителей Дария: “Когда войска сошлись, стало видно, что Дарий со своим окружением: персами “носителями айвы”⁵, индами, албанами, кариццами-“выселенцами” и личниками-мардами стоят против Александра и царской иль”⁶.

Таким образом, первое в истории упоминание об алуанцах связано с крупными событиями, в которых они принимали непосредственное участие. Это обстоятельство позволяет утверждать, что в исследуемый период алуанские племенные союзы по своему социальному и политическому развитию

¹ Арриан, I, 1, 1.

² Там же, III, 8, 4.

³ Там же, III, II, 3.

⁴ Там же, III, II, 4.

⁵ “Носителями айвы” или “яблоконосцами” являлась “часть гвардии, телохранители персидского царя, для вооружения которых были характерны копья с яблоком-шаром на конце древка” (К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 53, пр. 2).

⁶ Арриан, III, 13, 1.

значительно продвинулись вперед и особенно выделялись своими воинственными качествами. Доказательством того служат занятые ими важные военно-стратегические позиции в битве при Гавгамелах как на правом фланге огромной персидской армии, так и в войске телохранителей, рядом с “яблоконосцами”-персами.

Из упомянутых сообщений Арриана следует, что алуанские племена жили племенными союзами и их политические образования не пошли далее этих союзов. Поэтому в битве при Гавгамелах они выступали не как отдельные подразделения, как, например, армии Великой и Малой Армении¹ соответственно под командованием Митраустаса и Оронта², а в составе войск Мидийского государства во главе с сатрапом Атропатом.

Сообщения Арриана одновременно послужили для исследователей основой в вопросе определения их политического статуса. Согласно мнению, высказанному в свое время В. В. Бартольд, алуанцы при Гавгамелах выступали лишь как наемные войска в мидийской армии³. По мнению И. М. Дьяконова, алуанцы, сакесины и катиши в одном случае выступили как союзники мидийцев и не подчинились сатрапу Мидии Атропату⁴, в другом – это союзничество было “формой зависимости, как все подобные “союзы” в древности”⁵. Такая зависимость от Мидийского сатрапа, согласно И. М. Дьяконову, якобы была реальностью более раннего периода, чем время битвы при Гавгамелах⁶. О союзничестве алуанцев и Атропата говорят также авторы “История Азербайджана”⁷, И. Алиев⁸ и другие. Для подтверждения этого мнения они, кроме упомянутого сообщения Арриана, других сведений не приводят. Нам кажется, что более полноценное представление о политическом статусе алуанских племен исследуемого времени дает свидетельство Арриана о плане расположения персидского войска, в котором алуанцы упоминаются на разных позициях армии Дария, вместе с сакесинами на правом фланге, вдали от мидийцев, разделенные от них войсками парфян, саков, тапиров и гирканцев, и в

¹ Квинт Курций Руф, История Александра Македонского, М., 1963, IV, 12, 10.

² Арриан, III, 8, 5.

³ В. В. Бартольд, Сочинения, т. II, ч. I, с. 658; Его же, Краткий обзор истории Азербайджана (там же, с. 775-776).

⁴ И. М. Дьяконов, История Мидии, с. 339, пр. 3; 447.

⁵ Там же, с. 447.

⁶ Там же, с. 448.

⁷ История Азербайджана, т. I, с. 45.

⁸ И. Алиев, О скифах и скифском царстве, с. 10.

рядах телохранителей Дария, где вообще не было мидийского войска¹. Согласно тому же плану, кадусии, упомянутые наряду с алуанцами и сакесинами и поэтому считающиеся подчиненными Атропату², также располагались вдали от мидийцев – на левом фланге. При таких обстоятельствах трудно предположить, что, разобщив союзников, им были предоставлены разные стратегические позиции, или, как правильно заметила К. В. Тревер, “трудно допустить, чтобы “мидийские наемники” – албаны были бы отделены от них и приближены к особе царя”³. Из сообщений Арриана совершенно определенно следует, что алуанцы, сакесины и кадусии не могли быть подчиненными Атропата. Это становится особенно наглядным на примере кадусиев, которые в историографии упоминаются в основном как племена, подчиненные Ирану⁴. И в этот период они находились под владычеством Ахеменидов. Диодор Сицилийский и Юстин единодушно сообщают, что при Артаксерксе III Охе (358-338 гг. до н. э.) война против кадусиев завершилась победой Ахеменидов и подчинением кадусиев. Они рассказывают, что исход этой войны решился победой Дария Кодомана, будущего царя царей в единоборстве с одним великаном из армии противника⁵. Таким путем, подчинившись Ахеменидам, кадусии участвовали в битве при Гавгамелах как племена, оказавшиеся под владычеством Ирана. А если это так, то упомянутые рядом с ними алуанцы и сакесины также участвовали в битве при Гавгамелах только как племена, подчиненные Ирану.

Упомянутое в сообщениях Арриана другое племенное объединение – сакесины – были отождествлены И. М. Дьяконовым, А. Алиевым, К. Алиевым жителями армянского утикского гавара Шакашена и, при этом, заявлялось, что гавар и его жители принадлежали Алуанку и были подчинены Атропату⁶. Однако свидетельства Арриана не могут быть основой для предположения о нахождении гавара Шакашен армянской области Утик в составе Алуанка и в подчинении Атропату. И это по той ясной причине, что упомянутые Аррианом сакесины и жители названного гавара не тождественны, несмотря на то, что

¹ Арриан, III, II, 4; III, II, 1.

² И. М. Дьяконов, История Мидии, с. 339, пр. 5, 447; И. Алиев, История Мидии, с. 104, пр. 10.

³ К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 54.

⁴ И. В. Пьянков, Борьба Кира II с Астиагом, ВДИ, 1971, N 3, с. 16-17.

⁵ Диодор Сицилийский, Историческая библиотека, пер. с оригинала, предисл. и примеч. С. М. Кржашаряна, Е., 1985, XVII, 6, 1 (на арм. яз.); Justin, X, III, 2-5.

⁶ И. М. Дьяконов, История Мидии, с. 250, пр. 2, с. 443-444; И. Алиев, История Мидии, с. 230, пр. 5; Его же, О скифах и скифском царстве, с. 11; К. Алиев, Кавказская Албания, с. 185-187.

как первые, так и последние являлись далекими отпрысками тех саков – скифов, которые в VI в. до н. э., вторглись в южные районы Закавказья. Во время этих походов они, по свидетельству Страбона, “захватили Бактриану и завладели лучшей землей в Армении, которой они оставили название от своего имени Сакасена”¹. Из этого недвусмысленного сообщения греческого географа видно, что завоеванная скифами территория не только являлась частью Армении, но и ее лучшей землей². Так, утвердившись в Армении и став органической частью населения одного из ее восточных окраинных гаваров, сакасен-шакашенцы затем свою историческую судьбу навсегда связали с Арменией. В частности, в исследуемую эпоху, когда Армения при царствовании Ервандидов переживала период государственно-политической стабилизации, они не могли находиться вне ее состава и естественным образом в битве при Гавгамелах выступали бы в составе войск Армении под командованием Оронта. Оронт–Ерванд довольно часто упоминается в грузинских источниках с титулом “царь” и именуется “Великим”³.

Сведения грузинских историков этого Оронта–Ерванда представляют поборником создания централизованного армянского государства, который своей могучей рукой сплотил Ервандидское царство в традиционных исторически сложившихся границах. В частности, северо-восточная граница государства проходила по реке Куре, включая в себя не только упомянутый гавар Шакашен, в области Утик, но и Арцах⁴. Признанием его силы и влияния явилось то, что царь Каппадокии Ариаратес, преследуемый македонянами, находит убежище в Армении, а затем, получив от Ерванда (у Диодора Ардоатеса – Г. С.) вспомогательные войска и изгнав македонян, становится хозяином в своей стране. Этот факт, который сообщает Диодор Сицилийский⁵, позволяет охарактеризовать его как “царя дальней и великой страны”, который “должен был иметь большое войско”⁶, и не боясь македонян, протянуть руку помощи своему соседу, вначале предоставив ему убежище, а

¹ Страбон, XI, VIII, 4.

² Этому сообщению источника И. М. Дьяконов дает своевольное объяснение, говоря, что “во времена Страбона Армения охватывала временно некоторые части современного Азербайджана” (И. М. Дьяконов, История Мидии, с. 250, пр. 2). Однако, это безосновательное и антинаучное заявление вполне убедительно отрицается приведенным выше свидетельством.

³ Краткая история Грузии, с. 31 (на арм. яз.). КЛ, т. I, с. 44 (на груз. яз.).

⁴ Г. Тирацян, Территория Ервандидской Армении..., с. 82.

⁵ Диодор, XXXI, 19, 5.

⁶ J. Sandaljian, Histoire documentaire de l'Arménie, t. II, Rome, 1927, p. 409; Я. Манандян, Критический обзор..., Труды, т. I, с. 101-102.

затем военную силу. Вот почему нелогично думать, что один из гаваров государства, переживавшего политическую стабилизацию во главе с таким сильным и влиятельным царем, мог стать подчиненным Мидии и выступить в битве под командованием его сатрапа. Будучи жителями одного из гаваров Армении, шакашенцы никакой связи не имели с упомянутыми Аррианом “сакесинами”. Сакесины Арриана представляли ту группу саков-скифов, которая, совершив походы в сторону Южного Кавказа и вообще Передней Азии, осела на территории будущего Алуанка. Существование здесь таких групп саков-скифов доказывается как материалами скифского типа, открытыми при археологических раскопках¹, так и топонимами, к числу которых принадлежит Шаки близ города Нухи в Азербайджане².

Обосновавшись на своем новом месте, эти кочевые племена естественно должны были выступить в составе войска той страны или со стороны тех племенных объединений, на территории которых они жили: сак-шакашенцы – Великой Армении, сакесины – алуанских племенных объединений. И, как показывает известное сообщение Арриана об участии сакесинов в битве при Гавгамелах, наряду с алуанцами это было именно так. Даже тогда, когда упоминание с ними кадусии выступили отдельно, они действовали вместе с алуанцами, рядом с ними³.

Таким образом, неправы исследователи, отождествляющие сакесинов Арриана с жителями гавара Шакашен Великой Армении, считающие их одним из алуанских племен и заключающие, что Шакашен (тем самым и Утик) являлся одним из гаваров Алуанка и вместе с ними подчинялся Атропатене. И это тогда, когда алуанское политико-государственное объединение еще только должно было формироваться.

¹ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, с. 120 и сл.; Его же, Ванское царство, Москва, 1959, с. 244 и сл.

² И. Алиев в числе топонимов, происходящих от этнонима скиф-сак, на территории Азербайджана указывает Шаки Сисианского района Армении, создавая такое неверное впечатление, что якобы Сюник также составлял часть территории Азербайджана (см. И. Алиев, О скифах и скифском царстве в Азербайджане, с. 11). Отметим, что такой подход не является новостью для азербайджанской историографии. Вспомним также и то, что по мнению З. Бунятова, Сюник наряду с Утиком и Арцахом составлял одну из областей Алуанка (см. З. Бунятов, Азербайджан в VII-IX вв., с. 4). С необоснованными заявлениями об обитании алуанских племен в Сюнике, арменизации жителей Сюника и вхождении Сюника в состав Азербайджана выступили также М. Нейматова (см. М. Нейматова, Еще раз об Урудских памятниках Зангезура, Известия АН АзССР, 1985, N 4, с. 87-94) и Ф. Мамедова, (см. Ф. Мамедова, Политическая история Албании, с. 105-111 и сл.).

³ Арриан, III, II, 3-4.

В последне́й четверти IV в. до н.э. алуанские племена выступали племенными союзами, политически подчиненными Ахеменидскому Ирану, платя налоги и поставляя военную силу для ахеменидских военных кампаний.

Битва при Гавгамелах завершилась полным разгромом Дария III.

Победа Александра Македонского при Гавгамелах, наряду с разгромом Ахеменидской державы, означала также конец владычества Ирана в Алуанке. Однако, в отличие от других стран и народов, подчиненных Ахеменидам, которые попали под влияние Александра Македонского и его диадохов, Южный Кавказ вообще¹, а алуанские племенные союзы в частности, остались вне этого влияния. Несмотря на то, что такой достоверный автор, как Плиний, пишет, что македонские войска прошли через “Азию, Армению, Иверию, Албанию... и Кавказ”², тем не менее отмечено, что маршрут походов македонян “никогда не проходил ни по Армении, ни по территории Закавказских стран”³. Далее. Известно, что одной из важных и характерных сторон деятельности Александра Македонского в завоеванных странах было строительство городов с целью создания социально-экономической, военной и политической опоры⁴. Подходя к вопросу с этой точки зрения и учитывая, что в изучаемый период (IV-III вв. до н. э.) в Алуанке не только не встречаются города, построенные Александром или его последователями, но и вообще какие-либо города, не остается сомнений, что алуанские племенные союзы не были завоеваны македонянами.

Некоторые исследователи находят, что алуанские племена после Ахеменидов попали в зависимость от новосозданного Атропатенского государства. Согласно им, бывший мидийский сатрап и основатель нового государства Атропат в своей внешней политике, достиг таких ощутимых результатов, что смог даже подчинить себе как алуанцев, так и племена,

¹ М. М. Дьяконов, Очерк по истории древнего Ирана, с. 160.

² Известия древних писателей, т. II, с. 169. К. В. Тревер предполагает, что Плиний этим своим сообщением “имел в виду не походы самого Александра и диадохов, а, может быть, объезд Патроклом, селевкидским военачальником, Каспийского побережья и его отчет, которым пользовался и Помпей (см. К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 55). Однако такое предположение не является убедительным. Нам кажется, что в основе этого сведения Плиния лежат отзвуки похода Александра в Среднюю Азию, в частности, в Бактрию, во время которого он в 329 г. до н. э. пересек гору Гиндукуш (М. М. Дьяконов, Очерк по истории древнего Ирана, с. 147), называемый также Кавказом. Одноименность этих горных хребтов стала причиной путаницы у Плиния, что повторяет римский автор III в. н. э. Юлий Солин (см. ВДИ, 1949, N 3, с. 241).

³ История армянского народа, т. I, с. 502.

⁴ С. М. Крисяшарян, Очерки истории городов древней Армении и Малой Азии, Ереван, 1970, с. 106 (на арм. яз.)

находившиеся к северу от них, взяв под свой контроль Юго-восточный Кавказ¹. Но исследования² показали, что возникшая в последние годы жизни Александра Македонского и продолжающаяся после его смерти беспокойная и смутная политическая ситуация скорее всего заставила бы Армината заботиться о сохранении независимости своей страны, нежели заниматься новыми завоеваниями. Поэтому не правы исследователи, приписывающие Арминату небывалые завоевания, в результате которых он, якобы, смог взять под свой контроль племена Восточного Закавказья, в частности алуанцев. Последние, с победой Александра Македонского освободившись из-под влияния Ахеменидского Ирана, вели самостоятельную и свободную жизнь, оставаясь вдали от развернувшихся в Передней Азии бурных событий.

В истории алуанцев начинается новый насыщенный период крупными социально-экономическими и политическими сдвигами.

¹ И. М. Дьяконов, История Мидии, с. 446.

² Подробно см. Г. С. Свзян, Возникновение государства Арминаты и Кавказская Албания, ВОН, 1985, N 2, с. 71-79 (на арм. яз.).

Глава IV
ПЕРЕХОД ОТ ПЛЕМЕННЫХ СОЮЗОВ К ГОСУДАРСТВУ
(III в. до н. э. – I в. до н. э.)
Эллинизм на Востоке и алуанские племена

После смерти Александра Великого созданная им огромная держава быстро разложилась и распалась на ряд мелких и крупных государств: Селевкидское государство, собственно Македония, Египетское царство и возникшие в Малой Азии Вифиния, Пергамона, Понтийская Каппадокия и другие.

Новосозданные государства являлись результатом исторического развития древневосточного рабовладельческого общества. Этот новый этап античного рабовладельческого общества, который в историографии получил название “эпоха эллинизма”, характеризуется как время подъема социальной, экономической, политической и культурной жизни. Экономическую и политическую основу его составляли веками развиваемые народами востока и запада сельское хозяйство и ремесло со всеми своими ответвлениями, формы политической жизни и государственной структуры, сближение материальной и духовной культуры и их взаимовлияния¹.

Мощному, нивелирующему влиянию эллинизма подверглись не только центры эллинистического мира, но и его окраинные страны – Армения, Иверия, Алуанк, Каппадокия и другие.

Сколь отдаленными ни были бы прикаспийские области, элементы эллинизма проникали и в эти страны. Алуанские племена также включились в процесс эллинизации. Взаимоотношения алуанских племен с эллинистическим миром происходили, однако, не путем проникновения и утверждения здесь греческого элемента, а в основном посредством расширения торговых связей, расцвета международной транзитной торговли и проникновения отголосков тех политических событий, которые происходили в Передней Азии между новообразованным Селевкидским царством и другими государствами.

О наличии алуано-селевкидских связей говорят как письменные, так и материальные источники. Согласно первым, еще во времена Селевка Никатора (312-280 гг.) и по его поручению, военачальник Патрокл в 283-282 гг. до н. э.

¹ А. Б. Ранович, Эллинизм и его историческая роль, М., 1950, Всемирная история, т. II, с.231-235, 268-281, История армянского народа, т. I, с.489-499.

совершил путешествие с целью исследования Каспийского моря¹ и, будучи таким образом на территории будущего Алуанка, естественно, способствовал активизации отношений между Селевкидским государством и алуанскими племенами². На существование отношений между алуанскими племенами и государством Селевкидов указывают также селевкидские монеты, найденные на территории Алуанка³.

Таким образом, действительно, можно предположить взаимоотношения между алуанскими племенами и Селевкидами способствовавшие проникновению в Алуанк эллинистических элементов и приведшие к переменам в общественно-политической жизни. Под могучим влиянием эллинизма в общественной жизни алуанских племен происходили серьезные социальные изменения. Алуанские племена в исследуемый период жили племенными союзами, в общественной жизни которых уже было свершившимся фактом все более углублявшееся социальное расслоение общества. На их общественное и политическое развитие большое влияние оказывали также и их непосредственные соседи – Великая Армения и возникшее в начале III в. до н. э. Картвело-Иверское государство.

Итак, воздействие на общественное развитие алуанских племен, с одной стороны, эллинизма, а с другой – общественно-политического строя ближайших соседей, имевших государственность, содействовали разложению у них

¹ Каспийское море интересовало еще Александра Македонского и он предпринял серьезную подготовительную работу с целью его исследования. Однако, преждевременная смерть помешала ему осуществить свой замысел. Это настоятельное требование времени вместе с державой Александра наследуют его последователи. В частности Селевкиды предпринимали исследование Каспийского моря для удовлетворения экономических и политических нужд своего государства.

² Подробности этого похода Патрокла нам не известны. Об этом сообщают античные авторы, в частности, Страбон и Плиний, которые сами пользовались сведениями опосредствованно - через Эратосфена (Страбон, XI, XII, 3; Pliny, VI, 36). Согласно их сообщениям, путешествие Патрокла вокруг Каспийского моря завершилось "открытием", которое было шагом назад по сравнению с современными географическими представлениями. В то время, когда еще Геродоту было известно, что Каспийское море являлось внутренним морем, закрытым бассейном, который не имел никакой связи с другими морями (Геродот, I, 203), экспедиция Патрокла "обнаружила", что Каспийское море соединялось с океаном (Страбон, XI, VII, 1; Pliny, VI, 36-380, т. е. являлось заливом. Такое "открытие сделало сомнительным факт путешествия Патрокла вокруг Каспийского моря (Д. Томсон, История древней географии, М., 1953, с. 192). По мнению Ноимана, Патрокл во время этого путешествия дошел, вероятно, до Сулака и Терека, а по Гизингеру – прошел всего лишь территорию между Курой и Баку (К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 57). Однако так или иначе экспедиция Патрокла побывала бы в исследуемом регионе и общалась бы с местным населением.

³ Е. А. Пахомов, Античные монеты в Албании (в пределах Азербайджанской ССР), Вопросы истории Кавказской Албании, с. 107; И. А. Бабаев, С. М. Казиев, Кабалинский клад монет эллинистической эпохи, с. 16-32. Х. Мушегян, Денежное обращение в Армении (V в. до н. э. – XIV в. н. э.), Ереван, 1983, с. 32 (на арм. яз.).

первобытнообщинных отношений и неукоснительно вели к классовому обществу.

В исследуемый период алуанские племенные союзы переживали период политической стабилизации. Однако политическая история этого периода также представляется в историографии со значительными неточностями. Поступаясь исторической правдой и приписывая им состояние уже сформировавшегося государства, некоторые исследователи представляют их земли как страну, подвергнушуюся “завоевательной” политике Великой Армении, вследствие которой, якобы армянский царь Арташес I (189-160 гг.), воспользовавшись слабостью Алуанка, “отнял” у него области Утик, Арцах, Паитакаран и сделал Куру границей между этими двумя государствами¹. Мы выше коснулись этой точки зрения. Здесь остается привести полностью только то сообщение Страбона, ссылаясь на которое эти исследователи безосновательно строят свою, не выдерживающую критики, “концепцию”. Страбон пишет: “Рассказывают, что Армению, в прежние времена бывшую маленькой страной, увеличили войны Артаксия и Зариадрия. Они были первоначально полководцами Антиоха Великого, а впоследствии, после его поражения, стали царями (первым царем Софены, Акисены, Одомантиды и некоторых других областей, а последний – царем страны вокруг Артаксаты); они расширили совместно свои владения, отрезав часть областей окружающих народностей; у мидян они отняли Каспиану², Фавнитиду и Басоропеду; у иберов предгорье Париадра, Хорзену и Гогарену, которая находится на другой стороне реки Кира; у халибов и мосинеков – Каренитиду и Ксерксену, которая граничит с Малой Арменией или является ее частью у катаонов – Акилисену и область вокруг Антиавра; наконец, у сирийцев – Таронитиду. Поэтому все эти народности теперь говорят на одном языке³. Как видно в этом сообщении (и нигде в другом месте) Страбона не упоминаются Утик, Арцах и Паитакаран, а отсутствие упоминания этих областей в числе мнимых “завоеваний” Арташеса, служит твердой основой для заключения о том, что оспариваемые области издревле составляли органические части царства Арташеса. В этом легко

¹ К. В. Тревер, Очерки по истории ... Албании, с. 58 и сл.; Ф. Мамедова, Политическая история... Албании, с. 117 и сл.

² И это неверно. Обстоятельные исследования показывают, что Арташес I не завоевал эту область, а вернул Армении, частью которой была она до перехода Мидии (Г. С. Связян, К вопросу о “завоевании” Арташесом I области Каспиане-Паитакаран (по данным Мовсеса Хоренаци), ВОН, 1991, N 3, с. 55-59 (на арм. яз.).

³ Страбон, XI, XIV, 5.

убедиться, если вспомнить уже приведенные нами сообщения Хоренаци, согласно которому Ерванд и Арташес свою борьбу за власть начинали с области Утик, где находился Ерванд¹. Решающее сражение между противниками произошло в местечке Ервандаван и завершилось победой Арташеса². Благодаря этой победе Великая Армения вновь была вовлечена в сферу политического влияния Селевкидов, и Антиох III назначает там стратигом Арташеса, а в Цопке – Зариадреса (Зарея). Об этом свидетельствует и Страбон: “Они (т. е. Арташес и Зариадрес – Г. С.) правили страной по поручению царя (Антиоха – Г. С.)”³. Исследования показывают, что деление Армении на стратегии и назначение Арташеса и Зарея селевкидскими стратегами произошло в 201 г. до н. э.⁴. Этим назначением вся территория прежнего царства Ервандидов и, естественно, являвшиеся ее органической частью области Утик, Арцах и Паутакаран, переходят под власть Арташеса.

Таким образом, недоразумением является приписывание Арташесу “завоевания” тех областей, которые были исконными армянскими землями и составными частями его собственного царства.

Между тем, алуанские племена в рассматриваемое время без вмешательства каких-либо внешних сил, в процессе своего исторического развития переживали период политической консолидации. У них создались все предпосылки для формирования государства.

Формирование алуанского государства и его общественно-политическая структура

О существовании окончательно сформированного алуанского государства первым упоминает Страбон. “Их цари,- пишет он,- также замечательны. Теперь, правда, у них один царь управляет всеми племенами, тогда как прежде каждое разноязычное племя управлялось собственным царем⁵. Языков у них 26, так что они нелегко вступают в сношение друг с другом”⁶. Это сообщение Страбона дополняется сведениями других античных авторов. Согласно

¹ Хоренаци, с. 86, пр. 1.

² Там же.

³ Страбон, XI, XIV, 15.

⁴ Г. Х. Саргсян, Антиох III Селевкид и армянские государства, ВЕУ, 1969, N 1, с. 50 (на арм. яз.); Ж. Г. Элибебян, Армения и селевкиды, Ереван, 1979, с. 52 (на арм. яз.).

⁵ Несомненно, они были не царями, а всего-навсего племенными вождями.

⁶ Страбон, XI, IV, 6.

свидетельству Плутарха и Диона Кассия, во время кавказских походов Помпеи на своем пути встретил уже сформированное государственное образование, а его легионы сражались против хорошо вооруженного, многочисленного и возглавляемого собственным царем регулярного войска¹.

Эти сообщения приводят к безоговорочному заключению о том, что в середине I в. до н. э. существовало уже сформировавшееся и состоявшее из 26 племен государственное образование под названием “Алуанк-Албания (Albania)”, со своим царем, иерархией управления и соответствующим своему времени социально-экономическим строем. Соглашаясь с этим, исследователи, однако, не единодушны в вопросе времени его возникновения. Так, например, В. Левиатов считает, что “в I в. до н. э. албанцы жили еще в условиях неразложившихся родоплеменных отношений”², и, только в это время вследствие имущественного неравенства начинается разложение родового строя и процесс формирования классов. Он полагает, что “именно на этой ступени общественного развития застали албанцев римские легионы, вторгшиеся в I в. до н. э. Закавказье”³. Аналогичную точку зрения по исследуемому вопросу высказал также О. Ш. Исмизаде⁴. К. В. Тревер пишет, что в Алуанке государственность должна была получить свою завершённую форму “ко второй половине II в. до н. э.”⁵, “а может быть, и раньше”⁶. Как время образования алуанской государственности И. Алиев указывает на III-II вв. до н. э. Это свое мнение он обосновывает тем, что Страбон использовал выражение “теперь”⁷ касательно царя Алуанка, которое, согласно И. Алиеву, “должно быть отнесено во всяком случае не позднее чем к III-II вв. до н. э., а может, и несколько более раннему времени”⁸.

По вопросу возникновения Алуанского государства специальную статью опубликовал И. А. Бабаев⁹, который, якобы, на основании изучения литографических, нумизматических и других археологических памятников, высказал убеждение, что “после падения Ахеменидской державы в конце IV —

¹ Плутарх, Помпеи, XXXIV, XXXV; Дион, XXXVI, 54, 1-5.

² В. Н. Левиатов, Азербайджан с V в. до н. л., с. 79.

³ Там же, с. 80.

⁴ О. Ш. Исмизаде, Ялойлутепинская культура, с. 89.

⁵ К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 144.

⁶ Там же, с. 145.

⁷ Страбон, XI, IV, 6.

⁸ И. Алиев, К интерпретации..., с. 160; И. Алиев, Ф. Османов, Бассейн рек..., с. 202.

⁹ И. Бабаев, К вопросу о возникновении государства Алабании (Кавказской), Известия АН АзССР, 1976, №4, с. 40-51.

начале III вв. до н. э. возникло и сформировалось Албанское государство”¹. Целью автора является пересмотр “сложившегося мнения относительно сравнительно позднего возникновения государства Албании”². На столь раннее время возникновения алуанского государства указывают также другие авторы; некоторые из них это делают без аргументации – “ретроспективно”³, другие же пытаются обосновать эту мысль сообщением Арриана об алуанских племенах, возглавляемых Амронатом в Гавгамелах⁴. Однако их датировка времени возникновения Алуанского государства кажется надуманной, а свидетельства из труда Арриана для подтверждения этого – неподходящими. В соответствующем сообщении греческого автора, как видели выше, алуанцы представлены не самостоятельным, выступающим под знаменем своего военачальника народом, как, например, армяне, а племена, сражающимися под командованием сатрапа Мало́й или Северно́й Мидии. И сообщение Арриана скорее всего подчеркивает то, что они в IV-III вв. жили племенными союзами, нежели имели государственность, как хотят видеть в этом сообщении азербайджанские историки.

Материалы, открытые архелогическими раскопками, из Яло́лутене и синхронных ему погребений, также указывают лишь на степень имевшегося в их племенных союзах социального расслоения. Различие погребений привелегированной знати и рядовых членов племени является прямым доказательством того, что еще до I в. до н. э. алуанцы проживали большими племенными союзами. Не случайно, что в многочисленных погребениях до сегодняшнего дня не выявлены царские или принадлежащие высокопоставленным вельможам богатые гробницы⁵.

Таким образом, археологические и письменные источники свидетельствуют, что исследователи ошибаются, датируя возникновение алуанского государства IV-III вв. до н. э. В этот период алуанские племена жили самостоятельно, племенными союзами, в общественной жизни которых происходили социальные изменения, которые только закладывали основы для возникновения государства. В политической жизни власть как постоянная и наследственная должность была сосредоточена в руках племенных вождей,

¹ Там же, с. 47.

² Там же, с. 40.

³ Ф. Мамедова, Политическая история... Албании, с. 57, 144 и сл.

⁴ Дж. Халилов, Материальная культура... Албании, с. 198.

⁵ Там же, с. 201.

военачальников и жрецов, представляющих собой уже особый класс, и приводила к той ранней форме политической организации общества, которая известна под названием “военная демократия”. В экономической жизни алуанских племен большого развития достигли земледелие, ремесло и торговля. Нового, высокого уровня достигает культура. На этой основе в среде алуанских племенных союзов общество постепенно подвергается социальному расслоению и делится на классы.

Государство в Алуанке возникло не ранее начала I в. до н. э. Это доказывают не только тем, что с охватываемой территорией и социально-экономическим строем оно в письменных источниках выступает только с указанного века, но и тем, что источники, говорящие о получившем окончательный и завершённый вид государства Алуанк, представляют его как новое явление в общественно-политической жизни алуанцев I в. до н. э. Например, в описаниях Страбона алуанцы представлены как народ безразличный к вопросам государства и государственного строя. “И в отношении прочих жизненных вопросов,- пишет географ об алуанцах, - они высказывают равнодушие. Точные меры и вес им неизвестны. К вопросам войны, государственного устройства и земледелия они относятся беззаботно”¹. Такую беспечность люди могли высказать лишь по отношению к новосозданному и еще неукоренившемуся в быту явлению – государству. То, что алуанское государство в I в. до н. э. еще только формировалось, показывает и уже упомянутое сообщение Диона Кассия, из которого следует, что в середине того же века, во время похода Помпея (в 65 г. до н. э.) процесс формирования государства еще не охватил его дальние прикаспийские области, вследствие чего обитавшие в этих областях племена каждое в отдельности заключают союз с Помпеем². Само собой разумеется, что если бы эти племена были объединены в одном алуанском государстве, то Помпей, который покорил Алуанк, не имел бы необходимости заключать союз с каждым из них в отдельности.

Таким образом, алуанское государство начало свое формирование в начале I в. до н. э. как результат социального и политического развития и разделения общества на классы. Возникновению алуанского государства способствовали также внешние факторы. Таким фактором являлся эллинизм, который в период

¹ Страбон, XI, IV, 4.

² Известия древних писателей..., вып. 3, с. 615.

своего расцвета, (III-I вв. до н. э.) охватывал и западные области Прикаспия. Под сильным влиянием его у алуанских племен также ускорился процесс углубления социального расслоения, увеличилось неравенство внутри общества, возрастала частная собственность. Красноречивым доказательством сказанного являются перстни-печати рисунками, свидетельствующими о расслоении общества. Подобные перстни-печати, как верно отмечали исследователи, могли появиться только при наличии частной собственности и использовались отдельными людьми для утверждения частных сделок¹. Появления частной собственности было одним из главных условий возникновения государства. Появлению государства в Алуанке кроме элминизма и существования частной собственности, способствовали также как необходимость совместной борьбы против чужеземных завоевателей, так и наличие по соседству издавна существовавших государств – Великой Армении и Иверии. Разнообразные естественно-климатические условия, сравнительно слабо развитые социально-экономические отношения, плохое сообщение между разными областями, раздробленность страны на отдельные экономические районы с 26-ью племенами, которые имели разное экономическое и культурное развитие и нелегко вступали “в сношение друг с другом”², создавали значительные трудности и обусловили запоздалость (по сравнению с соседями) возникновения в Алуанке государства. На эту мысль наводит и слово “теперь” греческого автора высказанному по отношению царей Алуанка. Оно показывает не далекие времена, как, исходя из своих желаний, полагают некоторые исследователи³, а время проживания самого автора – Страбона, т. е. I в. до н. э. – I в. н. э. Продолжая эту тему отметим, что по свидетельству Плутарха, велением армянского царя Тиграна Великого против Лукума наряду с некоторыми “царями” выступила и “толпа алуанцев”⁴. В этом выражении используя термин “толпа” в противовес “царей”, т. е. имеющие государство народов, историк наверняка указывает на неимение государства у алуанцев, поэтому выступающие толпой, а не под командованием своего царя. Все это свидетельствует о том, что в исследуемый период, алуанцы еще не имели государство. Сказанное подтверждается и другими фактами. Одной из

¹ В. Н. Левинтов, Азербайджан с V в. до н. л. по III в. н. л., с. 69. А. Халилов, Материальная культура..., с. 155, 159, 201.

² Страбон, XI, IV, 6.

³ И. Г. Алиев, К интерпретации..., с. 160.

⁴ Плутарх, Лукум, XXXVI.

характерных черт государств является чеканка собственных монет. Подходя к вопросу и с этой стороны, увидим что такие монеты в Алуанке появляются довольно поздно. Раскопки в Кабале, Хынысли, Шемахи и в других местностях выявили монетные клады, среди которых нашлись и монеты местной чеканки, типа селевкидских монет¹. По мнению исследователей, они были чеканены не ранее чем в третьей четверти I века². К этому времени относится и сведение Страбона о том, что у алуанцев во время походов Помпея (66-65 гг. до н. э.), не было в употреблении чеканной монеты³. Приведенные данные безоговорочно доказывают, что государство в Алуанке возникло гораздо позднее, чем в соседних с ним странах – не ранее середины I в. до н.э.

Таким образом Алуанское государство сформировалось в середине I в. до н. э. путем объединения 26 племен и как отдельное, с вышеуказанными государственно-политическими границами самостоятельное царство, просуществовало до середины V в. н. э.

Во главе алуанского царства стоял царь, который являясь представителем местной знати, выдвигались из среды вождей племенных союзов. История для исследуемого периода сохранила имена двух таких царей – Оройса и Зобера, правившие в I в. до н. э. К сожалению, неизвестна их династическая принадлежность и связь между собой. Однако, имея в виду издревле наследственный характер должности племенного вождя, а также царской власти, можно полагать, что и в Алуанке должность царя также была наследственной и упомянутые цари принадлежали к той же самой правящей династии.

Алуанские цари происходили из отделившихся от политических общин прослоек знати в земледельческих районах⁴. Такой была закономерность исторического развития. Однако, К. Алиев считает, что алуанские цари постоянно выдвигались из кочевой среды, а именно скотоводческими племенами, говорившими на одной из наречий тюркского языка. Это происходило потому, что, по его мнению, земледельческие районы, являясь политически раздробленными, а также священными областями, выступали под руководством

¹ Е. А. Пахомов, Античные монеты в Албании, с. 106-113; И. А. Бабаев, С. М. Казиев, Кабалинский клад монет эллинистической эпохи. Нумизматика и эпиграфика, 1971, IX; Дж. А. Халилов, Материальная культура..., с. 152-155.

² Е. А. Пахомов, Монетные клады Азербайджана, с. 20; Х. Мушегян, Денежное обращение в Армении, с. 30.

³ Страбон, XI, IV, 4.

⁴ С. Т. Еремян, Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., с. 306.

жрецов и не имели экономической базы для выдвижения царей¹. На то, что цари, согласно К. Алиеву, выдвигались главным образом из племен, говоривших на одном из наречий тюркского языка, указывает будто бы имя одного из алуанских царей Зобера, которое автор связывает с именем вождя гуннов-контригуров Забергана (Zabergai), упомянутого в V в. н. э. Видя в нем тот же самый корень (Зобер-Забер-ган), он утверждает, что Зобер был одним из царей Алуанка, выдвинутым из среды кочевых скотоводческих племен, говоривших на одном из наречий тюркских языков. Однако это предположение К. Алиева, основанное на мнимой тождественности имени алуанского царя Зобера и гуннского вождя Забергана, является ошибочным. Ибо основываться и исходить из случайной внешней схожести имен двух исторических деятелей, разделенных более чем пятью веками, и выводить отсюда натянутое, надуманное умозаключение – просто ненаучно. Оно вызвано тенденциозным стремлением обязательно увидеть тюркские элементы в Алуанке в I в. до н. э. – I в. н. э. и придать им лидирующую роль в социально-политической жизни страны². Приписывая ради этого главенствующую роль скотоводческим племенам в общественном развитии, в то время как с давних пор эта роль была особенностью земледельческих племен, К. Алиев тем самым показывает свою некомпетентность в затронутом вопросе и несостоятельность в оценке исторической роли скотоводческих и земледельческих племен в развитии обществ вообще.

¹ К. Алиев, Албань-кочевники и Басилевс Зобер, Известия АН АзССР, 1962, N 8, с. 23-29.

² В своем стремлении увидеть на современной территории Азербайджана с древних времен тюркский элемент К. Алиев не одинок. Такие стремления проявляют и ряд исследователей (Р. А. Гусейнов, О тюрках IV-VII вв. в зоне Кавказской Албании (см. Вопросы истории... Албания, с. 181-192); М. Сеидов, Об этническом термине "Хайландурк" в исторических трудах Егише и Мовсеса Кагангайтугского (Известия АН АзССР, 1965, N 6, на азерб. яз.); Нашлись даже авторы, которые без всякой ответственности перед наукой, находят связь между шумерским и тюркским языками и этим стремятся "доказать", что тюркские языки являются самыми древними в Передней Азии (А. Мамедов, Теоретические проблемы восстановления первичных корней в тюркских языках, сб. Вопросы азербайджанской философии, вып. 2, Баку, 1984, с. 5-21), или же находят, что являлись самым крупным массивом в этническом составе Азербайджана (?-Г. С.) в III-V вв. (С. Алиев, Об этногенезе азербайджанского народа/ К постановке проблемы/, сб. К проблеме этногенеза азербайджанского народа, Баку, 1984, с. 4-39). Однако на бесплодность таких научных работ не только уже указано специалистами (А. П. Новосельцев, Древнейшие государства на территории СССР/Некоторые итоги и задачи изучения/, История СССР, 1985, N 6, с. 85-103), но подверглись также резкой критике. Именно к таким научно не обоснованным предположениям относятся слова академика С. Л. Тихвинского, который пишет: "Имеют место попытки искать тюрков в Передней Азии уже в глубокой древности и приписывать им ведущую роль в создании древнейших переднеазиатских цивилизаций, а также местных закавказских культур и государств (прежде всего Кавказской Албании, скифов и т. д.); См. С. Тихвинский, Состояние и задачи координации исторических исследований, Вопросы истории, Москва, 1986, N 9, с. 10.

К. В. Тревер в имени “Зобер” справедливо видит “грецизированную передачу местного албанского имени”¹.

Алуанские цари выдвигались политическими объединениями, возникшими в земледельческих районах, и являлись представителями местной знати. Цари и члены царской семьи в Алуанке составляли высшую и привилегированную прослойку эксплуататорского класса общества. Из нее выходили государственные, политические и военные должностные лица. Из этой привилегированной прослойки источники упоминают Косиса – брата царя и военачальника Алуанка², заложников пленных вождей-гегемонов³, которые являлись сыновьями или ближайшими родственниками царя.

“Самым уважаемым человеком после царя”⁴ в Алуанке был жрец. “Он стоит во главе большой и густонаселенной священной области, а также распоряжается рабами храма”⁵. Они, как нетрудно представить, составляли второй слой господствующего класса, владели обширными землями, являющимися основой для их огромной экономической и политической власти. Эта власть еще более усиливалась ввиду их влияния на духовную жизнь общества, которое распространялось также и на правителей страны. Вероятно, именно это влияние жреческого сословия на экономическую и политическую жизнь страны являлось причиной того, что нередко сами цари выполняли обязанности жреца либо же возлагали его функции на своих ближайших родственников.

Привилегированное общественное и имущественное положение жреческого сословия подчеркивается и другими источниками. Клавдий Элиан, например, пишет, что “жрецы и самые богатые и знатные из каспиев” надевали изящные одежды, изготовленные из шерсти верблюдов⁶.

Ввиду своего правового, социального положения и экономического состояния главенствующую роль играла также военно-служилая знать, а также другие отдельные прослойки знати.

Самую многочисленную часть общества составляли непосредственные производители материальных благ – крестьяне, которые являлись как свободными, так и полувладельческими и зависимыми. Они были объединены в

¹ К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 113.

² Плутарх, Помпей, XXXV.

³ Там же, XLV, Известия древних писателей..., т. 1, вып. 2, с. 537.

⁴ Страбон, XI, IV, 7.

⁵ Там же.

⁶ Известия древних писателей..., т. I, с. 607.

сельских общинах и по своему социальному положению являлись основным налогоплательщиком для государства, жреческого сословия и отдельных высокопоставленных лиц. Кроме своих прямых обязанностей они выполняли также принудительные работы и другие повинности общественного характера.

Низшим и самым обездоленным классом общества являлись рабы. “Рабов” в классическом понимании этого термина в Алуанке не было. Даже сообщение Страбона и использование им слово “раб” полностью не выражает социально-правового положения последних. В храмовых хозяйствах они выступали как иеродулы, что далеко от настоящего понимания “раб”, а вообще, как домашние слуги или же рабочая сила. Кстати, такая рабская участь постигла также многих свободных крестьян.

Рабство в Алуанке носило примитивный, патриархальный характер. Оно проявлялось в наличии домашней прислуги, иначе говоря, в “неразвитой”, восточной форме.

Таким образом, формирование государства в Алуанке началось с I в. до н. э. как следствие общественного, экономического и социального развития, со своей классовой сословной и общественно-политической структурой. Оно было восточно-рабовладельческого характера с первобытнообщинным и родовым укладами.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
АУАНК В ПЕРИОД ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Глава V
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АЛУАНКА В I В. ДО Н. Э. – III В. Н. Э.
Алуанк в I в. до н. э.

Успехи Рима в Митридатových войнах, способствовали усилению его экспансионистических устремлений в Южном Кавказе и на этой почве привели к столкновению с новообразованным алуанским государством.

В начальном период алуано-римские отношения складывались в русле армяно-римских отношений, когда после третьей Митридатовой войны (73-71 гг. до н. э.) возгордившийся своими успехами римский военачальник Лукулл, по собственной инициативе и под свою личную ответственность предпринял армянский поход и неожиданно¹ напал на Армению. Начинаются армяно-римские войны, во время которых армянский царь Тигран Великий, желая воспрепятствовать врагу, приводит вспомогательные войска из соседних стран, в том числе и из Алуанка. Плутарх пишет: “Собрались к нему (т. е. Тиграну – Г. С.) со всеми силами армяне и гордиенцы и явились во главе своих войск мидийские и адиабенские царьки... от Вавилонского моря² прибыли полчища арабов, а от Каспийского – толпы альбанов и сопредельных им иберов, да к ним еще присоединились, тоже в немалом числе, вольные племена с берегов Аракса, привлеченные лаской и подарками Тиграна”³. Таким образом и происходит первое столкновение алуанцев с римлянами в составе армянской армии, которое вскоре переросло в тяжелую войну за самостоятельность и независимость алуанского государства.

Исследователи уделили большое внимание вопросу политического статуса алуанцев в этих отношениях. Н. Адонц ставит Алуанк в число стран, завоеванных Тиграном II⁴. Лео⁵, А. Астуриян⁶ и Я. Манандян считают, что Тигран II с целью воспрепятствовать планам коварного римского полководца, организовал свою армию из “подчиненных ему вассальных царств и князей”⁷. С Я.

¹ Плутарх, Лукулл, XXIV.

² Вероятно, Персидский залив (см. Плутарх, Сравнительные жизнеописания в трех томах, т. II, М., 1963, с. 522, пр. 62).

³ Плутарх, Лукулл, XXVI.

⁴ Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, с. 410.

⁵ Лео, История Армении, Собрание сочинений, т. II, с. 309.

⁶ А. Астуриян, Политические отношения между Арменией и Римом с 190 г. до р. Х. до 428 г. после р. Х., Венеция, 1912, с. 40 (на арм. яз.).

⁷ Я. Манандян, Критический обзор..., Труды, т. I, с. 198. Его же, Тигран II и Рим, Труды, т. I, с. 507.

Я Манандяном, однако, не согласна К. В. Тревер, по мнению которой, алуанцы пришли на помощь Тиграну бескорыстно, “побуждаемые необходимостью отразить общего врага”¹. Она считает, что в этом сообщении Плутарха просто сохранились “первые в истории народов Закавказья упоминания о совместных военных действиях армян, албанов и иберов против общего врага, о сплоченности этих народов, политически друг от друга независимых”². Насколько верно видеть в сообщении Плутарха начало многовековой борьбы армян, иберов и алуанцев за свою свободу и независимость, в той же мере неверно отрицать политическую зависимость алуанцев от армянского царя. С этой точки зрения более правильным нам кажется мнение Г. А. Меликишвили, который пишет: “Что касается иберов и албанов, принимавших участие в боях за Тигранакерт... судя по контексту, скорее всего они рассмотрены в качестве контингентов из зависимых от Тиграна стран”³, обстоятельство, которое “не исключено”⁴ для Армении времени Тиграна Великого.

Подчинение Алуанка Великою Армении считает возможным также А. П. Новосельцев⁵. Участие алуанцев в армяно-римских войнах было обусловлено в первую очередь могуществом Тиграна Великого и его влиянием в регионе. Нельзя забывать, что они вступили в войну по зову Тиграна II. Вместе с тем можно допустить, что участие в этих сражениях было продиктовано не только обязанностью алуанцев по отношению к армянскому царю, но и необходимостью защиты страны от вторжения римлян. Таким образом, алуанцы в рядах армии, составленной из политически зависимых от Тиграна Великого народов, вступают в войну против римлян и впервые в истории сталкиваются с ними в сражении за снятие осады Тигранакерта 6 октября 69 г. до н. э.

О дислокации алуанцев во время сражения можно только предполагать, ибо источники молчат по этому поводу. К. В. Тревер, учитывая ведущее положение алуанских племен в битве при Гавгамелах, совершенно справедливо находит, что в битве при Тигранакерте они также должны были занимать ответственные позиции⁶. В составе армии Тиграна источники упоминают “броненосную конницу”, которая располагалась у подножья одного холма,

¹ К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 90.

² Там же, с. 89.

³ Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, с. 323.

⁴ Там же.

⁵ А. П. Новосельцев, Генезис феодализма..., с. 142.

⁶ К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 90.

находившегося недалеко от места сражения и имевшего важное стратегическое значение¹. Вероятно, среди них находились также и алуанцы. Некоторую основу для такого предположения дает одно сообщение Страбона о военном снаряжении алуанцев, где отмечается, что алуанцы, как и армяне, любят броненосную конницу: “Любителями такого рода конницы являются не только мидяне и армяне, но и албанцы, так как и они пользуются на войне покрытыми броней лошадьми”². Значит допустимо, что алуанцы в битве при Тигранакерте участвовали в составе тяжелой броненосной конницы и занимали место у подножия вышеупомянутого холма, сыгравшего решающее значение в исходе сражения. Они, несомненно, сражались также и в составе пехоты, поскольку не вся армия состояла из броненосной конницы, Страбон в свою очередь утверждает, что алуанцы сражаются “как в пешем строю, так и верхом в легком и тяжелом вооружении подобно армянам”³.

Тигранакертская битва завершилась победой римлян и захватом города, чем и окончился первый этап армяно-римской войны. После этого хотя ряд подданных Тиграна Великого подчинились Лукулму⁴, однако Алуанк, Иверия и Атропатенская Мидия остались в сфере влияния Тиграна и продолжали совместную борьбу против общего врага.

На новом этапе успехам Лукула приходит конец. По меткому выражению Т. Моммзена, “война должна была теперь стать из войны правительств национально-азиатской войной, - цари и народы Азии объединяются против могущественного и высокомерного Запада”⁵. И действительно, после поражения, понесенного в сражении, выбрав тактику активной защиты при отступлении (а Армения “по своим природным условиям и благодаря патриотизму своего населения... отлично годилась для такой войны”)⁶, Тигран Великий и Митридат Понтийский завлекли Лукула в глубину незнакомой страны, придав войне народный характер. Посредством неожиданных атак и мелких партизанских боев они создавали для врага непрочную и постоянно

¹ Плутарх, Лукул, XXVIII.

² Страбон, XI, XIV, 9.

³ Там же, XI, IV, 4.

⁴ История армянского народа, т. I, с. 590.

⁵ Т. Моммзен, История Рима, т. III, с. 61.

⁶ Там же, с. 62.

напряженную ситуацию, а в 68 г. до н. э. на берегу реки Арацани разгромили армию Лукулла и заставили ее отступить¹.

Эти неудачи Лукулла и его самовольные действия вызвали негодование сената, согласно решению которого в 66 г. до н. э. власть на Востоке с чрезвычайными полномочиями вручалась военачальнику Гнею Помпею, который до этого прославил себя в сражении против пиратов на Средиземном море. Этим назначением для восточных стран начался новый период в борьбе с Римом.

Находясь в Киликии, Помпей готовится к своему восточному походу и начинает его с нападения на заклятого врага римлян Митридата Евпатора. Последний, однако, избегает открытого сражения и, опустошая за собой страну, и этим препятствуя его продвижению Помпея через Армению и Иверию, отступает в Колхиду.

До окончательной победы над Митридатом и с целью укрепления своего тыла Помпей, преследуя его, вторгается в Армению и в 66 г. до н. э. вынуждает Тиграна Великого отказаться от завоеванных областей, а также заключить перемирие с Римом ценой уплаты военной контрибуции в размере 7000 серебряных талантов². Превратив Армению в “друга и союзника Рима”, и тем самым обезопасив свой тыл, Помпей возобновил преследование Митридата, уводя с собой в качестве пленника Тиграна Младшего. Однако из-за наступившей зимы Помпей временно вынужден был отказаться от мысли преследовать Митридата и останавливается на зимовку, решив весной продолжить поход. Разделив римскую армию на три части под командованием военачальников Метелла Целлера, Луция Флакка и своим, Помпей разместил их в теплом и обильном фуражом районе у реки Куры, в заранее занятой им стране Анаһтакан, в трех местах и готовился к зиме³.

Вокруг вопроса зимних стоянок Помпея в историографии существуют разногласия. По мнению Т. Моммзена и Г. Меликишвили, они находились между

¹ Я. Манандян, Критический обзор..., Труды, т. I, с. 219, Его же, Тигран II и Рим, Труды, т. 1, с. 543. До выхода в свет трудов Я. Манандяна, содержащих обоснование его мнения о разгроме войск Лукулла у реки Арацани, западноевропейские историки, доверяя выскомерным словам Плутарха, считали, что в битве при Арацани победу одержал опять-таки Лукулл. Критику этой точки зрения и доказательство противного см. там же, с. 541-544, а также А. Астурян, Политические отношения...

² Плутарх, Помпей, XXXIII; Дион, XXXVI, 53, 2.

³ Дион, XXXVI, 48, I; 53, 5.

верхним течением реки Евфрат и истоками Куры¹. Я. Манандян считает, что Помпей остановился в районе между современным Ахалцихом и Ахалкалаком вблизи “станции Caspiae (Хоспия) Певтингеровой карты и реки Куры”². И. Джавадов повторяет Я. Манандяна³. Предложенная К. В. Тревер локализация стоянки находится или у Халхала или в пограничном Иверии и Алуанку Гугарке”⁴.

Однако, нам кажется, что приведенные мнения противоречат сообщениям источников. Плутарх, а затем и Дион Кассий указывают, что зимние лагеря Помпея находились на правом берегу Куры, в местности находившейся на стыке трех государств – Великою Армении, Иверии и Алуанка, вблизи которой была переправа⁵. Таковыми Я. Манандян считает переправу вблизи современного Ахалцихи станции Ad Metcurium Певтингеровой карты⁶. Но поскольку указанная местность находится вдали от Алуанка, это мнение также нельзя считать верным. Нам кажется более реальными и соответствующими сообщения источников локализация зимних стоянок Помпея в районе современного Мингечаура, где существует действующая издревле переправа⁷ и расположена на стыке Великою Армении, Иверии и Алуанка.

Таким образом, Помпей провел зиму 66/65 гг. в долине реки Куры. Но в действительности ему не суждена была спокойная зимовка. Вскоре на его лагерь напали алуанцы, предводительствуемые царем⁸ Оройсом⁹. “Оройс, царь Албанцев, живших выше Кирна, с одной стороны, желая угодить другу своему

¹ Т. Моммзен, История Рима, т. III с. 106. Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, с. 326.

² Я. Манандян, Критический обзор..., Труды, т. I, с. 236, Его же Тигран II и Рим, Труды, т. I, с. 587.

³ И. Джавадов, О стоянке римских войск зимой 66/65 гг. до н. э. в Закавказье, ДАНь АзССР, 1960, т. 16, N 7, с. 707-709.

⁴ К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 93. К. В. Тревер приводит также и мнение С. Т. Еремяна, высказанное при беседе, согласно которому указанные лагеря находились на равнине современного Борчалу (см. К. В. Тревер, ук. работа, с. 93, пр. 5).

⁵ Плутарх, Помпей, XXXIV, Дион, XXXVI, 54, 5.

⁶ Я. Манандян, Тигран II и Рим, Труды, т. 1, с. 588; Его же, Главные пути Армении по Tabule Peutingeriana, Труды, т. V, с. 164.

⁷ С. М. Казиев, Археологические раскопки Мингечаура, с. 10; Его же, Археологические памятники Мингечаура, с. 168. Ю. Джафаров, Страну “Анаһтакан” и зимние стоянки Помпея локализует в районе современного Казаха, представляя его, якобы находящимся на территории Алуанка (см. О локализации храмовой области, с. 103). И чтобы сообщения источников о том, что алуанцы напали на Помпея, перейдя реку Куру, чем подчеркивается, что Кура была границей между Армениею и Алуанком, приспособить к своему толкованию, аргументирует тем, что в это время политические границы Алуанка не соответствовали его этническим границам. Но он ошибается: Кура для Алуанка была как политической, так и этнической границей, так что Помпей зимовал на армянской территории. То, что страна “Анаһтакан” являлась армянской и как раз эту страну захватил Помпей, свидетельствует Дион Кассий: “(Помпей – Г. С.) захватил страну Анаһтакан, принадлежащую Армении”, см. Дион Кассий, XXXVI, 48, 1. То же самое явствует и из сообщений Диона Кассия относительно “собственных земель” алуанцев, которые по уже анализируемым данным находились за Курой см. выше с. 81-83.

⁸ Т. Моммзен его называет князем (см. История Рима, т. III, с. 107).

⁹ Г. Алишан склонен это имя читать “Вараз” (см. “Базмавен”, 1970, N 11-12, с. 344, на арм. яз.).

Тиграну Младшему, а с друго́й, и главным образом, боясь вторжения Римлян в Албанию (курсив – Г. С.), притом полагая, что во всяком случае ему удастся что-нибудь сделать, если он зимою врасплох нападет на Римлян, стоявших лагерем не в одном месте, выступил против них под самый праздник Кроний¹. В этом сообщении сохранилось первое сведение о римско-алуанских прямых отношениях. Этими событиями Алуанк впервые в своей истории вовлекается в сферу восточной завоевательной политики Рима. Одновременно Алуанк также впервые выступает как страна, проводящая самостоятельную политику, во главе со своим царем, упоминание имени которого уже свидетельствует о его существовании как реальной исторической личностью.

В политической истории Алуанка закладываются основы нового периода, предвестником которого явилось нападение Оройса на римлян. 40-тысячная армия алуанцев, переправившись через Куру, переходит в наступление. План Оройса был ясным и определенным: воспользовавшись занятостью римлян праздником “Сатурналий”² и желая стремительным нападением застать их врасплох, не позволив им прийти в себя и объединить войска, разбить их порознь. С этой целью он также разделил свои войска на три части и двинулся в трех направлениях на разъединенную армию Помпея, сам лично против Метеллия Целлера, у которого находился плененный Тигран Младший³, а две другие части своего войска направил против войск Помпея и Луция Флакка. Главный удар был направлен против Метеллия Целлера, который, однако, по словам историка “нанес жестокое поражение”⁴ Оройсу. Попав в засаду, устроенную Луцием Флакком, той же участи подверглось также и другое войско алуанцев, выступившее против римлян⁵.

Большой урон нанес алуанцам также и Помпей, который, “узнав о произведенной варварами попытке нападения на других, внезапно двинулся навстречу выступившим против него и, разбив их, немедленно поспешил прямо против Оройса”. Однако, “захватить его не удалось, так как он, будучи отбит Целлером и получив известие о неудачах других, обратился в бегство, но зато

¹ Дион, XXXVI, 54, 1-2.

² Отцу Зевса, богу Кроносу (латинскому божеству Сатурну, от которого и название “Сатурналиа”) был посвящен религиозный семидневный праздник, который ежегодно отмечали римляне после сбора урожая, 17-го декабря (см. Иосиф Флавий, Дион Кассий, с. 235, пр. 71).

³ Этого взбунтовавшегося сына Тиграна Великого Помпей в цепях вез в Рим для предстоящего триумфального шествия.

⁴ Дион, XXXVI, 54, 3.

⁵ Там же, 3-4.

Помпей перебил много Албанцев, застигнув их врасплох при переправе через Кирн¹. После поражения в этих сражениях, Оройс отступил в свою страну и попросил оттуда перемирия у Помпея, который, учитывая зимние условия и некоторые другие трудности, в противоположность своим замыслам, принял это предложение и до весны 65 г. до н. э. провел спокойно в мирной обстановке.

Об этом первом вооруженном столкновении римлян с алуанцами рассказывает также Плутарх, но с явными отступлениями и преувеличениями. Согласно Плутарху, алуанцы “сперва согласились пропустить Помпея через их страну”, а затем “вероломно” напали на римлян. Помпей без труда разгромил их, и, идя навстречу мольбам Оройса о пощаде за “оскорбление”, нанесенное ему этим нападением, “великодушно” простил его и заключил с ним перемирие². Многие из исследователей, доверяя словам Плутарха, полагали, что действительно алуанцы (и иверы) согласились на переход римской армии через свою страну. Между тем это сообщение Плутарха вполне обоснованно отвергается другими авторами. Например Тит Ливиус пишет, что, наоборот, алуанцы не разрешили Помпею перейти через свою страну, и тот вступил с ними в вынужденную борьбу. “Помпей, - пишет он, всего спустя 30-40 лет после похода, - преследуя Мифридата, проник к самым отдаленным и неизвестным народам. Он победил в сражении Иверов и Албанцев, не пропускавших его”³. В противоположность Плутарху, Аппиан также пишет: “Итак, когда Помпей (преследуя Митридата – Г. С.) двинулся для обозрения этих местностей (связанные с Промефеем – Г. С.), прочие соседние племена пропустили его дружелюбно, но Албанский царь Ориз и Иверский Арток с 70 тысячами полчищ устроили ему засаду у реки Кирна”⁴. Таким образом, сообщение Плутарха о предварительном разрешении, данном алуанцами Помпею, на прохождение через свою страну, не соответствует истине. Сам Помпей не имел такого намерения, поскольку дорога его до конечной цели – Колхиде, не должна была проходить через страну алуанцев. Целью Плутарха, видимо, было возвеличение славы Помпея и нападение алуанцев на Помпея представил как предательство. В действительности алуанцев беспокоила угроза вторжения врага со всеми вытекающими отсюда последствиями. Эта угроза стала более ощутимой в

¹ Там же, XXXVI, 4-5.

² Плутарх, Помпей, XXXIV.

³ Известия древних писателей..., т. II, с. 50-51.

⁴ Там же, т. I, вып. 2, с. 531.

особенности тогда, когда Помпей выбрал местом зимовки пограничный район их страны, и алуанцы, как мы видели из вышеупомянутого сообщения Диона Кассия, “главным образом, боясь вторжения римлян в Албанию”¹, предприняли решительные меры.

В историографии неправильно объяснено также сообщение Аппиана о нападении алуанцев и иверов на Помпея, полагая, что они одновременно и совместно напали на римлян². Более того, Г. А. Меликишвили даже считает, что инициатором и предводителем этого нападения был иверийский царь Арток³. Но рассуждая так, они не учитывают то обстоятельство, что Аппиан в данном случае сводит воедино разрозненные события⁴. По утверждению других источников, эти народы вступили в борьбу против Помпея в отдельности, однако в то время как царь алуанцев напал первым, иверийцы сами подверглись нападению со стороны Помпея⁵. Поэтому неверно соединять разнохарактерные и разновременные действия этих народов и рассматривать их как совместные акции.

Таковой была реальность, которая продолжалась в следующей последовательности. Помпей, не встретив отступившего после поражения царя Оройса, разбил, однако, скопившихся у переправы алуанцев. Тем не менее, римский полководец не стал далее развивать свой военный успех и даже, не перейдя реку, т. е. не войдя в страну алуанцев, заключил с ними перемирие, хотя “ему очень хотелось отомстить им вторжением в их собственную землю, но ввиду зимнего времени он охотно отложил войну”⁶. Несмотря на большое желание вторгнуться в Алуанк, Помпей, в силу тяжелых обстоятельств, ограничился заключением перемирия. Весной следующего года, когда ожидалось нападение Помпея на алуанцев, поскольку, согласно Диону Кассию, лишь зимние условия помешали ему сделать это, он также неожиданно напал на иверов, считая, что заключением перемирия с алуанцами обезопасил свой тыл. К иверам Помпей проявил совершенно иное отношение. Несмотря на многократные предложения царя Артока заключить перемирие, он продолжал углубляться в

¹ Дион, XXXVI, 54, 1.

² Я. Манандян, Критический обзор..., Труды, т. I, с. 236, Его же, Тигран II и Рим, Труды, т. I,

³ Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, с. 327.

⁴ Это известно историографии. См. Р. Н. Оксеняк, Роль Северного Причерноморья в борьбе Понта с Римом (II-I вв. до н. э.), Томск, 1953, с. 395; К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 93, пр.7.

⁵ Плутарх, Помпей, XXXIV; Дион, XXXVI, 54, 1.

⁶ Дион, XXXVI, 54, 5.

страну и отозвался на предложение Артока лишь тогда, когда тот послал своих сыновей к нему в заложники¹. Неравнозначное отношение Помпея к алуанцам и иверам дает нам право сделать вывод, что сопротивление алуанцев была намного сильнее, чем это представляют римские историки, и римляне не одерживали легких побед над ними. Даже после поражений в указанных сражениях алуанцы были готовы защитить свою страну. Римский военачальник видя это, возможно и учитывая зимние условия, принял их предложение и, с условием не вступать в Алуанк, заключил выгодное для римлян перемирие. Этим перемирием Оройс также фактически достиг своей цели: в эту зиму римляне не вступили в Алуанк.

С наступлением весны 65 г. Помпей напал на иверов, нанеся им поражение и заключив перемирие с ними, после взятия в заложники сыновей Артока, вторгся в Колхиду и совершил поход на Боспор против нашедшего там убежище Митридата. Однако, исходя из трудностей похода, маршрут которого пролегал через территории, заселенные многочисленными незнакомыми и враждебными племенами, он изменил свое намерение и возвратился, выступив "против Албанцев, но не кратчайшим путем, а через Армению, чтобы захватить их врасплох и посредством этой уловки, кроме перемирия"².

Это нападение Помпея на алуанцев фактически было нарушением перемирия. Тем не менее, Плутарх вновь пытается представить его как поход, вызванный мятежом алуанцев³, чему, кстати верят как К. В. Тревер⁴ так и Т. Моммзен⁵. Однако из вышеупомянутых более подробных сообщений Диона Кассия о походе Помпея и даже из данных Плутарха видно, что алуанцы не только не взбунтовались, а, наоборот, успокоившись ввиду заключения перемирия, не ожидали нападения со стороны римлян. Об этом свидетельствуют как прямые сообщения историков, так и уже отмеченная военная тактика Помпея, выбравшего длинный и круговой путь для неожиданного нападения на алуанцев, беспечно поверивших договору с римлянами. То, что алуанцы не ожидали нападения с их стороны, не поднимали никакого мятежа против них, видно также из того, что они оказали первое сопротивление Помпею лишь на противоположной стороне реки Алазан (Абас,

¹ Там же, XXXVI, 54, 5; 2, 1-6.

² Дион, XXXVII, 3, 3.

³ Плутарх, Помпей, XXXV.

⁴ К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 96.

⁵ Т. Моммзен, История Рима, т. III, с. 109.

Абант античных авторов). По свидетельству Плутарха, это сопротивление было оказано плохо вооруженным и одетым в звериные шкуры войском, возглавлявшимся братом царя Косисом, над которым Помпей одержал легкую победу¹. Алуанское войско как следует из описания Плутарха не являлось частью регулярной армии алуанцев, о которой сами античные авторы говорили многократно как о воинственной и хорошо вооруженной для своего времени². Возможно, что это плохо вооруженное и одетое в шкуры зверей войско было поспешно собрано как народное ополчение, призванное остановить неожиданно вторгнувшегося врага до приближения основных сил. Если бы алуанцы были восставшими, то, будучи подготовленными, они противопоставили бы лучше вооруженную и организационную армию, которая во всеоружии встретила бы врага.

Таким образом, второй поход Помпея против алуанцев был обусловлен не восстанием последних, а завоевательной политикой Рима. Выступив против алуанцев во второй раз, Помпей, однако, натолкнулся на некоторые меры предосторожности со стороны алуанцев: на всем протяжении своей границы они построили частокол, преградивший основную переправу через Куру³. На этот раз Помпей был вынужден в другом месте найти брод и перейти Куру “с трудом и подвергая войско опасности”⁴. Переправившись через Куру⁵ и не встретив никакого сопротивления, римский полководец продолжал свое продвижение. Имея проводников из числа пленных, которые его вели “не по самой удобной дороге”⁶, Помпей продвигался вперед и не встречая сопротивления, приблизился к реке Камбюсес – Камбечан (совр. Иורי). Здесь, насытив жажду и вновь не встречая врага, он продолжал продвигаться в глубь страны. Согласно Диону Кассию, стремясь избежать трудностей, связанных с дневной жарой и мучительной жаждой поход совершался по ночам⁷. Как нам кажется, Помпей для своих ночных походов имел также другую вескую причину: как можно дольше держать в тайне продвижение своей огромной армии и застать врага врасплох.

¹ Плутарх, Помпей, XXXV.

² Страбон, XI, IV, 5.

³ Плутарх, Помпей, XXXV.

⁴ Там же.

⁵ Помпей этот переход совершил тремя колоннами: впереди шла конница, затем обоз и только после этого пехота. Таким образом, кони своими телами ослабляли силу течения для проходившего в следующем ряду обоза, а какие-либо потери из обоза должны были быть приостановлены пехотой, а не были унесены течением (Дион, XXXVII, 3, 4-5).

⁶ Дион, XXXV, 3, 5.

⁷ Там же.

Это была его излюбленная военная тактика, которая не раз приносила ему успех.

Продвигаясь вперед, Помпей вез с собой только питьевую воду в десяти тысячах бурдюках, а продовольствие брал у местного населения¹.

Первая битва Помпея с алуанцами во время его второго похода произошла на левом берегу реки Алазан. К этой битве, по данным Плутарха, алуанская армия, которая состояла из 60 тысяч пехоты и 12 тысяч конницы, превосходила по своей численности римлян². О численном превосходстве алуанцев пишет и историк I в. до н. э. Юлий Фронтин в своей книге "Военные хитрости"³. Но, учитывая объемы греко-римских авторов преувеличивать численность сил противника и уменьшать собственные, полагаем, что их данные о превосходстве алуанских военных сил, неверны. Более того, из одного сообщения Диона Кассия следует, что, наоборот, сами римляне имели численное превосходство. Он пишет: "Уже после переправы через реку было получено ими известие о приближении Ориса. Помпей, желая завлечь его в битву прежде, чем он узнает количество римлян, для того, чтобы он не отступил, заметив их многочисленность, выстроил впереди всадников, объяснив им, что нужно будет делать, а остальным приказал позади всадников стать на колена, прикрыться щитами и соблюдать полную тишину, так, чтобы Орис заметил их присутствие не прежде, чем вступит в рукопашную"⁴. Такое непредвзятое свидетельство не оставляет места для другого вывода, кроме того, что силы алуанцев намного уступали по численности римлянам. Это сообщение, подтверждая нашу мысль, дает возможность для новых выводов. Согласно Диону Кассию, с Помпеем вступит в сражение сам царь алуанцев, между тем как у Плутарха упомянут его брат Косис, которого в сражении убивает Помпей⁵. Такое несоответствие сообщений источников дает основание полагать, что Помпей во время своего второго похода против алуанцев дал две битвы. В первый раз против Косиса, возглавлявшего наспех собранное из местного населения войско для приостановки продвижения внезапно

¹ Плутарх, Помпей, XXXV, Дион, XXXVII, 3, 6.

² Плутарх, Помпей, XXXV.

³ Известия древних писателей..., т. II, с. 229. Страбон число алуанской конницы обозначает в 22 тысячи (Страбон, XI, IV, 5).

⁴ Дион, XXXVII, 4, 1-2.

⁵ Плутарх, Помпей, XXXV.

вторгшегося врага, пока Оро́ис организовал бы сопротивление, а второй раз – против алуанской регулярной армии, возглавляемой уже самим Оро́исом.

Первая битва, кульминацией которой было сражение между Косисом и Помпеем, когда последний копьем ниспровергает Косиса, описана Плутархом, а вторая – Дионом Кассием. Такое предположение подтверждается свидетельством римского историка IV в. (370 г.) Евтропия, согласно которому “Помпей... пошел вои́ной на албанов и трижды победил царя их Орода”¹. О том, что Помпей трижды одерживал победу над царем алуанцев, повествуют также Руф Фест² и другие. К. В. Тревер полагает, что упомянутые историки этими своими сообщениями имеют в виду или сражения одновременно состоявшиеся в трех разных местах зимой 66/65 гг.³, или намекают о другом сражении, происшедшем после битвы, у реки Алазан, и вновь завершившемся поражением алуанцев⁴. Однако, неверно ни то, ни другое. Если бы произошло подобное, то об этом говорили бы авторы, восхвалявшие Помпея, и, в особенности, Плутарх, который рассказывает также о событиях, происшедших после битвы на Алазан. И поскольку они этого не делают, то значит вышеупомянутые сообщения относятся к другим трем битвам, т. е. битвам зимой 66/65 гг. и летом 65 г. у реки Алазан вначале против Косиса, а затем Оро́иса. Таким образом, в описываемое время Помпей выступает в третий раз против алуанцев. Последнее сражение произошло летом 65 г. до н. э. на левом берегу реки Абант (Алазан), у какого-то холма, недалеко от которого находилось ущелье. Вступив в сражение с Оро́исом, римский полководец, использовав рельеф и искусно скрывая многочисленность своего войска, применив тактику ложного отступления, завлекает его в западню⁵. Алуанский царь “полагая, что пред ним одни всадники, и отнесшись к ним с презрением, сразился с ними и, когда они вскоре обратились в притворное бегство, яростно пустился преследовать их. Но пехотинцы, вдруг поднявшись и расступившись, дали своим безопасное бегство сквозь свои ряды, а врагов, неосторожно увлекшихся преследованием, встретили с оружием и многим окружили. Они стали рубить окруженных, а всадники, обскакав справа и слева, ударили с тыла на тех, которые оказались

¹ ВДИ, 1949, N 3, с. 280.

² СМОМПК, вып. 4, с. 193.

³ К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 102.

⁴ Там же.

⁵ Дион, XXXVII, 4, 1-2.

вне оцепления¹. Не спаслись также и те, кто, обратившись в бегство, скрывался в лесах. Воины Помпея подожгли леса и стреляли в алуанцев, выбегавших оттуда². Все сражение сопровождалось криками римлян “О-Сатурналия”³. Эти крики должны были напомнить алуанцам их первое нападение в декабре 66 г. и об отомщении римлян. Явно, что победа в районе реки Куры досталась римлянам нелегко, и время не погасило у них чувство мести.

В составе алуанских войск сражались и другие племена, которых и, видимо, имеет в виду Страбон, когда пишет “кочевники помогают албанцам, так же как и иберийцам, в войне с чужеземцами”⁴. Частично это обстоятельство явилось одной из причин того, что Помпей заставил племена, жившие на территории от Кавказа до Каспийского моря и выступившие вместе с алуанцами против него, принять его дружбу и союз.

Алазанская битва завершилась победой Помпея и полным поражением Оройса, который с целью заключения перемирия послал к Помпею письма с подарками и просьбами. Но Помпей продолжал свое продвижение в глубь страны и лишь после длительных переговоров уступил перед посылаемыми с мольбой письмами, подарками и заложниками⁵, наконец, согласился заключить перемирие и пригласил к себе в лагерь Оройса для подписания договора. Римский историк Флор (первая половина II в.) пишет: “Став лагерем под самым Кавказом⁶, он (Помпей – Г. С.) повелел Колхидскому царю (алуанскому – Г. С.) Орозу спуститься на равнину”⁷. Здесь Помпей заключил перемирие с Оройсом и, если верить историку, одарил его богатыми подарками⁸. Затем он заключил соглашение и перемирие также с посланными к нему с этой целью представителями ряда племен, обитавшими на территории от Кавказа до Каспийского моря⁹.

Алуанк был завоеван.

¹ Дион, XXXVII, 4, 4. Об этой военной хитрости, применяемой Помпеем, рассказывает также и Фронтин (Известия древних писателей..., т. II, с. 229).

² Дион, XXXVII, 4, 4. Известия древних писателей..., т. I, вып. 2, с. 531.

³ Дион, XXXVII, 4, 4.

⁴ Страбон, XI, IV, 5.

⁵ Известия древних писателей..., т. II, с. 258. Среди этих подарков Флор упоминает и один золотой трон (см. там же).

⁶ Согласно К. В. Тревер, вероятно, в окрестностях столицы Алуанка Капалака (см. Очерки по истории... Албании, с. 104).

⁷ Известия древних писателей..., т. II, с. 258.

⁸ Там же.

⁹ Дион, XXXVII, 5, 1.

После этих событий Помпей намеревался дойти до Каспийского моря, которое с давних времен являлось объектом римских политических вождений. Согласно преобладающему мнению в историографии, целью Помпея было изучение того торгового пути, который, согласно свидетельству древних, позволял осуществлять торговлю от Индии до Черного моря. Согласно Плутарху, Помпей направился к Каспийскому морю, однако до моря оставался всего трехдневный путь, он отказался от этой мысли и вернулся, якобы “из-за множества ядовитых пресмыкающихся”¹. Страбон однако писал, что полководец дошел до Каспийского моря: “(Помпей – Г. С.) совершил поход на иберийцев и албанцев до морей по обеим сторонам – Каспийского и Колхского (Черного – Г. С.)”². Аммиан Марцелин спустя четыре столетия после этих событий также писал, что Помпей, “пройдя через земли Албанов и Массагетов... видел Каспийское море”³. Его современник Юлий Солин, пользуясь сведениями Варрона – одного из сопровождавших римских войск, также сообщал, что пресноводность Каспийского моря в свое время пробовали Александр Македонский, а затем и Помпей, который “пожелал лично удостовериться в этом”⁴. Но учитывая, что авторы, стоящие ближе к этим событиям и лучше знавшие деятельность Помпея, в особенности Плутарх, говорят обратное, эти сообщения считаем не реальными. Помпей не дошел до Каспийского моря. И не из-за того, что в этом были “повинны” “ядовитые пресмыкающиеся”, а сопротивление племен, проживавших в местностях, через которые пролегал путь армии и трудности для римлян в связи со снабжением продовольствием и т. д.

Так или иначе в 61 г. до н. э. Помпей вернулся в Рим со славою победителя Алуанка, Великой Армении и Иверии.

Большое значение придавали римляне этим победам Помпея и рассматривали его восточные походы как выражение беспрецедентного могущества. В ознаменование их в Риме организовали триумфальные шествия. Два дня продолжалось шествие, во время которого “на таблицах, которые несли впереди, были обозначены страны и народы, на которых справлялся

¹ Плутарх, Помпей, XXXVI.

² Страбон, XI, I, 6. К. В. Тревер полагала, что употребив слово “тесті” – “до”, Страбон указывал на географическое положение алуанцев и иверийцев между Черным и Каспийским морями (см. Очерки по истории... Албании, с. 105), которое кажется неубедительным.

³ Аммиан, История, XXIII, 5, 16.

⁴ ВДИ, 1949, N 3, с. 245.

триумф: Понт, Армения, Каппадокия... Колхиды, иберы, альбаны, Сирия... В триумфальной процессии, не считая главари́ пиратов, вели как пленников сына Тиграна, царя Армении, вместе с женой и дочерью, жену самого Тиграна, Зосиму..., затем вели заложников, взятых у албанов, иберов и царя Коммагены¹. Аппиан к этим описаниям Плутарха добавляет, что в числе этих заложников были “три Иверских предводителя, два Албанских”², а на несомых таблицах были надписи: “побеждены цари: Тигран Арменский, Арток Иверский, Ориз Албанский, Дари́ Мидийский”³.

В результате этих походов Помпея все Закавказье попадает под власть Рима. Но в отличие от Понта, Колхиды, Каппадокии и ряда других стран Алуанк, Иверия и Армения не были лишены своих царств, несмотря на то, что были провозглашены “другом и союзником римского народа”, что означало признание над собой власти Рима. Это видно из того, что во время триумфального шествия Помпея, из этих стран не был представлен ни один царь⁴. В частности Алуанк был представлен только двумя предводителями и заложниками⁵. Римское владычество в Алуанке не было прочным. Это видно из того, что даже после Помпея Рим был вынужден применять значительные силы для повторного завоевания Алуанка, ибо, как свидетельствуют сами греко-римские авторы, алуанцы вместе с армянами и иверами часто восставали и освобождались от этого подчинения. Страбон, как наиболее близкостоящий к этим событиям и хорошо осведомленный автор, писал: “Что касается армян и народностей, которые обитают над Колхидой (албанцев и иберов), то для тех достаточно только присутствия назначенных наместников, так как они

¹ Плутарх, Помпей, XIV.

² Известия древних писателей..., т. I, с. 537.

³ Там же, с. 538.

⁴ К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 110.

⁵ По мнению К. В. Тревер, эти “два предводителя” могли быть представителями верхних слоев знати Алуанка, которые заменили заложников – сыновей Ориуса (см. Очерки по истории... Албании, с. 109, 110). По мнению Н. Адонца, упомянутые два предводителя были “царь и жрец” (см. Армения в эпоху Юстиниана, 409, пр. 3). Однако едва ли Н. Адонц прав, так как это обстоятельство безусловно было бы отмечено авторами, описавшими триумфальное шествие Помпея, где упоминается царь Коммагены. Вероятным кажется мнение К. В. Тревер с одной лишь оговоркой, что эти представители знати были взяты заложниками отнюдь не вместо сыновей Ориуса. Считаем так потому, что источники, говоря о взятых у Ориуса заложниках, не указывают на их родственную связь с царем, как это делают в отношении Артока. Взятие сыновей царя заложниками не было менее значительным явлением и, если бы такое событие имело место, то это обязательно отразилось бы в источниках.

превосходно подчиняются власти римлян. Впрочем, когда римляне заняты другими делами, они поднимают восстания”¹.

Спустя некоторое время после завоевания Алуанка Помпеем в Риме один за другим последовали события (заговор Катилины, первый триумvirат в 55 г. до н. э. Помпея, Юлия Цезаря и Красса и раздел обширного римского государства между ними, продолжающиеся целых двадцать лет гражданские войны и т. д.), которые привели к кризисной ситуации. Воспользовавшись создавшимся в Риме смутным положением, т. е. “занятостью римлян”, как сказал бы Страбон, алуанцы восстали и освободились из-под власти Рима. Для Алуанка начался период самостоятельности и мира, продолжавшийся почти четверть века, до 37 г. до н.э., т. е. времени восточных походов Антония.

Этот длительный мир для развития социально-экономической жизни алуанцев явился периодом положительных сдвигов и новой политической ориентации. В это время они во главе с армянским царем Артаваздом (55-36 гг. до н. э.) создали антиримский союз, в который, кроме них, были вовлечены также Иверия и Атропатена, принимавшие деятельное участие в армяно-римском противоборстве. Об этом мы имеем свидетельство Хоренаци, которое, кстати, осталось вне поля зрения исследователей истории Алуанка: “В Армении вступает на престол Артавазд, сын Тиграна... Антонию отнял у него Месопотамию, он в гневе приказал собрать десятки тысяч войск как из провинции Атропатакан и среди жителей Кавказской горы, так и среди алуанцев и иверов. Двинув войска он спускается в Месопотамию и прогоняет оттуда римскую рать”. Каланкатуаци, также пытаясь изложить древнюю историю Алуанка, обращается к этому же сообщению Хоренаци. “Тут, - говорит он, - нам на помощь приходит кертолаһаир Мовсэс, [рассказывающий] о войнах Артавазда с римлянами. Ибо когда [Артавазд] собрал многотысячное войско в Атропатакане, то призвал также могучие племена с Кавказских гор, а также войска Алуанка и Иверии, двинулся в Месопотамию и с их помощью прогнал войска римлян”². Подобные сведения источников позволяют утверждать, что действительно алуанцы не только освободились от римского владычества, но и, примкнув к антиримской группировке, участвовали в походе армянского царя в

¹ Страбон, VI, IV, 2.

² Каланкатуаци, с. 27.

Месопотамию и освободили его от римлян. Эта же борьба стран региона во главе с армянским царем Артаваздом против римлян обусловила новый поход Антония в сторону Кавказа, который, наряду с подчинением вновь армян, алуанцев, иверов, и других народов, носил и подготовительный характер к его парфянскому походу. Новый поход возглавил не сам Антони́й, а один из его военачальников – Публи́й Каниди́й Красс. В 37 г. до н. э. Каниди́й прибывает на Восток, получает согласие армянского царя Артавазда содействовать Антонию во время его похода, а затем движется на Иверию и Алуанк. Ему удается завоевать Иверию и заставить ее участвовать в походе на Алуанк. Против римско-иверийской объединенной армии выступает алуанский царь Зобер. В состоявшейся битве Зобер терпит поражение, вынужденно примыкает к римлянам и соглашается участвовать в походе на Парфию. Подробности этих событий не известны. Дион Кассий только сообщает, что “зимой в консульство Гемлия и Нервы Публи́й Каниди́й Красс, предприняв поход против здешних Иверов, победил в бою царя их Фарнаваза, привлек его к союзу и, вторгнувшись вместе с ним в соседнюю Албанию, победил Албанцев и царя их Зовира и обошелся с ними подобным же образом”¹. Из этого сообщения Диона Кассия можно предположить, что Зобер проводил антиримскую политику, был союзником армянского царя Артавазда и участвовал в возглавленном им Месопотамском походе. Одновременно оно является ярким примером римской политики, направленной на противопоставление друг другу стран региона и истощение их сил с целью их завоевания.

Этим походом Канидия, во время которого он “одержал верх и над армянами, и над царями иверов и альбанов и продвинулся до Кавказа”², завершается период самостоятельности Алуанка. Здесь вновь восстанавливается римское влияние.

Завоевание Алуанка Канидием привело к разрыву армяно-алуанского союза, заключенного между армянским царем Артаваздом и Зобером. На этот раз владычество римлян в Алуанке было сравнительно прочным и длительным. Здесь, как и в Иверии, находились представители римских властей – наместники³, которые проводили политику Рима, опираясь на многочисленные вооруженные силы, данные в их распоряжение⁴. Прочность римского

¹ Дион, XLIX, 24, 1.

² Плутарх, Антони́й, XXXIV.

³ Страбон, VI, IV, 2.

⁴ Дион, XLIX, 44, 2-4; Ц, 16, 2, Грант Армен, Падение Арташесидской династии, Бейрут, 1967, с. 123 (на арм. яз.).

владычества в Алуанке можно объяснить тем, что римляне проводили здесь тактику, направленную на задабривание алуанцев и постоянное удерживание их на своей стороне. Это делалось с целью изоляции и окончательного завоевания Армении, проводившей резко выраженную антиримскую политику¹. Кроме важности в деле политической изоляции Великой Армении, Алуанк и Иверия имели важное значение для римлян также ввиду того, что в их руках находились важнейшие горные проходы Кавказского хребта – Дербент и Дарьяльское ущелье, которыми они многократно пользовались.

Тактический поворот в завоевательной политике Рима особенно ярко проявился при Октавиане (31-14 гг. до н.э.) и нашел свое выражение в том, что между Алуанком и Римом даже утвердились дипломатические отношения. Об этом с гордостью сообщает сам Октавиан Август: “Нашу дружбу просили через послов... цари Албанцев, Иверов и Мидян”². Однако, как бы ни указывал этот факт на повышение политической роли Алуанка, укрепление и усовершенствование его государственного аппарата, тем не менее, он оставался подчиненной Риму страной.

¹ Я. Манандян, Критический обзор..., Труды, т. I, с. 284-285.

² Известия древних писателей..., т. II, с. 41.

Алуанк в парфяно-римских отношениях

В конце I в. до н. э. Алуанк продолжал оставаться “другом и союзником” Рима. Там правил назначенный Римом местный царь, который пользовался римским покровительством и это обстоятельство позволяло римским историкам делать высокомерные заявления о том, что цари иберов и албанов и других народов ограждались от посягновений со стороны пограничных государств величием Рима¹.

В то же самое время на Востоке имели место события, которые угрожали владычеству Рима не только в Иверии и Алуанке, но и вообще на Востоке. В 12 г. н. э. на парфянский престол вступает Артаван III (12-38 гг.), мечтавший о восстановлении прежних границ Ахеменидской державы² и с именем которого связан новый период могущества Парфянского государства³. Вскоре ему представляется удобный случай для осуществления задуманного плана. В Армении умирает царь Зенон-Арташес, и Артаван, искусно используя недовольство армянской знати римским влиянием, при ее содействии царем Армении назначает своего сына Аршака. Это уже было серьезным ударом по авторитету Рима на Востоке и реальной угрозой для его азиатских провинций. Поэтому римский император Тиберий Клавдий Нерон (14-37 гг.), сменивший Августа, предпринял решительные меры для спасения престижа Рима. Столкновение между этими государствами стало неизбежным. Однако Тиберий стремился держаться в стороне от опасности прямого столкновения с парфянами. Он предпочитал тактику угождения и показной дружбы по отношению к парфянам, а иверийцев и алуанцев подталкивал к военным действиям. “И Тиберий, - пишет Флавий, - отправляет письмо к Вителлию⁴, с

¹ Тацит, *Анналы*, IV, 5.

² Там же.

³ М. М. Дьяконов, *Очерк истории...*, с. 22-224; Г. А. Кошеленко, *Внутриполитическая борьба в Парфии (вторая половина I в. до н. э. – начале I в. н. э.)*, ВДИ, 1963, N 3, с. 59-67.

⁴ Луций Вителлий – правитель Сирии (*Дион*, IX, 27, 2).

поручением заключить дружбу с царем Парфян Артаваном (ибо его пугало, что тот принесет больше вреда, так как он был уже врагом и занял Армению). ... Тиберий, написав это к Вителлию, большими суммами денег склонял царей иверского и албанского не задумываться воевать с Артаваном. Но те сами не согласились воевать, а направили на Артавана Скифов, дав им проход через свои земли и открыв Каспийские ворота”¹. Так, против своей воли, алуанцы были вовлечены в сферу парфяно-римских отношений. Судя по свидетельству Флавия, алуанцы и иверы неохотно приняли предложение императора, избегая прямого столкновения с парфянами. Однако Тиберий решил этот вопрос дипломатическим путем. Используя в качестве повода связь между иверийской Фарнавазидской и армянской Арташесидской династиями², он подталкивает иверов заявить претензии на армянский престол, как единственных претендентов после Арташесидов. Этот шаг был непосредственно направлен против парфян, поскольку в указанное время в Армении царствовал сын Артавана Аршак. Иверийский царь Фарнаваз (35-74 гг.), опутанный интригами императора, в качестве претендента на армянский трон выдвигает кандидатуру своего брата Митридата, как представителя одной из ветвей Арташесидов. Таким образом, в парфяно-римском соперничестве за овладение Великой Арменией выступает новая сила – Иверия. С целью осуществления своих замыслов, братья Фарнавазиды сначала отправили Аршака, затем в 35 г. с большой военной силой вторглись в Армению и заняли ее столицу Арташат. Получив известие об убийстве старшего сына и захвате Арташата, Артаван III направил верных ему людей для формирования армии из парфянских и наемных войск, а своего второго сына Орода призвал отомстить за брата и завладеть армянским престолом.

Рим достиг своей цели. Началась парфяно-иверийская война, в которой в качестве союзников иверийцев выступают также и алуанцы. Вовлечение последних в этот союз, что несомненно было следствием влияния Рима, дает огромное преимущество Иверии. Держа под своим контролем основные Кавказские проходы, алуанцы с охотой открывали путь, идущим против Артавана сарматам, прельщенным подарками Фарнаваза, и, наоборот, закрывали путь тем, кто спешил на помощь парфянам. Иверы и алуанцы были

¹ Известия древних писателей..., т. I, вып. 2, с. 482.

² Исследования показали, что в это время в Иверии царствовали представители Арташесидов по материнской линии (см. История армянского народа, т. I, с. 715-716).

сильны тем, что “обитая в лесистых горах, привыкли к тяжелым условиям существования и поэтому гораздо выносливее парфян”¹. Таким образом, война проходила при неравенстве сторон и неблагоприятных условиях для парфян. Их конница, являвшаяся ударной силой армии, вследствие неудобства рельефа не могла действовать в полную силу. Воспользовавшись этим, алуанцы и иверы “хватывают парфян, стаскивают их с коней, заставляют биться в неурвных условиях, ибо сверху на них обрушивали удары всадники, а снизу поражали не отстававшие от них пехотинцы”². Здесь вступают в поединок Фарнаваз и Ород. Он завершается поражением последнего, что и обеспечило победу иверийцев и алуанцев.

В итоге этой войны армянский престол перешел к брату Фарнаваза Митридату, что было на руку Риму.

Иверо-алуанский союз, который был таким результативным, вскоре был нарушен, ибо Риму удалось привести к противостоянию иверийцев и алуанцев. Проводником римской политики “разделяй и властвуй” на Южном Кавказе был иверийский царь Фарнаваз I, который, будучи увлечен завоевательными планами, направил оружие против своего естественного союзника – Алуанка. Усилившаяся Иверия, которая до этого, подобно Риму и Парфии, сражалась за владьчество над Арменией, теперь уже стремилась подчинить себе Алуанк и вступила в войну с ним. Нам не известны подробности этой иверо-алуанской войны. Тацит, при описании исторических событий 50-х гг., мимоходом пишет, что Фарнаваз когда-то сражался против алуанского царя и для помощи обращался к римлянам, чему воспротивился его брат Митридат, царствовавший в Армении³. Это сообщение не только разоблачает двуличную политику Рима, но и свидетельствует о стремлении Фарнаваза показать, что он действует в соответствии с интересами Рима⁴. Сопротивление Митридата замыслам брата привело исследователей к выводу о том, что Фарнаваз хотел использовать находившиеся в Армении римские войска, посредством которых Митридат удерживал свою власть в Армении и, боясь, что при отсутствии

¹ Тацит, *Анналы*, VI, 34.

² Там же, VI, 35.

³ Тацит, *Анналы*, XII, 45.

⁴ Г. А. Меликишвили, *К истории древней Грузии*, с. 342.

войск лишится ее, воспротивился брату¹. Несомненно, что это несогласие брата не помешало Фарнавазу осуществить свое намерение. Имея если не военную помощь, то хотя бы молчаливое одобрение римлян, он напал на Алуанк, распространив на него свое политическое влияние.

Во второй половине I в. н. э. резко меняется ситуация на Востоке. Парфянский престол наследует предприимчивый и энергичный царь Вологез (Валарш – 51-57 гг.), который с первого же дня своего воцарения начинает бескомпромиссную борьбу против Рима, стремясь установить свое владычество на Востоке. В римско-парфянском противоборстве за владение Арменией соотношение сил теперь изменилось в пользу парфян. Валарш-Вологезу удается посадить на армянский престол своего младшего брата Трдата I и заставить могущественный Рим признать не очень выгодные для себя перемены. С большой торжественностью в Риме в 66 г. н. э. Нероном был коронован Трдат I.

В историографии высказывалось мнение, что тот же парфянский царь, исходя из политических соображений, также утвердил в Алуанке одного из представителей своего рода или одного из своих братьев и положил тем самым начало в ней Аршакидской династии², с целью распространения парфянского влияния в Алуанке. Подобное мнение у исследователей сложилось вследствие неправильной интерпретации сообщения Агатангелоса, согласно которому Парфянские Аршакиды действительно назначили в политических целях своих сородичей в качестве царей в сопредельные страны³. Однако в отрывке, повествующем об этом и дошедшем до нас лишь в греческом варианте труда, переведенного в более позднее время, и нигде в другом месте нет ни одного слова об Алуанке. Там упоминаются только Иран, Армения, Индия (Амрпатакан) и страна Мазкутов. И вот исследователи, исходя из неверного отождествления страны Мазкутов с Алуанком, сделали такое необоснованное заключение. Между тем, как мы видели выше, это были разные страны и до

¹ Именно это противостояние Митридата послужило в дальнейшем поводом для Фарнаваза, чтобы попытаться лишить его трона в пользу своего сына Радамиста, дабы обезопасить собственный престол.

² К. В. Тревер, Очерки по истории... Албани, с. 145; Б. Улубалян, К вопросу о царской династии Агванка, ВОН, 1971, N7, с. 63 (на арм. яз.); С. Toumanoff, Studies in Christian Caucasian History, Georgetown, 1963, p. 258; Ф. Мамедова, Политическая история... Албани, с. 169 и сл; По мнению Пигулевской, во II в. н.э. Алуанком уже правила династия Аршакидов (см. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в., Л., 1958, с. 40). Эту точку зрения также считаем неверной, о чем будет сказано ниже.

³ Агатангелос, с. LX. См также и Г. Зарбаналян, История древней армянской литературы (IV-XIII вв.), Венеция, 1880, с. 185 (на арм. яз.).

середины V в. на исторической арене выступали порознь. Уже этого обстоятельства достаточно, чтобы показать ошибочность исследователей в вопросе о назначении парфянами в Алуанке правителей из числа своих сородичей. То, что в исследуемый период парфянские Аршакиды не имели своих представителей, да и вообще никакого влияния в Алуанке, доказывается также и источниками и, в первую очередь, сообщениями об этом греко-римских историков. Они говорят о назначении царей Вологезом только над двумя странами – Атропатеной и Арменией и соответственно этому, только о двух его братьях (Бакуре и Трдате) и молчат вообще о назначении Вологезом еще одного царя в какой-то другой стране. Так, современник Вологеза-Валарша Иосиф Флавий пишет, что после убийства Готарза парфянский престол наследовал “его брат Вологез, который двум своим братьям со стороны отца также предоставил страны: старшему – Пакору он дал Мидию, а младшему Трдату – Армению”¹. Тацит также приводит слова Вологеза, обращенные к собравшейся парфянской знати: “Так как присутствующий здесь Тиридат, рожденный от того же отца, что и я, будучи моложе меня годами, уступил мне первенство, я отдал ему Армянское царство, которое в нашем роду считается третьей ступенью владчества, ибо мидян ранее принял под свою руку Пакор. Мне казалось, что вопреки старым распрям и усобицам между братьями, я урядочил как должно наши семейные отношения”². То, что Валарш имел всего два брата, Тацит подчеркивает также и в других местах своего труда³. Эти сведения подтверждаются также и вышеупомянутым заявлением Валарша об урегулировании семейных отношений. Очевидно, чтобы сделать такое заявление, он не должен был остерегаться третьего брата или братьев, а также других представителей своего рода, которые могли бы выступить с претензиями на престол.

То же следует и из сообщений Диона Кассия, согласно которых Трдат прибыв в Рим вместе с братьями Вологезом, Пакором и их сыновьями,

¹ Флавий, XX, 74 (Иосиф Флавий, Дион Кассий, с. 85).

² Тацит, Анналы, XV, 2.

³ На просительное письмо римского полководца Пета Валарш отвечает, что он “должен дожидаться прибытия своих братьев Пакора и Тиридата” (Анналы, XV, 14), а Трдат до отправления в Рим просил у Корбулона разрешения увидеться со воими братьями и, удалившись из римского лагеря “находит Пакора у мидян, а в Экбатанах – Вологеза” (Анналы, XV, 30).

обращается к Нерону, говоря: “Я, о владыка, последователь Аршака, брат царей Вологеза и Пакора, а твой слуга”¹.

Таким образом, в период своего царствования он назначил своих братьев Тиридата и Бакура царями соответственно Армении и Мидии Атропатены, что не оставляет никакой почвы для утверждения о существовании в это время парфянской ветви в Алуанке.

В исследуемый период, несмотря на то, что Алуанк был подчинен Риму, однако своей политической ориентацией был склонен к армяно-парфянской группировке. Союзническая неверность Иверии, опасность, угрожающая со стороны Рима, казалось бы, подталкивали Алуанк к этой группировке, ничем не угрожавшей его самостоятельности и независимости. Тем не менее во время армяно-парфянского и римского противоборства Алуанк придерживался нейтральной позиции и был занят задачами своей внутренней стабилизации, ибо в период этих бурных политических событий, связанных с иверо-парфянским (Радамист-Трдат) соперничеством, а затем парфяно-римской десятилетней войной и последовавшими за ними событиями, алуанцы не были заметны на политической арене.

Парфяно-римские войны завершились признанием римским сенатом Трдата I армянским царем. В 66 г. в Риме произошла официальная церемония его коронации, после чего Трдат возвратился в Армению. Однако “вся торжественность и помпезность получения короны Трдата из рук Нерона не могли замаскировать тот факт, что победителями были парфяне и армяне”². Это обстоятельство нанесло серьезный удар престижу Рима на Востоке и могущественный Рим в лице Нерона, был вынужден восстановить свой подорванный авторитет и с этой целью предпринял ряд походов. Для этого планируемого на 68 г. похода проводились огромные подготовительные работы. Как повествуют античные авторы, Нерон, во-первых, формирует новый легион из новобранцев ростом 6 футов и в знак его непобедимости называет фалангой “Александра Великого”³, затем из Германии, Британии, Иллирии и Испании вызывает в Рим многочисленные воинские подразделения. И эту огромную армию император отправляет к Каспийским воротам согласно

¹ Дион, LXIII, 5, 2, (Иосиф Флавий, Дион Кассий, с. 204).

² История армянского народа, т. I, с. 764.

³ Suetonius, The lives of the Caesars, in two volumes, London, 1950, 1960, Nero, XIX, 2.

Тациту, против алуанцев¹, а по Плинию – сарматов-алан². Эти противоречивые сообщения источников вызвали разноречивые мнения также и у исследователей. Полагая, что в сообщении Тацита аланы спутаны с алуанцами, Т. Моммзен³, Я. Манандян⁴, Г. Меликишвили⁵ и другие считали, что вышеупомянутый поход Нерона был направлен против алан, в связи “с политикой прочного укрепления римского владычества в Кавказском Причерноморье и должна была оградить от нападений аланов мэотидско-колхидскую магистраль, имевшую мировое торговое значение”⁶. В Шур⁷, затем и К. В. Тревер⁸ считали, что в сообщении Тацита нет никакой путаницы и поход Нерона был спланирован действительно против алуанцев. По их мнению, этот поход был обусловлен важностью Дербентского ущелья, по которому северные племена часто совершали набеги на римские владения⁹. В частности К. В. Тревер обосновывала свое мнение тем, тем, что, если бы действительной целью Нерона был поход против алан, то в сообщении Тацита были бы упомянуты иверы, а не алуанцы¹⁰ и решительным образом находит, что “Нерон имел в виду Дербентский проход, что поход его должен был приостановить рост могущества албанского царства и взять под наблюдение Каспийские ворота, через которые албаны могли пропускать северные племена, совершавшие набеги на культурные земледельческие районы Атропатены и Армении, а также Малой Азии”¹¹. То, что планируемый поход был направлен против алуанцев, принимается также и другими авторами¹². Приписывая разные цели Нерону, исследователи рассматривают этот поход как реализацию политики овладения Кавказскими проходами и приобретения новых международных торговых путей. Обладание Кавказскими проходами несомненно составляло важную часть римской политики. Однако в изучаемый период не было никакой угрозы со стороны этих проходов. Аланское (Дарьяльское) ущелье было безопасным ввиду того, что им владели иверы,

¹ Тацит, История, I, 6.

² Известия древних писателей, т. II, с. 184.

³ Т. Моммзен, История Рима, т. V, с. 356.

⁴ Я. Манандян, Цель и направление подготовлявшегося Нероном Кавказского похода, Труды, т. V, с. 324-338.

⁵ Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, с. 344.

⁶ Я. Манандян, Цель и направление. . ., Труды, т. I, с. 338.

⁷ В. Шур, Восточная политика императора Нерона, с. 94 и сл.

⁸ К. В. Тревер, Очерки по истории. . . Албании, с. 121.

⁹ В. Шур, Восточная политика императора Нерона. . ., с. 104; К. В. Тревер, Очерки по истории. . . Албании, с. 123, 124.

¹⁰ К. В. Тревер, Очерки по истории. . . Албании, с. 124.

¹¹ Там же, с. 125.

¹² В. Ф. Гаїдукевич, Боспорское царство, М.-Л., 1949, с. 331.

являвшиеся “другом и союзником” империи, а для защиты Дербента были достаточны те силы, которые могли выставить как иверы, так и армяне, царь которых Трдат I, получил корону из рук Нерона и был хорошо расположен к нему. Значит, угроза со стороны Нерона не была направлена ни против одного, ни против другого. Уже то обстоятельство, что Нерон серьезно готовился к этому походу, говорит о значительности его замыслов, которые не получили бы такую широкую масштабность, если бы он задумал направиться походом против алуанцев или алан. По справедливому замечанию К. В. Тревер, Нерон готовился не к карательному походу, а к серьезным военным действиям¹. Готовившаяся военная кампания исходила из внутренней и внешней политики Рима и была направлена туда, откуда больше всего могла исходить опасность, а также опасность в политике Рима, в то время представляло Парфянское царство. Только одним победоносным походом можно было ликвидировать эту опасность и поднять дискредитированный Рандейским перемирием (63 г.) престиж Рима. И Нерон тщательно и со всей серьезностью готовился к этому походу. То, что замысел Нерона был направлен против парфян, показывают также сообщения его биографа Светония и Диона Кассия, которые повествуя о готовящемся походе, прямо отмечают, что его поход был намерен в сторону Каспийских ворот². Каспийскими воротами назывались также и находившиеся в южной части Каспийского моря ворота³, о которых часто пишут античные авторы. Следовательно, упоминаемые античными авторами Каспийские ворота могут относиться к находившимся к югу от Каспийского моря воротам близ города Рагу (Рев, Реу), и поход Нерона таким образом был бы направлен против Парфии – самого опасного и сильного соперника Рима в Передней Азии. Одновременно полагаем, что упоминание алуанцев в сообщении Тацита является ошибкой, возникшей под влиянием упоминания Каспийских или Кавказских ворот.

Однако поход, вызвавший в истории столь большой шум, не состоялся. Он вскоре был прерван тем же Нероном вследствие гальского восстания⁴.

На востоке сохранилось утвержденное Рандейским договором политическое положение.

¹ К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 123.

² Suetonius, Nero, XIX, 2; Dio, LXIII, 8, 1.

³ С. Т. Еремян, Армения по “Ашхарацуцу”, с. 67, пр. 1.

⁴ Тацит, История, I, 6.

Вторжение северных племен в Алуанк

Со второй половины I в. н. э. все более учащаются нашествия северных кочевых племен на Южный Кавказ и далее. Прежде, эти племена, в качестве наемных войск, часто, выступали на их стороне, а теперь совершили набеги на эти страны. В особенности тяжело сказывались вторжения алан, которые сопровождалось опустошением плодородных полей, разложением экономики и уничтожением населения. О таком походе алан, состоявшемся в 72 г. н. э., рассказывают Иосиф Флавий и использовавший его данные Мовсес Хоренаци. Однако ни у одного из этих историков в числе стран, подвергшихся нападению алан, Алуанк не упоминается. Согласно сообщениям источников, они подвергли разрушению, разграблению и полону только Армению и Атропатену¹.

Отсутствие упоминания Алуанка в описании этих событий привело исследователей к заключению, что "Албания в 72-74 гг. оставалась в стороне от потрясшего Армению и Атропатену нашествия аланов². Однако археологические раскопки в районе Мингечаура, в Шемахе и в других местах выявили катакомбные погребения первых веков н. э. своими ритуальными обрядами и материалами идентичные распространенным на Северном Кавказе, и, несомненно, принадлежащим аланам погребениям, привели к выводу, что они принадлежали аланам³. Эти важные открытия позволяют утверждать, что в 70-х годах I в. аланы не только вторглись в Алуанк, и как Армению и Атропатену подвергли разграблению⁴, но и там оставались довольно долгое время, имея прочные военные стоянки в пограничных районах. Это видно из одного сообщения "Картлис Цховреба", согласно которому аланы разбили лагерь в Камбечане и после набегов свой полон разделяли там⁵. Кстати, в армянских народных песнях Гохтана, которые дошли до нас через Мовсеса Хоренаци, военные стоянки алан показаны в тех же районах северного побережья Куры.

¹ Известия древних писателей..., т. I, с. 484, Хоренаци, с. 100, см. также Каланкатуаци, с. 27.

² К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 127.

³ И. Алиев, Г. Асланов, Племена сармато-массагето-аланского круга в Азербайджане, с. 218-237.

⁴ Иверия осталась в стороне от этого опустошительного похода алан потому, что по сообщениям Флавия и Хоренаци, она являлась их союзницей.

⁵ КЦ, с. 45-46; Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, с. 348.

Сюда гонит Трдат I¹ (а в песнях Арташес I) алан и здесь же к нему обращается дочь аланского царя с просьбой освободить брата из плена².

Таким образом, несомненно, что нашествию алан подвергся и Алуанк, претерпев все невзгоды, связанные с подобными походами. В этом походе на Алуанк, как говорит Хоренаци, со значительными силами участвовала и половина страны иверов³.

Судя по союзу между аланами и иверами, нападение на Алуанк произошло не через Дербент, как полагают некоторые исследователи⁴, а по одному участку пограничного Иверии и Алуанку району, Камбечану, который, как мы уже видели, также стал одним из их военных стоянок.

Походы алан, однако, не ограничиваются этим. И в последующие годы своими нашествиями они создавали действительную угрозу не только для Великой Армении и Алуанка, но и Атропатены и Парфии. Ввиду этого парфянский царь Валарш I и, по всей вероятности, также его братья Бакур и Трдат I, с просьбой о помощи обращаются к Римскому императору Веспасиану (69-79 гг.). Большую готовность в оказании помощи странам Востока объявляет сын императора Домициан, однако, его отец, учитывая экономическое положение страны⁵, вообще отказывается оказать какое-либо содействие пострадавшим странам⁶. Это обстоятельство способствовало тому, что аланы около пятнадцати лет оставались в плодородном и богатом Алуанке. Понятно, что за весь этот период влияние Рима было здесь сведено на нет. Этому компрометирующему Рим положению был положен конец лишь на исходе 80-х гг. Домициан став императором (81-96 гг.), выступил в поход в этом направлении, отголоском чего явилась латинская надпись, обнаруженная на территории Алуанка. Из надписи, как уже было сказано, найденной у горы с современным названием Бюк-даш, что ее оставил "При императоре Домициане Цезаре Августе Германике, Юлий Максим, центурион XII легиона Фульмината"⁷. К этому К. В. Тревер добавляет слова "выполнил, сделал"⁸ и этим придает надписи строительный характер. Одновременно, согласно ее же мнению,

¹ А. Гарегянян, Критическая история Армении, т. II, Тифлис, 1895, с. 242-244; М. Абебян, Труды, т. I, Ереван, 1966, с. 115; Я. Манандян, Критический обзор..., Труды, т. II, с. 16 (все на арм. яз.)

² Хоренаци, с. 100.

³ Там же.

⁴ И. Ациев, Г. Асланов, Племена сармато-массагето-аланского круга в Азербайджане, с. 218-237.

⁵ Н. А. Машкин, История древнего Рима, с. 430.

⁶ Suetonius, Domitian, 2; Dio, LXVI, 15, 3.

⁷ См. с. 28. Здесь "фульминат" значит "Молниеносный".

⁸ К. В. Тревер, Очерки по истории ... Албании, с. 127.

упомянутых легион или его отдельное подразделение в Алуанке выполнили поручения местного значения, разведывательные рейды, направленные на изучение берегов Каспийского моря и т. д. Это свое мнение она закрепляет тем интересом римлян, который они выказывали для исследования Каспийского моря¹. По мнению Л. А. Ельницкого, легион по своему значению был карательным отрядом², а В. Н. Левиатов полагает, что это подразделение находилось в Алуанке по просьбе самих алуанцев, для борьбы против парфян³. О. В. Кудрявцев Кудрявцев приписывает Центуриону, упомянутому в надписи, дипломатическую миссию для ведения переговоров с народами и царями Востока⁴. К рассматриваемому вопросу, однако, наиболее удачно подошел Л. Хачикян, который в свете сообщения Хоренаци, считает, что упомянутая надпись являлась отголоском каких-то походов императора Домициана⁵. А в упомянутом сообщении Хоренаци пишет: “На Западе возникают какие-то смуты, и Арташес в расчете на это с презрением отвергает римскую власть и прекращает выплату дани. Император же Домициан в гневе насылает на него войско... их встречает Артавазд со всеми сыновьями царя... поспеваает Смбат... завершая сражение победой”⁶. Отмеченные Мовсесом Хоренаци “какие-то смуты”, вероятно, относились к восстанию Антония Сатурнина, легата Верхней Германии, против Домициана в 89 г. Воспользовавшись этим, восстали также и армяне и отказались от уплаты налогов римлянам. В условиях хозяйничанья алан в стране, естественно, что Алуанк также не выполнял никаких обязательств по отношению к Риму. Все это заставило императора предпринять военную кампанию в Закавказье и восстановить там прежнее положение. Для этой цели он использовал упомянутый XII легион, находившийся до этого в Малой Азии. Направившись в Армению, отдельные свои подразделения он отправил в Алуанк. Основываясь на сообщения Хоренаци, констатируем, что этот легион в Армении потерпел неудачу⁷, а из факта существования в Алуанке надписи, можно заключить, что его подразделениям

¹ Там же, с. 128, 345.

² Л. А. Ельницкий, Северочерноморские записки. Римляне у Каспийских ворот, с. 194.

³ В. Н. Левиатов, Азербайджан с V в. до н. л. по III в. н. л., с. 87.

⁴ Всемирная история, т. II, М., 1955, с. 691.

⁵ Л. Хачикян, Несколько замечаний по поводу 54 главы второй книги “Истории Армении”, М. Хоренского (по поводу древнелатинской надписи, найденной в Азербайджане), Известия АН Арм ССР (общественные науки), 1948, N 1, с. 96 (на арм. яз.).

⁶ Хоренаци, с. 106.

⁷ Видимо, эти неудачи римлян явились причиной того, что об этом походе не говорят ни биографы Домициана, ни другие историки. Сообщение Хоренаци, дополняя этот недостаток, раскрывает также новую восточную страницу политической деятельности Домициана.

удалось изгнать алан из Алуанка и восстановить там римское владычество. Затем они остались в Алуанке в качестве военной опоры римлян как для удержания в повиновении алуанцев, так и с целью борьбы против нашествия вторгшихся племен. То, что это подразделение имело военную задачу, видно также из положения местности, выбранной в качестве военной стоянки. Она, занимая по отношению к окрестности главенствующее положение, представляла собой естественную укрепленную крепость, позволявшую занять оборонительную позицию. Кроме того, видны следы одного оборонительного строения¹, дополнительно сооруженного римлянами для усиления своих позиций.

Последними событиями в конце I в. в Алуанке вновь восстанавливается влияние Рима.

Алуанк во II в. н. э.

В 96 г. был убит Домициан. На смену династии Флавиев приходит династия Антониев, которой также было суждено, как и всем предыдущим династиям, лишь при помощи время от времени применяемой вооруженной силы сохранять свое влияние в странах Востока, в том числе и в Алуанке. Вызванная внутренней политикой Домициана сильная оппозиционная борьба, утверждение и укрепление новой династии, война против усилившегося царства Дакии, для Алуанка создали такую политическую ситуацию, когда, юридически находясь в сфере влияния Рима, переживал период фактической независимости и самостоятельности. В это время на востоке главенствующее положение занимали парфяне, которые, нарушив Рандейский договор, самовольно устраняют армянского царя Ашхадара (110-113 гг.) и без согласия Рима новым царем назначают Партамасира. Усмотрев угрозу для римской политики на востоке, император Марк Траян (98-117 гг.), завершивший до этого с успехом Дакскую войну (106 г.), присоединивший Дакию к Риму, уже был в состоянии вмешиваться в дела стран Востока и в 114 г. во главе большой армии совершил поход против армян и парфян, быстро восстановив прежнее положение.

Восточный поход Траяна поставит конец неопределенному политическому статусу Алуанка. Здесь произошли изменения в составе правящей верхушки. На престол вступил ставленник Траяна. "Траян, - пишет Русф Фест, - который

¹ К. В. Тревер, Очерки по истории Албании, с. 345.

после Августа увеличил могущество Римского государства, отнял Армению у Парфян, уничтожил самостоятельность Великой Армении, присоединил ее к Римской империи, дал Албанцам царя и покорил себе Иберов, Босфоран и Колхов”¹.

Данные отмеченного автора повторяет и Евтропи́й, в ряду завоеванных Траяном народов и племен добавляя также и савроматов, арабов и осроенцев². Тот факт, что римский император “дал Албанцам царя”, позволяет полагать, что прежний царь проводимой политикой не удовлетворял римлян и они заменили его своим ставленником. Само собой разумеется, что назначение Римом царя в Алуанке означало полное восстановление его влияния в стране. Новый царь³, будучи римским ставленником, естественно, должен был проводить проримскую политику и обеспечить прочность римского владычества. Поэтому трудно согласиться с К. В. Тревер, которая полагала, что “за исключением Албании, весь Кавказ был приведен в подчинение Риму”⁴. Ей следует также Ф. Мамедова, желая придать мнимый привилегированный статус Алуанку⁵.

Римский ставленник, по-видимому, был представителем местной знати, который, однако, оставался на троне недолго, до смерти Траяна (117 г.). Еще в последние годы жизни императора на Востоке восстанавливается прежнее положение. Резюмируя результаты восточного похода Траяна, Дион Кассий пишет: “Таким образом, римляне, завоевывая большую часть Армении и Мессопатамии и побеждая парфян, зря подверглись опасности и зря измучились. Так как парфяне, лишая также и Партамаспатаеса трона, опять начали править своим собственным способом”⁶.

Алуанк, наряду с другими странами, вновь восстанавливает свою самостоятельность.

Создавшаяся политическая ситуация заставила преемника Траяна Публия Адриана (117-138 гг.) отказаться от агрессивной – завоевательной политики своего предшественника, желавшего уподобиться Александру Великому, и избрать политику задабривания и сохранения дружественных отношений с

¹ СМОМПК, вып. 4, Тифлис, 1884, с. 192.

² ВДИ, 1949, N 3, с.281.

³ Имя этого царя неизвестно. Г. Алишан называет его “царь Алуанка Варазман, которого латиняне называют Фарнавазом” (см. **Алишан**, Алуанк, Базмавен, 1970, N 11-12, с. 344).

⁴ **К. В. Тревер**, Очерки по истории... Албании, с. 123.

⁵ **Ф. Мамедова**, Политическая история... Албании, с. 123.

⁶ **Dio**, LXVIII, 33, 1-2.

Арменией, Иверией и Алуанком. Он отозвал назад из Армении войска, вновь признал Евфрат границей между Римом и Арменией и восстановил армянское царство, а с алуанцами и иверами сохранил “самые дружеские отношения, потому что он щедро одарил царей их, хотя те не захотели прийти к нему”¹. Из этих слов историка следует, что в первой половине II в. владычество Рима в указанных странах стало номинальным.

Ослаблением влияния Рима на Южном Кавказе поспешил воспользоваться иверийский род Фарнавазидов. Используя свою возможность распоряжаться Кавказскими проходами, он часто возбуждал северные кочевые племена, направляя их на разграбление и опустошение соседних стран. Так, в изучаемый период, т. е. в середине 30-х гг. II в. один из представителей этого рода – Фарнаваз II², этих кочевников побудил напасть на страны Закавказья, в том числе и на Алуанк. Об этом идет речь в сообщении Диона Кассия, из которого следует, что во время этого нападения аланы совершили большие опустошения в Алуанке, вытоптали Армению и Каппадокию и удалились лишь ослепленные подарками армянского царя Валарша (117-140 гг.) и страхом перед правителем Каппадокии Флавием Аррианом³.

От нападения алан больше всего пострадала Армения и Атропатена, вследствие чего армянский царь Валарш I в 138 г. обращается к новому императору Рима Антонию Пию (138-161 гг.), жалуясь против подстрекательских действий Фарасмана II. Император вызывает к себе в Рим иверийского царя для ответа, однако, последний, прибыв в Рим, многочисленными подарками сумел не только смягчить его гнев, но и удостоиться новых почестей⁴.

Воспользовавшись благосклонностью императора и нападением алан, Фарасман II, чьи годы правления считаются кульминационным периодом могущества иверийского царства⁵, получил свободу более широкомасштабных действий. Нам кажется, что в этот период он предпринял попытки для расширения границ своего царства на востоке за счет соседнего Алуанка. Между этими странами произошли столкновения вокруг вопроса о границах,

¹ Элий Спартиан, Жизнь Адриана, СМОМПК, вып. 4, с. 175.

² Этот Фарнаваз был внуком иверийского царя Фарнаваза I и сыном Радамиста.

³ Дио, LXIX, 15, 1.

⁴ Там же, LXIX, 15, 3.

⁵ История Грузии, т. I, Тбилиси, 1962, с. 64; Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, с. 353-356.

которые стали причиной вмешательства римляне в их внутренние дела. Это видно из описания современных событий римским историком Фемистием: “Римские полководцы проходили Каспийские ворота, выгоняли Аланов из Армении и устанавливали границы Иверам и Албанцам”¹. Ясно, что это обстоятельство еще больше должно было укрепить позиции римлян в указанных странах. Причем это обстоятельство отражено также и у римских авторов. Говоря о Марке Аврелиане (161-180 гг.), преемнике Антония Пия. Флавиус Вописк пишет, что “Пред ним... Иберы, Албанцы, Армяне... преклонялись, как перед богом”². Создавшаяся ситуация сложилась вследствие событий предыдущих лет и победоносного завершения в его дни войн, называемых “армянскими” и “парфянами”. Это положение было удостоверено мирным договором, заключенным с парфянами в 166 г., согласно которому, кроме передвижений парфяно-римской границы, решался также вопрос выбора царя Армении местной армянской знатью, из представителей, удостоившихся одобрения Рима³. Вполне вероятно предположить, что сходная ситуация возникла и в Алуанке. Здесь восстанавливался порядок назначения своих ставленников на алуанском престоле, введенный еще Траяном и нарушенный в конце его жизни.

Вслед за этими событиями, до середины III в., Алуанк не упоминается в письменных источниках. Это может служить основанием считать, что в регионе установилось относительно стабильное положение. Здесь находились многие римские воинские подразделения, которые были призваны обеспечить интересы Рима в регионе. Правда, свидетельствующие об этом греческие и латинские лапидарные надписи говорят только об их пребывании в Армении⁴, однако, наличие римских военных сил также в Алуанке (и в Иверии) вполне возможно, поскольку так было каждый раз, когда происходило восстановление влияния Рима. Так было в 80-х гг. I в, во времена Домициана, так было и при его преемниках. Есть предположение, что Алуанк, как и Армения, был вовлечен в военную систему Каппадокии, сформированную римлянами еще в 166 году⁵. Если это так, то он, так же как и Армения, должен был иметь содержавшуюся за

¹ Известия древних писателей..., т. I, вып. 3, с. 697.

² Вописк, Жизнь божественного Аврелиана, СМОМПК, вып. 4, с. 176.

³ К. В. Тревер, Очерки по истории культуры древней Армении, М.-Л., 1953, с. 237.

⁴ Там же, с. 251-267; М. И. Ростовцев, Новая греческая надпись из Эчмиадзина, ХВ, т. III, вып. 3, СПб, 1915, с. 243-248.

⁵ История армянского народа, т. I, с. 790.

счет Рима постоянную конницу и был бы обязан охранять Кавказские проходы¹.

В конце II в., точнее в 198 г.², Закавказье еще раз подвергается опустошительному нашествию алан. Мовсес Хоренаци описывает эти неоднократные походы алан, показывая их путь проникновения через ворота Чора³. Несмотря на то, что алуанцы не упоминаются в описываемых Хоренаци событиях, однако их участие в них более чем вероятно. Совершая походы в глубь региона, аланы проходили через Чора-Папак; этим же путем они должны были возвратиться, будучи изгнанными оттуда, что было возможно только через Алуанк. Вот почему в обоих случаях Алуанк также должен был подвергнуться опустошительным походам алан, а это, естественно, стимулировало бы их деятельное участие в составе армянской армии, изгонявшей алан. Кроме того, к такому активному участию заставляло бы алуанцев их совместное пребывание вместе с армянами в одной и той же военной системе.

После возвращения из этого победоносного похода на алан армянский царь Хосров “воздвигает каменный столп с греческой надписью, чтобы показать покорность Риму”⁴. Это уже серьезное свидетельство, показывающее, что Армения, а значит и связанный с ней политическими и военными узам Алуанк, в конце II в. находились в политической зависимости от Рима.

Алуанк при первых Сасанидах

III в. вошел в историю Передней Азии как период крупных политических и социальных перемен.

В начале века еще продолжалось парфяно-римское противоборство. Парфянские походы Антония Каракаллы (211-217 гг.) хотя и не давали желаемых результатов римлянам, тем не менее наносили тяжелый ущерб Парфии. Последняя крайне ослабла, децентрализовалась и уже не только не могла оказывать серьезного сопротивления римлянам, но даже воспротивиться тому крупному движению, которое возникло в Персиде против парфянской

¹ J. Marquart, Eranshahr, p. 102, 4.

² Там же, с. 102.

³ Хоренаци, с. 114-115.

⁴ Там же, с. 115.

Аршакидской династии. Ослабленное непрекращающимися войнами, истощенное внутренними распрями и социальными движениями, некогда могущественная династия стала уступать и вскоре, в 227 г., на равнине Вормиздакан¹ в Мидии, окончательно потерпела поражение в сражении с Арташиром, внуком Сасана, и сошла с исторической арены. В том же году в Тизбоне Арташир воцарился как шахиншах Ирана². Таким образом, на смену Парфянской династии в Иране приходит новое, стремящаяся к мировому господству – Сасанидская. С ее вступлением на политическую арену борьба между Римом и Ираном за господство в Передней Азии по своему характеру и охвату была не менее ожесточенной и бескомпромиссной, нежели до этого римско-парфянские войны. В эту борьбу вновь, вопреки своим интересам, вовлеклись страны Южного Кавказа.

Сасаниды, поставившие перед собой цель упразднить все ветви династии Аршакидов, с самого начала заняли враждебную позицию по отношению к Аршакидам и всячески стремились уничтожить их и захватить Армению. Одновременно считая себя наследниками Ахеменидов, они задались целью восстановления прежних границ их мировой державы.

В новой политической ситуации, когда опасность угрожала со стороны Сасанидского Ирана, Армения постепенно политически переориентировалась на Римскую империю и, на идеологическом поприще начала выступать против зороастризма, который был принят как государственная религия, ставшая идеологическим оружием завоевательной политики Сасанидов. Армения, Алуанк и Иверия образовали общий лагерь.

Вступление Сасанидов на политическую арену ознаменовалось для армян, алуанцев и иверов сражениями, направленными против основателя династии – Арташира I. Эта борьба, которую возглавлял армянский царь Трдат II (216-252 гг.), отражена в армянских источниках – в сочинениях Агатангелоса, Хоренаци, Ивана Мамиконяна, Ухтанеса. Мовсес Хоренаци и Иван Мамиконян свидетельствуют, что между армянами и персами происходили длительные

¹ История армянского народа, т. 2, с. 23. Некоторые исследователи датой битвы при Вормиздакан и начала Сасанидской эпохи в истории Ирана считают 224 г. (см. **A. Christensen**, *L'Iran sous les Sassanides*, Copenhagen, Paris, 1944, p. 881.

² **Я. Манандян**, *Критический обзор...*, Труды, т. 2, с. 71, а затем и **М. М. Дьяконов**, (Очерк истории древнего Ирана, с. 258) и другие считают, однако, что коронация Арташира в Тизбоне как шахиншаха Персии состоялась в 226 г.

воины¹, а Агатангелос и Ухтанес прямо говорят, что в этих войнах во главе с армянами участвовали также и алуанцы, иверы и другие кавказские племена. “Кодга, - пишет Агатангелос, - скорбная весть этой смерти (Артавана – Г. С.) достигла армянского царя Хосрова (Трдата II)² (тот – Г. С.) в начале следующего года стал организовывать армию и собирать войска. Собрал войска алуанцев и иверов и открыл ворота Аланские и Чора Папак, выставил войска нонов, подверг набегу Персию и совершил поход в сторону Ассирии, до ворот Тизбона”³. То же самое перечисление участников войны делает и Ухтанес: “Начал собирать войско армянский царь Хосров и собрал войска Алуанцев, Иверов, Лпинов, Чилбов, Каспов и нонов”⁴. Последние сразу же откликнулись на призыв армянского царя, выставив хорошо подготовленное многочисленное и побоевому настроенное войско. Своей храбростью и высоким боевым духом особенно выделялась конница. Об этом свидетельствует сообщение Агатангелоса, которое является своеобразным дополнением к сообщениям античных авторов о высоких боевых качествах алуанцев: “Тотчас же алуанцы, лпины, чилпы и каспы, а также и другие из тех краев, в большом количестве, проворными и смелыми конниками и в полном составе, пришли на помощь, чтобы отомстить за кровь Артавана”⁵. О борьбе Хосров-Трдата II против Арташира с участием тех же войск рассказывает также Мовсес Хоренаци⁶.

Таким образом, наряду с Великой Арменией и Иверией Алуанк стал первой из стран, с которыми Сасаниды вынуждены были столкнуться сразу же после появления на политической арене. Эта первая совместная борьба была началом той великой, длительной и жестокой борьбы, которую затем вели армяне, алуанцы, грузины и другие кавказские народы и племена против Сасанидов за свою свободу и независимость.

Эти армяно-персидские войны с участием алуанцев и иверов, согласно армянским историкам, длились десять-одиннадцать лет⁷. Однако до сих пор в историографии нет единодушного мнения о хронологии этого периода.

¹ Хоренаци, с. 118-120; Иоанн Мамиконян, История Тарона, Ереван, 1941, с. 66-67 (на арм. яз.).

² Как правильно указал Я. Манандян, в этих первых армяно-персидских войнах участвовал не Хосров, а Трдат II (ам. Критический обзор..., Труды, т. II, с. 80); История армянского народа, т. 2, с. 25.

³ Агатангелос, с. 24-26.

⁴ Ухтанес, с. 70.

⁵ Агатангелос, §19, с. 24-26.

⁶ Хоренаци, с. 119-120.

⁷ Агатангелос, с. 28.

Предложены 228-238, 238-248, 242-252¹, 245-256 гг.². Исходя из сообщения Агатангелоса о том, что войны против Арташира начались “в начале следующего года”³ после убийства Артавана в 227 г., находим, что они начались в 228 г., и тем самым 10-11-летний период соответствует 228-237/8 гг. И в течение всех этих лет, согласно сведениям армянских источников, алуанцы также участвовали в возглавляемой армянским царем борьбе против Сасанидов. Эти сражения, как показали исследователи, происходили в основном в Мидии и соседней Адиабене⁴ и не давали Арташиру возможность завоевать Армению и другие страны региона.

Враждебность по отношению к Риму и борьба против него с новой силой продолжается при сыне Арташира Шатухе I (241-271 гг.), который вместе с державой Сасанидов наследует также и завоевательную политику отца. В круг его воинственных стремлений входило также и завоевание Южного Кавказа. Начинаются ожесточенные персидско-ринские войны, которые завершаются мирным договором, заключенным в 244 г. Согласно этому договору, римский император Марк Юлий Филипп уступает персам Месопотамию и большую часть Армении⁵.

Алуанк продолжал оставаться “другом” Рима. Шатух был еще занят задачей окончательного завоевания Армении и вскоре, захватывает другую часть страны, отошедшую к Риму по договору 244 г.⁶ Рим не мог смириться с этим унижительным для себя положением и, как сообщает римский историк Юлий Капитолин, император Валериан (253-260 гг.) лично прибыв на Восток, попытался положить конец успехам персов. Между императором и шахиншахом в 260 г. произошло сражение у Эдессы, где, однако, император потерпел крупное поражение, попал в плен и был уведен в Тизбон. Об этой своей победе Шатух оповещает посланием все известные ему народы, в том числе и алуанцев и иверов. Этим шагом шахиншах, по всей вероятности, хотел показать свою силу, а Алуанк и Иверию склонить на свою сторону. Однако “Иберы, Албанцы и Тавроскифы не приняли писем от Сапора, но написали со своей стороны римским полководцам, обещая им вспомогательные войска для освобождения

¹ Я. Манандян, Критический обзор..., Труды, т. 2, с. 92.

² История армянского народа, т. 2, с. 37.

³ Агатангелос, с. 24.

⁴ Я. Манандян, Критический обзор..., Труды, т. 2, с. 92.

⁵ Там же, с. 87.

⁶ Агатангелос, с. 32.

императора Валериана из плена”¹. Этот факт говорит о том, что Шапух не имел еще влияния над Алуанком, а дипломатические отношения между Римом и Алуанком в это время еще более укрепились, свидетельством чего являлся обмен письмами между двумя странами. Опираясь на этот союз и свою независимость, Алуанк смело отказывается принять письма Шапуха и, не боясь последствий, предлагает Риму свою помощь. Такое состояние Алуанка, однако, существовало недолго. Вскоре и Алуанк подчиняется Шапуху, что видно из надписей на трех языках, оставленных Шапухом I в Нахш-и-Рустеме на строении “Кааба-и-Зардушт”. Здесь отмечены победы Шахиншаха и завоеванные им “Атропатена, Армения, Иберия, Махелония², Албания и страны (до) Кап-Коха и (Аланских³) ворот”⁴. Вероятно, что Алуанк подчинился Ирану в 261 г. после смерти Валериана в плену, а также низложения с армянского трона и казни армянского царя Артавазда V⁵, когда Армения была провозглашена дастакертом дастакертом царя Сасанидской династии (династической собственности) и наследственным “доменом” шахиншаха⁶. Только в это время создались благоприятные условия для организации похода с целью подчинения алуанцев и других народов, с пренебрежением отвергнувших послания Шапуха. Однако в первые годы власть Сасанидов в Алуанке еще не была устойчивой. Ее временно ликвидировал новый император Рима Луций Домиций Аврелиан (270-275 гг.). Воспользовавшись междоусобицами, имевшими место в Иране⁷, он отвоевал ряд стран, в том числе и Алуанк. Успехи Аврелиана весьма подняли его престиж среди народов этих стран и вселили большие надежды на их освобождение. Однако надежды народов региона, связанные с успехами Аврелиана, не оправдались. После его смерти и вступления на персидский престол Вахрарана

¹ Юлий Кантолиуи, Жизнь обоих Валерианов, СМОМПК, вып. 4, с. 175.

² В парфянской версии надписи “Sykn”, которой, согласно С. Т. Еремиану, соответствует страна “Базкан” армянских источников (см. С. Т. Еремиан, Страна “Махелония...”, с. 52).

³ Предлагалось также и разночтение “Албанские ворота” (см. E. Honigmann et A. Maricq, Recherches..., p. 88-90; A. Maricq, Res gestae divi Saopries, p. 307).

⁴ E. Honigmann, Recherches..., p. 11; A. Maricq, Res gestae divi Saopries, p. 307

⁵ Вопрос происхождения, личности и датировки правления этого царя долгое время являлся предметом спора. Высказаны мнения, что он не был Аршакидом (Я. Манандян, Критический обзор..., Труды, т. 2, с. 97, на арм. яз.), вследствие чего он отождествлялся то с Артаваздом Мандакуни (А. Ашурян, Айрарат, Венеция, 1890, с. 374, на арм. яз.), то с Артаваздом Мамиконяном (А. Ашурян, Политические отношения..., с. 245-246) и т. д. Новейшие исследования не только выявили его Аршакидское происхождение, но и точную дату его царствования 253-261 гг. (см. С. Т. Еремиан, Политическое состояние Армении в период царствования Артавазда V (252/3-261), ВОН, 1975, N 1, с. 13-22 (на арм. яз.).

⁶ История армянского народа, т. 2, с. 49 и сл.

⁷ На престоле Ирана Шапуха I один за другим в течение короткого времени сменились его сыновья Вормизд I (272-273), который до этого царствовал в Армении, и Вахраран (Вахран I, 273-276 гг.).

II, Сасаниды вновь восстанавливают свое правление как в Армении¹, так и в Алуанке. То, что Алуанк был вновь завоеван Ираном, аргументируется наличием в монетных кладах Алуанка сасанидских монет датируемых III в., временем шахиншаха Вахрарана (Вахрам, Врам – 276-293 гг.). В составе клада они занимают количественно преобладающее место: около 200 штук в отличие от других монет, выявленным в одиночных экземплярах². Археологическими раскопками обнаружены также монеты Шапуха I³. Стало быть, в III в. Алуанк находился в сфере политического влияния Ирана, вследствие чего Сасанидские монеты были в денежном обращении.

Во все последующие времена превосходства с переменным успехом велись римско-персидские кровопролитные войны, из-за которых страны региона переходили из рук в руки, тем самым их политическое положение дестабилизировалось и становилось неопределенным. Наконец, эти войны завершаются заключением в 298 г. перемирия в Мцбине.

Договор в Мцбине⁴ сыграл решающую роль в политической жизни стран региона. В частности, Великая Армения и Иверия освобождаются от владычества Ирана и восстанавливают свои царства. Армения переходит под покровительство Рима, получает обратно отторгнутые Сасанидами армянские области Ангех-тун, Цопк, Алздник, Кордук, Цавдек. Царем воссоединенной Армении утверждается царствовавший с 287 г. в римской части, а с 293 г. – и в персидской части, Трдат III⁵. Относительно Иверии было решено, что ее царь должен был получить регалии своей власти от римлян⁶.

В Мцбинском договоре Алуанк не упоминается. По-видимому, в отличие от своих соседей он оставался вдали от персидско-римских войн и поэтому не нашел место в договоре. Заключавшие договор стороны касались только вопросов воюющих стран-союзника римлян Армении и, судя по принятому решению об Иверии – выступающей со стороны Ирана – Иверии. В этой персидско-римской войне Алуанк сохранял нейтралитет, несмотря на то, что в это время не исключено было наличие персидского влияния. Мцбинский договор,

¹ М. Орманян, История Армении, ч. I, Константинополь, 1912, с. 76 (на арм. яз.).

² К. Г. Голенко, Заметки об обращении римской монеты в Закавказье, ВДИ, 1971, N 4, с. 64. Х. Мушегян, Денежное обращение в Армении, с. 113.

³ Дж. А. Халилов, Материальная культура..., с. 65.

⁴ Петр Патриций, Византийские историки, перевод с греческого Спиридона Дестуниса, СПб, 1861, с. 304.

⁵ История армянского народа, т. 2, с. 62-71.

⁶ Петр Патриций, с. 304.

таким образом, ничем не изменил политическое положение Алуанка и его географическую карту: Алуанк продолжал оставаться в своих исторических границах.

Благодаря Мцбинскому договору, Сасаниды целых 40 лет воздерживались от вмешательства как во внутривнутриполитические, так и внешнеполитические дела стран Закавказья. Для Великой Армении, Алуанка и Иверии эти 40 лет явились периодом мира, наполненным качественно новыми сдвигами в социально-политической жизни общества. И как их прямое следствие, в Алуанке наступает кризис старого строя и возникают новые общественные отношения, ведущие социально-экономическое развитие страны по пути феодализации.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

СТРАНА АЛУАНК В ПЕРИОД ФЕОДАЛИЗМА

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
СТРАНА АЛУАНК ДО УПРАЗДНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

ГЛАВА VI ФОРМИРОВАНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ. АРШАКИДСКАЯ ДИНАСТИЯ В АЛУАНКЕ

Формирование феодальных отношений

Изучение формирования и становления в Алуанке феодальных отношений, общественного строя и правового положения отдельных социальных прослоек из-за отсутствия собственного местного алуанского письменного материала осуществляется исключительно по армянским источникам. Однако посредством содержащегося в них ограниченного круга социальных терминов можно составить представление о феодальном строе Алуанка лишь в общих чертах.

Феодальные отношения с характерным для них землевладением рассматриваются на материале тех регионов Алуанка, которые, будучи экономически более развитыми, в основном характеризуют экономический строй страны¹. Такими регионами являются в Алуанке долины Автарана и Алазана. Благоприятные климатические условия, обильные хлебом поля, орошаемые “еще лучше вавилонских и египетских”², пышная растительность и богатые недра превратили их в экономически развитые передовые районы Алуанка, по которым можно судить о его общественно-экономическом строе в целом. Решение этой задачи в некоторой степени облегчается исследованием общих для Великой Армении, Иверии и Алуанка социальных терминов, а также и некоторой схожестью феодального строя в указанных странах, о чем говорят армянские источники³. Археологические раскопки, проведенные на территории Алуанка, раскрывают этапы того процесса, которое прошло общество Алуанка в течение своего экономического развития. Они выявили остатки разных сельскохозяйственных продуктов, многочисленные орудия труда и домашнюю утварь, выделяющуюся своим совершенством и ремесленной специализированностью. Это говорит о том, что в это время нового уровня

¹ А. П. Новосельцев, Генезис феодализма..., с. 78.

² Страбон, XI, IV, 3.

³ Египше, например, говорит, что в Армении армии формировались из азатов, их сыновей и людей остаников, добавляя, что в Иверии, а также в Алуанке войска формировались подобным же образом (Египше, с. 30). Схожесть общественного строя упомянутых стран наблюдается также и в ответе Вардана Мамиконяна Иазкерту: “Много из этих трех стран азатов, которые старше меня и по должности и по годам, и многие, что младше” (Парпеци, с. 112).

развития достигли земледелие и скотоводство, металлургия и вообще ремесла. Обнаруженные сельскохозяйственные орудия – коса, серп, грабли и т. д. показывают, что в земледельческих работах использование металлических изделий занимало прочное место, благодаря чему понятно, что совершенствовалась обработка земли и росла продуктивность земледелия.

Естественно, что в таких условиях все более поднималась цена на землю. Она становилась основным средством производства. Этим обуславливается формирование таких отношений, при которых решающим фактором становилось отношение к основному средству производства. В социально-экономической жизни общества формировались новые феодальные отношения, базирующиеся на праве по отношению к земле.

Формирование феодальных отношений в Алуанке началось с IV в. К такому заключению приводит речь царя Алуанка, обращенная к своим воинам перед Дзиравским сражением: “Ныне же я вас предупреждаю, чтобы вы помнили, что когда мы заберем в плен греческие войска, то многих из них надо оставить в живых, мы их свяжем и отведем в Албанию и заставим их работать как гончаров, каменотесов и кладчиков для наших городов, дворцов и других нужд¹.

Как уже было замечено², в этом обращении Урнаира речь идет о поселении пленных в царских и нахарарских владениях и использовании их в качестве рабочей силы, а это обстоятельство свидетельствует о наличии феодальных отношений в Алуанке. На это указывают также и другие армянские историки, которые для выражения социальной структуры общественной жизни страны, разных социальных прослоек и форм собственности используют термины “царь”, “нахарар”, “азат”, “шинакан”, “танутер”, “ерд”, “азг”, “азганет”, “екн-еквор”, “калвацк”, “вичак”, “сепһакан” и т. д., свойственные феодальным отношениям.

Таким образом, в изучаемое время Алуанк в своем развитии перешел рубеж феодального периода и постепенно приобрел черты феодального строя.

Судя по использованным в армянских источниках вышеупомянутым социальным терминам, выражающим общественные отношения в Алуанке, можно утверждать, что и в Алуанке общество было разделено на два основных класса: феодалов, которые в общем составляли класс “азатов” и феодальнозависимых и свободных крестьян, социальный статус которых выражался терминами “аназат”, “рамик” или “шинакан”. Те же самые термины показывают, что каждое

¹ Бузанд, с. 149.

² А. П. Новосельцев, Генезис феодализма, с. 181.

сословие и класс, в свою очередь, разделялось на подгруппы. К высшему классу или “азатам” принадлежали царь, нахарары, высшее духовенство и другие представители знати, которые имели большие привилегии. В низшее сословие входили, кроме упомянутых крестьян, также и граждане-торговцы и ремесленники. Понятно, что эти сословия и классы по занимаемому ими положению в обществе имели соответствующие права и обязанности.

Феодальному обществу Алуанка также была присуща иерархия вассалитета. На самой высокой ступени феодальной иерархии там тоже стоял царь, а после упразднения царства – марзпан.

На второй ступени феодальной общественной лестницы после царя стояли нахарары, которые, как полагают¹, вышли из среды упоминаемых в античных источниках “гегемонов”. Сословие их также не было однородным. В основе деления лежало старшинство по занимаемой должности и возрасту², чем и обусловился среди них принцип вассальной зависимости младшего от старшего.

Нахарары, в случае необходимости, по зову царя или князя являлись со своими войсками, т. е. исполняли вассальную обязанность. Кроме этого они осуществляли и управление страной, основой которого являлась система горцакальства. В алуанской государственно-управленческой системе источники упоминают горцакальство *назаранетства*. Согласно этим упоминаниям, в тяжелые для Алуанка дни, с просьбой о помощи в Армении прибывает “назаранет Албанский со святым епископом страны”³. Функцией *назаранетства* являлось государственное строительство и установление налогов. Ему подчинялись городские и сельские общины. После падения алуанского царства эта функция переходит гарикпету, резидировавшему в царском дворце Сасанидского Ирана.

Нетрудно предположить, что и в Алуанке горцакальство “великого судьи” находилось в руках духовного предводителя страны. Источники не сохранили сведений о других горцакальствах в Алуанке. Однако, исходя из факта существования некоторых вышеупомянутых горцакальств, можно полагать, что здесь цари управляли страной через те же горцакальства, как и в Армении в эпоху Аршакидов.

¹ Там же, с. 134, 168.

² *Парпеци*, с. 112.

³ *Егеше*, с. 73. См. также *Каланкатуаци*, с. 68.

Подобно политической власти, иерархическую систему имело также и духовенство.

Алуанская армия служила царю и подчинялась ему. Она в основном формировалась из азатов, их сыновей и остаников. На этот принцип формирования армии указывает сообщение Егише о том, что, согласно посланию Иазкерта II, «рать составлялась в Великой Армении из азатов и сыновей азатов и остаников из царского удела; по этому же примеру набирали из Иверии и Албании»¹. Во время войны ее возглавлял царь, однако вместе с тем она имела и своего верховного главнокомандующего – спарапета. Армия состояла как из конницы, сформированной из азатов, так и из пехоты, состоявшей из представителей низших сословий. Исходя из того, что в армянской армии действовала также конница, состоящая из всадников-рамиков («рамик айрудзио») ², можно предполагать существование такой же конницы и в армии Алуанка. Трудно сказать что-нибудь о ее численном составе, однако ясно одно, что контингент войск мирного времени в случае войны увеличивался как за счет войск нахараров, так и ополчения, подразделяясь на разные рода войск.

Вооружение войска не ограничивалось только копьем и мечом. Их полное военное снаряжение состояло из вооружения всех видов – стрелы и лук, коротких меч, копье, щит и т. д.

В Алуанке (и не только в Алуанке) верховным владельцем земли являлся царь, однако, с углублением процесса феодализации, земля разделялась между отдельными феодалами – нахарарами, становясь их собственностью. Тем не менее царь оставался крупнейшим землевладельцем страны. Им являлись также и члены царской семьи. Как они, так и крупные феодалы – нахарары владели землей по наследственно-частновладельческому праву: важное обстоятельство, которое означает, что в Алуанке также действовала форма землевладения «һайренакан» (родовой удел), лучшим примером наличия в Алуанке формы землевладения «һайренакан» является поведение алуанского царя Ваче. Отстраненный от престола, он «пожелал взять себе лишь родовой удел, который остался ему от отца- тысячу ердов»³. Это сообщение Мовсеса Каланкатуаци не только свидетельствует о существовании землевладения «һайренакан» в Алуанке и его наследственном характере, но и указывает, что

¹ Егише, с. 30.

² Парпеци, с. 350.

³ Каланкатуаци, с. 29.

наследственной собственностью считались также и жители, обитавшие на этой территории, ерды или думы. Наследственной собственностью являлись также реки, озера, пастбища и леса, находившиеся на той же территории.

При феодальном строе в качестве крупного феодала-земледела выступает также и церковь.

На противоположной стороне общества феодального Алуанка находились феодальнозависимые и свободные крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы, трудящиеся городов и те, кто, как мы уже говорили, выступали под общим названием “рамик”. Они и составили основное сословие налогоплательщиков.

Ремесленники в основном жили в городах и составляли низший слой городского населения, единственным средством существования которого было занятие разными ремеслами. Богатые недра страны и естественные условия создавали благоприятные условия для развития разных ремесел. Предостережение алуанского царя Урнаира, сделанное его воинам перед Дзиравским сражением о сохранении жизни плененных греческих воинов и их отправлении в города Алуанка для использования в качестве каменщиков, гончаров и др., говорит о существовании этих ремесел и их централизации в городах. Материалы, обнаруженные при раскопках на территории Алуанка свидетельствуют и о наличии других видов ремесел: металлургии, обработки дерева, производства стекла, шелководства и т. п. Широкое развитие получает также обработка технических культур. Занимаясь различными ремеслами, ремесленники тем не менее продолжали быть связанными с землей и заниматься одновременно сельским хозяйством.

Развитие сельского хозяйства и ремесла стимулировали рост торговли и, действительно, в источниках встречается много свидетельств о наличии внутренней и транзитной торговли в Алуанке. На рынок поставлялись в основном товары местного ремесленного производства и продукты сельского хозяйства. Экспортировались полотняные одежды, шелк, шафран, марена, квасцы, кони, мулы и т. д.¹ Сухопутными торговыми путями Алуанк был связан с Двином, Тифлисом, а морским - через Каспийское море – с Ираном, Индией и другими восточными странами².

Центрами торговли и ремесел были города. Развивалась столица страны – Капалак, приобретая облик феодального города. После образования алуанского

¹ СМОМПК, вып. 29, с. 7; 25, вып. 38, с. 14, 97.

² Там же, вып. 29, с. 9, 25, 31, 33, 39; вып. 38, с. 17, 97, 101.

марзпанства столица Капалак уступила свою роль Партву, который, начиная с 462 г. становится центром алуанского марзпанства, а с 789 г. – главной после Двина резиденцией правителя-востикана Арминии¹. Каланкатуаци называет его “великий Партав”², а арабские авторы выражают восхищение и удивление, когда по какому-либо поводу говорят об этом роскошном и богатом городе³. Преобладающую часть городского населения составляли ремесленники. Рядом с ними существовали и земледельцы и работающие за поденную плату. Все вместе были известны под одним общим названием “гражданин”. В письменных источниках не имеется сведений о существовании в Алуанке других городов, кроме Капалака, поэтому трудно судить о структуре их управленческого аппарата.

Таким образом, в изучаемый период в Алуанке наличествовали феодальные отношения, с крупным феодальным землевладением, со своей системой социальной иерархии.

Однако необходимо подчеркнуть, что феодальный способ производства не был единственной формой хозяйствования во всем Алуанке. Многоукладность являлась общественно-экономической особенностью феодального Алуанка. Как уже отмечалось, в географически оторванных друг от друга районах, резко отличающихся уровнем своего экономического и культурного развития, функционировали разнообразные отношения. Экономически примитивный образ жизни вели кочевые скотоводческие племена, располагавшиеся на богатых альпийскими лугами южных склонах главного Кавказского хребта и прикаспийских равнинах. Еще более примитивной жизнью жили племена, занимавшиеся рыболовством в прикаспийских районах, а обитавшие в ущельях и высокогорных лесных массивах Кавказского главного хребта племена по своему быту и экономическим отношениям уступали даже последним.

Аршакидская династия в Алуанке

Формированию феодальных отношений в IV в. в Алуанке сопутствовали изменения в политической жизни страны, соответствующие формирующемуся строю, вследствие чего на смену прежней алуанской царской династии

¹ А. Тер-Гезондян, Арабские эмираты в Багратидской Армении, Ереван, 1965, с. 71 (на арм. яз.).

² Каланкатуаци, с. 25.

³ СМОМПК, вып. 29, с. 7, 17, 19; вып. 38, с. 7.

приходит новая, которая, судя по сообщению Каланкатуаца, являлась одной из ветвей Аршакидской династии. Каланкатуац пишет: “Число царей от Арана до Вачагана Храброго, который был из великого рода Арпакуни, не известно. И о том, из какого рода они, достоверного я ничего не могу сказать. Вот по порядку имена тех, кто царствовал над страной Алуанк: Вачаган Храбрый, Вацэ, Урнаир, Иавчаган, Мерхаван, Сато, Асаи, Есвален, Вацэ, далее Вачаган Благочестивый – царь Алуанка”¹.

В историографии эта династия рассматривалась как одна из ветвей мазкутских Аршакидов, и ее основателем считался так называемый “царь Мазкутов” Санесан², и, отождествляя страну Мазкутов с Алуанком, Санесан объявлялся алуанским царем³. Более того, нашлись исследователи, которые притязания Санесана на армянский престол характеризовали как борьбу за отвоевания якобы ранее завоеванных “алуанских” областей Утик и Арцах, объединение всего Алуанка и подчинения ему Армении. Одновременно, исходя из такого надуманного заключения и манипулируя сообщением Каланкатуаца (“после смерти Трдата некий Санатрук воцарился в Алуанке в городе Паутакаране и восстал против армян”)⁴, Паутакаран также считают областью Алуанка⁵.

Прежде всего следует указать, что уже сама постановка вопроса о том, что Санесан был царем Алуанка, не верна по той простой причине, что он упоминается как царь страны “Мазкутк”, страны, которая, согласно “Ашхарацуицу”, имела свои собственные географические границы и являлась самостоятельной, отдельной от Алуанка страной. Что Мазкутк был самостоятельной страной, свидетельствует Бузанд, написав, что Санесан “перешел свою границу, большую реку Куру”⁶. В приведенном сообщении Бузанда говорится о последовательности действия Санесана, что он перешел по ту

¹ Каланкатуац, с. 39.

² С. Т. Еремян, Политическая история Албании III-IV вв., с. 310-311.

³ M. Brosset, Extraits de l'histoire des Aghovans en armenien par Moise Caghancatovatsi (additions et adoucissements a l'Histoire de la George, SPb, 1851. Б. Улубабян, Очерки..., с. 147, Б. Арутюнян, Поход Санесана – царя Мазкутского на Армению, ВОН, 1981, N 6, с.65-77 (на арм. яз.); А. Акопян, Албания-Алуанк..., с. 108, 109, 182.

⁴ Каланкатуац, с. 33-34, Б. Улубабян, Очерки..., с. 147, Б. Арутюнян, Поход Санесана – царя Мазкутского на Армению, ВОН, 1981, N 6, с.65-77 (на арм. яз.); А. Акопян, Албания-Алуанк..., с. 108, 109, 182.

⁵ Н. Гулиев, Торговые связи Кавказской Албании в раннем средневековье, Автореферат кандидатской диссертации, Баку, 1972, с. 9-10; Т. Мамедов, Кавказская Албания в IV-VII вв., с. 13; Ф. Мамедова, Политическая история... Албании, с. 97, и сл.

⁶ Бузанд, с. 15.

сторону границы страны Мазкутк, затем и большую реку Куру. Так что это сообщение Бузанда не может служить основой для такого неверного заключения, будто Кура была южной границей Санесана, значит Алуанк и Маскутк идентичные страны, а Санесан – их царь.

Сказанное выше подтверждается и анализом хода событий, имевших место в 30-40-х гг. в Армении и Южном Кавказе при активном участии Санесана.

Санесан появился на исторической арене в 30-х гг. IV в. в связи с участвовавшими при пособничестве и подстрекательстве Шапуха II междоусобицами, направленными против армянской царской власти и централизованного государства. Бузанд говорит о нем, как об организаторе убийства Григориса и предводителе северных кочевых племен в их походах на Армению, величая его титулом “царя Мазкутов”¹.

О походе на Армению со стороны северян рассказывает также Хоренаци, который, однако, верховного главнокомандующего северных племен называет “Санатруком”: “Во дни Хосрова жители северной части Кавказа, узнав о его малодушии и лености и особенно поддавшись подстрекательствам Санатрука, совершившимся по тайному повелению Шапуха, объединившись, выступили в поход и огромной толпой до двух десятков тысяч человек, достигли середины нашей страны”².

Сопоставление сообщений, приводимых обоими армянскими историками, наглядно показывает, что они рассказывают о взаимосвязанных событиях, происшедших в тоже самое время. Подобная очевидная схожесть дополняется и другими сведениями этих историков, относящимися к описываемым событиям, в частности об убийстве юного Григориса, о месте и обстоятельствах свершившегося³. В сообщениях Бузанда и Хоренаци об этом событии, так же как в описании войны против северян, главное действующее лицо у первого выступает под именем “Санесан”, у второго – “Санатрук”. Следовательно, “Санесан” Бузанда и “Санатрук” Хоренаци одно и то же лицо, обстоятельство, которое подверглось сомнению⁴. Наш вывод об их тождестве находит свое подтверждение также и в сообщениях историков об их Аршакидском происхождении. Согласно Бузанду, Санесан был “сородичем” армянского царя

¹ Бузанд, с. 14.

² Хоренаци, с. 152.

³ Ср. Бузанд, с. 14, Хоренаци, с. 149.

⁴ Б. Арутюнян, Поход мазкутского царя Санесана... , Ср. А. Акопян, “Албания-Алуанк...”, с. 108.

Хосрова, а по Хоренаци, Санатрук являлся родственником Трдата III – отца Хосрова Котак. Он повествует, что уступая просьбам правителей Восточного края Армении, управлявших город Паїтакаран, царь Трдат отправляет в Паїтакаран Манука (Юного) Григориса с поручением распространить христианство в Восточных краях Армении “в сопровождении некоего Санатрука из его собственного рода Аршакуни”¹. Тожество “Санатрука” и “Санесана” доказывается также их стремлением завладеть армянским тронem, о чем речь пойдет ниже. Добавим также, что оба они представляются инициаторами убийства Григориса, но в этом случае выходит, что убитого Санатруком Григориса, вновь убил Санесан. Тем не менее, в этих сообщениях историков есть одно различие, позволяющее исследователям объявить Санесана и Санатрука разными лицами. Согласно Хоренаци, Санатрук провозгласил себя царем в Паїтакаране после смерти Григориса, а Бузанд же повествует, что Санесан принял его уже будучи царем Мазкутов. Дело в том, что когда Санатрук провозгласил себя армянским царем, он превратил Паїтакаран в свою военную резиденцию и, стремясь царствовать над всей Арменией, собрал войско и готовился к походу. Но ему воспрепятствовал законный наследник престола, сын Трдата, Хосров Котак. Получив помощь от римского императора Константина Великого, он вместе с армянскими войсками, во главе с придворным правителем императора Антиохом, выступил против Санатрука². Последний, сознавая, что не в силах противостоять армяно-римским объединенным войскам “наполнив город Паїтакаран персидскими войсками, сам поспешно бросается к царю Шапуху вместе с алванскими нахарарами”³. Казалось, междоусобная распря была подавлена. Но у Хоренаци есть и другое сообщение о том, что Санатрук с помощью северян напал на армян, которое показывает, что временная неудача

¹ Хоренаци, с. 148. Судя по выражению Хоренаци “приходят (к Трдату – Г. С.) должностные лица северо-восточных краев, управители дальнего города по названию Паїтакаран” (там же), Санатрук, являясь Аршакидом по происхождению и родственником Трдата III, был видимо послан в Паїтакаран с поручением управлять одноименной областью. Вероятно, это послужило основой для историка более позднего времени Киракос Гандзакеци, который пишет: “Санатрук, назначенный Трдатом правителем Агванк” (т. е. Восточных краев Армении – Г. С.). См. Киракос Гандзакеци, История Армении, пер. с древнеарм., пред. и комм. Л. А. Ханларян, М., 1976, с. 16-17). Несколько преувеличенными словами архиепископа Магакии Орманяна “Санатрук Аршакуни, что Трдатом назначался блещом в северо-восточных краях и кроме нахангов Гугарац и Паїтакарана властвовал и в странах Иверии и Алуанка и имел влияние на разношерстных племенах Кавказа на севере до страны Маскутов, а на юге до Атропатены”. См. М. Орманян, История Армении, т. I, с. 138

² Хоренаци, с. 150.

³ Там же, с. 151.

не подавила его стремления завладеть армянским тронem, и что ни он, ни Шапуh, содействовавший ему, не отказывались от осуществления своих намерений. Санатрук во второй раз выступил походом против армян, предоставив на этот раз роль вспомогательной силы северным шатровым кочевым племенам, которых он склонил на свою сторону щедрыми обещаниями, и всю их страсть к грабежу и дикую силу обрушил на Армению. Далее к Хоренаци, сообщающему о развернувшихся событиях, присоединяется Бузанд, который, однако, ничего не сообщает (по-видимому, и не знает) о вышеупомянутых перипетиях, зато знает многие подробности о последующих происшествiях. Согласно описанию Бузанда, начинается второй период борьбы за армянский престол, во время которого был совершен поход из страны мазкутов. Это дает основание предположить, что после первой неудачи Санатрук, бежавший в Иран, подготовился к новому нападению. По предварительному приказу, полученному от Шапуha, он из Ирана перешел к разным племенам Кавказа с намерением сформировать армию и добился успеха. Так, перейдя к северным племенам, стремясь завоевать их симпатии и из них сформировать войска, с использованием их в своих целях, Санатрук вначале отрекается от своей веры, принимает новое имя – Санесан, соглашается на убийство Григориса и затем получает титул “царь Мазкутов”, и под этим именем и титулом входит в “Историю Бузанда”¹.

Таким образом, несомненно, что оба армянских историка, дополняя друг друга, говорят об одних и тех же исторических событиях, в которых Санатрук-Санесан выступает как идентичное лицо. И поскольку это так, то значит Санесан был тот Аршакид, который, будучи родственником царя Трдата, был им отправлен правителем в Паитакаран. И именно это явилось причиной того, что Хосров Котак, увидев отрубленную голову Санесана, плачет со словами: “братом он был моим, родом из Аршакуни”². И так как слово “брат” Бузанд использует для указания кровного родства³, то не странно, что Санесан-

¹ Чтобы показать свое отречение от христианства, он начинает преследовать христиан, не щадя даже своих сыновей. Об этом имеем свидетельство Каланкатуаци, в котором сыновья Санесана выступают под христианскими именами – св. Мовсес, св. Даниел и св. Елиа: “Это были сыновья царя Мазкутов Санесана, [бывшие] ученики святого Григориса. Вместе с ними [были] и три тысячи восемьсот семьдесят мужей. [Укрываясь от преследований], все они поспешили поселиться на горе Дизапайт и жили там, питаясь только травами. Преследуя их, сюда пришел Санесан и предал их мечу девятого числа месяца навасарда” (*Каланкатуаци*, с. 71).

² Бузанд, с. 16

³ В этом смысле слово “брат” кроме применения дважды в отношении Санатрука-Санесана, Бузанд столько же раз употребляет для Мушега Мамиконяна по отношению к Манвелу

Санатрук, будучи сородичем Трдата III, мог быть его сыном Хосровом назван “братом” и быть оплаканным. Так могла быть воспринята лишь смерть блудного сородича.

Из сообщений Бузанда и Хоренаци с полной ясностью видно, что борьба Санатрук-Санесана разворачивалась только за царский престол Армении. Хоренаци пишет, что, когда до Паїтакарана дошла весть о смерти армянского царя Трдата III, Санатрук “возложив на себя корону, завладел городом Паїтакараном и замышлял захватить власть над всею Армениею при помощи чужих народов”¹. Более чем вероятно, что Санатрук свои притязания на армянский престол пытался осуществить своим, якобы, законным правом как Аршакуни, ибо согласно армянским историкам только Аршакиды имели право носить корону армянского царства². Но этому мог помешать юный Григорис, который, явившись в стан Санатрука-Санесана, пытался отговорить его от намерения незаконным путем стать царем Армении и заплатил за это жизнью.

Приведенные факты вновь подчеркивают, что вся деятельность Санатрук-Санесана была пропитана желанием завладеть Армениею и ее престолом. Это показывает также то обстоятельство, что он, захватив Вагаршапат, не идет далее, а остается там “с коренным полком, с несметным множеством войск”³, полагая, что захватив столицу Армении, приобрел также и армянский престол. Исходя из того, что Санатрук-Санесан утвердившись в Вагаршапате, придержал у себя “коренной полк”, а остальных отправил для грабежа и полона Армении, можно полагать, что первый являлся его нахарарским полком, какие в феодальном обществе имели все нахарары, а последние – северяне, которым в награду за их службу Санатрук-Санесан позволял свободно, без препятствий грабить страну.

Мамиконяну (с. 184-185), для Меружана по отношению жен Мамиконянов (с. 195) и для Гнела по отношению Тирита (с. 96). Более подробно см. Г. С. Свазян, Воцарение ветви династии Аршакидов в Кавказской Албании, ВВА, 1977, N 3, с. 158-170.

¹ Хоренаци, с. 149.

² “После кончины блаженного Трдата великий князь Бакур звавшийся бдеашком Алдзнийским, видя, как Санатрук воцарился в Паїтакаране, задумал тоже самое – пожелал если и не царствовать, ибо он не принадлежал к роду Аршакуни, но быть независимым” (Хоренаци, с. 149). То же самое видим и у Бузанда: Манвэл Мамиконян не считает Вараздата Аршакидом. Следовательно, по его мнению, он незаконно овладел армянским престолом, поэтому предлагал уйти из страны, если тот не желает погибнуть от его руки. Вараздат же в своем ответном слове подчеркивает свое аршакидское происхождение и защищает свое право на армянский престол (Бузанд, с. 184-185).

³ Бузанд, с. 16.

Таким образом, Санатрук-Санесан одно и то же лицо, увлеченный центробежными настроениями армянский Аршакид, который сражался за армянский престол.

Все это ясно свидетельствует о том, что он не мог быть алуанским царем и сражаться за объединение чуждого себе царства. Что же касается мнения о Паїтакаране как алуанской области, то оно отрицается также и на основании сообщений других источников. Из них в “Ашхарацуйце” Паїтакаран упоминается со своими двенадцатью гаварами как одну из пятнадцати областей Великой Армении и обстоятельно описывает ее¹. Мовсес Хоренаци также указывает, что Паїтакаран со своим одноименным городом, был армянской областью и оставался ею даже после того, как Санатрук провозгласил себя царем Армении и лишь временно откололся от армянского царства, вследствие стремления центробежных сил во главе с сородичем Трдата III и Хосрова Котака – Санатруком к самостоятельности². Что касается сообщения Каланкатуаци, о том что “Санатрук воцарился в Алуанке в городе Паїтакаране и восстал против армии”³, то нам кажется, что достаточно обосновано мнение К. В. Тревер, согласно которому, когда писалась “История страны Алуанк”, Паїтакаран составлял одну из областей алуанского государства (вернее было бы сказать “алуанского марзпанства” – Г. С.). Поэтому историк VII в. Каланкатуаци, полагая, что такая ситуация была также и в IV в., рассматривал Паїтакаран как область Алуанка, а Санатрука – царем Алуанка⁴.

Во всех этих событиях, развернувшихся вокруг армянского престола, активными участниками были и алуанцы. Готовясь к походу, Санатрук собрал в Паїтакаране войско. К нему пришли и алуанские нахарары со своими полками. Однако в страхе нападением возглавляемого Антиохом армяно-римского войска, вместе спаслись бегством к Шануһу II. Хоренаци пишет, что Санатрук бежал в Иран “с алуанскими нахарарами”⁵, а Каланкатуаци – “алуанскими войсками”⁶. Алуанцы не покинули Санатрука-Санесана также и в то время, когда он, желая сформировать армию, перешел в “страну мазкутов”. Это происходит из

¹ Ашхарацуйц, с.33.

² Хоренаци, с. 151.

³ Каланкатуаци, с. 33-34.

⁴ К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 189.

⁵ Хоренаци, с. 151.

⁶ Каланкатуаци, с. 34.

сообщения Хоренаци, согласно которому убийство Григориса в стране мазкутов произошло также при подстрекательстве алуанцев находившихся в лагере Санатрук-Санесана¹. Кроме того, маршрут Санатрук-Санесана, в сторону Великой Армении, начинаясь в стране мазкутов, проходил по территории Алуанка, что непременно привело бы к содействию Санатрука. Поэтому с полным основанием можно полагать, что алуанцы также участвовали в этом походе. Более того: это мог заставить их сделать и Шапух II, который являлся полновластным правителем в этой стране и был заинтересован в удачном завершении похода. Стремясь к превосходству над своим давним противником Римом, однако не имея возможности начать военные действия, ввиду связанности Мцбинским договором, Шапух II стремясь обезопасить свой тыл в будущей борьбе против Рима, использовал любые междоусобицы и мятежи нахараров. Поэтому усмотрев в действиях Санатрука-Санесана благоприятную возможность достичь своей цели, он всячески поощрял его. О роли Шапуха II в этом деле единодушно сообщают как Хоренаци, так и Каланкатуаци. Согласно первому, Санатрук начал свой поход “по тайному повелению персидского Шапуха”², а второму – “по повелению Шапуха”³. Эти сообщения историков подтверждаются также и тем, что Шапух с готовностью и лобезностью предоставил убежище преследуемого Антиохом Санатрука-Санесана и алуанских нахараров. Этот факт раскрывает, в частности, и политику Шапуха, направленную на поощрение любого центробежного движения в Армении. В этих событиях имели свои политические интересы и алуанцы, поэтому стремление Санатрука-Санесана быть “царем Великой Армении” находило благоприятную почву у них.

Неудача, понесенная в войне, породила недовольства к правящей династии Алуанка и началась борьба за власть.

Учитывая активное участие алуанских нахараров в конфликте с Санатруком-Санесаном, а, следовательно, политическое влияние последнего в Алуанке и за его пределами, имея и покровительство Шапуха, можно полагать, что в этой борьбе включились и родственники Санатрука-Санесана. Своими действиями, этот Аршакид заложил серьезные основы для этого, а заняв армянский престол и процарствовав год, для своих сородичей создал большие

¹ Хоренаци, с. 149.

² Хоренаци, с. 152.

³ Каланкатуаци, с. 34.

предпосылки для притязания на царский трон Алуанка. Потерпев неудачу в овладении армянским престолом и вынужденные бежать и найти убежище в Алуанке, благосклонному к ним стране, отпрыски Санатрука-Санесана, воспользовавшись смутным положением, создавшимся там вследствие междоусобной борьбы за политическую власть, включились в эту борьбу. Имея помощь и поощрение самого Шапуха, как носителей персидской политики, они вскоре достигли царской власти в Алуанке и тем самым заложили основу для новой царской династии Алуанка, которую Каланкатуацци называет Аршакидским¹. Таким образом в Алуанке утвердилась династия Аршакидов, которую мы вправе называть армянской, так как она происходила от армянского Аршакида Санатрука.

В историографии высказано неверное мнение, согласно которому Шапух, вообще будучи врагом Аршакидов, не мог допустить утверждения новой ветви Аршакидов в Алуанке². Однако, та благосклонность, которую выказывал Шапух по отношению к новой династии, установление родственных контактов с отдельными ее представителями³ показывают, что это мнение не только неверно и неприемлемо, а наоборот, утверждение новой династии в Алуанке политически было на руку Шапуху. Алуанк, во главе с новой династией, получившей царский престол с его помощью, становился претворением политики Шапуха II в регионе.

Армянская Аршакидская династия могла утвердиться в Алуанке только после 337 г. – после гибели Санатрука-Санесана в Ошаканской битве, удаления его родственников в Алуанк, и их включения там в успешную борьбу за власть, т. е. в конце 30-х годов IV в.

Первым представителем Аршакидской династии был Вачаган Храбрый упомянутым Каланкатуацци⁴.

Аршакидская династия в Алуанке с трудом укрепила свою власть. Она была вынуждена побороть сопротивление местной правящей знати и силой содержать престол. Это подтверждается сообщением Каланкатуацци о Храбром Вачагане, согласно которому, первый представитель новой династии

¹ Каланкатуацци, с. 39.

² Ф. Мамедова, Политическая история..., с. 183-184.

³ Каланкатуацци, с. 27-28.

⁴ Каланкатуацци, с.39.

“овладел всем краем Алуанк”¹, чего он мог достичь лишь благодаря решительным действиям.

Таким образом Аршакидская династия происходила от армянских Аршакидов, в Алуанке утвердилась в конце 30-х годов IV века и в промежутке короткого времени завладел всем Алуанком.

¹ Там же, с. 25.

Глава VI
АЛУАНК В ПЕРИОД ЦАРСТВОВАНИЯ АРШАКИДОВ
Алуанк в 40-50-х гг. IV в.

Воцарение Аршакидско́й династии в Алуанке было ознаменовано вторжением в страну северных кочевых племен. Они, выступив союзниками Санатрука-Санесана и алуанцев в период связанных с ними политических перипетий, верные своим обьяям, теперь осуществляли набеги на Алуанк с целью взятия в полон и грабежей. Вероятнее полагать, что такое намерение у них возникло еще во время похода Санатрука, когда они в составе его во́йска совершили нашествие в Армению через Алуанк. В то время, как справедливо отмечает К. В. Тревер, Алуанк не пострадал от этого нашествия¹, но спустя некоторое время новые полчища кочевников двинулись на Алуанк, захватили его и, утвердившись там, в течение четырех лет грабили и разоряли страну. Превратив ее в военный плацдарм, северные кочевые племена в течение всех этих четырех лет совершали постоянные набеги на соседнюю Великую Армению, подвергая ее грабежу и разрушениям.

Четырехлетнее господство северян в Алуанке нанесло серьезный урон и престижу Сасанидского Ирана. Необходимо было восстановить прежнее влияние в стране и Шапу́н II приступил к их изгнанию, вовлекая в эту военную акцию и армянского царя Тирана (338-344), который также был заинтересован в их изгнании. Как Хоренаци, так и Каланкатуаци, свидетельствуют об их согласии и изгнании северян из Алуанка совместными силами. Хоренаци пишет: “Шапух установил с нашим царем Тираном более тесную дружбу вплоть до того, что, придя ему на помощь и выручку, избавлял его от нашествия северных племен”². А Каланкатуаци пишет об этом следующее: “Воцарившись в Армении, Тиран установил мир с персами, и Шапу́н помог ему избавиться от набегов северных народов, которые, живя в Алуанке в течение четырех лет, тревожило армян”³. В результате этих действий в Алуанке вновь восстанавливается влияние Ирана. Источники не говорят об участии алуанцев в изгнании кочевых племен. Однако было бы нелогично считать, что алуанцы, на экономической и

¹ К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 197.

² Хоренаци, с. 154.

³ Каланкатуаци, с. 34.

политической жизни которых отрицательно отражалось четырехлетнее господство северян, могли бы оставаться вдали от дела изгнания врагов из их собственной страны.

Во время этих событий в Алуанке во главе страны стоял Храбрый Вачаган. Немногословность источников и в особенности Каланкатуаци, не дает возможности точно определить годы его царствования, однако, исходя из хронологических вычислений по вышеупомянутым событиям, можно годы его правления датировать с 338 по 342 г.. Трудно говорить также и о внутренней и внешней политике этого царя. Прав Лео, когда пишет, что “Мовсес Каланкатуаци приводит имена алуанских цареи, которые действительно являются лишь именами, без деяний и хронологических данных”¹. Это обстоятельство стало причиной того, что он объявлялся выдуманной личностью². Между тем, Храбрый Вачаган – это реальный исторический деятель, который царствовал в конце 30-х – начале 40-х гг. IV в. и проводил дружественную политику по отношению к Сасанидскому Ирану.

К числу политических деяний Храброго Вачагана, по-видимому следует отнести его участие в войне против северных племен в союзе с царем Тираном и Шапухом II, во время которой в 342 г. и погиб.

Его преемником стал Ваче I. Во время царствования последнего восстала и вышла из-под власти Алуанка город-крепость Цри, непосредственно подчинившись Ирану. “В то самое время укрепленный город Цри восстал против царя Алуанка и подчинился персидскому царю”, - пишет Каланкатуаци³. Город Цри находился в стране Чилбов⁴, и, стало быть, против царя Алуанка восстала эта страна.

В исторической литературе она рассматривалась как один из гаваров Алуанка, а чилбы (eılbanoi – сильвы античных авторов) как алуанские племена⁵. Однако это мнение неверно, оно без труда опровергается данными источников. Согласно им, чилбы являлись северными дикими племенами, известными Плинию, и жили вне пределов Алуанка, за Кераунскими горами Кавказа. “Начиная от границ Албании, - пишет Плиний, - по всему челу гор живут дикие племена

¹ Лео, История Армении, Собрание сочинений, т. 2, Ереван, 1967, с. 153 (на арм. яз.).

² Н. Акинян, Мовсес Дасуранци..., с. 63.

³ Каланкатуаци, с. 38.

⁴ Там же, с. 38, 45. См также Г. С. Свезян, Алуанский “католикос” Манук Григорис, “Эчмиадзин”, 2003, N 6, с. 39-46 (на арм. яз.)

⁵ К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 46; А. А. Аюбян, Албания-Алуанк..., с. 84 и сл.

Сильвов”¹. За пределы Алуанка чилбов помещает и Анания Ширакаци². Следовательно, из сообщений Каланкатуаци о восстании чилбов и выходе из подчинения Алуанка можно полагать, что до этого какое-то время страна чилбов была завоевана алуанскими царями. Здесь с успехом проповедническую работу вел Манук Григорис, построив церковь и для служения рукоположив некоего Даниела священником. Чилбы составляли одно из формирований пестрої армии Санатрука-Санесана и тем самым, наряду с алуанцами, являлись его военным союзником и совладельцем полона и грабежа. Тем не менее, они не примирились с мыслью о подчинении Алуанку и, воспользовавшись смутой, возникшей вследствие борьбы Алуанка против четырехлетнего владычества северян и смерти Храброго Вачагана, восстали и обратились к персидскому царю царей. Город Цри заполняется персами. “Пришли аргесцы³ (персы – Г. С.), - пишет Каланкатуаци, - и взяли город (Цри – Г. С.). Нашли там священника Даниела служителя святых, рукоположенного св. Григорисом и отрока одного чилба, найденного священником и возрожденного христианским крещением. ... Оба они немедленно были обезглавлены”⁴. Так страна чилбов отпала от Алуанка. Сообщая о восстании чилбов, Каланкатуаци пишет, что оно произошло “при Храбром Вачэ, царе Алуанка”⁵. К сожалению, кроме упоминания факта вспыхнувшего против него восстания, другого сообщения относительно Ваче и его деятельности нет, вследствие чего он, как и его предшественник, считался придуманным⁶. Однако, как нам кажется, упоминание его имени, связанного с таким крупным событием, каким является факт восстания «страны чилбов», показывает, что он был реальной личностью, а его место в списке имен Алуанка уместным. Это, настолько обоснованно, что Каланкатуаци именуем его “Храбрым” для отличия от “святого Ваче” – одноименного царя, жившего в V в.

Таким образом, на алуанском престоле в 342 г. Храброго Вачагана наследовал Храбрый Ваче. При нем, вследствие политических обстоятельств того времени, Сасанидский Иран проводил мягкую, терпимую политику по отношению к Алуанку и вообще завоеванным странам. Готовясь к войне против

¹ Известия древних писателей... , т. II, с. 182.

² Ашхарацуїц, с. 27.

³ В. Аракелян их отождествляет с гергесцами, известными из Евангелия от Луки (см. Каланкатуаци, с. 279, пр.93).

⁴ Каланкатуаци, с. 38.

⁵ Там же.

⁶ Н. Акинян, Мовсес Дасхуранци... , с. 53.

Рима за Армению и Месопотамию и желая использовать при этом вооруженные силы подчиненных стран, он предоставлял им возможность самостоятельного правления, а при персидском дворе и в государственном административном аппарате давал их царям и правителям высшие должности. Источники свидетельствуют, что такой высший пост при персидском дворе занимал и царь Алуанка Ваче I, которого из-за этого называли “шахрдар”¹. В 50-х гг. IV в. во время персидско-римских войн он был постоянным спутником Шапуха II. Особенно активно сотрудничал Ваче I в 359 г. при осаде города Амиды и битве за его взятие, находясь непосредственно рядом с Шапухом II. Аммиан, который со стен осажденного города видел бесчисленное войско персов и среди них “блиставшего пурпуром своего деяния” Шапуха II, описывает: “Подле него с левой стороны ехал Грумбат, новый царь Хионитов...². С правой стороны ехал царь Албанов, равным с первым по месту и почету, позади – различные командиры, выдававшиеся авторитетом и властью”³. Алуанские войска занимали северную сторону окруженного со всех сторон города Амиды. “Персы обложили город по всей окруженности стены, - пишет очевидец-историк, - восточная часть... досталась Хионитам... северную сторону заняли Албаны”⁴

Шапуху II удалось сломить сопротивление амидцев и после 73-дневной осады занять город. Этим однако напряженность в Передней Азии не ослабела. Начался полный внутренней борьбы период поисков новых союзников и подготовки к войне.

За все это время Алуанк продолжал оставаться выразителем политики Ирана в Закавказье.

Алуанский царь Урнаир и армяно-алуанские отношения

В 60-70-х гг. IV в. в Алуанке царствовал хорошо известный в армянских источниках царь Урнаир. По данным источников, этот “доблестный муж” был “зятчем персидского царя Шапуха, ... в великих сражениях снискал себе славное

¹ Так вообще называли Сасаниды правителей подчиненных себе стран. См. *L'Iran sous les Sassanides* par Arthur Christensen, Copenhagen, 1944, p. 101; Н. Пугулевская и др. *История Ирана...*, с. 46.

² В изучаемый период одно из племен, составивших сильное государство в Бактрии. См. М. М. Дьяконов, *Очерк истории Ирана*, с. 402, пр. 51; Р. Фрай, *Наследие Ирана*, с. 310-311.

³ Аммиан, XVIII, 6, 22.

⁴ Там же, XIX, 2, 3.

имя, воздвиг в Армении Крест победы”¹. Царь Урнаір, по Каланкатуаци, был, якобы, современником греческого императора Константина (306-337 гг.), армянского царя Трдата (298-330) и Григория Просветителя. Естественно, что из подобного сообщения историка было заключено, что он жил в начале IV в. Например, К. Паткян считал, что поскольку Урнаір был крещен царем Трдатом и Григорием Просветителем, значит он жил в первой четверти IV в.². По мнению Макара Бархударянца “Урнаір воцарился по желанию Трдата приблизительно в 300-301 гг. Спасителя”³. Ф. Мамедова годами его царствования считает 313-371 гг.⁴. Можно было бы поверить и историку, и исследователям, построившим свои заключения исходя из сообщения первоисточников, если бы сам Каланкатуаци, а также Хоренаци и Бузанд не упомянули бы Урнаіра как современника царя Армении Папа и соратника царя царей Шапуха II во время Дзиравского (371 г.) сражения. Получается, что этот Урнаір, бывший еще в начале века в возрасте, вполне достаточном для царствования, в 70-х гг. того же века был настолько крепок и здоров, что мог принимать участие в войнах. И хотя это невозможно, Ф. Мамедова все же верит этому и приводит в качестве примера длительного царствования Шапуха II⁵. Обращаясь к этому примеру, она не приняла во внимание то обстоятельство, что длительное царствование Шапуха II было обусловлено его провозглашением шахиншахом еще с колыбели, во время которого фактически правителем страны была его мать⁶, в то время как Урнаір при Трдате и Константине должен был быть в достаточно зрелом возрасте для самостоятельного царствования и установления с ними дипломатических отношений. В таком случае ко времени Дзиравской битвы он был бы в столь преклонном возрасте, что вряд ли мог бы участвовать в упомянутой битве. Следовательно, царь Урнаір, сражавшийся на Дзиравском поле, не мог быть современником Константина, Трдата и Григория Просветителя и упоминание его имени наряду с ними не соответствует исторической реальности. Сообщение Каланкатуаци послужило поводом для другой ошибки. Исследователи

¹ Каланкатуаци, с. 28. Исходя из этих слов историка, Р. Ачарян, следуя Е. Броссе, сообщает даже имя сестры Шапуха и жены Урнаіра – Асаі (См. Р. Ачарян, Словарь армянских личных имен, т. I, Ереван, 1942, с. 220, на арм. яз.).

² История агван, с. 305.

³ М. Бархударянец, История Алуанка, т. I, с. 55.

⁴ Ф. Мамедова, Политическая история... Албании, с. 186.

⁵ Там же, с. 261, пр. 48.

⁶ Е. Крымский, История Сасанидов, Москва, 1904, с. 37.

предполагали, что существовало два Урнаира¹, и поэтому указанное Каланкатуцаи длительное время охватывало период их последовательного правления. Однако и это предположение не соответствует действительности. Выше мы уже видели, что в 30-50-х гг. IV в., т. е. в период подразумеваемого времени правления Урнаира, в Алуанке один за другим царствовали Вачаган и Ваце I Храбрый, историчность которых не подлежит сомнению. И эта неопровержимая историческая реалья не позволяет признавать существование двух Урнаиров. Был только один царь по имени Урнаир и судя по тому, что он в Дзиравском сражении 371 г. участвовал уже царем, можно полагать, что тот стал им сразу же после Ваце I в 60-е годы I в.

С воцарением Урнаира армяно-алуанские отношения вступили в новую фазу. Если в политическом инциденте с Санатрук-Санесаном алуанцы выступали лишь как вспомогательные силы, то теперь они сами стали инициаторами военных походов в Армению. Воспользовавшись тяжелым политическим положением Армении в 30-60-х гг. вследствие действий Шапуха и междоусобиц в стране, алуанцы напали на Великую Армению и захватили ее северо-восточные гавары Ути-Арандзнак, Шакашен, Гардман, Колт и другие, выражаясь словами Бузанда, “сопредельные им гавары”². Вообще в этот период Алуанк выступал как союзник Ирана и принимал активное участие в его походах на Армению.

Весной 371 г. Шапух II с огромной армией вторгается в Армению. Вместе с ним были и алуанские войска во главе с Урнаиром. Бузанд пишет: “Когда же персидский царь Шапух распределял свои войска (чтобы послать их) против армянской страны и против греческих войск, то там у персидского царя находился албанский царь Урнаир”³. Кроме вассальных обязанностей по отношению к Шапуху II царя Урнаира подталкивали на участие в этой войне также и личная слава и надежда приобрести богатства. Перед началом сражения на Дзиравском поле Урнаир просит у персидского царя разрешить ему сразиться с армянским войском, а обращаясь к своим воинам, приказывает им не убивать пленных, а сохранять им жизнь и увести в Алуанк для использования их на строительных и других тяжелых работах”⁴.

¹ Р. Ачарян, Словарь армянских личных имен, т. 4, Ереван, 1948, с. 204; Н. Акинян, Мовсес Дасхуранци..., с. 61.

² Бузанд, с. 162.

³ Там же, с. 148.

⁴ Там же, с. 149.

Сражение состоялось в 371г. у горы Нһат на поле Дзирава. Оно начинается бурными атаками армян. От их мощного натиска заколебалось персидское войско и вскоре обратилось в бегство. Во время боя спарамет Мушег Мамиконян, которого уже успел предупредить Меружан Арцруни о желании Урнаира выступить против армянских войск, сражаясь подошел к алуанским полкам, разбил их и обратил в бегство. Видя такой исход сражения, царь Урнаир попытался спастись бегством. Но его настиг Мушег, и ограничиваясь лишь нанесением ударов концом копья по голове убегающего царя дал ему возможность удалиться. Вот что пишет Бузанд об этом эпизоде, в котором выявилось великодушие Мушега Мамиконяна в отношении алуанского царя. “(Мушег – Г. С.) настиг также албанского царя Урнаира, когда тот бросился бежать. Подъехав близко, он концом своего копья долго бил его по голове, приговаривая: “Будь благодарен, что ты царь и носишь венец на голове, я царя не убью, если даже мне достанется за это”. И он позволил ему бежать со своими всадниками в албанскую страну”¹. По словам Хоренаци, в этой войне армянское войско вместе с персами “вытеснили с поля битвы и Урнаира, царя Албании израненного Мушегом сыном Васака Мамиконяна”². Эти события отражены и у Каланкатуаци, который также подчеркивает, что участвующий в битве царь Урнаир получил тяжелые раны от рук Мушега Мамиконяна³.

После этого победного сражения армян меняется отношение царя Урнаира к Армении и, в частности, к Мушегу. Желая отблагодарить Мушега за его великодушие, он тайно извещает его о намерении Шапуха вновь внезапно напасть на Армению⁴, чем обеспечивает победу армян и в этом сражении.

После этих армяно-персидских войн Мушег Мамиконян попытался вернуть отторгнутые от Армении области. Армянский спарамет направился в Алуанк, разгромил его войско, убил многих из знатных людей и принудил вернуть захваченные армянские области. Затем, взяв заложников и вновь установив между двумя странами границу по реке Куре, вернулся на родину. Об этом походе Мушега Мамиконяна и его результатах пишет Бузанд в специальной главе “Об Алуанке”: “Пошел (Мушег – Г. С.) войною также на страну албанов и жестко разгромил их. Отнял у них много гаваров, которые ими были

¹ Там же, с. 153.

² Хоренаци, с. 177.

³ Каланкатуаци, с. 34.

⁴ Бузанд, с. 154.

захвачены – Ути, Шакашен и Гардмандзор, Колт и сопредельные им гавары. Реку Куру сделал границей между своей страной и Албанией, как было раньше. Многих из гаварей убил, остальных обложил данью и взял у них заложников”¹. Так, Алуанк около десяти лет владевший этими областями, был вынужден вернуть их Армении и отойти за линию границы, проходившей по Куре. Более того, выплачивая дань и отдавая заложников, Алуанк подпал под влияние Армении. После ряда тяжелых поражений, нанесенных армянами, Шапух II был вынужден смириться с создавшимся положением.

После этих времен, полных бурных событий, для Алуанка наступает мирный период. Внутри общества начинают появляться ростки новых явлений. Развивается общественная мысль и как естественный результат этого в Алуанке христианство провозглашается в качестве официальной государственной религии. Урнаир становится первым христианским царем Алуанка. Во второй половине 70-х гг. он же объявляет христианство государственной религией², уподобляясь армянскому царю Трдату III.

Трудно сказать, когда и как закончил свою жизнь Урнаир. Можно предположить, что он умер вскоре после принятия христианства.

В 80-х гг. IV в. вновь обостряется борьба за Армению между Сасанидским Ираном и Римской империей, что в 387 г. приводит к разделу Великой Армении между этими двумя державами. Распространено мнение, что цари Алуанка, воспользовавшись разделом Великой Армении, смогли присоединить к себе или, что более ошибочно, вернуть себе области Арцах и Утик³. Но это совершенно неверно, поскольку раздел 387 г., кроме деления на сферы влияния, не привел ни к экономическим, ни к политическим и даже территориальным изменениям. Об этом свидетельствует известное сообщение Егише о политическом положении в Армении, создавшемся после ее раздела: “Хотя подати поступали в [казну] персидского двора, конница Армянская была ведома

¹ Там же, с. 162. Достоинно внимания то, что в числе гаваров, отвоеванных у Алуанка, упоминается только гавар Колт области Арцах. Этот факт дает основание считать, что Алуанк во время своих завоеваний захватил лишь этот гавар, а не весь Арцах.

² В историографии в качестве года официального принятия в Алуанке христианства предложены 313 г. (Ф. Мамедова, Политическая история... Албании, с. 5 и сл.) и 315 г. (А. Акопян, Албания-Алуанк..., с. 126 и сл.). Об этих точках зрения и дате принятия христианства подробно см. Г. С. Свазян, Алуанский “католикос” Манук Григорис. Его же, Феодальные отношения в Агванке и провозглашение христианства государственной официальной религией, ИФЖ, 2003, N 3, с. 172-180.

³ К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 201; И. М. Гулиев, Торговые связи... , с. 10.

в бою всецело нахарараму¹. Так что и после раздела Великая Армения, сохраняя свою политическую и экономическую мощь, сохраняла также и территориальную целостность. Да и источники ничего не говорят о притязании или о каком-либо другом подобном намерении Алуанка. Следовательно, какие-то завоевания, приписываемые Алуанку исследователями, являются лишь плодом их воображения. Политическая акция 387 г. не оставила в Алуанке никаких следов. Он с той же экономической, политической и административной структурой, какую имел до этого, вступил в V век.

Алуанский царь Есваген. Усиление гнета Сасанидского Ирана в Алуанке. Попытка насильственного насаждения зороастризма в странах Закавказья и вызванные этим восстания. Военные действия в Алуанке

В конце IV в. и последующие века продолжалась борьба за господство в Передней Азии и Закавказья, на этот раз между Византией (Восточно-Римской империей), сформировавшейся после раздела Римской империи в 395 г., и Сасанидским Ираном.

На рубеже V века царский престол Алуанка занимал Есваген (Арсваген)-Аршакид по происхождению, который в царском списке Алуанка, приводимом Каланкатуаци, следует за царями Иувчаганом (или Вачаганом II), Мерхаваном, Сато и Асаем и, в отличие от них, является исторической личностью. О нем сообщают историки, повествующие об алуанских письменах и вообще о деятельности их создателя Месропа Маштоца. Просветительская деятельность Месропа Маштоца в Алуанке тесно связана с именем Есвагена, при непосредственной помощи которого он взялся за дело создания алуанских письмен². Согласно сообщению Ст. Орбеляна, Есваген был внуком сестры Шапуха I³. Но, по всей вероятности, сиюникский историк путает Шапуха II с Шапухом I, ибо Есваген, будучи царем V века, не мог быть внуком сестры Шапуха I, жившего в III в. Стало быть, Есваген был внуком сестры Шапуха II, следовательно внуком царя Урнаира, так как, согласно уже приводимому

¹ Егеше, с. 27.

² Корюн, с. 147-148, Хоренаци, с. 193-194, Каланкатуаци, с. 70.

³ Орбелян, с. 56.

сообщению Каланкатуацци, женой Урнаира являлась сестра Шапуха¹. Это важное обстоятельство, свидетельствующее о наследственном характере аршакидского царского дома в Алуанке.

Историки сообщают данные, позволяющие лишь приблизительно обозначить период правления этого царя. Каланкатуацци, касаясь создания Месропом Маштоцем алуанского алфавита, пишет, что прибытие армянского ученого в Алуанку и создание алуанских письмен произошло “в те времена, когда императором греческим был Феодосий Младший, царем Армении – Врамшапух, царем Персии – Иазкерт, а царем Алуанка – Есваген”². Приведенное свидетельство показывает, что Есваген, будучи современником византийского императора Феодосия Младшего (408-450 гг.), персидского царя царей Иазкерта (399-421 гг.) и армянского царя Врамшапуха (400/1-414 гг.) должен был царствовать в Алуанке в первых десятилетиях V в. Поэтому следует считать вероятным 414 г., указанный Н. Акинцян, как начало его царствования³. Неизвестна также дата смерти алуанского царя, тем не менее М. Бархударянц годом его смерти считает 444 г.⁴ И хотя о жизни и деятельности царя Есвагена мало известно, но уже то, что он оказал большую помощь и содействие Месропу Маштоцу в деле создания алуанских письмен, характеризует его как передового политического деятеля, правильно ориентировавшегося в сложившейся сложной ситуации, противостоявшего ассимиляторской политике Сасанидского Ирана и осознававшего важность создания собственной алуанской письменности и литературы.

Большое внимание уделял он развитию просвещения. Как свидетельствуют источники, по его велению в Алуанке были открыты школы, собраны ученики для обучения разным наукам и установлена для них стипендия. Вместе с епископом Иеремией он с большим воодушевлением включился в дело перевода священных книг. Из одного сообщения Корюна видно, что царь предпринял борьбу за искоренение языческой религии и утверждение христианства в стране. Для этого он в первую очередь заботился о том, чтобы язык церковной службы – греческий, непонятный для большинства народа, был заменен понятным ему языком⁵. Насколько большое место он уделял распространению просветительства в

¹ Каланкатуацци, с. 28.

² Там же, с. 70.

³ Н. Акинцян, Мовсес Дасхурянц... с. 166.

⁴ М. Бархударянц, История Алуанка, т. I, с. 75.

⁵ Корюн, с. 147-148.

Алуанке, показывает то обстоятельство, что по Степаносу Орбеляну, в знак высочайшей благодарности, руководителя просветительных работ в Алуанке – сюнийского епископа Анания Есваген “награждает своим царским знаменем, окаймленным золотым шелком, нежным рукоделием, на вершине с золотым шаром, с нанизанным на нем почтенным крестом”¹.

В этот период участились нападения кочевых племен. Переидя Кавказские горы, они большими силами вторгались в Закавказье, а оттуда в Иран и Византию, подвергая опустошению, грабежу и полону страны, оказавшиеся на их пути. Сасаниды развернули борьбу против этих кочевых племен. В этой борьбе ввиду своего стратегического положения Алуанк приобрел для Сасанидского Ирана особое значение.

Сасаниды сосредоточили здесь большие силы и для перекрытия дороги кочевникам осуществили огромную работу по строительству оборонительных укреплений. Первое оборонительное укрепление между Кавказским хребтом и Каспийским морем там, где хребет наиболее близко подступает к морю, было построено при Иазкере II (439-457 гг.)², и алуанском царе Есвагене. Это было укрепление, расположенное между горой Беш-Бармак и Каспийским морем. В армянской историографии оно известно под названием “Хорсвэм”, “Паһак һонов” или “Паһак вормоһн”³. Работы по строительству укреплений тяжелым бременем легли на плечи трудового народа. Об этом говорится в труде Каланкатуаци: “Изнурив свою страну [податями], с помощью строителей построили (Сасаниды – Г. С.) из различных материалов великолепное сооружение и закрыли проход между Кавказским хребтом и великим Восточным морем”⁴. Огромных расходов требовали не только строительные работы, но и содержание большого числа военных, охранявших эти укрепления. Поскольку от вторжения кочевых племен страдала и Византия, Сасаниды смогли достичь того, что в 422 г. заключили с ней договор, согласно которому империя также обязывалась нести расходы по охране горных проходов. Исследования показали, что для охраны проходов были привлечены главным образом воины, набранные в армянской области Сюнике,

¹ Орбелян, с. 56.

² С. Т. Еремян, Сюния и оборона сасанидами кавказских проходов, Известия АрмФАНа, 1941, N 7, с. 3; Его же, Политическая история Албании, с. 316.

³ Ашхарацуйц, с. 27; Егшше, с. 53, 79; Парпеци, с. 154. Развалины этого и других укреплений начиная с XVII в., привлекали внимание путешественников и исследователей разных времен. Их впервые подробно исследовал Е. Пахомов (см. Е. А. Пахомов, Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье, Проблемы истории материальной культуры, 1933, N 9-10.

⁴ Каланкатуаци, с. 78.

которые в арабских источниках выступают под названием “сисаджан”, “сиясиджиды”¹. Такое заключение находит свое подтверждение в том факте, что охрана Дарьяльского ущелья в свое время была поручена Васаку Сюнеци, что он и исполнил со своим войском, составленным из тех же сисаканцев.

В последние годы царствования Есвагена и правления его преемника Ваче II, в Алуанке произошли крупные события. В 439 г. на персидском престоле после Вахрама V (421-439) воцарился его сын Иазкерт II, который, по свидетельству современников, был жестоким и грубым тираном, любителем интриг и кровопролитий. В первый же год своего правления он напал на римское войско, победил его² и решил направиться на кушан, чтобы ликвидировать угрозу их вторжений в северные пределы своего государства. С одной стороны, для достижения численного превосходства над врагом, с другой – желая выводом военных сил из закавказских стран ослабить их и облегчить проведение там своей политики, он намеревался сделать участниками похода вооруженные силы Великой Армении, Алуанка и Иверии. И, с этой целью, он поспешно направил послания нахарарам этих стран, требуя от них собрать конницу и поспешить встретить его в стране Анар³. Согласно приказу, вскоре сформированные войска немедленно выступили, чтобы присоединиться к армии Иазкерта.

Война затянулась. И на протяжении всей войны эти страны каждый год отправляли новобранцев к Иазкерту. В этой войне царь царей не достиг осязаемого превосходства. Тем не менее он почувствовал себя вне опасности от угрозы нашествия кушан, а затем и северян в лице хайландуров и спокойно приступил к осуществлению своей прежней политики: упразднения христианства и распространения зороастризма. В частности, о проводимой в Алуанке в этом направлении политике Иазкерта Каланкатуаци пишет: “Во времена надменного Иазкерта дьявол возжег и все раздувал в нем мысль упразднить христианскую религию. Строжайшее повеление пришло в Алуанк: отречься от христианской веры и повиноваться учению могов – огнепоклонству”⁴. Однако до распространения зороастризма в Алуанке и ради этого Иазкерт II пытался это сделать сначала в Армении как оплоте христианства. Согласно мнению, бытовавшему при персидском дворе, если бы

¹ С. Т. Еремян, Сюния и оборона сасанидами кавказских проходов, Известия АрмФАНа, 1941, N 7, с. 37-38.

² Егшише, с. 27-28.

³ Там же, с. 30.

⁴ Каланкатуаци, с. 68.

Армения приняла зороастризм, то его насаждение в других странах уже не представляло бы трудностей. “Если Армения будет с нами, - говорит Миһрнерсеһ Иазкерт, - то Алуанк и Иверия подавно будут нашими”¹. Для проведения этой политики и, вероятно, с целью предотвращения возможного сопротивления, персидский царь царей задержал армянскую, алуанскую и иверскую конницу при проходе Паһ (Паһак һонов – Г. С.)², а затем стал посылать указы в эти страны с требованием отречься от христианства и принять зороастризм³.

На это требование алуанцы и ивери́цы во главе с армянами ответили резким отказом. Разъяренный Иазкерт вызвал вторым указом к себе нахараров трех стран, которые после некоторых колебаний решили пойти, однако, с решительным намерением, что никогда и ни за что не согласятся на отступничество от христианской веры. “И так, объединившись обетом и клятвой, нахарары трех стран Армении, Иверии и Алуанка пошли во дворец”, - пишет Парпеци⁴. По сообщению Каланкатуаци, алуанцы также были воедино с армянами⁵.

Парпеци подробно перечисляет прибывших в Ктесифон (Тизбон) армянских нахараров во главе с Варданом Мамиконяном, из грузинских вельмож поименно упоминает только их руководителя - бдешха Ашушу, но, не сообщает имени ни одного из нахараров, прибывших из Алуанка. Последних не упоминает и Егише. Однако, из других сообщений, особенно из прямых сведений Парпеци, согласно которым алуанцы, наряду с армянами и иверами также получили послание с требованием явиться в Тизбон, следует, что страна Алуанк тоже имела своих представителей в этом посольстве.

Посланники сразу же предстали перед шахиншахом, который без предисловия и со злостью, упрекнув их за оказанное сопротивление, повторил свое требование, угрожая ответить на их упрямство жестокими мучениями⁶. Нахарары единственный выход из создавшегося положения увидели в притворном вероотступничестве⁷. Узнав о “согласии” нахараров Иазкерт с радостью принимает эту весть, сразу организует церемонию принятия ими

¹ Парпеци, с. 96.

² Егише, с. 36.

³ Парпеци, с. 98.

⁴ Там же, с. 108.

⁵ Каланкатуаци, с. 68-70.

⁶ Парпеци, с. 111.

⁷ Там же, с. 114, Егише, с. 48.

зороастризма и с большими почестями и царскими дарами отправляет их на родину, приказав распространить зороастрийскую религию в их странах,

Вместе с нахарарами отправилось также и большое число могов, которым было поручено открыть в странах региона “школы лжи, и всех – мужчин и женщин – обучить учению могов”¹. По стражайшему повелению Иазкерта зороастрийская религия должна была окончательно быть утверждена в течение одного года “от навасарда до навасарда”². Во избежание возможного недоразумения, Иазкерт II в качестве заложников задерживает в Иране грузинского бдешха Ашушу и сыновеи Васака Оони – Бакура и Атрнерсега. Согласно необоснованному мнению некоторых исследователей, с ними был и алуанский царь Ваче II³.

Распростившись, представители трех стран дали обещание и клятву при первом же зове сразу прийти друг другу на помощь⁴.

Весть о вероотступничестве достигла эти страны быстрее нахараров. Горестное известие потрясло, объединило и подготовило их к грядущим великим событиям.

Наиболее тяжелое положение было в Алуанке. Кроме тех войск, которые “прибыли от двора”, здесь находилась также и возвратившаяся с гуннской войны персидская 10-тысячная армия⁵. Прибывшая из Ирана армия привела с собой 300 могов, которые приехав в Алуанк старались всеми средствами насаждать зороастризм в стране⁶.

Вторгнувшиеся в Алуанк персидские армии располагались в разных городах и крепостях страны. Большинство церквей были превращены в атрушаны. Страна подверглась неслыханному насилию и грабежам. Большая часть населения, как нахарары, так и шинаканы, не выдержав притеснений персидских воинов и могов, удалилась из страны, находя убежище в расселинах Кавказских гор. Над Алуанком нависла угроза политического и экономического порабощения.

¹ Парпеци, с. 124.

² Егеше, с. 60.

³ Ф. Мамедова, Политическая история... Албании, с. 190.

⁴ Парпеци, с. 128.

⁵ Егеше, с. 73; Каланкатуаци, с. 68. Есть мнение, что это была та пограничная армия, которая находилась в Алуанке и, постоянно располагаясь в Чбра Паһаке (Дербенте), была призвана защищать северные границы Ирана от вторжений кочевников (см. Микаел Португал-Паша, О Вардане и армянской войне вардапетта Егеше и его критика, Венеция, 1903, с. 29, пр. 5, (на арм. яз.).

⁶ Егеше, с. 73; Каланкатуаци, с. 68.

Это тяжелое положение заставило алуанского хазаранета вместе с епископом страны обратиться к армянам и просить помощи, согласно имеющемуся между ними договору. Армяне не, верные своему обету, обещали оказать всестороннюю помощь. Выходом из создавшегося положения сочли восстание, поддержанное Византией. Однако император Маркиан, сменивший Феодосию II обещающему помочь восставшим, не только отказался, но и сообщил Иазкертю II об их намерении. Когда же при персидском дворе стало известно об отказе византийцев помочь восставшим, Сасаниды принялись силой оружия подавлять восставших. С этой целью они собрали в Паїтакаране большое количество войск и готовились задушить народное движение сначала в Алуанке, а затем и в Армении¹. Узнав об этом, армянские войска разделились на три полка, и один из них во главе с Варданом Мамиконяном, отправился в Алуанку. Армянские войска еще не дошли до Алуанки, когда Васак Юни известил марзпана Чора о малочисленности армии Вардана Мамиконяна. Марзпан Себухт или, как его называет Каланкатуаци, Мерсебухт², а по замечанию Парпеци, вообще “военачальники Персов”³ поспешили помешать войску Вардана войти в Алуанку и с большим числом воинов переправившись через Куру и расположившись у города Халхал, готовились к сражению. Себухт пополнял свою и без того огромную армию войсками отдельных кавказских стран – Баласакана и Лпинка. Армяне, и возможно алуанцы, не устранившись превосходства персидского войска, смело напали на них и по образному выражению Егеше “сломив правое крыло и отбросив его в левую сторону, предали всех мечу и по [всему] пространству и обратили в бегство [вплоть] до недоступных мест в лесах, у глубоких обрывов реки Лопнас”⁴. Это дерзкое нападение принесло большой успех армянам. Воодушевленные первой победой, армянские войска, перейдя весь Алуанку, очистили страну от персов, изгнав их из всех крепостей, городов и укреплений, в которых они располагались, разрушили атрушаны, убили могов. Увидев большую победу армянского войска, многие нахарары, азаты и шинаканы Алуанки, которые скрывались в Кавказских горах, вернулись на родину, пополнив армянские войска и включившись в военные действия. Объединенная армяно-алуанская армия, двигаясь к Гуннским воротам, “взяла и разрушила врата и

¹ Парпеци, с. 146.

² Каланкатуаци, с. 68.

³ Парпеци, с. 150.

⁴ Егеше, с. 78.

перебила войска, что располагались внутри, а ворота вверили власти Вахана, бывшего из рода царей Албанских¹. Затем этого же Вахана² победители отправили к гуннам для заключения с ними союза, что он с успехом и осуществил. Столь неожиданный и катастрофический поворот событий принудил Сасанидов прибегнуть к испытанному и излюбленному ими средству: посеять раздоры и распри в рядах восставших, истощить их силы и в отдельности разбить. Это поручается Васаку Сюни, усилиями которого Сасанидам удалось вбить клин между армяно-алуанским союзом³. Одновременно, пытаясь ослабить волну всенародного восстания, Сасаниды также пошли на некоторые уступки, однако, вместе с этим, предприняли серьезные шаги для организации многочисленной армии, усилив ее военными слонами. Отправив в Византию тайное посольство и убедившись в нейтралитете императора Маркиана, они двинули эту огромную армию во главе с Миhrнерсеом на восставших. Однако ничто уже не могло поколебать свободолюбивый дух армянского народа и его твердое намерение свергнуть персидское иго. Судьба Армении решилась в сражении, которое произошло 26 мая 451 г.

Несмотря на договор, заключенный с армянами, Алуанк не участвовал в этом сражении, однако он не помог своим участием и персам: Аварайрское сражение не принесло победы ни одной из сторон, а “доблестные выступили против доблестных, и потерпели поражение обе стороны”⁴.

После Аварайрского сражения война приобрела характер локальных, мелких и крупных боев. Несколько запоздав, на помощь Армении пришли гунны, напавшие на войска персов, находившихся в Алуанке и других местах Кавказа. Они нанесли большой урон войскам Сасанидов, уведя многочисленных пленных и богатую военную добычу. Желая дать отпор гуннам, восстановить свои позиции в Алуанке и других местностях, персидский двор, во главе с Мушканом Нисалавуртом “снарядил (войско – Г. С.) в страну Албанов, Лбинов и Чилбов, и [в страну] hЕчматаков, и [в страну] Таваспаров, и [в страну] Хибиован, и во все крепости, которые были разорены войсками hoнов по уговору с армянами”⁵.

¹ Егше, с. 79; См. также Парпеци, с. 154.

² М. Бархутарянц полагает, что Вахан мог быть братом алуанского царя Ваче II (См. М. Бархутарянц, История Алуанка, т. I, с. 76, пр. 2.

³ Егше, с. 91.

⁴ Там же, с. 110.

⁵ Там же, с. 117.

Этими походами Сасаниды фактически восстановили свое влияние в указанных странах. Тем не менее они не могли продолжать свою прежнюю политику в Алуанке и соседних с ней странах. Великая Армения, сохранив свою национальную самобытность и оставаясь оплотом христианства в регионе, заставила персидских политиков изменить свою коварную политику не только в Армении, но и в Алуанке и Иверии.

Алуанский царь Ваче II. Антисасанидское движение в Алуанке и его подавление

О царе Алуанка этого периода сообщают Егише и Каланкатуаци, который в отличие от первого упоминает его имя – Ваче (II)¹. Егише говоря о сосланных вследствие восстания 450-451 гг. армянских нахарарах и задержке их возвращения на родину, даже после разрешения Иазкерта II, в числе препятствующих этому обстоятельству упоминает также и восстание алуанского царя против Ирана². Таким образом, Ваче II не только историческая личность, но и личность, заинтересованная в целостности и независимости своего царства. Традиция его также связывает с Сасанидами по материнской линии. Согласно источникам, он является сыном сестры Пероза³, т. е. племянником Иазкерта II.

Ваче II, по мнению М. Бархударянца, начал править в Алуанке с 444 г.⁴, Это значит, что на алуанском престоле он заменил Есвагена. Отметим, что вероятность указанной даты велика, поскольку Иазкерт II посылает в 447-448 гг. в Армению, Алуанку и Иверию послания с требованием вероотступничества, а Ваче, согласно Каланкатуаци, был христианином и Иазкерт насильно “обратил его в веру магов”⁵. Следовательно Ваче II до этого уже царствовал в Алуанке.

Своей политикой он поддерживал армянское антисасанидское движение, хотя ввиду политики, проводимой Сасанидским Ираном в Алуанке, не смог участвовать в Аварайрском сражении. Однако, как показывают дальнейшие

¹ Несмотря на эти определенные сведения источников, исследователи вновь его не принимают как историческую личность (см. Н. Акинян, Мовсес Дасхуранци..., с. 80-96).

² Егише, с. 169-170.

³ Каланкатуаци, с. 28; Егише, с. 170.

⁴ М. Бархударянец, История Алуанка, т. I, с. 75.

⁵ Каланкатуаци, с. 28; также и Егише, с. 169.

события, его не покидала идея освобождения от персидского ига и он искал удобного случая выступить на борьбу против Сасанидов. Повод представился в 457 г. со смертью Иазкерта и борьбой за престол между его сыновьями, которые не имели времени для вмешательства во внутренние дела Алуанка. Алуанский царь прежде всего сам отказался от принятого для видимости зороастризма и вновь провозгласил христианство государственной религией, настойчиво борясь за утверждение христианства во всем Алуанке. Он привел в лоно христианской церкви свою мать и дочь, которые “от роду были магами”¹. Два года, пока в Персии продолжалась борьба за престол, в Алуанке процветало христианство, в церквах восстановилось христианское богослужение, развилось просвещение. Страна вела независимый и самоуправляемый образ жизни.

Спустя два года младший из сыновей Иазкерта – Пероз, победив брата и воцарившись в Иране, предпринял попытку улучшить внутреннее и внешнее положение страны. В первую очередь он постарался подчинить Алуанк и с целью двинулся на Алуанк. Ваче II – “царь Алуанский не захотел повиноваться ему (Перозу – Г. С.) и, разрушив сторожевой проход Чола, пропустил мазкутские войска, присоединил к себе также одиннадцать горских царьков и, выступив против арийских войск, причинил большой урон царским войскам”². Эта война за независимость родины в первый период протекала для восставших вполне благополучно. Объединенные военные силы Ваче II и его союзников несколько раз наносили тяжелые поражения персидским войскам. Пероз, видя разгром своих армий, попытался обманом завлечь Ваче в западню и неоднократно обращался к нему с призывом закончить войну. Однако алуанский царь, хорошо зная коварную политику персидских царей, оставался непреклонным. Имея перед собой горький пример того, как они поступили с армянами, он не только отказал Перозу, но и “в письмах и [через] посланцев упрекал его [Пероза] в том, что тот напрасно разорил Армению”³. Чтобы показать, как персидский двор “вознаграждает” за верность, он “напоминает ему также об убиении нахараров и терзании узников... вместо того, чтобы наградить их за любовь и заслуги”. Затем

¹ Каланкатуаци, с. 29; также и Егише, с. 170.

² Каланкатуаци, с. 28; также Егише, с. 169-170.

³ Каланкатуаци, с. 28.

завершает свое обращение с полной решимостью остаться верным в своем решении: “Мне же лучше умереть от мук, чем жить отступником”¹.

Видя, что его предложения отвергнуты, Пероз перешел к решительным действиям. Сформировав из кавказских кочевых племен огромную наемную армию и дополнив ее другими разноплеменными язычниками и боевыми слонами Пероз через Аланские ворота двинул ее против Ваче II².

Воина продолжалась целый год. Под мощными ударами персидской армии истощались силы повстанцев, распадались их отряды, человеческие и материальные потери достигли огромных размеров. Страна оказалась в тяжелом экономическом положении. Однако все это время малочисленные алуанские войска, которым неоткуда было ждать помощи, оказывают героическое сопротивление. От их смелых атак многие воины персидской армии были уничтожены, некоторые умирали от мучительных болезней. Каланкатуаци пишет: “И хотя его (Ваче – Г. С.) войско ослабло и силы его истощились, все же сломить его они не смогли. Напротив, множество сильных ударов нанес царь [Ваче], и они тоже были изнурены и истощены либо в сражениях, либо от страшных болезней”³. Воина затянулась, большая часть страны была разорена, но никто от него [от Ваче] не отступился”⁴. Тем не менее силы сражающихся сторон были неравны и восставшие, в конце концов, сдались.

Это восстание за независимость было подавлено в 461/2 г. Годом подавления его Ф. Мамедова считает 463 г.⁵, что, на наш взгляд, неверно. Согласно данным Егише, борьба за престол между сыновьями Иазкерта, возмущения и восстания в Алуанке “проходили до пятого года царя царей Пероза”⁶. А эти пять лет, в которые Егише включает также и годы борьбы за престол, начавшиеся со смертью Иазкерта в 457 г., составляют 457-461/2 гг. Следовательно антисасанидское движение в отмеченной стране происходило в течение пяти лет, начавшись в 457г. сразу же после смерти Иазкерта и закончившись в 461/2 г. поражением от превосходящих сил противника.

Подавив восстание в Алуанке, Пероз начал жестокую расправу над восставшими. Он бушует в стране “как взбесившийся пес” и по приказу его

¹ Там же.

² Там же, с. 30.

³ Вероятно, какая-то эпидемия вспыхнувшая в персидской армии.

⁴ Каланкатуаци, с. 28.

⁵ Ф. Мамедова, Политическая история... Албании, с. 191, 192.

⁶ Егише, с. 170.

“неисчислимо множество невинных было истреблено мечом злодея. Даже женщины с детьми в слезах и рыданиях были угнаны в полон, в чужие края, на горькое рабство”¹. С новой силой он приступил к упразднению христианства, используя для этого все возможные средства- насилие и жестокость, клевету и тюрьму, а также и обильные обещания и вознаграждения. Таковую политику он вел не только в Алуанке, но и в Армении и Иверии².

После подавления восстания согласно Каланкатуаци³ Ваче II отказался от трона и удалился в глубь своей страны. Некоторые исследователи⁴ верили этим словам историка и нашли, что действительно алуанский царь сам отказался от трона. Однако такое мнение находим неверным. Имея ввиду действия Пероза в стране после подавления восстания, считаем, что этим персидский царь царей лишил его трона, позволив ему только взять с собой свой родовой удел – тысячу ердов.

Лишившись трона Ваче II всю оставшуюся свою жизнь провел в отдаленности с отшельниками.

Наш историк не называет ту местность, где проводил свои последние дни Ваче II. Однако то, что он избрал свое родовое поместье в качестве так называемого места для “покаяния”, дало основание предположить, что он отправился, якобы, в страну своих предков- Чора⁵. Существует предание, согласно которому Ваче II после лишения царства удалился в селение Аветараноц – Евангелия (совр. село Чанахчи в Нагорном Карабахе) и дальнейшую жизнь провел там читая Евангелие⁶. Однако оба заключения неверны. Первое было высказано исходя из мнимых предполагаемых родственных связей между алуанским и сидящими в Чоре мазкутскими царями, а второе агиографическое предание, объясняющее происхождение названия села с возвышением его значимости⁷.

Отстранившись от престола, Ваче II мог остаться в своем родовом имении, которое находилось в пределах Алуанка, именно в его востане – Капалаке. Вероятно, что здесь он содержался как почетный пленник.

¹ Каланкатуаци, с. 39.

² Там же.

³ Там же, с. 29.

⁴ Н. Акинян, Мовсес Дасхурани..., с. 89; К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 214-215.

⁵ Б. Улубабян, Очерки по истории Восточных краев Армении, с. 153.

⁶ С. Т. Еремян, Идеология и культура Албании, III-VII вв., см. Очерки истории СССР, с. 324.

⁷ С. Джалалянц, Путешествие по Великой Армении, ч. II, Тифлис, с. 248 (на арм. яз.)

⁷ Название «Аветараноц» в переводе означает «место Евангелия».

Ваче II стал последним царем алуанской государственности. После него Пероз, исходя из общей политики Ирана по отношению к странам Южного Кавказа упразднил Алуанское царство и превратил его в марзпанство.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ОБРАЗОВАНИЕ АЛУАНСКОГО МАРЗПАНСТВА И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ

Глава VIII

Образование Алуанского марзпанства¹

Образование Алуанского марзпанства, которое в социально-экономической и политической жизни страны привело к серьезным качественным изменениям, послужило основой и для территориальной перекройки в административно-политическом делении стран Южного Кавказа. Исходя из этого, исследователи игнорируя политические, административные, экономические и другие факторы, рассматривали образование Алуанского марзпанства скорее всего как процесс, обусловленный территориальными изменениями. И поскольку Алуанк в сфере своей политической и экономической жизни тесным образом был связан с Великой Арменией, то они находили, что сразу же после раздела Великой Армении в 387 г. между двумя великими державами, в персидской части, при создании Алуанского марзпанства, от Армении были оторваны области Утик и Арцах, присоединены к Алуанку и в том же году, там также было создано марзпанство². В дальнейшем, когда в результате изучения источников выяснилось, что марзпанство в Армении было сформировано лишь после падения Аршакидской династии в 428 г., а до этого упомянутые области оставались в составе Армении, тотчас же сместилась и датировка времени образования Алуанского марзпанства, вплоть до указанного года³. Высказаны также и мнения, что Алуанк начал управляться марзпанами после удаления Ваче II с трона, т. е. с 461⁴ или 463 г.⁵

Датируя образование Алуанского марзпанства концом 20-х гг. V в., исследователи исходят из того, что армянская историография упоминает одного персидского сановника по имени Себухт, под титулом “марзпан Чора”, а время его деятельности определяет 450-451 гг.⁶. Принимая за основу это сведение и исходя из ошибочной тенденции отождествления стран Чор, Чол

¹ См. Также, Г. С. Связян, К вопросу об образовании марзпанства Кавказской Албании ИФЖ, 1979, N 4, с. 210-218 (на арм. яз.).

² С. Т. Еремян, Политическая история Албании III-VII вв., с. 314; А. Мнацаканян, О литературе Кавказской Албании, с. 15 и сл.

³ Б. Улубабян, К вопросу о царской династии Агванка, ВОН, 1971, N 7, с. 53, 60; Его же, К вопросу об административно-политическом положении северо-восточной Армении в домарзпанский период, ВЕУ, 1975, N 2, с. 160-161; Его же, Княжество Хачена в X-XIV вв., Ереван, 1975, с. 57 (все на арм. яз.); А. А. Акопян, Албания-Алуанк..., с. 118.

⁴ В. Ф. Минорский, История Ширвана и Дербента, с. 29; К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 225.

⁵ Ф. Мамедова, Политическая история... Албании, с. 192.

⁶ Егшю, с. 77.

или Мазкутов с Алуанком, они находят, что упомянутый Себухт был марзпаном Алуанка, следовательно марзпанство Алуанка образовалось до его деятельности, т. е. до 450 г., а первоначальной резиденцией был Чор. Более того, по их мнению, при установлении марзпанского режима, Сасаниды в Алуанке сохраняли царскую власть¹. Однако подобное мнение опровергается данными источников и, в первую очередь, сообщениями Егише и Парпеци. Так, когда Вардан Мамиконян с малочисленными силами отправился в Алуанк для помощи Васак Оони через послов известил Себухта, что армянские войска под началом Вардана отправилась в Алуанк². Если бы Себухт был марзпаном Алуанка, то Васак вряд ли бы имел необходимость подчеркнуть факт направления Вардана именно в Алуанк. В этом случае оба были бы удовлетворены сведением лишь о начале похода Вардана. Согласно другому сообщению Егише, тот же Себухт “явился разорять церкви Албании”³, из чего следует, что Егише говорит о Себухте так, как если бы речь шла о чужеземном пришельце. Значит, несомненно, что он не был марзпаном Алуанка. По всей вероятности, он являлся военачальником того персидского войска, вернувшегося из страны гуннов, о котором хазарамет страны Алуанк рассказывал армянам⁴. Это наше мнение еще более подкрепляется повествованием Парпеци о тех же событиях: “князь Ооника Васак немедля направил тайное посольство к Миhrнерсеhu Ариццев и письмом известил его о своем коварном замысле (о разделении армянской армии на три части – Г. С.). Он написал также Себухту Нихоракану и другим вельможам, которым Миhrнерсеh назначил на армян”⁵. Это свидетельство Парпеци определенно показывает, что Себухт был одним из тех старейшин, которых привел Миhrнерсеh для нападения на армян и ни в коем случае не мог быть марзпаном Алуанка. И, наконец, если бы он был сидящим в Чоре марзпаном Алуанка, то скорее всего он назвался бы Алуанским марзпаном, нежели “Чорским”, потому что марзпанство носило название “Алуанское”. Никогда марзпаны не назывались по имени своей резиденции, допустим в Алуанке “марзпан Партава”, в Армении – “марзпан Арташата” или “Двина” и т. д. Себухт являясь военачальником

¹ Б. Арутюнян, Административное деление Закавказских владений сасанидского Ирана согласно труду Егише, сб. Кавказ и Византия, вып. I, с. 23; А. А. Аюбян, Албания-Алуанк, с. 116 и сл.

² Егише, с. 77.

³ Там же, с. 76 (курсив – Г. С.).

⁴ Там же, с. 73.

⁵ Парпеци, с. 151.

вернувшегося из страны гуннов персидского конного войска, вероятно, одновременно был высокопоставленным гражданским представителем власти, что и давало право называть его марзпаном, поскольку марзпаны собою олицетворяли гражданскую и военную власть. Источники молчат о Себухте после того, как армяно-алуанские войска заняли Чора Паһак и назначили там военачальником Ваһана¹. Ведь никто не станет утверждать, что этим назначением Ваһан становится марзпаном Алуанка.

Таким образом, неверно, считая Себухта марзпаном Алуанка, утверждать об образовании марзпанства до 451 г. и предполагать, что Сасаниды при формировании марзпанства сохранили тем самым царскую власть. Из сказанного следует также, что и Чора не мог быть центром Алуанского марзпанства.

Образование марзпанства для Сасанидов не было самоцелью, а исходило из административной необходимости управления подчиненных стран и было продиктовано политико-экономическими требованиями времени.

В V в. общество Сасанидского Ирана шло по феодальному пути развития. Соответственно, установившемуся в стране социально-экономическому строю изменились старые формы и методы правления как в Иране, так и в завоеванных странах². Новые времена перед Сасанидами поставили новые, далеко идущие цели: окончательно подчинить себе Великую Армению и, в целом Южный Кавказ, превратить его в часть персидской державы, уничтожить политическую и культурную независимость армян, алуанцев и иверов. В этой связи первым шагом было создание марзпанства при формировании которых Сасаниды в первую очередь упразднили царскую власть, существование которой порождало стремление к независимости, патриотические чувства и освободительные стремления. Затем нахараров лишали своих прав. Вместо них на главные должности в стране назначались персы, церковь и духовенство обращались в податное сословие и потом переходили к постепенной ликвидации проявлений независимости, о чем свидетельствуют сообщения историков Прокопия Кесарийского и Мшихи Зехи. Первый имея в виду политику шахиншахов в особенности в Иверии, пишет: "С того времени, когда главы варваров (имеет в виду иверов – Г. С.) вместе с царем Гургеном решили

¹ Егшю, с. 79.

² О внутреннем, общественно-политическом устройстве Сасанидского Ирана изучаемого периода см. М. М. Дьяконов, Очерк истории древнего Ирана, с. 278-292.

восстать... персы не позволили, чтобы они себе назначили царя”¹. Это восстание, упомянутое историком, произошло в 523 г., после подавления которого упраздняется царство в Картли и страной начинают управлять марзпаны². Эта черта политики Сасанидов засвидетельствована сирийским историком: “Победив всех царей Востока, вместо них [персы] назначили подчиненных себе управляющих и марзпанов”³. Подобная политика Сасанидского Ирана более ярко видна на примере Армении, где лишь в 428 г., после упразднения царства Великой Армении, было создано марзпанство.

То же самое должно было иметь место в Алуанке. В процессе формирования новой административно-политической единицы, в первую очередь должна была быть упразднена алуанская царская власть, существование которой, как мы уже видели на примере Ваче II, пробуждало в народе стремление к свободе и независимости. После подавления восстания Пероз, не будучи уверен, что оно не повторится, и желая раз и навсегда положить конец всем возможным антисасанидским движениям, сверг алуанского царя с трона, превратив Алуанку в марзпанство. Это подтверждается сообщением Мовсеса Каланкатуаци, согласно которому после удаления царя Ваче II с алуанского престола “злейший и надменный царь персидский Пероз неистовствовал в исступлении, как взбесившийся пес и *хотел уничтожить все царства земли, разрушить церкви, упразднить религию христианскую и прочно утвердить исступленное поклонение дэвам во всем своем царстве*”⁴. Подчеркнутые строки приведенного отрывка свидетельствуют о новых административных изменениях, введенных Перозом в Алуанке. Выражение “хотел уничтожить все царства” означает именно упразднение вообще всего того, что определяло в стране существование царства. А упразднение этих основ самостоятельного царствования местной алуанской династии означало установление нового политического режима, создание нового административного строя в стране. Таковым в исследуемый период мог быть только режим марзпанской администрации. При этом чрезвычайно важно свидетельство Мовсеса Каланкатуаци о том, что Ваче II после удаления с трона мог взять всего лишь тысячу ердов земли, составлявших отцовское наследие. “Он же (Ваче II – Г. С.)

¹ Прокопий Кесарийский, О войнах, с. 154 (на арм. яз.).

² История Грузии, т. I, с. 110.

³ Мшхл Зеха, История Адиабенской церкви (см. Сирийские источники, с. 84).

⁴ Каланкатуаци, с. 39 (курсив наш – Г. С.).

пожелал взять себе лишь родовой удел, которых остался ему от отца – тысячу ердов”, - пишет Каланкатуац¹. Как видно из этого сообщения, Ваче II было разрешено взять лишь свое личное, отцовское наследство. Вне его юрисдикции остались царские поместья, которые перешли победителю, в данном случае – Ирану. Подчеркнем, что исторические памятники той эпохи свидетельствуют о том, что Сасаниды при формировании марзпанств присваивали как раз царские владения, что и увидели в нашем примере.

Таким образом, Алуанское марзпанство было образовано после удаления с престола Ваче II и упразднения Алуанского царства в 461 г. Добавим, что о существовании марзпанов в Алуанке, в частности Каланкатуац отмечает только после удаленного царя².

Возникает вопрос, почему же оно в Алуанке было образовано позднее, чем в Великой Армении. Уже было сказано, что Сасанидский Иран создавал марзпанства с целью достижения в конечном итоге полного господства в регионе. Ясно, что проведение такой политики персидский двор должен был реализовать в первую очередь в наиболее важной для них стране, каковой в это время являлась Великая Армения. Лазар Парпеци сохранил несколько свидетельств о высоком мнении персидского двора относительно роли, авторитета и влияния Великой Армении по сравнению с Алуанком и Иверией³. Поэтому, чтобы укрепить свои позиции, Сасаниды должны были в первую очередь подчинить себе Армению и марзпанство здесь создается раньше, чем в других странах Южного Кавказа.

Вскоре для Ирана важное значение приобретает и Алуанк. Частые вторжения кавказских горцев препятствовали Сасанидам не только в претворении их программы – окончательного утверждения своей власти в регионе, но и создавали непосредственную угрозу для безопасности собственной страны. И как средство безопасного владения Кавказскими проходами, а также для предотвращения нашествий северных кочевых племен, Сасаниды превратили Алуанк в марзпанство во главе с марзпаном. Назначенные там персидские марзпаны по своей религии и идеологии будучи верными слугами Сасанидов, должны были стать проводниками персидской политики.

¹ Там же, с.29.

² Там же, с. 43.

³ Парпеци, с.94, 98, 382.

Образование марзпанства в Алуанке не только вызвало политические перемены, но и территориальные изменения. Именно в это время Сасаниды отторгнули окраинные области Великой Армении – Арцах и Утик, присоединили к Алуанку и подвергли перекройке территорию этих двух стран. “Арцах – пишет Анания Ширакаци, - граничит с Соником, имеет двенадцать гаваров: Мюос (Другой), hАбанд, Вакуник, Бердзор, Мециран, Мецкуенк, hАрчланк, Мханк, Пианк, Пацканк, Сисакан, Котак, Кустипарен, Кохт... Эти все отторгнуты от армян Алуанком” или “Утик находится западнее реки Ерасх, между Арцахом и рекой Курой: имеет семь гаваров, которые от армян отторгнул Алуанк-Аранрот, Три, Ромпацеан, Агуе, Тучкатак, Гардман, Шакашен, Ути-Арандзнак, где (находится – Г. С.) город Партав”¹. Сообщая об этом, автор “Ашхарацуица”, к сожалению, не отмечает хотя бы приблизительную дату этих изменений. Поэтому исследователи, желая определить ее связывают их или с разделом Великой Армении в 387 г. либо же с упразднением Аршакидской династии в Армении в 428 г. Высказано также мнение о том, что присоединение армянских областей к Алуанку могло произойти сразу же после 451 г. или в течение 451-481 гг.²

Согласно другой точке зрения, Утик и Арцах были присоединены к Алуанку в отдельности; Утик после 428 г., а Арцах в 451г.³. По ничем не обоснованным утверждениям азербайджанских авторов, эти области изначально являлись составными частями Алуанка⁴ и тем самым присоединение их к Алуанку считают восстановлением исторической правды. Поступая таким образом они игнорируют сообщения античных и армянских авторов о принадлежности этих областей к Армении⁵. Но, как бы они не подходили к вопросу, сколь бы ни исказили факты, источники свидетельствуют, что Утик и Арцах являлись исконно армянскими областями, до и после 451 г. находились в составе Армении и только в начале 60-х годов V в. были оторваны от Армении и отданы Алуанку. Следует подчеркнуть, что указанные армянские области лишь административно присоединяются к Алуанку а не “возвращаются” или “завоевываются” его царями, или, что еще более неверно, “воссоединяются” с

¹ Ашхарацуиц, с.33.

² Б. Арутюнян, Административно-политическое состояние северо-восточных областей царства Великой Армении, с. 92.

³ А. А. Акопян, Албания-Алуанк..., с. 113-114.

⁴ Ф. Мамедова, Политическая история... Албании, с. 101, 104.

⁵ Там же, с. 53 и сл.

ними¹. Согласно же Ф. Мамедовой, Утик, Арцах и Гугарк просто в 387 г. после раздела Армении “юридически были еще раз закреплены за теми странами, в состав которых они исконно и входили”². Такое мнение, однако, является следствием неправильной оценки, предвзятости, преследующей известные цели, и, как мы видели, противоречит сведениям источников, показывающих реальную картину исторического процесса в Алуанке и Армении.

Таким образом, вследствие завоевательной политики Сасанидского Ирана, в 461 г. создается новая административно-политическая единица – марзпанство Алуанка, состоящее из “собственно страны Алуанк, которая находилась между Великою рекою Курою и горою Кавказ”³, и армянских областей Утик и Арцах. Границы этой новосозданной единицы, на севере составляли те же Кераунские горы, на востоке – Каспийское море, на западе – река Алазан, на юге – ввиду присоединения Утика и Арцаха – уже нижнее течение реки Аракс. Ко всей этой территории началось применяться название “Алуанк”, которое теперь получало новый географический смысл и применялось по отношению ко всей этой территории, в том числе и к армянским областям. Вот так название “Алуанк” распространяется на Арцах и Утик как на составные части одноименного марзпанства⁴, а Аракс, с вышеуказанной частью, становится границей между Армениею и Алуанским марзпанством.

Центром Алуанского марзпанства утверждается город Партав, который и перестраивается Перозом с этой целью. И сообщение армянского автора о том, что “по повелению Пероза, царя персидского, Вачэ построил великий город Перозапат, именуемый ныне Партавом”⁵, нужно рассматривать как его приспособление к новой роли столицы марзпанства. Отныне он стал резиденцией алуанских марзпанов. По-видимому, первым марзпаном Алуанка являлся упомянутый историком Парпеци Зармиһр һАзаравухт, ибо в то время,

¹ В то же время Сасаниды отделяют от Великою Армении и присоединяют к Атропатене и Иверии соответственно Паитакаран и Гугарк (“Ашхарацуиц”, с. 33, 34, что являлось ярким проявлением политики Ирана по ослаблению Армении и утверждению его власти во всем регионе.

² Ф. Мамедова, Политическая история... Албании, с. 127.

³ “Ашхарацуиц”, с. 29.

⁴ Э. Даниелян находит, что распространение названия “Алуанк” на правобережье Куры является следствием не политико-административного влияния, а церковно-правовое (Э. Даниелян, История Гандзасара, с. 32). Однако хотим для него отметить, что такие влияния становятся реальными только при политико-административных подчинениях. Следовательно на Утик и Арцах не распространилось бы географическое название “Алуанк”, если бы они не испытывали такое подчинение, которое и повлекло за собой церковно-правовое.

⁵ Каланкатуаци, с.38.

когда марзпаном Армении упоминается Амрвшнасп һОзмандян, һАзаравухт именуется главнокомандующим персидских войск, находившихся в Алуанке¹. А если учесть то обстоятельство, что марзпаны, кроме гражданской власти, имели также и военную власть, как это видно из титулов “армянский спарамет и марзпан”, “армянский военачальник и марзпан”², данных Ваһану Мамиконяну, то более чем вероятным будет считать һАзаравухта марзпаном Алуанка.

С созданием нового марзпанства, чувствуя упрочение своей власти в Южном Кавказе, Сасанидский Иран упорно стремился закрепиться в районе западного побережья Каспийского моря, проводя серьезные подготовительные работы для предотвращения вторжения в регион северных кочевых племен. В рассматриваемый период особенно опасными были хазары, только что вышедшие на историческую арену. Своими нашествиями они причиняли беспокойство Сасанидскому Ирану. Поэтому как Кават I (488-531), так и Хосров I Ануширван (531-578), острие своих завоеваний направляли на север и вскоре один за другим завоевывали находящиеся на западном берегу Каспийского моря гавары Хсрван, Щрван, Чор, Леков и Таваспаров, а затем и Дербент с его окрестностями³, притом с продвижением на север, выдвигая оборонительные укрепления⁴. После присоединения этих областей территория Алуанского марзпанства расширяется, дойдя на севере до укрепления Дербента.

Формирование Алуанского марзпанства было завершено.

Получившее завершающий и окончательный вид Алуанское марзпанство включало “собственно страну Алуанк”, отделенные от Армении области Утик и Арцах и находящиеся на западном берегу Каспийского моря гавары Хсрван, Щрван, Чор, Таваспаров и Леков. Вся эта новообразованная территория, понятно, вновь должна была носить название “Алуанк”. Хотя все указанные области и гавары составляли одну административную область – Алуанское марзпанство во главе с правителем-марзпаном, однако между ними никакой органической связи не было, и они скорее всего представляли собой конгломерат независимых, обладавших внутренним самоуправлением, самостоятельных политических единиц. Кстати, этому в большей степени

¹ Парпеци, с. 286.

² Там же, с. 14.

³ Баладзори, Книга завоевания стран, с. 6; Якут-ал Амави, Географический словарь (Арабские источники об Армении...), с. 17, на арм. яз.)

⁴ С. Т. Еремян, Политическая история Албании III-VII вв., с. 316.

способствовали как географическая и, присущая феодальному обществу, экономическая и политическая раздробленность, так и политика персидских царей¹.

Таким образом, весь процесс образования Алуанского марзпанства был довольно длительным и протекал двумя этапами: 1. С 461г. после удаления алуанского царя Ваче II, до завоеваний Ирана на западном берегу Каспийского моря конца V в. и начала VI в. 2. С этих завоеваний и до окончательного овладения прибрежными районами, и присоединения к Алуанскому марзпанству, хронологически – до третьей четверти VI в.

Все эти территориальные изменения сопровождалось также и социальными, экономическими и политическими преобразованиями.

Алуанское марзпанство не было этнически однородным, целостным, централизованным политическим образованием. Расширение в южном и северном направлении, еще более усилило и без того неоднородность населения собственно Алуанка и обусловило этническую пестроту всего марзпанства. Теперь там жило столько разных народностей и племен, сколько областей и гаваров входило в его состав.

Территория окончательно формировавшегося Алуанского марзпанства вскоре еще раз подверглась административному изменению.

Исходя из административно-политической целесообразности Сасаниды разделяют весь Иран и завоеванные им страны на четыре части по сторонам света – кустак: западный (“Куст и Хорваран”), южный (“Куст и Немрудж”), восточный (“Куст и Хорасан”) и северный (“Куст и Капкох”). Согласно этому новому административному делению Великая Армения вместе с Алуанским марзпанством, Иверией, Атрпатаканом и еще несколькими мелкими политическими образованиями на Кавказе была включена в северный кустак. Автор “Ашхарацуица” пишет: “Куст и Капкох, который находится в краях Кавказских гор, имеет следующие тринадцать гаваров: Атрпатакан, Армн [который есть] Армения, Варджан, который есть Иверия, Ран, который есть Алуанк, Баласакан, Сисакан, Арэ, Гелан, Шанчан, Длмунк, Дмбаванд, Тапрстан, Рван, Амл...”².

¹ Подробности см. ниже.

² Ашхарацуиц, с. 40.

С созданием кустака Канкоһ во главе которого стоял патгоспан, завершились административные преобразования Сасанидов в Великой Армении, Алуанке, Иверии и соседних с ними странах.

Глава IX

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ АЛУАНСКОГО МАРЗПАНСТВА

(Вторая половина V в. – VI в.)

Освободительное движение в закавказских странах. Вачаган Барепашт

(Благочестивый)

После подавления восстания 461 г. царь царей Пероз, с небывалой жестокостью, присущей восточному деспоту, начал расправу над восставшими. Выражаясь словами Каланкатуаца, “его нечистойоу рукоу немало было пролито невинноу крови”¹. Жертвоу жестокости Пероза стали не только непосредственные участники восстания, но и “неисчислимое множество невинных”, среди которых немалое число составляли женщины и дети². Многие жители страны уводились в плен, или продавались в чужие страны. Вновь выдвигаются требования о переходе в зороастризм, увеличиваются притеснения. Жесточайшими пытками, лишением наследственных прав и поместий, а иногда дарами и почестями Пероз стремился жителей завоеванных стран склонить к зороастризму. “Он (Пероз – Г. С.), - говорит Каланкатуаца, - погубил души многих нахараров Армении, Иверии и Алуанка, обратя их в веру могов, поклоняющихся дэвам, - кого насилеиом, а кого наделив дарами и великоу властью княжескоу”³. В марзпанстве широкое распространение получает зороастризм и разные религиозные секты, приносившие невзгоды людям⁴. Кроме всего этого на плечи народов региона легла вся тяжесть неудачноу воины Сасанидов против эфталитов, поглотившеу большие силы и материальные ресурсы. Для ведения этоу затянувшейся воины из года в год увеличивалось подати и призывы в армию, создавая тяжелую ситуацию в Великоу Армении, Алуанке и Иверии. Весь регион стонал от глухого недовольства и искал удобного случая, чтобы подняться на освободительную воину. Такоу повод вскоре предоставился, когда Пероз, обуреваемый страстью взять реванш за прежние поражения (459 и 478 гг.) и позор пленения⁵, собрав со всеу страны

¹ Каланкатуаца, с. 39.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Как рассказывает сирийский историк Иешу Стилит, Пероз попал в плен в одном из сражений с эфталитами и надменно обещал такое количество выкупа за свое освобождение, что, не найдя

персидские и союзнические войска¹, двинулся на эфталитов. Воспользовавшись отсутствием Пероза, Великая Армения, Иверия и Алуанк восстали против персидского ига. Себеос, сообщения которого существенно дополняют повествование Каланкатуаци о политике Пероза в подвластных ему странах Южного Кавказа, причины восстания находит именно в этой политике. “В годы царствования персидского царя Пероза, - пишет он, - исчезли всякие власти и порядки и христианские законы, и наступили такие бедствия, преследования и оскорбления нахараров, что они свергли с себя иго подданства, Вахан Мамиконян восстал, прогнал персов и насильственно захватил власть”². Освободительное движение в Закавказье первыми начали албанцы. Парпеци пишет: “Неожиданно начались смуты, волнения в стране Иверии. Вахтанг убил нечистого блдеша Вазгена в двадцать пятом году [царствования – Г. С.] царя Пероза. Об этом были осведомлены люди страны Армении, большинство которых находилось в том году в Алуанке, ведя войну во главе с Зармихрем и Азаравухтом против восставших, засевших в крепостях”³. Как видно из этого свидетельства, грузинский царь восстал в то время, когда в Алуанке уже было начато восстание. Укрепившиеся в крепостях страны восставшие алуанцы наносили серьезные удары по персидским войскам и заставили их полководца Зармихра предпринять решительные меры. Кроме персидских войск, находившихся в его распоряжении, Зармихр и Азаравухт привел вспомогательные войска также из Армении. Пока шла война между ними, в 482 г. восстал грузинский царь Вахтанг Горгасар (456-502 гг.), предварительно убив блдеша Вазгена, который был ставленником персов и контролировал действия царя и не без основания подозревавшегося в подготовке к восстанию. Весть об этом восстании и достигла Армении и армян, уже находившихся в восставшем Алуанке.

Сасаниды считали, что одним из важных факторов, стимулировавших и придававших смелость и мужество восстаниям в Алуанке и Иверии, было резкое изменение политики армянских нахараров в отношении Ирана. По мнению сасанидской верхушки, когда армянские нахарары беспрекословно подчинялись

обещанную сумму в государственной казне, был вынужден оставить своего сына Кавата у них заложником (см. **Иошва Стилист**, Хронография, Сирийские источники, с. 157), **Н. Пигулевская** и др., История Ирана... , с. 55.

¹ **Прокопий Кесарийский**, О войнах, с. 6.

² **Себеос**, с. 27.

³ **Парпеци**, с. 286.

персидской власти, Иверия и Алуанк не смели восстать против Сасанидов¹. И они были правы, поскольку вскоре центром восстания становится Великая Армения, а его руководителем – Ваһан Мамиконян. Персидские силы теперь направляются только против Ваһана Мамиконяна, стремясь скорее положить конец освободительному движению во всем регионе.

Это восстание в Великой Армении длилось четыре года и завершилось в 484 г., в год вступления на персидский престол Вагарша I (484-488 гг.) – брата убитого в одном из сражений с эфталитами Пероза.

Новый персидский царь, считавшийся миролюбивым, поспешил урегулировать положение и возложив всю вину на своего брата Пероза, начал вести переговоры с Ваһаном Мамиконяном. Ваһан Мамиконян пошел ему навстречу, выдвинув, однако непременным условием для заключения договора гарантирование свободы религиозного вероисповедания и сохранение прежних нахарарских привилегий как для Армении, так и для Алуанка и Иверии. Нестабильное политическое положение Ирана, внутренние и внешние осложнения² вынудили Вагарша I принять условия, предложенные Ваһаном Мамиконяном. Для их утверждения он отправил в Нварсак одного из своих придворных – полководца Нихора Вшнасяна, который заключил с армянским полководцем договор, известный в историографии как Нварсакский³.

Сасанидский Иран вынужденно пересматривает свое отношение к восставшим странам и начинает вести сравнительно мягкую и терпимую политику. Восстанавливаются права и привилегии местной знати, многие князья вновь становятся хозяевами своих утраченных владений, провозглашается свобода вероисповедания. Весной 485 г. согласно Нварсакскому договору Ваһан Мамиконян отправился в Тизбон для утверждения в должности “танутера и спаранета Армении”. Тогда и алуанские нахарары в свою очередь “объединившись, взяли с собою [в Персию] мужа из царского рода своей страны бесстрашного, мудрого, ученого и благоразумного, ростом высокого и стройного Вачагана, сына Иазкерта, брата царя Алуанка Вачэ и возвели его на царский престол через Валаршака, царя персидского⁴”. Таким

¹ Парпеци, с. 388.

² Прокопий Кесарийский, О войнах, с. 9.

³ Парпеци, с. 388 и сл.

⁴ Каланкатуаци, с. 41.

путем в Алуанке также восстановилась власть, во главе которой стоял представитель местной знати Вачаган III (485-510 гг.) по прозвищу Барепашт.

Вачаган III, согласно Каланкатуаци, пришел к власти спустя 30 лет после удаления с трона Ваче II (461 г.)¹, т. е. в 490-491 гг. Но тот факт, что царем его назначил Вагарш I, чьи годы царствования охватывали 484-488 гг., исключает эту датировку. Началом царствования Вачагана Барепашта Ф. Мамедова считает 487 г.², что однако, также неверно. Вачаган должен был прийти к власти в то время, когда Вагарш специально занялся вопросами стран Южного Кавказа и пригласил их правителей к себе в Тизбон для вручения им высших регалий власти. А это, как видели на примере Ваһана Мамиконяна, произошло в 485 г. Следовательно, Вачаган III Барепашт стал правителем в том же 485 г.

Вачаган был сыном Ваче II - Иазкерта³, иными словами, являлся отпрыском того царского дома, который до него царствовал в Алуанке. Об этом имеются и прямые сведения Каланкатуаци⁴.

Таким образом, в 485 г., в пределах Алуанского марзпанства, во главе власти становится Вачаган III Барепашт, который был по происхождению Аршакидом и являлся последним представителем этой династии.

Выбор Вачагана III не был случайным. Это соответствовало одному из условий Нварсакского договора, согласно которому, при выборе высокопоставленных должностных лиц в странах Южного Кавказа персы должны были считаться со степенью родovitости претендента и его наследственными правами. А Вачаган Барепашт, будучи по происхождению из знатного и, к тому же, "царского рода", полностью соответствовал этой высокой должности.

Вачаган Барепашт историком охарактеризован как царь, годы его правления – царским периодом, а в современных исследованиях воцарение Вачагана рассматривается как период упразднения марзпанства и восстановления алуанского царства⁵. Для историка Вачаган был царем, потому что не только происходил из царского рода, но и после безудержной власти персидских марзпанов, продлившейся более четверти века, во главе страны

¹ Там же, с. 39.

² Ф. Мамедова, Политическая история... Албании, с. 193.

³ Каланкатуаци, с. 38, 41.

⁴ Там же, с. 38, 39.

⁵ Ф. Мамедова, Политическая история... Албании, с. 193.

встал умный, предприимчивый и энергичный политический деятель. К тому же, он своей деятельностью, особенно церковной, приобрел славу “ничуть не меньшую, чем слава владыки Запада – императора Константина, или [царя] Трдата Аршакуни, добывшего спасение для Великой Армении”¹. Возможно и то, что исходя из требований времени, персидский двор с целью задабривания, как представителя, происходящего из царского рода, оставил за ним право величаться титулом “царя”.

Вачаган III Баренашт в начальный период возглавил правление, охватывающее всю территорию Алуанского марзпанства. Однако Б. Улубабян власть Вачагана Благочестивого суживает, ограничивая ее в пределах Восточных краев Армении². Между тем, Каланкатуаци, рассказывая о религиозных действиях Вачагана III, отмечает, что он искоренил все секты из страны, в том числе злейших из них “персторезов”³. Последняя пустила корни особенно на левобережье реки Куры, и устранение ее Вачаганом Благочестивым говорит в пользу того, что сфера влияния его распространилась и на территории расположенной к северу от реки. У Каланкатуаци есть и прямое сообщение доказывающее это. Говоря о просветительской работе Вачагана Благочестивого в Арцахе⁴, армянский историк пишет, и “В Канбече и в Алуанке утвердил он эти строгие порядки, назначая епископов, священников и цереев”⁵. Все приведенные здесь данные бесспорно показывают, что Вачаган Благочестивый пришел ко власти на всей территории Алуанского марзпанства и поэтому выше отмеченные исследователи неправы, суживая границы его владений. С переносом столицы из Кабалака в Партав важнейшим экономическим и политическим центром марзпанства стало правобережье Куры, т. е. территория областей Утика и Арцаха. Власть Вачагана, также централизовалась здесь, и начала постепенно прилагаться в основном к этим областям, направив все усилия к их благоустройству и процветанию. Начиная с этого времени, наблюдается тенденция раздробления Алуанского марзпанства и прихода к политической власти в каждой его части нового правящего рода.

¹ Каланкатуаци. с. 55.

² Точка зрения Б. Улубабяна о Вачагане Благочестивом проходят во всех его трудах, отмеченных нами выше.

³ Каланкатуаци, с. 43-44.

⁴ “Он повелел жителям Арцаха, страны труднодоступной, находящейся под его властью, оставить обряды идолопоклонства и жертвоприношения и поклонения скверным идолам”. Там же, с. 41.

⁵ Там же, с. 42.

О внешней политике Вачагана Барепашта не сохранилось данных. Возможно, что он, получив власть от Вагарша, стремился сохранить расположенность к себе персидского двора и, вероятно, с этой целью выдал замуж свою дочь за Абл-Абаса – сына брата Вагарша, как только последний принял христианство. Он устанавливает родственные отношения также и с князем Оника и игуменом Гютом, с помощью которых построил на берегу Аракса крепость для защиты монахов близлежащего монастыря, а своего зятя Абл-Абаса определил там на местожительство. Затем Вачаган III и Абл-Абас с разрешения того же князя выделили для упомянутого монастыря пять деревень и определили границы его кормления¹.

В сфере внутренней политики Вачаган имел полную свободу действий и самостоятельность. Придя к власти, он, в первую очередь, воспользовавшись свободой вероисповедания, предоставленной Нварсакским договором, вновь провозглашает христианство свободно исповедуемой государственной религией и тех, кто под давлением персидских царей отступил от христианства, вновь возвращает к вере своих отцов, причем сам предварительно отказался от ложного вероотступничества².

Таким образом, сосредоточив в своих руках два мощных рычага правления страной – политический и экономический, укрепив свою власть восстановленной христианской идеологией, Вачаган Барепашт перешел к укреплению самостоятельности подвластного ему образования и к мероприятиям, направленным на подъем экономики. Для успешного претворения в жизнь этой программы он восстановил наследственные права всех нахараров, возвращая им поместья, отнятые Перозом. Как пишет Каланкатуаци, он “направил повеления во все стороны своего царства, многие области которого были отторгнуты злодеем Перозом, а многие князья лишены родовых владений, и возвратил каждому его владение”³. Затем Вачаган III приступил к задаче стабилизации внутреннего положения страны. В его дни “возникло много спор между мирянами и епископами, иереями и хореепископами, азатами и рамиками”⁴. Поэтому, стремясь положить конец этим трениям, возникшим между светскими и духовными лицами, разными классами и социальными прослойками, Вачаган

¹ Орбелян, с. 86.

² Каланкатуаци, с. 39, 41-42.

³ Там же, с. 41.

⁴ Там же, с. 57.

Барепашт в 488 г. в Алуене¹ созвал церковный собор, на котором было принято каноническое решение, законодательно оформившее право феодалов на землю и людей, а также утверждены определенные размеры разных налогов и податей, взимаемых с народа, была установлена церковная иерархия, обеспечивающая зависимость младшего от старшего².

Благоустроявая свою страну, Вачаган III содействовал укреплению в ней позиций христианской церкви, искоренению разных сект, занимался благодарной работой по строительству церквей и школ, подвергая самым тяжёлым наказаниям всех тех, кто пытался противиться этим начинаниям. По свидетельству Каланкатуаци, Вачаган “установил строгие наказания и пени тем, кто строил капища или занимался колдовством, или поклонялся каким-нибудь скверным кумирам, кто не хранил в целостности и неизблемости порядки христианские. А если колдуны и чародеи, и жрецы после неоднократного наставления все же продолжали те же гнусные дела, то, подвергая ужасным штыкам, избивая прутьями, на привязи приводили их к царскому двору, и царь их тяжко наказывал. Таким образом, многих из колдунов, чародеев и жрецов он велел калечить или изгонять [из страны], или обращать в рабов, а еще многих поучал и, совершая христианское крещение, обращал на путь познания Бога”³.

Наиболее значительной стороной деятельности Вачагана Барепашта были его мероприятия по развитию просвещения, культуры, распространению письменности в стране. Прилагаемые им в этом направлении усилия вскоре дали свои плоды. Благодаря им исчезают такие языческие секты, какими были персторезы и отравители. В основе их “гнусных дел” лежал ритуал человеческого жертвоприношения, во время которого с жертвы живьем сдирали

¹ Алуен был центром одноименного гавара области Утик, находился вблизи от современного села Гюлистан (см. С. Т. Еремян, Армения по “Ашхарарацуицу”, с. 34).

² Каноны Алуанского собора много раз становились предметом исследования, как правовые, так и исторические документы, отражающие социально-экономическую и политическую жизнь, однако, им не были даны однозначные оценки (Подробности см. Б. Улубабян, Очерки истории Восточного края Армении... с. 165-183; Его же, Еще раз о времени созыва Агвенского собора, ВОН, 1969, N 6, с. 51-60 (на арм. яз.). Наряду с научной полемикой, выдвигались ошибочные, ничего общего с наукой не имеющие положения, согласно которым они будто бы являются правовыми и историческими документами по средневековому Алуанку, которые будучи первоначально написанными на алуанском (гаргарейском) языке, лишь в дальнейшем были переведены на армянский (см. Ф. Мамедова, “История албан”... как источник”, с. 153-175). Такие мнения, которые представляют собой продолжение политики присвоения армянских авторов, являются плодом вымысла и не имеют под собой никакой исторической почвы. Каноны Алуанского собора дошли до нас на их оригинальном древнеармянском языке, будучи продуктом сугубо армянской юридической мысли. Возникнув в армянской среде и питаясь ее истоками, каноны Алуанского собора были предназначены для всего духовенства Алуанского марзпанства.

³ Каланкатуаци, с. 42.

кожу и дарили жрецам, или посредством яда ежегодно убивали одного человека, не останавливаясь при этом в выборе в качестве жертвы кого-нибудь из своих родственников¹. Основав особые школы, Вачаган Барепашт “повелел собирать детей колдунов, чародеев, жрецов, персторезов, отравителей и отдавать их в школы, обучать божественной вере и жизни христианской, дабы утвердить их в исповедании Троицы, направлять по пути богопочитания их отцовской неверующий род”². По свидетельству историка, он назначил учителей и установил им зарплату, часто посещал школы и следил за процессом обучения, весьма часто вместе с детьми участвуя в чтениях святой книги³. Об энергичной деятельности Вачагана на поприще просвещения, письменности, воспитания молодого поколения страны говорит предание, согласно которому он, якобы, построил церкви по числу дней в году, т. е. 365 или 366⁴. Они были значительными для того времени центрами образования и просвещения.

Будучи образованным человеком, Вачаган Барепашт пристально следил за передовыми идеями своего времени и вел активную переписку с выдающимися духовными и светскими деятелями, интересовался проблемами жизни и смерти⁵.

Так, более четверти века правил Вачаган III, по словам историка, “будучи весьма благомыслящим, благодетельным, миролюбивым [человеком], создающим”⁶. Он скончался в 510 г. вместе с зятем, при странных и сомнительных обстоятельствах, за пределами своей страны, в Баркушате⁷. Видимо, они стали жертвами антихристианских гонений со стороны персов. Пожалуй, об этом свидетельствует тот факт, что услышав об их смерти, многочисленные персидские войска неожиданно ворвались в монастырь, находившийся под защитой Абл-Абаса, и истребил всех находившихся там монахов⁸.

¹ Там же, с. 43-44.

² Там же, с. 43.

³ Там же. О широкой деятельности Вачагана Барепашта в деле распространения просвещения и письменности подробно см. **Б. Улубаян**, Вачаган Барепашт и подъем просветительской культурной жизни Восточных краев Армении, Советакан Манкаварж, 1969, N 3, с. 82-86 (на арм. яз.).

⁴ **Каланкатуаци**, с. 169.

⁵ Там же, с. 56-57.

⁶ Там же, с. 41.

⁷ Баркушат (прежний Кашуник) был названием 9-го гавара Бахк, области Сюник, (**Орбелян**, с. 86).

⁸ Там же.

Вачаган Барепашт был последним представителем Аршакусакоу династии. Как пишет Каланкатуацци, “после его смерти их род пришел в упадок”¹ и сошел с исторической арены.

После смерти Вачагана Барепашта персидский двор вместо представителей алуанской знати стал назначать во главе марзпанства Алуанка персидских сановников. Между тем, Алуанское марзпанство идет к своему распаду, обусловленному, с одной стороны, политической, экономической и социальной изоляцией отдельных областей, с другой – захватнической политикой Ирана.

Политические события в VI в. Распад Алуанского марзпанства и зарождение нового понятия топонима “Алуанк”

В начале VI в. все Закавказье, а затем и Малая Азия, подверглись разрушительным нашествиям племен гуннов-савиров, которые были родственны хазарам. Во время их первого похода в 516 г. они обосновались в городе Халхале области Утик и, расположившись там лагерем, совершали нападения на соседние гавары, на Арцах, прежнее территорию Собственно Алуанка и Иверию. Каланкатуацци пишет: “В то самое время россококов² собрал свои войска, вместе с полком Тобельским, присоединив также войска гуннов, перешел реку Куру, развернулся в гаваре Ути и расположил свой лагерь близ города Халхал. Здесь он избрал трех полководцев и поставил их начальниками над большим войском. Начальство над всеми одиннадцатью отрядами своих войск он передал им и приказал вторгнуться в пределы Алуанка, Армении и Иверии”³. Новые завоеватели уводили в плен людей и грабили их страны. Каланкатуацци сказанному добавляет, что гуннский царь после похода возвращался в свой лагерь “с многочисленными пленными и несметной добычей”⁴. Эти опустошительные нашествия кочевников создавали непосредственную угрозу

¹ Каланкатуацци, с. 169.

² Это название получило в филологии разные интерпретации. К. Патканян считал, что оно являлось библейским названием народов, живших к северу от Кавказских гор (см. История Агван, с. 311). Согласно К. В. Тревер, это этноним и в первом слове его (“рос”) фигурирует этническое наименование славянских племен. Она заключила, что это сообщение, вероятно, является первым упоминанием походов славян (см. Очерки по истории... Албании, с. 227). В. Аракелян считает, что оно “является именем царя гуннов, сочиненным литературным путем” (см. Мовсес Каланкатуацци, с.281, пр. 123). Нам более правдоподобным кажется мнение К. Патканяна.

³ Каланкатуацци, с. 62.

⁴ Там же, с. 63.

также и для Ирана. Поэтому Сасаниды были вынуждены весьма серьезно заняться вопросами обороны своих северных владений, а также собственной страны. При этом, в отличие от Армении и Иверии, исключительное значение приобретало Алуанское марзпанство, через которое проходили маршруты кочевников при походах в глубь Ирана. И в этом регионе Сасаниды развернули широкую оборонительную деятельность, которая выразилась в войнах с целью отпора нашествиям северных кочевых племен, а после их изгнания – в строительстве оборонительных укреплений, в предоставлении привилегий, прав и высоких титулов местным княжеским домам, заселении разных племен и народностей в укрепляемых населенных пунктах и других мероприятиях. Первым из таких деятелей был сын Пероза Кават (488-531 гг.). Заботясь о безопасности своего государства, он выступил на “трудную войну”¹ против кочевников в восточных краях Армении и в гаварах, расположенных на западном берегу Каспийского моря. Об этом рассказывают уже арабские историки и, в первую очередь, Баладзори. Он пишет, что нападение кочевников побудило “Кобада, сына царя Фируза, отправить (против них) одного из своих великих полководцев с двенадцатью тысячами (воинов). Он вступил в область Арран и занял между рекой ар-Рассом (Араксом) и Ширваном”². Почти дословно ту же самую историю рассказывают Ибн ал-Асир (XII-XIII вв.) и Якут ал-Хамави (XIII в.)³. Кават, однако, не удовлетворился лишь завоеванием указанных областей. По свидетельству арабских историков, он укрепил центр Алуанского марзпанства – Партав, назвав его по своему имени Пероз-Каватом, затем перешел к реконструкции Капалака, как оплота против кочевников⁴. Вся эта деятельность Кавата обобщена в следующем сообщении арабского историка: “Вслед за ним (полководцем – Г. С.) выступил (царь) Кобад, который построил в Арране город Баилакан и город Бердау – (главный) город всей страны, и город Кабалу, что есть Хазар”⁵. Якут также повествует ту же историю, добавляя,

¹ Прокопий Кесарийский, О войнах, с. 24.

² Баладзори, Книга завоевания стран, с. 6.

³ Ибн ал-Асир, с. 39-40; Якут, Географический словарь, Арабские источники об Армении..., с. 17.

⁴ Осуществленные Каватом в городах реконструированные работы дали арабским авторам повод ошибочно полагать, что они были возведены Каватом, а это, разумеется, неверно. Ибо Капалак упоминает еще Плиний Старший и притом как столицу Алуанка, а Партав был возведен при его отце – Перозе.

⁵ Баладзори, с. 6. Б. Халатянц этот отрывок переводит: “Кават... построил... Кабалу против хазар (см. Арабские историки..., с. 29). Так перевел и А. Налбандян (см. Якут, Географический словарь, Арабские источники об Армении, с. 17). Нам более верными кажутся эти переводы, поскольку усилия Кавата были направлены на воспрепятствование нашествиям северян.

что Кават построил также ворота Шаки и Камирана¹. С завершением этих работ Кават двинулся на север и успешно изгнав утвердившихся там захватчиков, освобожденные от них гавары объединил с марзпанством Алуанк, расширив границы последнего до современной реки Гильгильчай. Затем в завоеванных местах с целью укрепления границ и пресечения вражеских нашествий Кават построил по длине упомянутой реки новый, второй по счету ряд оборонительных крепостных стен, который известен под названием Анзут-Кават².

Ибн ал-Факих пишет, что Кават “построил кирпичную стену, а вдоль стены основал 360 городов”³. О подобных действиях Кавата сообщает также и Ибн Хордадбех⁴. Однако отмеченное в этих сообщениях строительство такого числа городов просто невозможно, так как кроме города Шапоране или Шабран, который был построен в этих местах⁵, другие города не воздвигались. Поэтому полагаем, что эти города, указанные в арабских источниках, скорее всего были военными поселениями – гарнизонами. Это наше предположение подтверждается также и тем, что со строительством Баб ул-Абваба или Дербента они стали фактически излишними и были упразднены⁶.

В 531 г. умер Кават и, согласно его завещанию, персидский престол переходит Хосрову I Ануширвану (531-578 гг.). Период его царствования совпал с началом походов хазар, только появившихся на исторической арене. Переидя ущелье Дербента и оказавшись на территории Алуанского марзпанства новые захватчики подвергли страну безжалостному опустошению, жертвой которого становились люди и культурные ценности, были разграблены церкви. Для спасения от этих часто повторявшихся нашествий, Алуанский католикосат в 552 г. был перенесен из Чора в Партав. “Хазирь, - пишет Каланкатуаци, - пленили страну Алуанк. Сожжены были церкви и книги Заветов. Затем, на втором году [царствования] Хосрова, царя царей, когда было положено начало

¹ Якут, Географический словарь, Арабские источники об Армении, с. 17. Построение ворот Шаки и Камирана (Камиберана по Баладзори, с. 6, по Халатянцу соответственно Шаки и Камбечан, см. Арабские историки..., с. 31, пр. 1, 2) Баладзори приписывает Хосрову Ануширвану (см. Баладзори, с. 6).

² Ашхарацуйц, с. 27.

³ СМОМПК, вып. 31, с. 15.

⁴ Там же, вып. 32, с. 15.

⁵ С. Т. Еремян, Армения по “Ашхарацуйцу”, с. 73.

⁶ СМОМПК, вып. 31, с. 15, Ибн ал-Асир, с. 40.

армянскому летосчислению¹, в том самом году патриарший престол Алуанка был перенесен из города Чола в столицу Партав из-за разбойничьих набегов врагов креста Христова”².

Хазары не только совершали опустошения, но и доводили волну своих нашествий до собственных территорий Ирана и Византии. Поэтому кроме длительных и упорных сражений, ведшихся против хазар, они вынуждены были уделить большое внимание защите Кавказских проходов. И не случайно, что целое столетие – с середины V в. вплоть до второй половины VI в.³ шахиншахи Ирана были усердно заняты делом укрепления этих уязвимых мест, не жалея для этого ни людских, ни денежных ресурсов⁴.

Это, не имеющее себе подобных, строительство огромных сооружений получает большой размах при Хосрове I, который явился самым активным и предприимчивым среди царей Ирана в этом деле.

Следуя политике отца в вопросах закрепления на западном берегу Каспийского моря и перекрытия дороги хазарам, он продолжил завоевания на север и параллельно с этим успешно развернул широкие строительные работы. Арабские историки оставили многочисленные сведения о завоеваниях Хосрова I, о возведенных в годы его правления мощных оборонительных сооружениях и вообще о его политике, административной и военной деятельности. Они приписывают Хосрову I строительство таких городов и крепостей на западном берегу Каспийского моря, как Шаборан, Маскат, врата Дурдзука, крепость Гардмана (не смешивать с Гардманом в Восточных краях Армении), Каркар, Баб Алан, Баб ул-Абваб и, что было особенно примечательным в его строительной деятельности, крепостных стен Дербента⁵, Строительство их относят ко времени Хосрова – Ануширвана также и историк Себеос. “Этот Хосров, - пишет он, - во время своего царствования запер проходы Тчора и Агванский”⁶. Арабские историки со смешанным чувством удивления и восхищения описали укрепления Дербента⁷, города, “крепости и оплота, выстроенного против

¹ Здесь Каланкатуаци ошибается: вторым годом Хосрова I был 532 г., а началом армянской эры – 552 г.

² Каланкатуаци, с. 71.

³ По мнению Е. Пахомова, до 567 г. см. Е. А. Пахомов, К истолкованию пехлевиийских надписей Дербента, Известия Азерб. научно-исслед. ин-та, т. 1, вып. 2, Баку, 1926.

⁴ Каланкатуаци, с. 78.

⁵ Баладзори, с. 6; Якут, с. 103; СМОМПК, вып. 31, с. 15, 17, 19.

⁶ Себеос, с. 30.

⁷ СМОМПК, вып. 29, с. 30, с. 13; вып. 31, с. 23-25; вып. 38, с. 40-41.

гуннских и хазарских полчищ”¹. Эти укрепления состояли из неприступной крепостной стены, закрывавшей единственный проход между Каспийским морем и Кавказским хребтом, одним концом доходившей до вершин гор, а другим, выступающим в море. Благодаря ее строительству, как пишет арабский историк, “для охраны ее (той местности) было достаточно 100 человек, между тем как прежде он нуждался для охраны ее в 50000 человеках”². Камни этого великолепного сооружения были соединены друг с другом железными скобами и заполнялись свинцом. Оно имело семь проходов, в которых были расположены вышеупомянутые “сиясиджиды”, гарнизоны охраняющих эти проходы войск³. Для обеспечения постоянной рабочей силой и средствами, необходимыми для строительных работ, Хосров I проводит перепись населения и вводит новую налоговую систему. Трудовая повинность становится одним из важнейших налогов, и люди большими группами сгонялись для работы на эти сооружения. Затем для закрепления их на новых территориях и управления ими Хосров I отбирает местных князей и, наделяя их царскими титулами и закрепляя за ними территории, ставит во главе администрации на этих регионах. Масуди сообщает, что Хосров, завершив строительство Баб ул-Абваба, в эти области “поселил народы с их царями, назначил каждому сан и титул и отвел границы”⁴. О том же самом, однако, более подробно повествует Баладзори: “Выбрал Ануширван царей и назначил их, предоставив каждому из них шахство над отдельной областью. Из них были: хакан Горы, т. е. владетель Сарира (трона), с титулом Вахрарзаншах, и царь Филана, он же Филаншах и Табарсараншах, и царь ал-Лакзов, с титулом Джурджаншах, и царь Маската, царство которого теперь не существует, и царь Лирана с титулом Лираншах, и царь Ширвана, именующийся ширваншахом”⁵. Арабские авторы сообщив, что шахиншахи заселяли эти приграничные территории надежными людьми, подчеркивают также основную цель таких мероприятий. Ал-Истахриу пишет: “В этом месте были поселены стражники из переселенцев разных областей и надежных, по мнению их, для охраны, и вся населенная местность, которой они завладеют, была предоставлена в их исключительное пользование без всяких расходов для правительства, без хлопот об этом крае и без вмешательства в его дела, все

¹ Гевонд, с.111.

² СМОМПК, вып. 31, с. 17.

³ Там же, с. 23.

⁴ Там же, вып. 38, с.41.

⁵ Баладзори, с. 7.

это было сделано из сильного желания заселить этот край надежными людьми и тем самым защитить от различных враждебных племен турок и “кяфиров”. В числе поселенных здесь для охраны границ находилось племя Табарсаран, а по соседству с последним племена, известные под именами Филан и Лакз; последние особенно многочисленны и храбры. Кроме того, там есть племена Лиран, Шарван и другие. Для каждого племени было назначено место пребывания, которое они должны были охранять. Они многочисленны и сильны, и есть у них как конница, так и пехота”¹. Такими мероприятиями Хосров I не только держал в повиновении этих царей, но и, предоставив каждому из них самовластие в своих владениях, способствовал защите страны. Однако эти мероприятия стали и причиной распада страны на отдельные административные единицы, каждая из которых имела своего властелина.

Процесс раздробления был интенсивнее и по своим результатам более значительным на территории марзпанства, включавшего левобережье Куры, т. е. территории бывшего собственно Алуанка. Здесь политическая раздробленность еще более отдаляет друг от друга отдельные этнические гавары, и без того экономически слабо связанные вследствие географической разделенности, так и не пережившие процесс централизации. Эта политическая и экономическая разобщенность в свою очередь углублялась вследствие тех этнических изменений, которые приносили собой мероприятия “Хосроидов”². Начиная с Кавата, с целью овладения Кавказскими проходами, по их мнению, заселение новыми надежными племенами, набор рабочей силы из разных народностей для строительства укреплений, централизация в гарнизонах разнородных по языку и религии войск, резко изменили этническое лицо указанного региона, так и не достигшего однородности. Арабские историки сообщают, что в этих местах жило более чем семьдесят племен. Каждое из этих племен имело свой отдельный язык, и поскольку они не понимали друг друга, то общались через переводчика³. И вследствие такой политической, экономической и этнической разделенности эти страны и области, превратившиеся в новые административно-правовые самодовлеющие образования, со временем настолько усилились, что в дальнейшем в политической жизни страны стали выступать как отдельные,

¹ СМОМПК, вып. 29, с. 15.

² Так называли арабские авторы царей Сасанидского Ирана.

³ Там же, вып. 29, с. 13; вып. 31, с. 33; вып. 36, с. 40.

самостоятельные княжества, получившие названия от своих княжеских домов, а также географических и племенных названий. Так, Баладзори рассказывает, что арабский военачальник Сальман в середине VII в., перейдя реку Куру и победив разные народности, находящиеся к северу от нее, заключает мирные договоры с их предводителями в отдельности. Он, как пишет Баладзори, “занял Кабалу и заключил с владельцами Шаккана и Камибарана мир с условием платить подать. Такой же мир заключили с ним (Сальманом) и жители Хаузана, и царь Ширвана, и остальные цари гор, и жители Маската и Шабирана и города Баба (Дербента)”¹. Позднее, с другим арабским полководцем – Масламой “поспешили заключить мир цари гор; так, к нему явилось: Ширваншах, Лираншах, Табарсараншах, Филаншах и Джаршаншах, а также владелец Маската”².

Таким образом, став отдельными политическими самостоятельными образованиями и, выступая в истории под новыми названиями – Гилян, Лакз, Лиран, Ширван, Табаристан и т. д., эти прежние области Алуанского марзпанства фактически перестали носить ставшее излишним (а до этого общее для них) географическое название “Алуанк”. Более того, хлынувшая волна новых племен и народностей, вследствие политики Сасанидского Ирана, стала основой процесса, в результате которого пришельцы, ассимилировав местное, неоднородное население – алуанцев, положили начало демографическим изменениям в Алуанке. Эти изменения становятся еще более интенсивнее с утверждением власти арабов. Уже в VIII в. алуанские племена, как собственно жители прежнего Алуанка, в основном и перестали существовать. Ассимилировавшись с пришлыми народами, они сошли с исторической арены.

В то время, когда на левобережье Куры происходили описываемые изменения, в части Алуанского марзпанства расположенной на правобережье Куры, или, что то же самое, в Утике и Арцахе с армянским населением сохранялось стойкое положение. Армянский этнос благодаря своей общности, организованности, сплоченности и высокому развитию не подвергся иудущим извне изменениям и продолжал свое самостоятельное существование. Более того. Вследствие этого здесь возвысился феодальный род Араншахиков и утвердил свое армянское княжество.

Алуанское марзпанство распалось.

¹ Баладзори, с. 14.

² Там же, с. 17.

После его распада на вышеупомянутые княжества и появления политических образований под новыми географическими названиями, понятие “Алуанк” теряет свое бывшее значение, распространяемое на всю территорию марзпанства, и в территориальном отношении по указанной выше причине остается применяемым только в отношении к ее южным областям - Утику и Арцаху, которые носили это название с образованием марзпанства, т. е. с 461 г. Отныне заключенная между Курой и Араксом территория охватывающей Утик и Арцах начинает выступать под названием “Алуанк”.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
НОВОНАРЕЧЕННАЯ СТРАНА АЛУАНК
В VI-VIII ВВ.

Глава X

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ НОВОНАРЕЧЕННОЙ СТРАНЫ АЛУАНК И СМЕЖНЫЕ ВОПРОСЫ. МИРЯНИДСКИЙ КНЯЖЕСКИЙ РОД В НОВОНАРЕЧЕННОМ АЛУАНКЕ

1. Политические границы страны новонареченной Алуанк и смежные вопросы

Вследствие указанных выше политических и этнических изменений название “Алуанк” получило новый смысл и стало означать территорию, границы которой проходили на севере по реке Куре, на северо-западе – у крепости Хнаракерта, на северо-востоке – по реке Аракс, а на западе и юго-западе – по Арцахским, Севанским и Мургузским, (Мианорским) горам являющимся ветвями системы Малого Кавказа. Эти границы четко и недвусмысленно показаны у Хоренаци. “(Царь Вагаршак – Г. С.) учредил наместничество в великом и славном многолюдном северо-восточном крае *вдоль большой реки по названию Кур*, что прорезает обширную равнину, (назначив) Арана, мужа именитого, первого во всех делах, мудрости и разума. ... (А люди Сусака – Г. С.) унаследовали Алванскую равнину, включая ее обращенную к горам сторону *от реки Ерасх до крепости называемой Хнаракерт*”¹. То же самое почти дословно повторяет Каланкатуаци²

Иными словами, “Алуанк” обоих историков заключил в себе армянские области Арцах и Утик с населявшими их армянскими племенами утиицев, гардманцев, цавдеев и гаргарейцев³. Не трудно заметить, что этот “Алуанк” со своими границами и населением совершенно отличается от населенной 26-ю различными племенами и упоминаемой античными авторами Собственно Албании, границы которой, как мы уже определили, проходили на севере по Кераунским горам Главного Кавказского хребта, на юге по реке Куре, на востоке – Каспийскому морю, а на западе – по реке Алазан⁴.

Следовательно, после распада Алуанского марзпанства, название “Алуанк” стали носить армянские области Утик и Арцах. Оно не случайно закрепилось и осталось за территорией Утика и Арцаха. Благодаря своей единой

¹ Хоренаци, с. 63-64. (подч. – Г. С.).

² Каланкатуаци, с. 25.

³ Хоренаци, с. 64, Каланкатуаци, с. 25.

⁴ См. выше.

политической власти этнической однородности, высокого экономического и культурного развития, это централизованное политическое образование во главе с родственными местному населению князьями Араншаһиками, не дало возможности для тех преобразований, которым подверглась левобережная часть марзпанства. В силу этого и имя “Алуанк” для Утика и Арцаха стало не политическим, а чисто географическим понятием.

Начиная с этого времени в трудах армянских историков термин “Алуанк” в основном применяется в этом новом, географическом обрамлении и выступает как синоним названий, применяемых к этой территории: “Восточный край Армении”, “Восточные края”, “Северо-восточные края”, “Глубинная страна Армения”, “Глубинная Армения”. В армянской историографии имеются и прямые свидетельства об этих синонимах. Такого сообщения армянского историка XI-XII вв. Маттеоса Урһаеци, “страна Алуанк, которая есть глубинная страна Армении”¹.

Новое название, данное древним армянским областям, привело к тому, что в армянской историографии XVIII в. возникло также географическое и политическое понятие “Армянский Алуанк”².

Тот же самый край в арабских источниках называется “Аран”. И в этом новоназеченном Алуанке – Аране или в Утик-Арцахе в конце VI в. возвышается новая династия – Миһранидская княжеская династия, которой суждено было сыграть значительную роль в политической и экономической жизни края.

Возвышение Миһранидов на княжеский престол политического объединения Утика и Арцаха, географически носившего название “Алуанк”, азербайджанскими исследователями рассматривалось как возвышение новой царской династии в собственно Алуанке, а представители ее – продолжателями традиций его царей. Один из этих исследователей Т. Мамедов, например, пишет: “С конца VI в. стала возвышаться албанская царская династия Миһранидов”³ и, как

¹ Маттеос Урһаеци, Хронография, Вагаршаһат, 1898, с. 230 (на древнеарм. яз.).

² “Страна Алуанк: повторно упоминается в наших источниках; [первое – Г. С.] вместо той страны, которая между рекой Курой и Каспийским морем до Дарбанда. И это называется Ширванский Алуанк или Ширван, во второй [раз – Г. С.] вместо той части Армении, которая содержит в себе три области – Утик, Арцах и Паїтакаран и какую-то часть за Курой, а эта часть называется именно Армянским Алуанком, где и находится алуанский католикосат в Гандзасаре см. “История Армении с начала сотворения мира до 1784 г. господня, написанная отцом архимандритом Михаелом Чамчяном, т. III, Ереван, 1984, с. 131 по новой нумерации (на арм. яз.). Эту территорию “Армянским Алуанком” называет также и Ст. Канаянц (см. Неизвестные гавары древней Армении, Вагаршаһат, 1914, с. 146-147 и сл. (на арм. яз.).

³ Т. Мамедов, Кавказская Албания в IV-VII вв., с. 21.

следствие такого мнения, представителей этой династии называет “царями”¹, а Ф. Мамедова пишет: “Исследование позволяет говорить о преемственности и непрерывности правителей страны – албанских царей Аршакидов (I-IV вв.) и сменивших их великих князей Михранидов (VI-VIII вв.)”².

На беспочвенность таких суждений достаточно ясно указывает само владение Михранидов, которое по своему территориальному охвату и по времени возникновения, политической структуре и этническому составу резко отличается от собственно Алуанка.

Кроме этого источниковедческие данные также не позволяют идти по указанному азербайджанскими исследователями ложному пути. Каланкатуаци в своей “Истории”, рассказывая о Михранидах, неоднократно называет их владения княжеством, а их представителей князьями. “Вот, - пишет историк, - уже в продолжение трех десятков лет Господь делал князя Алуанка (речь идет о Джуаншире – Г. С.) победоносным... Пусть никто, по детской глупости своей, не считает его власть меньшей, ... лишь потому, что у него не было на голове короны, *завершающей царские почести и величие*”³. В другой главе своего труда Каланкатуаци также ставит четкое различие между царями Алуанка и представителями Михранидской династии, называя владения последних “нахарарством”, т. е. “княжеством”. “В нахарарстве, - пишет он, - утвердился род Михрана из Сасанидов”⁴. Число таких примеров можно и продолжать.

Таким образом, власть Михранидов являлась лишь княжеством, а сами Михраниды всего навсего князьями. И будучи властителями территории, ограниченной Арцахскими, Севанскими и Мургузскими горами, реками Курой и Араксом, и представителями нахарарской политической системы, они не только не могли быть преемниками алуанских царей, но и гарантами непрерывности правления в Албании, южная граница которой заканчивалась там, где начиналась северная граница владений Михранидов.

¹ Там же, с. 22.

² Ф. Мамедова, Политическая история... Албании, с. 241.

³ Каланкатуаци, с. 107 (курсив – Г. С.).

⁴ Там же, с. 169.

Михранидский род в Алуанке

Михранидский род в новонареченной стране “Алуанк” выступает на исторической арене в конце VI в., однако это не мешает тому, чтобы уже в начале VII в. он стал тем княжеским родом, который в течение двух веков, до 821 г., считал своим собственным достоянием ношение титула “первого князя” Алуанка.

Об овладении Михранидами княжеского престола и их политической и экономической деятельности единственным источником является труд Мовсеса Каланкатуаци. Из 52 глав второй книги этого труда двадцать девять (17-45) посвящены истории изучаемого рода. Из указанных глав, однако, только XVII глава 2-й книги содержит первоначальную историю Михранидского рода, начиная от основателя его Михрана, и до великого князя Джуаншира. Эта глава вводит нас в историю конца VI в., когда социальные и политические перемены благоприятствовали возникновению нового рода и достижению им власти.

Согласно содержанию этой главы, Михранидский род происходил от персидских царей и утвердился в изучаемом крае следующим образом: после убийства персидского царя царей Ормизда (578-590 гг.) и подавления восстания Бахрама Чубина, нового шахиншаха, несовершеннолетний сын Ормизда – Хосров II Парвез (590-628 гг.), стремясь стабилизировать положение в стране, и обуреваемый жаждой мести за убийство своего отца, истребил участников заговора и их руководителей. Во время этой резни общий родственник Хосрова и его дядей (Бндо и Встам) по имени Михран, с 30 тысячами семей удалился из Ирана, дабы избежать мести Хосрова и намереваясь якобы перейти к врагам Хосрова – хазарам. Это обстоятельство, согласно Мовсесу Каланкатуаци, серьезно обеспокоило Хосрова и он, желая предотвратить этот шаг Михрана, в своем послании разрешил ему выбрать себе местожительство там, где он пожелает, если не хочет жить в самом Иране. Михран, который в это время достиг гавара “Ути, недалеко от великого города Партава. ... а послание дошло до него в гаваре Гардман, находящемся у подножия гор. ... увидев, как хороша и плодородна эта страна, пожелал остаться там. Он построил там город и назвал своим именем – Михраваном”¹.

¹ Каланкатуаци, с. 93-94.

На новом месте для достижения высокого положения и авторитета, Михран вскоре установил добрососедские и родственные отношения с местным главенствующим родом Араншаииков, выдав замуж за Зармихра Араншаиика свою родственницу. Затем, стремясь овладеть гаваром без борьбы, Михран выбрал удобный час и пригласил к себе двенадцать знатных лиц из рода Араншаииков и, коварно убив их, стал хозяином гавара. За Михраном следуют его сыновья; “Арамайэл, который родил Варда, Вард родил Вардана Храброго, который за три года построил крепость Гардман”¹. Этот Вардан преследовал далеко идущие цели, поскольку начал строить крепость в Гардмане. Его, по-видимому, больше не удовлетворяло быть хозяином лишь в пределах гавара. И несмотря на то, что породнился с местными княжескими родами, он с целью достижения гегемонии над всем краем затеял коварный заговор: “затаил в своем сердце [желание] погубить древний род hАйиказеан-Ераншаииков, ... любезно пригласил их на обед, но подал он им гибельный обед, смешав их кровь с едой. Он [велел] отрубить головы шестидесяти мужам, оставив из них лишь одного – Зармихра Ераншаиика, зятя своего. Вот каким образом они завладели Алуанком, - заключает историк и продолжает перечислять последовавших за Варданом Михранидов: “У него (Вардана – Г. С.) был сын Вард, Вард родил Варазмана, госпожу Шушик и Вараз-Григора, первого князя Алуанка [из рода Михрана], принявшего крещение от католикоса Алуанка Виро. У Вараз-Григора родилось четверо сыновей – Вараз-Перож, Джуаншер, Иезут-Хосров, Варазман”².

Эта генеологическая справка Михранидского рода в историографии дала повод для сомнений. В этом сообщении впервые несоответствия нашел М. Броссе³, которого повторил К. Паткянян⁴. Того же самого вопроса касался и Я. Манандян. Чтобы доказать, что Мовсес Каланкатуаци является автором X в., а не VII в., Я. Манандян в качестве аргумента приводит как раз эту генеологическую историю Михранидского рода. Он пишет: “Уже странно, даже исторически невозможно, что эти шесть поколений, начиная от Михрана, родственника Хосрова Парвеза, до князя Дживаншира (правил согласно нашему автору с 627 г.), правили в течение нескольких десятилетий”⁵. Иными словами,

¹ Там же, с. 94.

² Там же.

³ История агван, с. 341.

⁴ Там же.

⁵ A. Manandian, Beitrage zur albanischen Geschichte, Leipzig, 1897, p. 13.

уче́ный взял под сомнение историчность этого фрагмента “Истории” Каланкатуа́ци.

Затем вышеупомянутое мнение Я. Манандяна повторяли Н. Адонц, Н. Акинян, К. Тревер, Ч. Доусет и К. Туманов¹. Эта генеологическая история Ми́рранидского рода считалась легендой также и в новейших работах².

Согласно их единодушному мнению, от Ми́ррана до Джуаншира правили шесть поколений, которые не укладываются в период, указанный Каланкатуа́ци. Следовательно, заключают они, это свидетельство Каланкатуа́ци о приходе Ми́рранидов или нуждается в уточнении или же, если оно правдиво, приход Ми́рранидов в Алуанк следует передвинуть назад на некоторое время³. Делая такое предположение, они основывались на сообщении Каланкатуа́ци, содержащемся в первой книге главы 26-й, согласно которому, якобы, Храбрый Вардан Ми́рранид участвовал в церковном соборе Алуена, созванном в 488 г. Вачаганом Барепаштом. Однако в истриографии уже указывалось на ошибочность подобного мнения, которое возникло вследствие неверного отождествления разных личностей, живших в разное время, но носивших одно и то же имя – “Храбрый Вардан”⁴. Так что, этот довод не является веским аргументом, и на его основании время прихода Ми́рранидов в Алуанк нельзя делать более древним, а Мовсеса Каланкатуа́ци обвинять в нарушении хронологии.

Шесть поколений Ми́рранидского рода, от Ми́ррана до Вараз-Григора, включительно, согласно историку, правили с 590 г. (с воцарения Хосрова II Парвеза и мнимого бегства Ми́ррана) до великого князя Алуанка Джуаншира, который, как предполагают исследователи, правил в 636 г., однако, в действительности в 642 г.⁵, т. е. в период времени 40-47 лет (хотя и 50-52),

¹ Н. Адонц, Исследование по Мовсесу Каланкатуа́ци, “Анаит”, 1939, N 6, с. 5 (на арм. яз.); В 2005 г. отдельной книгой вышел в свет полный собирательный текст этого труда. См. Н. Адонц, Исследование по Мовсесу Каланкатуа́ци, Ереван, 2005 (на арм. яз.), который в 2006 г. вошел во II т. Сочинений Н. Адонца, стр. 360-483 (на арм. яз.). Далее Исследование; Н. Акинян, Мовсес Дасхуранци, с. 66; К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 236; The History of the Caucasian Albanians (transl. by C. I. Dowsett), p. 107, n. 3; Cyril Tumanoff, Studies in Christian Caucasian History, p. 478-479.

² А. А. Акопян, Албания-Алуанк..., с. 196.

³ К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 236; Н. Акинян, Мовсес Дасхуранци, с. 37; И. Алиев, Ф. Османов, Бассейн рек..., с. 201, пр. 34; С. Tumanoff, Studies..., p. 478; Последний для Ми́рранидского рода составил новую хронологию для каждого князя – от Ми́ррана до Вараз Григора, определив 30 лет правления (см. Там же, с. 479, пр. 178).

⁴ С. Оганесян, Каноны Ахвенского учредительного собрания и их связь с Аштишатскими канонами, ИФЖ, 1967, N 4, с. 269 (на арм. яз.).

⁵ См. ниже.

что действительно мало, если учесть, что сын следовал за отцом. Дело в том, что возможность следования сына за отцом исходит из сообщения продолжателя Каланкатуацци, согласно которому Миһраниды завладели краем, “передавая власть от отца к сыну”¹. И исследователи, подходя к вопросу в таком аспекте, предложили разные варианты, пытаясь разрешить возникшие несоответствия. Однако, есть одно существенное обстоятельство, дающее повод для различий, но на него не обратили внимание исследователи, между тем, оно имеет решительное значение для выяснения вопроса.

Согласно “Истории” после убийства Джуаншира (683 г.) самого знаменитого представителя Миһранидского рода, престол алуанского княжества перешел к его племяннику – Вараз-Трдату. Каланкатуацци пишет: “Все князья страны этой – нахарары и родоначальники, наместники, правители, вельможи пришли к великому архиепископу Егуазару думу думать о мире и благе страны Алуанк. Заботясь о власти в стране, они единодушно избрали одного нахарара, возвеличенного императором в сан ануипата-патрикия, по имени Вараз-Трдат, сына Вараз-Перожа – брата Джуаншира”². И он, Вараз-Трдат, был назначен первым князем Алуанка в том случае, когда сам Джуаншир имел сыновей, получивших от византийского императора Константа II титул патрикия”³. Непосредственным наследником не был также и другой “великий князь” под тем же именем Джуаншир, сын Степаноса-Вараз-Трдата III и др.

Значит, несмотря на сообщение историка о том, что Миһраниды завладели страной, “передавая [власть] от отца сыну”, не всегда она переходила к непосредственному наследнику. Кстати, у Миһранидов часто власть доставалась не старшему сыну, а младшему. Младшим сыновьям своих отцов были Вараз Григор – первый князь Алуанка⁴ и второй сын последнего – Джуаншир⁵. Наконец, следует учесть то обстоятельство, что мнение о непосредственном наследовании у Миһранидов сложилось в исторической литературе под влиянием сообщений продолжателя “Истории” Каланкатуацци. Говоря об отдаленных временах и поочередно перечисляя первых алуанских князей, он ошибочно полагал, что эти князья являлись непосредственными наследниками престола и так представил их читателям. Таким образом, эту

¹ Каланкатуацци, с. 164.

² Там же, с. 120.

³ Там же, с. 100.

⁴ Там же, с. 94.

⁵ Там же.

последовательность окончательного утверждения в Алуанке князей Миhrанидов за столь короткое время необходимо рассматривать не в порядке закономерной последовательности, а по боковой линии – того же Миhrанидского рода. Подходя к вопросу с этой точки зрения, такая быстрота в смене Миhrанидских князей становится логичной и аргументированной политическими обстоятельствами. Миhrаниды прибыли сюда с целью завоевания и желали заполучить власть за счет освященного веками права местных князей Араншаhиков, что естественно, приводило к их сопротивлению. Араншаhики, по всей вероятности, всеми средствами противостояли Миhrанидам, претендовавшим на их престол. Последние же, в свою очередь, не останавливались ни перед какими средствами для того, чтобы достичь превосходства над Араншаhиками. Вспомним хотя бы организованные заговорщические пиры Миhrана и его правнука Вардана, установления родственных отношений с Араншаhиками и т. д. Борьба шла не на жизнь, а на смерть, и в этот период, естественно, последовательность княжеского престолонаследования должна была ускориться. Это тоже явилось одной из причин того, что сам историк не говорит о шести представителях этого рода, а только перечисляет их. Из всех шести поколений он повествует лишь о деятельности и более или менее продолжительной жизни двух из них – Миhrана и Храброго Вардана. Первого, который прибыл в Алуанк и коварно убил 12 видных князей, и второго, построившего за три года крепость Гардман и уподобившегося прадеду в жестоком убийстве Араншаhиков, приглашенных на “гибельный обед”.

Эта история о прибытии Миhrанидов из Ирана привела Н. Акиняна к заключению, что “редактор труда стремится показать, что как цари, так и князья были Аршакидского или Сасанидского происхождения”¹. Однако, неверно в этой истории видеть какое-то желание автора и не видеть продолжавшуюся веками завоевательную политику Ирана, проводившуюся в Армении и в странах Закавказья. Первый раздел Армении между Ираном и Римской империи, его упорное стремление окончательно утвердиться на Южном Кавказе красноречиво свидетельствует об этом. В Восточном крае Армении или новоназванном Алуанке утверждение рода Миhrанидов также являлось продолжением той же политики Ирана и имело свои причины. Границы Ирана в

¹ Н. Акинян, Мовсес Дасхуанци, с. 66.

IV-V вв. постепенно расширились и все более приблизились к территориям, заселенным северокавказскими кочевыми племенами и чаще подвергались нашествиям воинственных племен. Стремясь преградить им путь и защитить свои северные границы, Сасаниды, как мы уже выше видели, прибегали ко всевозможным средствам, не желая ни материальных, ни людских ресурсов.

Вообще политика достижения полной гегемонии на Южном Кавказе давно применялась Тизбоном и не ослабевала при Хосрове II.

В уже созданных условиях не было достаточным в завоеванных странах лишь правление марзпанами. В данном случае необходимо было усилить персидский элемент и, в особенности, в гаваре Гардман области Утик, который в свою очередь был избран не случайно. После второго раздела Армении (591 г.) этот армянский гавар приобретает важное стратегическое значение. Возможные притязания империи на области, находившиеся под влиянием Ирана, должны были возникать именно отсюда. Поэтому перед его правителями была поставлена тяжелая и ответственная задача защиты границ Сасанидской державы, в этом регионе.

В таких условиях Хосров II Парвез не мог надеяться на местных князей, несмотря на то, что там сидел персидский марзпан. Нужна была более реальная сила, преданная Ирану по религии, идеологии и ее завоевательной политике. И он в лице Михрана находит эту силу, которая должна была осуществить поставленную перед ним задачу. Михран, как было сказано, взяв с собой 30 тысяч семей, перешел в глубинный край Армении и силой утвердился в Гардмане.

Утвердившись в гаваре Гардман области Утик и уничтожив большинство представителей его армянского нахарарского рода, Михраниды пришли на смену ее правящей верхушки. Казалось, что с их утверждением и уничтожением армянского нахарарского рода в Гардмане, весь гавар под влиянием новой династии потеряет свое армянское лицо. Но произошло обратное явление. Приняв христианство, а затем и установив родственные связи с представителями местного армянского княжества, в особенности в условиях наличия армянского письма и литературы¹, Михраниды сами арменизировались.

В начальный период новая княжеская династия Михран сосредоточилась в пределах гавара Гардман. Затем, как видно из титула “владелец Гардмана”,

¹ А. Мнацаканян, О литературе Кавказской Албании.

применяемого в их отношении¹, ее представители превратили его в родовое поместье, а при первой же возможности, достигнув превосходства над главными соперниками Араншаһиками, провозгласили себя единственными претендентами на владение территорией между реками Курой и Араксом. Первый из рода Миһранидов, который достиг чести править всей этой территорией, был Варз-Григор, по счету шестой князь после Миһрана, который носил титул "первый князь Алуанка"². Начиная с него для всех Миһранидов этот титул стал определением их власти. И только после убийства Хосрова Парвеза в 628 г. Варз-Григор назначается первым князем восточного края Армении – Алуанка. С этим назначением Миһраниды овладели всей территорией новонареченного Алуанка.

Таким образом, потомки Миһрана, будучи осмотрительными и дальновидными политическими деятелями, со временем смогли так укрепиться в междуречье Куры и Аракса, что сосредоточила в своих руках политическую власть над всем краем. Более того, при князе Джуаншира, в период апогея своего могущества, они сумели распространить свою власть также и на некоторую часть территории левобережья Куры³. Следует подчеркнуть, что эта подчиненность Миһранидам некоторых территорий за Курой носила всего временный и номинальный характер. Их политическая деятельность протекала в основном на территории между Курой и Араксом, в армянских областях Утик и Арцах, или в понимании того времени, в стране Алуанке – Аране.

¹ Каланкатуаци, с. 98. 141.

² Там же, с. 94, 164.

³ См. ниже.

Глава XI СТРАНА АЛУАНК ПРИ МИҠРАНИДСКИХ КНЯЗЬЯХ ИЛИ ИСТОРИЯ АРЦАХ- УТИКА В VII-VIII вв.

Алуанк до завоевания арабов

Утверждение новой династии в Алуанке было ознаменовано восстанием 603-604 гг. По мнению Н. Адонца, в эти годы "общее политическое состояние дает основание не предположить какое-либо повстанческое движение в Алуанке"¹. Однако то, что в начале VII в. произошло восстание против персидского владычества и было жестоко подавлено Хосровом II, видно из главы "Истории" Каланкатуаци, посвященной католикосу Алуанка – Виро. В течение двадцати пяти лет он находился в заключении при дворе Хосрова, "обвиненный вместе с восставшими против царя персидского великими князьями Алуанка, многие из которых погибли, кто от меча, кто от увечий, а кто в изгнании в далеких странах"². Об этом восстании, происшедшем в Алуанке, упоминает также и грузинский католикос Кюрион в письме, обвиняющем Мовсеса, епископа Цуртава, и направленном гирканскому марзпану – армянскому князю Смбату Багратуни. В письме марзпану сообщается, что упомянутый Мовсес "за свои злодеяния ночью тайно убежал к восставшим [алуанцам], представился Вахраму и с такой злостью рассказал, что мало что оставил, да еще и город помог взять и большой ущерб нанес стране ариуцев"³.

Эти упоминания показывают, что действительно в начале VII в. против персидского владычества произошло восстание. Причиной восстания, несомненно, была политика Сасанидов, стремившихся силой утвердить персидских правителей в лице МиҠранидов, добиться уничтожения местной княжеской династии и утверждения своей власти как в Алуанке, так и во всем Восточном Закавказье. Во главе восставших алуанцев, согласно Н. Акиняну, был Вахрам, упомянутый в письме епископа Цуртава⁴. Логично предположить, что военным предводителем восставших был Вахрам, а духовным – католикос Виро⁵.

¹ Н. Адонц, Исследование..., Труды, т. II, с. 387.

² Каланкатуаци, с. 84.

³ Книга посланий, Тифлис, 1902, с. 171 (на арм. яз.).

⁴ Н. Акинян, Мовсес Дасхуранци..., с. 200.

⁵ Н. Адонц сомневается в участии Виро в восстании, см. Исследование..., Труды, т. II, с. 385.

Для восставших удобным случаем были персидско-византийские войны. В 602 г. в Византии был убит император Маврикий и новым императором провозглашен Фока (602-610 гг.). Персидский царь Хосров II Парвез двинул свои войска на Византию под предлогом отомстить за своего благодетеля. Воспользовавшись его отсутствием и занятостью войной, великие князья Алуанка восстали. Трудно сказать о каком-либо эпизоде этого восстания. Кроме общих упоминаний, подчеркивающих обстоятельства восстания, источники ничего не сообщают. По всей вероятности, восстание не носило острого характера, поскольку, несмотря на свою занятость, Хосров II смог подавить его, а с его участниками жестоко расправиться¹. Сам предполагаемый руководитель восстания Виро едва смог избежать смертного приговора, благодаря вмешательству христианки-армянки царицы Ширин, одной из жен Хосрова². Ширин, имевшая от Хосрова разрешение исповедовать свою веру³, "ценою больших усилий добилась у царя помилования жизни его"⁴, с условием, однако, что Виро навсегда останется при персидском дворе.

После подавления восстания Алуанк был вынужден признать право новой княжеской династии. Лишь теперь, чувствуя себя обеспеченными, Михраниды могли развернуть широкую деятельность на всей территории восточных областей Армении. Тем временем продолжались персидско-византийские войны, в сферу которых был включен также и Алуанк.

В 610 г. на византийском престоле Фоку сменил император Ираклий (610-641 гг.), который в 622 г. начал свои известные в истории персидские походы⁵. Ареной военных действий стала Армения, включая ее восточные области – т. е. новонареченный Алуанк, а также Грузия. И в "34 году царствования Хосрова" т. е. в 624 г. "Пустился Ираклий в путь со 120-тысячным войском, направляясь ко двору персидского царя"⁶. Переидя от Понта до Атрапатакана, Ираклий двинулся на Хосрова. Последний, охваченный паникой, отступил в Ассирию. Увидев это, Ираклий перестал преследовать Хосрова и возвратился в Алуанк

¹ Каланкатуаци, с. 84.

² Себеос, с. 43; Мхитар Анеци, Книга по всемирной Истории, подгот. текста к изданию и послед. А. Г. Маргаряна, Ереван, 1983, с. 92 (на древнеарм. яз., далее Анеци).

³ Анеци, с. 92.

⁴ Каланкатуаци, с. 84.

⁵ Об этих и других маршрутах Ираклия см. Я. Манандян, Маршруты персидских походов императора Ираклия, Труды, т. 5, с. 375-405.

⁶ Себеос, с. 79.

на зимовку¹. Выбрав Алуанк и соседние страны в качестве места для зимовки, византийский император попытался использовать и их вооруженные силы. Каланкатуаци пишет: “Поскольку он (Ираклий – Г. С.) намеревался перезимовать в пределах Алуанка, Иверии и Армении, то отправил послания князьям и владельцам этих стран, чтобы они добровольно вышли ему навстречу, предоставили постой и содержали его вместе с войском на протяжении зимы”², в противном случае император угрожает “считать их язычниками, захватить их крепости и опустошить их пределы”³. Однако они не обратили внимания на эти требования Ираклия и, не боясь его угроз, а имея приказ Хосрова Парвеза укрепились в разных местах страны. По Каланкатуаци, в частности, князья новонареченного Алуанка, “по повелению самого Хосрова, оставив великий город Партав, пошли и укрепились в разных местах”⁴. Это фактически означало также и отказ от сопротивления. Воспользовавшись этим, огромная имперская армия вошла в Утик и затем, разрушая все по пути, разбила лагерь на берегу реки Трту, у селения Дютакан⁵. Тем не менее, Ираклию не удалось там провести зиму 624-625 гг. Феофан рассказывает, что Хосров, назначив главнокомандующим Шахрапакан и “предоставив ему полки, называемые Перозакан и Хосровакан, отправил в Албанию против Ираклия”⁶. Каланкатуаци также рассказывает, что персидское войско, называемое “Нор зор” (“Новое войско”), во главе с Шахрапаканом, преследовало Ираклия и заставило его начать военные действия⁷. Они развернулись на территории восточных областей Великой Армении, куда дошло вернувшееся из Византии персидское войско во главе с Шахр-Варазом. Войска Шахрапакана и Шахр-Вараза, с одной стороны, и третья армия во главе с Шахеном, с другой, окружили Ираклия. Напротив селения Дютакан, где разбил лагерь Ираклий, в поселке, называвшемся Миос Тигранакерт (Другой Тигранакерт), остановились войска первых двух военачальников, а в тылу, в местечке, также называемом Тигранакертом, - войска Шахена. “Узнал Хосров, что Иракл вернулся обратно и достиг Паутакарана и намерен через Агванию перейти в Грузию. Он приказал

¹ Каланкатуаци, с. 77. См. также, Феофан Исповедник, пер. с оригинала, предисл. и прим. Г. М. Бартикяна, Ереван, 1983, с. 22 (на арм. яз.).

² Каланкатуаци, с. 77.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Феофан, с. 23.

⁷ Каланкатуаци, с. 77.

полководцу своему Шахр-Варазу преградить ему путь. Последний быстро пришел в Айрарат, прошел по Гардману навстречу ему и расположился лагерем в другом Тигранакерте, напротив него. А Шахен с 30-ю тысячами войска подошел и разбил лагерь в тылу Иракла, в местечке Тигранакерт. Эти расположились с одной стороны, а те с другой стороной и лагерь Иракла находился между ними”¹. Для прорыва из окружения Ираклий всей своей мощью напал на 30-тысячную армию Шахена, “внезапным ударом разбил и разгромил его, прошел по Цгуку до Нахичеванской равнины”².

То же самое рассказывает Каланкатуаци³. Излишне говорить, что от этих военных действий больше всего пострадал новонареченный Алуанк-Аран, об участии которого в этих военных действиях в источниках нет прямых сведений. Однако, исходя из того факта, что Ираклий с требованием помощи обратился к князьям Алуанка, можно предположить, что они участвовали в этих войнах и выступали на стороне Ирана против Византии. К этому толкало также и то, что во главе алуанкского княжества стояла персидская по происхождению и подчиненная Ирану династия Миhrанидов.

Персидско-византийские войны открыли широкую дорогу также и нашествиям северных кочевых племен, в частности, хазар.

Зима 625-626 гг. прошла в подготовке к новой войне, обе стороны развернули активную дипломатическую деятельность. Персы смогли войти в союз с аварами, главенствующими и на Балканском полуострове, и привлечь их внимание к Константинополю⁴, а Ираклий этому союзу противопоставил свой союз с хазарами. Его целью было “открыть врата Чора, провести через них разные северные народы варварские и с их помощью отбросить персидского царя, надменного Хосрова”⁵. Это уже было новым явлением в политике Ираклия, которое себя полностью оправдало. По свидетельству историка страны Алуанк, Ираклий отправил к хазарскому предводителю Джебу Хакану одного из своих нахараров по имени Андре, обещая “насытить алчность золотолобивого, звериных нравов народа косоносцев”⁶. По всей вероятности Ираклий, кроме несметных сокровищ, обещал Джебу Хакану в качестве собственных владений и

¹ Себеос, с. 80.

² Там же.

³ Каланкатуаци, с. 77.

⁴ Лео, История Армян, Собрание сочинений, т. 2, с. 248.

⁵ Каланкатуаци, с. 80.

⁶ Там же, с. 81.

Алуанк, Лпунк, Чор. Основанием для этого предположения могут служить слова царевича Шата, сказанные католикосу Алуанка Виро: “получил отец во владение эти три страны Алуанк, Лпунк и Чора навечно”¹. Предводитель кочевых хазар, обольщенный обещаниями императора и возможностью грабежа стран, подчиненных персам, отозвался на этот призыв Ираклия, следствием чего были последовавшие один за другим опустошительные походы 626, 627 гг. и даже после завершения войны – в 629 г. в Алуанк, во время которых создавалось тяжелое и тревожное положение для его населения. Каланкатуаци с ужасом описывает эти походы: “А в канун тридцать седьмого года [царствования] того же Хосрова царь севера отправил обещанное войско под предводительством племянника своего, которого, ввиду его княжеской власти, называли Шатом”². И прибыв в Алуанк, он опустошил всю страну и часть Атрпатакана. Он предал мечу многих христиан, а также язычников. А кто может сосчитать или назвать число угнанных в плен”³. Это был первый поход хазар в Алуанк, или, если можно так выразиться, первый удар по Ирану с тьла.

Утвердившись на берегу Аракса, предводитель хазар отправил посланцев к шахиншаху Хосрову, требуя от него возвратить многочисленных пленных и древо св. Креста, плененный из Иерусалима в 614 г., освободить города и вывести воинов с занятых территорий, в противном случае угрожал взискать вдвойне за причиненный им ущерб⁴. В этот же период – 12 декабря 627 г.⁵, в сражении при Ниневии, Ираклий нанес сокрушительный удар по Ирану. Во время боя был убит персидский военачальник Роч-Веһан, а в руки византийцев попали большие трофеи⁶. Победе союзника еще более развязала руки хазарам и они во второй раз в 628 г., с новой силой, перед которой меркнет свирепость первого похода, напали на Алуанк. На этот раз хазарское войско возглавлял сам Джебу Хакан. В стране Алуанк готовились к отпору хазар. Местный князь, которого Каланкатуаци именует Гаишак, пытался организовать оборону, сосредоточив в крепости Партав население города и окрестностей. Однако, это уже было

¹ Каланкатуаци, с. 89.

² Н. Адонц находит, что “Шат – не собственное имя, а титул *ishad* или *alshad*, согласно арабским источникам (см. Исследование..., Труды, т. II, с. 380). В. Аракелян возражает, находя, что “как ишхан – это титул и собственное имя, так и здесь Шат – собственное имя” (см. Каланкатуаци, 1969, с. 282, пр. 147). Здесь нам кажется, что слово “Шат” использовано в смысле титула, на что указывают слова Каланкатуаци, “которого, ввиду его княжеской власти, называли Шатом”.

³ Каланкатуаци, с. 81.

⁴ Там же.

⁵ Лео, История Армении, Собрание сочинений, т. 2, с. 251.

⁶ Себеос, с. 81; Каланкатуаци, с. 82.

невозможно. Враг находился у подступов Партава и быстро продвигался вперед. Единственным выходом для спасения было бегство. Многие поспешили укрыться в густых, неприступных горных лесах Арцаха, однако, лишь немногим удалось спастись от резни. Бежал и нашел убежище в Иране и князь Гайшак, навсегда утратив свою власть в Алуанке.

После завоевания Алуанка хазары двинулись в Грузию и осадили ее столицу Тифлис. Сюда поспешил и сам император Ираклий со вспомогательными войсками. Однако местное население, оказав упорное сопротивление, истощило силы осаждавших город и заставило их снять осаду и удалиться. По пути из Тифлиса император остановился в местности Хузашен в Гардмане, где вызвал к себе Вараз-Григора Миhrанида. Целью приглашения, вероятно, было назначение его князем завоеванного Алуанка. Понятно, что благодаря этому назначению Византия в лице Вараз-Григора приобрела бы верного себе вассала и укрепила бы свое влияние в Алуанке. Для упрочнения своего влияния Ираклий крестил Вараз-Григора¹.

Исходя из этого частного случая о крещении Вараз-Григора, Р. Гюшев делает неверное обобщение, дескать Миhrанидский род будучи крещенный Ираклием принял христианство в 628 г.² Но такое мнение исторически беспочвенно. От зороастризма, как отмечает источник³, в Миhrанидском роде отказался еще дед Вараз-Григора – Храбрый Вардан. Поэтому крещение Вараз-Григора Ираклием скорее всего должно быть рассмотрено как акт его обращения в лоно византийской церкви или халкедонизма, как идеологическое оформление его верности Византии.

Этот второй поход хазар совпал со временем поражения Ирана. Следствием победы Византии в 628 г. стал дворцовый переворот в Иране, во время которого был убит Хосров Парвез. Ему наследовал сын Кават II, процарствовавший всего лишь шесть месяцев и за этот короткий срок успевший заключить перемирие с императором Ираклием⁴. В эти дни из тюрьмы был освобожден и возвращен на родину католикос Виро, арестованный еще при Хосрове II и снова занял католикосский престол (628-630 гг.) Алуанка. Можно полагать, что после ухода Ираклия и, в особенности, после заключения мирного

¹ КЦ, т. 1, с. 375. Е. С. Такашвили, Источники грузинских летописей, СМОМПК, вып. 29, с. 128; С. Т. Еремян, Заметки к тексту "Хроники Сумбата", Известия Арм ФАН СССР, 1941, N 9, с. 28.

² Р. В. Гюшев, Христианство в Кавказской Албании, с. 77, 134.

³ Каланкатуаци, с. 169.

⁴ Себеос, с. 83.

договора между Ираном и Византией, в Алуанке вновь утверждается влияние Ирана. Для такого мнения достаточной основой служит то, что в указанный период в политической жизни страны появляется персидский марзпан. Одного такого марзпана упоминает Каланкатуаци, называя его Сема-Вшнасп и отводя ему более активную роль, чем первому князю страны Вараз-Григору.

После заключения договора между двумя державами, казалось бы, для Алуанка должен был начаться период мира и затишья. Однако, увлеченные прежней богатой добычей, хазары решили в третий раз, в 629 г., напасть на Аран-Алуанк и подвергли его новому опустошению и погрому. В начале Джебуба хакан “с кровожадным львенком своим, называемым Шатам”¹, выступил против Тифлиса, совершил неопишуемые разрушения, убил многих и наградил несметные сокровища². Таким образом, отомстив за те издевательства, которые он перенес от жителей Тифлиса во время предыдущей осады³, предводитель хазар возвратился назад, а на Алуанк послал сына Шата “вместе с его храбрыми наставниками”, строго поручив им: “Если вельможи и правители страны выйдут навстречу сыну моему и добровольно отдадут свою страну мне в повиновение и откроют перед моими войсками своих городов, крепостей и постоялых дворов, тогда и вы позволите им жить и служить мне, а если нет, то да не сжалится вообще глаз ваш над [жителями] мужского пола свыше пятнадцати лет. Юнцов же и женщин оставьте как слуг и служанок на служение мне и вам”⁴. Имея подобное поручение, хазары отправили посольство к марзпану Алуанка Сема-Вшнаспу и католикосу Виро. Персидский марзпан отказался признать посольство Шата и в панике бежал в Иран. Положение католикоса Виро стало очень тяжелым. С одной стороны, осознание всех страшных последствий похода хазар, с другой – недавнее освобождение из плена и боязнь вновь быть оклеветанным при персидском дворе, ставили его в трудное положение. Он начал вести двоякую политику: принимал посольство Шата, обильными дарами льстил им, под разными предлогами оттягивая ответ, одновременно в Тизбон отправил тайное посольство, сообщая о создавшейся ситуации. Ответ из персидского двора запоздал, а посольство поторавливало Виро. Хазарское посольство разгадало хитрость последнего и единственное, что могло

¹ Каланкатуаци, с. 85.

² Там же, с. 85-86.

³ Там же, с. 80.

⁴ Там же, с. 86.

сделать для Виро ответ за полученные дары ему сообщило о дне нападения хазарских войск и дало совет оставить страну и бежать. Но было уже поздно, поскольку пока они обсуждали это, кочевники нахлынули, полонив всю страну “и вершины гор, и долины, холмы, и глубокие ущелья”¹. Католикос Виро, уже не будучи в силах что-либо предпринять, созывает в крепости Чараберд (теперь Джраберд) области Арцаха “всех главных мужей этой великой страны, вельмож знатных из царской семьи, начальников гаваров, сельских старост, иереев, дьяконов и писцов, оказавшихся в то время там”², объясняет присутствующим возникшую ситуацию и сообщает предложенные Шатоим условия. Собравшиеся единодушно решают удовлетворить их. По совету Виро, каждый из них приносит золото, серебро и другие драгоценности, взяв которые Виро отправляется в лагерь Шата, расположившийся в Утике у города Партав³. Ослепленный подарками и проникший симпатией к Виро, Шат, по его просьбе, освобождает всех пленных, возвращает трофеи и выдвигает свои условия, которые Виро принимает. Католикос Алуанк обещает хазарам такое же служение, которое до этого проявляли по отношению к Сасанидскому Ирану⁴, т. е. они признают владычество хазар.

Таким образом, походом, имевшим место в 629 г., глубинная страна Армения-Алуанк попадает под власть хазар. После этого хазары отправляют своих посланцев в Алуанк для проведения переписи и установления налогов. Согласно Каланкатуаци, властитель севера “назначил смотрителей над ремесленниками, владеющими мастерством добывания золота, плавки серебра, железа и меди, а также на торговых путях и рыбных промыслах великих рек Куры и Аракса. Вся дань он строго требовал от всех, [требовал] тетрадрахмы в соответствии с переписью персидского царства”⁵. Воодушевленные этим успехом, хазары рассеиваются по всему краю, проникают в глубь Армении, вторгаются в Иверию, везде опустошая города и грабя население. Пока воины Шата были заняты грабежами, приходит весть об убийстве Джебу Хакана его же людьми⁶. Услышав об убийстве отца, Шат прекратил нашествие и возвратился в свою страну, чем и закончилось владычество хазар в Алуанке.

¹ Там же, с. 87.

² Там же.

³ Там же, с. 88.

⁴ Там же, с. 88-89.

⁵ Там же, с. 91.

⁶ Там же, с. 93.

Лишь после этого страна получила возможность некоторое время жить мирной и самостоятельной жизнью, чему в большой мере способствовало и то, что Византия и Иран вышли из войн очень уставшими и изможденными. В новых условиях персидский двор старался сохранить свою политическую власть в Алуанке посредством местных князей. Как известно, еще в 628 г. Ираклий князем Алуанка назначил Вараз-Григора. Однако, по всей вероятности, он это звание носил лишь номинально, а фактически управлял страной вышеупомянутый марзпан Сема-Вшнасп. На это указывает тот факт, что царевич Шат отправляет своих послов как раз к последнему и католикосу Виро, а не к Вараз-Григору. Теперь, когда была упразднена угроза походов Византии, затем и хазар, и возникли новые условия, которые требовали от Ирана нового подхода к подчиненным странам, в 629 г. он признал княжеские права Вараз-Григора (628-642 гг.). Таким образом, в лице Вараз-Григора на княжеском престоле Алуанка находился шестой князь Миһранидского рода, который стал “первым князем Алуанка”¹. Титул “первый князь Алуанка” подчеркивает властвование Миһранидов над всей территорией, расположенной между реками Курой и Араксом. Согласно Каланкатуаци, Вараз-Григор принял “крещение от католикоса Алунака Виро”². Поскольку это не могло означать принятие христианства, потому что, как известно, от зороастризма отрекся еще его дед Храбрый Вардан, то правильнее будет считать, что этим актом он от халкедонитства вновь перешел в лоно армяно-григорианской монофизитской церкви.

Последовавшие друг за другом нашествия хазар и бесчисленные пленения довели страну до тяжелого экономического положения. Устрашенное население не могло заниматься земледелием и другими отраслями экономики, и уже в 630 г. в стране вспыхнул голод, который в свою очередь сопровождался эпидемией. Ее жертвой в 630 г. стал и католикос Виро.

В VII в. на Ближнем Востоке появились арабы, которые с чрезвычайной быстротой начали осуществление своих завоеваний. Их сокрушающую силу первым на себе почувствовал Сасанидский Иран. Нападение арабов на Иран участились особенно при новом царе царей Иазкерте III (632-652 гг.) – последнем Сасаниде на персидском престоле. Для борьбы против арабов персидский шахиншах требует от подвластных стран вспомогательные силы.

¹ Там же, с. 94.

² Там же.

Такой же приказ получает и князь Алуанка Вараз-Григор, который имел четырех сыновей – Вараз-Перож, Джуаншир, Йезут-Хосров, Варазман. Алуанский князь находит целесообразным отправить на зов Иазкерта своего второго сына - Джуаншира¹. Это было в 636 г. Полк Джуаншира в персидской армии представился как вспомогательное войско, прибывшее из новонареченного Алуанка. Это еще раз доказывает, что сила оружия прежних князей Гардмана распространилась на всю территорию между реками Курой и Араксом. Власть Миранидов на этой территории еще более упрочил Джуаншир, который, возвратившись после сражения у Неһавенда в 642 г., еще при жизни отца принял должность первого князя страны Алунак.

¹ Каланктауацц, с. 94.

Джуаншир (642-683 гг.) Установление арабского владычества в Алуанке

После персидско-византийских длительных войн (603-628 гг.), которые завершились поражением Ирана и убийством Хосрова-Парвеза, Сасанидов на Ближнем Востоке сменяют новые силы. Тем не менее, Иран не желал уступить Южное Закавказье, где он еще сохранял свое влияние. Попытки завладения этим же регионом делала Византия и, воспользовавшись ослаблением Ирана, также и хазары.

В таких смутных политических условиях княжеский престол новонареченного Алуанка наследует сын Вараз-Григора Джуаншир, который, несмотря на свою молодость, еще до того, во время персидско-арабских войн, смог проявить себя как смелый военачальник и умелый политик.

Приняв, по поручению отца, командование войском, он “раньше, чем князь Сюника и спарамет Армении”¹, прибыл в Тизбон, где представился персидскому военачальнику Ростому. Последний видя готовность молодого князя сражаться с врагом, представил его царю Ирана. Иазкерт III похвалив Джуаншира, называет его “спараметом Алуанка”². Конечно, звание спарамета Джуаншир получил, когда отец вверил ему алуанские полки, и Иазкерту оставалось только утвердить его в этом звании, что он и сделал. Этим было положено начало его политической и военной карьере.

В некоторых мелких сражениях за Мертвыми водами³, Джуаншир отличился своей смелостью и храбростью. Первое свое боевое крещение он получает в сражении при Кадеси 637 г. В этой битве в рядах персидской армии сражались также армянский спарамет Мушег Мамиконян с тремя тысячами воинов и сюнийский князь Григор с тысячей воинов⁴. Источники не сообщают о числе войска, возглавленного Джуанширом. Известно только, что в битве при Нехавенде (642 г.) Джуаншир возглавлял трехтысячное войско. Было ли это тем войском, которое Вараз-Григор предоставил ему, или же оно было пополнено персами, трудно сказать. Персидская армия в роковой битве при

¹ Каланкатуаци, с. 95. В то время князем Сюника был Григор Сюнеци, а армянским спараметом – Мушег Мамиконян (см. Себеос, с. 92).

² Каланкатуаци, с. 95.

³ “Мертвая вода” – озеро Ал-Батыйн или Наджаф, находится в Ираке (см. The History of the Caucasian Albanians, p. 110, пр.3).

⁴ Себеос, с. 92.

Кадесии понесла жестокое поражение, во время которого “пали мертвыми те главные нахарары, погиб и полководец Ростам, убили также Мушега с двумя племянниками и Григора, сони́йского владетеля, вместе с сыном. Другие, уцелевшие бегством, спаслись в свою страну”¹.

Джуаншир также получает тяжелое ранение, однако найдя силы, удачно переплывает реку Тигр и спасается от преследований врага. Весть о его доблести достигает Иазкерта, и он с особым вниманием поручает лечение Джуаншира дворцовым лекарям, а затем награждает его так, как это подобало царю царей.

После битвы при Кадесии на восьмом году царствования Иазкерта², т. е. в 640 г. арабы осадили Тизбон и после шестимесячной осады взяли город³. “В последующей истории Ирана решительное значение имеет”⁴ известное сражение при Не́навенде в 642 г. В этом сражении в персидской армии находился Джуаншир во главе трехтысячной армии. Вот как описывает Каланкатуаци деяния Джуаншира в сражении при Не́навенде: “И на восьмом году царствования Иазкерта неприятель [агаряне] выступил вторично и окружал царя в городе Тизбоне. Осада длилась шесть месяцев. Тогда военачальник Хоразат и спаранет Алуанка во главе войск двинулись на них. Там доблестный Джуаншир вознес очи к небу и с тремя тысячами [воинов] первым напал на врагов, отбросил их, и, преследуя по пятам, заставил их переправиться [обратно] через реку. В течение шести месяцев он не давал им перейти реку Дклат, а потом, взяв царя, они ушли в великий Дастакерт”⁵. Иазкерт III был вынужден удалиться сначала в Дастакерт, а затем и в Беклал – царские крепости на том берегу Тигра, где расположен Тизбон⁶. Его бегство надежно защищал Джуаншир.

После сражения при Не́навенде Сасанидский Иран шел к упадку. Видя закат могущественной персидской державы, Джуаншир поспешил возвратиться на родину, чтобы в создавшихся там новых условиях быть ей более полезным. На обратном пути персидский князь-военачальник Амрпатакана Вахрам II

¹ Там же.

² Каланкатуаци, с. 96.

³ Там же. Также Н. Адонц, Исследование..., Труды, т. II, с. 391.

⁴ Н. В. Пугулевская и др. История Ирана..., с. 88.

⁵ Каланкатуаци, с. 96.

⁶ The History of the Caucasian Albanians, p. 112, 6.

Фарохзат, или Хоразат, предложил ему в жены свою сестру, “но тот не захотел взять в жены язычницу и отправился в свою страну”¹.

Согласно Каланкатуаци, Джуаншир в Иране оставался семь лет². Однако Н. Адонц и Н. Акинян думают, что Джуаншир в Иране оставался всего пять лет. Они предлагают эту дату, обозначенную Мовсесом Каланкатуаци в рукописи армянской буквой $\frac{3}{4}$ (Э)=7, читать как ° (Е)=5³, “чем подразумевается период 637-642 гг.”⁴. Эта корректура нам кажется неверной, потому что в 637 г. произошло сражение при Кадесици, а Джуаншир уже до этой битвы находился в рядах персидской армии и участвовал в нескольких мелких сражениях за Мертвыми водами. Следовательно, молодой князь Алуанка находился в Иране в течение 636-642 гг., т. е. как раз столько, сколько показывает Каланкатуаци – семь лет.

Возвратившись на родину, Джуаншир вступил на княжеский престол Алуанка, когда его отец был еще жив. Поэтому первым годом княжения Джуаншира следует считать не 636 г., когда в Алуанке правил Вараз-Григор, который в том же году отправил сына в Иран, а 642 г., когда он возвратился оттуда, возмужавшим, закаленным, овеянным славой и широким признанием⁵.

Источниковым обоснованием датировки первого года правления князя Джуаншира (636 г.) для исследователей послужило сообщение историка Мовсеса Каланкатуаци, в котором говорится: “На двадцатом году царствования Иазкерта (651 г. – Г. С.) персидское царство прекратило существование. То было на тридцать первом году всемирных войн агарян и на пятнадцатом – Джуаншира, господина моего”⁶ (651-15=636). Однако историк здесь имеет в виду первый год спарпетства Джуаншира, а не его княжения в Алуанка, которое он не указывает. Это легко можно проверить на примере следующего сообщения историка. В 664 г., когда благодаря заключению союза с царем гуннов – хазар возвращаются в Алуанк все пленные и трофеи, Каланкатуаци рассказывает, что “это было на двадцать восьмом году тех трех десятков лет, в продолжение которых с молодых лет до зрелого возраста он, как властвующий спарпет, совершил [много] подвигов храбрости, достойных

¹ Каланкатуаци, с. 96.

² Там же.

³ Н. Адонц, Исследование..., Труды, т. II, с. 394, Н. Акинян, Мовсес Дасхурани, с. 277.

⁴ Н. Акинян, Мовсес Дасхурани..., с. 247-248.

⁵ Г. С. Связян, К вопросу о датах правления Албанских князей Джуаншира и Вараз-Трдата, ВОН, 1973, N11, с. 103-114 (на арм. яз.).

⁶ Каланкатуаци, с. 99 (курсив – Г. С.).

похвал”¹ (664-28=636). В “Истории страны Алуанк”, кроме Джуаншира, ни один другой князь не был назван спаранетом и, притом несколько раз. Нельзя не отметить также, что 19 глава II книги прямо озаглавлена “О спаранете Алуанка Джуаншире” и т. д. Кроме того, Каланкатуаци свидетельствует, что эти нападения арабов при Иазкертe III и организованная против них борьба персидского двора имели место как раз в период княжения Вараз-Григора, а не Джуаншира². И, наконец, то обстоятельство, что Вараз-Григор решает отправить Джуаншира на войну, чего не было бы, если бы последний был князем страны, не оставляет никакого сомнения, что в 636 г. Джуаншир не был князем Алуанка. В этом году вместе с полками Алуанка он получает от отца должность спаранета, которую в дальнейшем утверждает сам Иазкерт III, а княжеский престол наследует в 642 г. Это подтверждается также и тем сообщением Каланкатуаци, согласно которому Джуаншир, возвратившись из персидских походов, по приказу Иазкерта представлял собой весь Алуанк³.

Таким образом, в 636 г. Джуаншир получил должность спаранета, а в 642 г. – княжеский престол. По той же причине конечную дату княжения Вараз-Григора необходимо перенести на 642-й год.

Придя к власти, первым делом Джуаншира был переход в Перозапат⁴. Как известно, Перозапат-Партав был столицей Алуанского марзпанства, после распада которого он продолжал оставаться столицей новонареченного Алуанка или объединенной территории Утика и Арцаха. И переход Джуаншира сюда говорит о том, что пределы Михранидского владения уже расширились и Джуаншир переходит туда с целью облегчить правление территориально увеличившегося княжества. Это было также шагом к независимости страны, что поняли и сами персы, которые, рассматривая этот переход в Партав как восстание, двинулись на Джуаншира⁵.

Пока Джуаншир был занят успешной борьбой с врагами, другой персидский полк напал на город Партав, опустошил его и взял в плен мать Джуаншира и его братьев и вместе с ними других жителей города. Услышав это, Джуаншир во главе своего войска быстро перешел границу своей страны и достиг гавара

¹ Там же, с. 103 (курсив – Г. С.).

² Там же, с. 94.

³ “Возвратился Джуаншир, прославленный в персидских сражениях и по царскому повелению, представлял он дом Алуанка” (Каланкатуаци, с. 96).

⁴ Каланкатуаци, с. 96.

⁵ Там же.

Камбечан по ту сторону реки Куры¹, где и сталкивается с персами. Несмотря на искусное расположение своих войск, тем не менее он на этот раз потерпел неудачу и, будучи тяжело раненым в голову, нашел убежище в Иверии². Там его хорошо принял князь Атрнерсех. Он не только окружил князя Алуанка заботой своих медиков, но и заключил с ним союз, предоставив под его командование грузинские войска. С помощью последних Джуаншир осуществил изгнание из страны персов. Вскоре весь Утик стал освобожден от персов, но против Джуаншира из Атрпатакана выступили новые силы. В нескольких сражениях, имевших место в гаваре Шакашен, князь Алуанка нанес им поражение. После этого персы стали искать пути перемирия и с этой целью попросили содействия у князя Соники, с которым, кстати, Джуаншир установил родственные отношения³. При содействии князя Соники было заключено перемирие между враждующими армиями, и стороны удалились, каждая в свою страну. Джуаншир возвратился на родину вместе с освобожденными из плена матерью и братьями⁴. Однако, это перемирие не было прочным и продолжительным. Джуаншир, стремясь укрепить независимость Алуанка, обратился к персидскому военачальнику с предложением властвовать каждому в своей стране самостоятельно. В ответ на это последний под разными предлогами вызвал к себе отца Джуаншира Вараз-Григора и склонил его к покорности, затем направил войска в Алуанк⁵. Джуаншир со своим старшим братом Вараз-Перожом, выступил на борьбу против персов, разбил их, занял город Перозапат и освободил отца.

Воины Джуаншира против персов за независимость Алуанка были прерваны из-за нападения арабов, для которых после сражения при Нехавенде (642 г.) открылся широкий путь на Южный Кавказ. Во время первого похода на Армению (в 640 г. через Алдзинк) арабы, однако, не достигли ее восточных краев. Они ворвались в этот край только в 642-643 гг. со стороны Атрпатакана, Себеос пишет: "прибыло в Атрпатакан войско исмаильтян и разделилось на три отряда: один отряд направился на Аирарат, другой в страну Сепакан гундн, а третий в Агванию"⁶. Во время этого похода арабов князь Алуанка попытался

¹ Там же, с. 97.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Себеос, с.99.

выступить против них. Но, прислушавшись к советам своего отца Варз-Григора и увидев мощь южан, отказался от этой мысли и, заключив союз с армянским спарпетом и князем Теодором Рштуни, посоветовал ему подчиниться Византии. Последняя стала союзницей Теодороса Рштуни и его единомышленника Джуаншира. Воспользовавшись этим Византия попыталась на Двинском церковном соборе 648 г. принудить армян к халкедонитству. Вскоре сама могущественная держава была вынуждена заключить перемирие с арабами и платить им дань. Это обстоятельство заставило прогрессивным силам подумать о принятии новой политической ориентации на Арабский халифат, которая в создавшихся условиях была более правильной. Поэтому в 652 г. во главе с Теодоросом Рштуни страны региона заключили договор с Арабским халифатом. Византийского императора Константина II (642-668 гг.) возмутила такая переориентация армян и их союзников. Взяв с собой 100-тысячную армию, он двинулся на армян¹. Это было в 653 г. – “в двенадцатом году своего царствования, двадцатом исмаильянском владычествe”².

Остановившись в Карине, византийский император призвал к себе князей, недовольных антивизантийской политикой Теодороса Рштуни. Одновременно, для расторжения союза Теодороса Рштуни с Алуанком и Иверией он направил в эти страны войска, которые, по свидетельству историка Себеоса, подвергли их грабежу и опустошению³. Это вызвало серьезное беспокойство у алуанского князя Джуаншира, и он поспешил к императору выказать свою покорность, дабы предотвратить новые нападения на свою страну.

Встреча императора Константа и Джуаншира состоялась, как сообщает Каланкатуаци, на 19-м году правления Константина, т. е. в 660 г., когда он находился в Мидии, в селе Кунгр или Кангавар, недалеко от Хамадана⁴. Это сообщение вызывало сомнения исследователей, обративших внимание на то, что император Константин в том году “не был ни в Иране, ни в Армении”⁵. Нам кажется, что год, приведенный Мовсесом Каланкатуаци, является опиской переписчиков и необходимо сделать корректуру. Видимо “19” - §ДВ! нужно исправить на “12” - §Д!’, поскольку §! в рукописях легко можно спутать с §В!. После этого исправления получается, что встреча императора Константина с

¹ Там же, с. 117.

² Там же.

³ Там же, с. 117-118.

⁴ Каланкатуаци, с. 99.

⁵ Н. Акинян, Мовсес Дасхуранци..., с. 254.

Джуанширом состоялась на 12-ом году его царствования, что одновременно соответствовало бы дате, упомянутой Себеосом, т. е. в 653 г. Сомнительно также и упоминание села Кунгр как места их встречи. Но поскольку исторически не доказывается, что император побывал в столь отдаленном крае, остается принять свидетельство Себеоса о том, что встреча состоялась в городе Карине, куда пришли также и другие армянские князья. Именно здесь император Константин II одарил богатыми дарами и пожаловал высокие титулы князьям, в том числе и Джуанширу, которого он удостоил звания “протон патрикия”, а сыновеи его - патрика¹. Он вновь утвердил прерогативы власти Джуаншира и предоставил ему право “царственно управлять Восточным краем”².

В 654 г., как сообщает Себеос, арабский халифат изменил свою политику по отношению к Южному Кавказу и начал жестоко грабить страны, церкви, а главных князей и вельмож, их жен, сыновеи и дочереи брать в заложники³. Эту перемену политики арабов, в частности в исследуемом регионе, отмечает и Каланкатуаци: “Тачики двинулись на страны севера и востока и принуждали родоначальников отдавать свои замки, выдавать им в заложники жен и детей, дабы не восставали они”⁴. Арабские историки, начиная с этого времени, говорят о завоеваниях, которые совершили арабы в Аран-Алуанке и в районах к северу от Куры, вплоть до Дербента. Народы этих регионов оказывали упорное сопротивление арабам, но силы были неравны и все попытки противостояния оканчивалось безрезультатно. Баладзори пишет: “Передают, что Сальман ибн-Рабиа ал-Бахили двинулся, по приказанию (халифа) Османа, в Арран и занял Баилакан по мирному договору, по которому он гарантировал его жителям их жизнь, имущество и стены их города, обязав их вносить поземельную и подушную подати. Потом Сальман прибыл в Бердау и расположился лагерем на (берегу) реки Туртура (Тертера), находящейся от города менее, чем на один фарсах. Жители города закрыли перед ним ворота и ему пришлось возиться с ним несколько дней. Он, тем временем, совершал набеги на (окружающие) его селения, в которых жатва уже была снята. Это (заставило) их заключить с ним такой же мир, какой и жителям Баилакана. Они

¹ Каланкатуаци, с. 98, 100.

² Там же, с. 100.

³ Себеос, с. 127.

⁴ Каланкатуаци, с. 98.

открыли ему городские ворота и он вступил в город и провел там (несколько времени). Отсюда он двинул свою конницу, и она заняла селения Шавшин, Месван, Уд, Херхиян, Табар¹ и другие местности в Арране². После этих завоеваний Алуанк-Арран фактически попал под владычество арабов. Затем тот же Сальман, перейдя реку Куру, продолжил свои завоевания на севере. Здесь он захватил Капалак, Шаки, Ширван, Мазкат и другие мелкие княжества вместе с Дербентом и заставил их платить налоги³.

Это владычество арабов в Глубинной Армении все же было кратковременным. Резкая перемена политики и необходимость защиты от арабов принудили высшую прослойку общества следовать за князьями, придерживающимися византийской ориентации, и вместе с ними признать в 659 г. власть Византии и подчиниться ей. Себеос пишет, что, исходя из создавшегося положения, армянские князья «предпочли лучше умереть, чем жить так, и отказались от их службы и, спешно проведя переговоры, перешли на служение царю греческому, совместно с князьями и войском агванов и с князьями Онийскими»⁴.

Спустя два года после подчинения Византии, т. е. в 661 г., Алуанк подвергся новому нашествию, на этот раз со стороны хазар. Они разбили лагерь на левом берегу Куры, где Джуаншир со своими войсками вступил с ними в сражение, победил их, и выгнав через врата Чора, посоветовал больше не дерзать нарушить его покой. Но в следующем же году хазары вновь напали на страну, полонили ее, угнали отары овец и стада скота и уходили. Однако на этот раз царь хазар не был столь воинственно настроен и между сторонами было заключено соглашение. С целью укрепления этого союза Джуаншир женился на дочери хакана хазар. Согласно этому договору князь Алуанка получил обратно также и все то, что было награблено из его страны и всех пленных⁵.

Политическая дальновидность Джуаншира подсказала ему, что при создавшемся политическом положении для страны было бы более выгодно сближение с арабами. Поэтому он с ценными дарами отправляется в 667 г. в Дамаск к «царю юга» Муавии для выражения своей покорности, как в свое время сделал армянский спаранет и князь Теодорос Рштуни. Халиф Муавия (661-680

¹ Соответственно – Шакашен, Мец Куенк, Утик, Три.

² Баладзори, с. 13.

³ Там же, с. 14.

⁴ Себеос, с. 128.

⁵ Там же, с. 102-103.

гг.) принял “князя Восточного” и взял с него клятву о верном подданстве взамен же наградив его большими почестями, позволил вернуться на родину¹. По пути в Алуанк Джуаншир погостил также в Аруче у назначенного Муавией² правителем Армении Григора Мамиконяна, жена которого была его сестрой². Там Джуаншир получил благословение от католикоса Армении Анастасия (661-667 гг.) и торжественно возвратился в родное поместье Гардман.

Благодаря этому союзу с арабами в течение трех лет страна Алуанк не подвергалась чужеземным нашествиям. Авторитет Джуаншира в глазах Муавии настолько возрос, что халиф даже использовал его для ведения дипломатических переговоров с византийцами. Поэтому в 669 г. Джуаншир во второй раз направился в Дамаск. Если верить Каланкатуаци, там находились также и послы из Византии, которые прибыли для выражения покорности Муавии. В переговорах со стороны арабов участвовал и Джуаншир. “И царь (Муавия- Г. С.), - с восхищением пишет историк, - повелел Джуанширу провести мирные переговоры с почтенными мужами, прибывшими из столицы империи”³. Джуаншир провел эти переговоры столь искусно и дипломатично, что удовлетворило обе стороны⁴. Далее Джуаншир получил от “царя юга” богатые царские дары, в числе которых были и такие сказочные диковинки, каковыми для Алуанка являлись слон и попугай. Ему предлагалось также и управление Атрпатаканом, но он не согласился, а взамен попросил облегчить налоги своей страны. Его просьба была удовлетворена⁵.

Таким образом, благодаря дальновидной политике Джуаншира, за время его правления Алуанк смог сохранить независимость и прежнюю внутреннюю систему государственного правления, лишь выплачивая налоги в условиях нападений персов, византийцев, хазар и арабов. Поэтому историк пишет: “Вот уже в продолжение трех десятков и трех лет Господь делал князя Алуанка победоносным, весьма почитаемым и уважаемым четырьмя царями⁶, властелинами народов, и ничуть не меньшим, чем эти владыки, но был он во всем величественным и славным. Пусть никто, по детской глупости своей, не считает его власть меньшей, чем их, лишь потому, что у него не было на голове

¹ Там же, с. 104-105.

² Всеобщая история Вардана Великого, перевел Н. Эмин, М., 1861, с. 86.

³ Каланкатуаци, с. 105.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 105-106.

⁶ Историк имеет в виду Сасанидский Иран, Арабский халифат, Византию и Хазарский Каганат.

короны, завершающей царские почести и величие”¹. Этот армяно-алуанский князь не только успешно сохранил независимость своей страны, но и расширил ее границы. По свидетельству Каланкатуаци, “он стал самовластным и великоленным владыкой над страной, [простирающейся] от пределов Иверии и до ворот гуннов, до реки Ерасх”².

Джуаншир носил титул “владыка Гардмана и князь Алуанка”, что означало, что он владел Гардманом как родовым поместьем, а правил во всем Аране-Алуанке. Столицей его княжества продолжал оставаться Партав.

Во внутренней политике, проводимой Джуанширом, согласно историку страны Алуанк, выделялись мероприятия, направленные на благоустройство и процветание страны. Он “повелел в своей стране строить и сажать, наслаждаться и жить в мире”³, сам служа примером строительной деятельности. Среди построенных им сооружений упоминаются дворцы, церкви, каравансарай (постоялые дворы) и другие строения⁴.

В 674 г. халиф Муавия возобновил военные действия против Византии. Однако эти новые походы не дали халифату ожидаемых результатов. Несколько последовавших друг за другом нападений арабов на Константинополь были неудачными, а когда в 678 г. арабский флот подоженный так называемым “греческим огнем” понес большие потери, халиф был вынужден заключить соглашение с Византией, обязавшись ежегодно в течение 30 лет платить империи три тысячи деньгами, 50 пленных и 50 коней⁵. Поражения арабов и смерть их халифа (680 г.) подняли на ноги не только бывших врагов Омейядов, но и их союзников, в данном случае, противников Джуаншира. В числе последних был, по всей вероятности, княжеский род Араншапиков, которых Михраниды все же не в состоянии были полностью уничтожить. Некоторые из них остались живы и ждали удобного случая для выступления. В создавшейся смутной обстановке созрел политический заговор, жертвой которого стал Джуаншир. Он был убит заговорщиками. Убийство князя Алуанка “нечестивым и гнусным” человеком произошло в городе Партаве 13 сентября 683 г., в день праздника

¹ Каланкатуаци, с. 107.

² Там же, с. 99.

³ Там же, с. 100.

⁴ Там же, с. 100, 101.

⁵ История Византии (в трех томах), т. II, 1967, с. 372.

Святого Креста¹. С его смертью Мухранидский род потерял своего выдающегося представителя и политического деятеля.

Алуанк при преемниках Джуаншира

После смерти Джуаншира в 683 г. престол первого князя Алуанка занял Вараз-Трдат, сын старшего брата Джуаншира Вараз-Перожа². Этот акт интересен тем, что за Джуанширом следует не прямой его наследник, а другой представитель того же рода, хотя у Джуаншира были сыновья³. Вопрос наследственности не решил также и сам Джуаншир перед своей смертью, когда регулировал ряд государственных дел, поэтому алуанский княжеский престол перешел к его племяннику Вараз-Трдату, который в это время уже имел “сан апуипата патрикия” и был возвеличен императором⁴.

В историографии господствует мнение, что смерть Джуаншира и приход Вараз-Трдата к власти произошел в 669-670 или 680-681 гг.⁵. Однако, данные исторических источников говорят против такого мнения⁶. В 80-х гг. VII в. правители Арабского халифата были заняты делом упрочения внутреннего положения, поэтому страны, находившиеся в их подчинении, на некоторое время остались вне поля их зрения. Возможностями создавшегося положения воспользовались страны Закавказья. По свидетельству армянских историков, при халифе Езиде I (680-863 г..) армяне восстали и перестали платить дань арабам. Восстание длилось три года и включило восточный край Армении и Иверии. Так, по свидетельству Гевонда, “во время междоусобных войн арабских, Армяне Грузины и Агваны, после 30-летнего повиновения, перестали платить подать. Возмущение их продолжалось 3 года”⁷. Мир, приобретенный благодаря восстанию, был нарушен в 684 г., когда страны региона вновь подверглись нападению хазар. “На 4-й,- продолжает свой рассказ Левонд, - покорили Армению

¹ Каланкатуаци, с. 115.

² Ч. Доусет называет его (сыном Джуаншира) (см. The History..., p. 109, 7).

³ То, что Джуаншир имел сыновей, видно из его молитвы в которой он говорит: “сыновей и дочерей моих сделай бесстрашными перед лицом зла и сохрани их сильными навсегда” (Каланкатуаци, с. 102), а также из свидетельства, согласно которому перед своей смертью, созвав “сыновей своих, он раздал каждому из них сокровища и титулы, определил каждого правителем в своем уделе” (Каланкатуаци, с. 116). Сыновья Джуаншира даже от императора Константина II получили звание “патрикия” (Каланкатуаци, с. 100)

⁴ Каланкатуаци, с. 120.

⁵ Ф. Мамедова, Политическая история... Албании, с. 210.

⁶ См. Г. С. Овзян, К вопросу о датах правления... Джуаншира и Вараз-Трдата, с. 108-114.

⁷ Левонд, с. 9-10.

северный народ Хазары, и убили в битве князя Григория, многих вельмож, и князей грузинского и албанского”¹

О том же времени и тех же событиях говорит и повествователь Аноним. “Была ужасная смута тачиков из-за войн ужасных и перестали платить им дань Армения, Иверия и Алуанк, отслужив им тридцать лет”², а “в первый год царствования византийского императора Юстиниана II (685-695, 705-711 гг.- Г. С.) северные племена, называемые хазарами, завладели Арменией, Иверией и Алуанком и убили во время войны армянских, грузинских и алуанких князей десятого числа месяца Сатми в 134 г.³ армянского летосчисления”⁴. У других армянских историков – Иованна Драсханакертцы⁵, Асолика⁶, Вардана Аревелци⁷ Аревелци⁷ также видим описание тех же событий, дата которых, при внесении мелких хронологических уточнений, совпадает с 684г.⁸. Таким образом, первый поход хазар (“как бы мстя за кровь Джуаншира”)⁹ состоялся в июне 684 г.¹⁰. Католикосом Алуанка был тогда Елиазар (638-688 гг., сменивший Ухтанеса (670-682 гг.), при жизни которого еще правил Джуаншир. “Престол (католикоса – Г. С.), унаследовал Елизар, муж добрый и благородный... Тем временем светскую власть по воле Божьей осуществлял счастливый Джуаншир в сей проходящей жизни”¹¹. Значит, убийство Джуаншира не могло быть раньше 683 г., и если поход, имевший место на первом году правления Вараз-Трдата, состоялся в июне 684 г., а убийство Джуаншира, согласно историку, в день праздника Святого Креста, 13 сентября (по Акиняну – 14-го¹²), то упомянутое событие могло произойти в сентябре 683 г. Следовательно, это было последним годом правления Джуаншира, соответственно и первым годом правления Вараз-Трдата.

¹ Там же, с. 10.

² Анонимная хронография, VII в., Венеция, 1904, с. 79 (на арм. яз.).

³ В оригинале ՃԼԴ-ՉԼԴ, который С. Т. Еремян исправляет на ՃԼԳ-ՉԼԳ (133), после чего получается 3 июня 684 г. (см. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому Хакану Алп-Илитверу, ЗИВАН СССР, т. VII, М.-Л., 1939, с.131,пр. 3).

⁴ Аноним, с. 80.

⁵ Драсханакертци, с. 93.

⁶ Асолик, с. 72.

⁷ Вардан, с. 90.

⁸ С. Т. Еремян, Моисей Каланкатуйский..., с. 135-136.

⁹ Каланкатуацци, с. 112.

¹⁰ Этот поход хазаров М. И. Артамонов датирует 669 г. (см. История хазар, Л.-д, 1962, с. 186), а З. Буниятов – 681 г. (см. Азербайджан в VI-IX вв., с. 102, 103). Такие датировки неверны.

¹¹ Каланкатуацци, с.112.

¹² Н. Акинян, Мовсес Дасхуранци..., с. 258.

Придя к власти, Вараз-Трдат (683-699, 705-709 гг.¹), в первую очередь умиротворяет те противоборствующие силы, которые активизировались после убийства Джуаншира² и, по-видимому, сумели захватить некоторые области страны, в их числе и столицу Партав. Это следует из изложения Каланкатуацци: “некоторые его родичи и завидовали ему, и вынашивали бесплодные мысли. Терпеливый, кротостью своей он подчинил себе страну в пределах прежнего владения и скоро завладел также главной столицей Партавом”³. Вараз-Трдат сумел быстро распространить свою власть на ту территорию Алуанка, которая подчинялась его предшественнику – Джуанширу.

После устранения внутренних распри князь Мухранидского дома взялся за урегулирование внешних дел. Убийством Джуаншира завершаются алуано-хазарские мирные отношения и хазары возобновляют свои походы на страны к югу от Кавказа. Наместник страны Езид, сын Усага, заключает мирный договор с хазарами, скрепив его династическим браком с сестрой хазарского хакана – Хатун. Однако ее скоропостижная смерть, воспринятая хазарами как следствие интриг, раньше времени упразднила установившийся между ними мир и послужила поводом для новых походов. Они во главе с Алп-Илитвером вначале захватили левобережную территорию Куры. Каланкатуацци повествует, что Алп-Илитвер со своими полчищами вторгся “в страну Алуанк и стал опустошать [области] у подножия великих Кавказских гор и поселения гавара Капалак”⁴. То же самое, однако, с подробным перечислением всех гаваров, захваченных хазарами к северу от Куры, сообщает Левонд: “Рассыпавшись по северной стороне Куры, хазары овладели многими областями: Хеджер, Кага, Остан, Марзпаньян⁵, Габанд, Гегаву, Шаке, Бех, Хени, Камбехчан, Хозмас – все области агванские”⁶.

Успехи на левобережье территории Куры воодушевили хазар, и они решили завоевать также и территорию правобережья “мощной” реки. Во главе со своим хаканом Алп-Алитвером они, перейдя Куру, начали опустошать и грабить ее

¹ См. ниже.

² “Немало смут тогда (после убийства Джуаншира – Г. С.), - пишет Каланкатуацци, - произошло в Алуанке” (Каланкатуацци, с. 116).

³ Там же, с. 120.

⁴ Там же.

⁵ Ст. Канаянц эти три названия предлагает читать как название одного гавара: (“Кага (Капалак – Г. С.), Остан и Марзпаньян (см. Неизвестные гавары..., с. 172).

⁶ Левонд, с. 92.

правобережье¹. Узнав об этом дальновидный политик Вараз-Трдат, отправил католикоса Елиазара к хакану хазар Алп-Илитверу, “чтобы через него выразить ему свою верную покорность и любовь, которую он [Вараз-Трдат] питал к нему, как к любимому брату”². Елиазар, сумев убедить Алп-Илитвера в том, что Вараз-Трдат и его окружение не причастны к убийству Джуаншира, склоняет его к примирению, которое и состоялось³. Хазары удалились из Алуанка, обязав князя Алуанка платить им дань, обещая взамен оказать всяческую помощь⁴. Таким образом, хазарский хаканат признал права Вараз-Трдата на княжеский престол Алуанка. Вскоре Вараз-Трдат, как князь Алуанка, был признан также со стороны нового арабского халифа Мрвана (683-685 гг)⁵. Этим актом новый халиф, вероятно, стремился восстановить непрерывный приток дани в казну халифата, который был прерван вследствие восстания против его предшественника.

В политической и государственной политике Вараз-Трдата значительное место занимало углубление связей. После стабилизации внутреннего и внешнего положения в своем крае, он отправил Исраэля, епископа гавара Мец Колманц области Арцах “к великому католикосу армянскому и к благочестивому князю Араратской области с целью укрепить любовь и согласие с ними”⁶. Последующие события, показывают, что стороны достигли договоренности о совместной борьбе против хазар. Страна по-прежнему стояла под бременем тяжелых налогов. Для выхода из создавшегося труднейшего положения Вараз-Трдат вместе с католикосом Елиазаром созвал нахараров страны на совещание и ознакомил их с ситуацией в стране. “Эти подати, - говорит Вараз-Трдат собравшимся, - которыми обложило нас лютное племя тачиков, слишком уж тяготают и теснят нас. Другое невыносимое бедствие для нас – это набеги полчищ гуннов на нашу страну, повторяющиеся из года в год. Так, насилие неприятелей с двух сторон разорило и опустошило нашу страну”⁷. Собравшиеся решили отправить посольство в страну гуннов (хазар) для заключения мирного договора. Выбор не был случайным. В это время арабы довольствовались лишь взиманием налогов. В противоположность этому хазары, кроме тяжелых

¹ Каланкатуаци, с. 120-121.

² Там же, с. 121.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 122.

⁷ Там же, с. 123.

налогов, периодически совершали набеги на страну, опустошая ее и уводя жителей в плен. В памяти участников собрания были еще свежи следствия последнего опустошительного похода хазар в Армению, Алуанк и Иверию. И хотя Алуанк при этом сравнительно мало пострадал и даже благодаря усилиям католикоса Елиазара был установлен мир с хазарами, все же не было никаких гарантий, что он вновь не подвергнется новым грабительским походам. Поэтому участники собрания снарядили посольство, которое во главе с тем же Исразлом “на шестьдесят втором году южного царства”, “восемнадцатого числа месяца меһакана”¹, т. е. 22 декабря 684 г.², отправился в путь.

В историографии существует мнение, что Каланкатуаци здесь имел в виду 62-й год хиджры, который соответствовал бы 682 г.³. Однако, мы видели выше, что в указанном году страны региона восстали против владычества арабов и, разумеется, не могло быть и речи о каком-либо посольстве в том году. Кроме того, в 682 г. первым князем Алуанка еще был Джуаншир, а источник указывает, что посольство было сформировано Вараз-Трдатом, который пришел к власти в 683 г. И если иметь в виду, что в первом году его княжения произошел поход хазар, переговоры Елиазара и последовавшие за ними события, то логичнее было бы полагать, что посольство Исразла могло отправиться в путь только на втором году его княжения, т. е. в 684 г. Оно во время своего путешествия, преодолев множество трудностей, 11 февраля 685⁴ достигло столицы хазар – Варачан, где удостоилось торжественного приема со стороны хазарского князя⁵.

Миссия Исразля увенчалась успехом. Он смог склонить на свою сторону хазар и даже, по свидетельству историка, “великопрестольный князь Алп-Илитвер, его вельможи и многочисленные воины” склонились “служению игу Христову”⁶. Тем не менее, хазары через короткий промежуток времени возобновили свои нападения на Алуанк и стали вновь принуждать его платить дань.

¹ Там же.

² С. Т. Еремян, Моисей Каланкатуаки о посольстве..., с. 134.

³ Н. Акинян, Мовсес Дасхуранци..., с. 267; З. Бунятов, Азербайджан в VII-IX вв., с. 192, пр. 143; The History..., p. 154.

⁴ С. Т. Еремян, Моисей Каланкатуаки о посольстве..., с. 148.

⁵ Маршрут посольства Исразла подробно показан С. Т. Еремяном (Моисей Каланкатуаки о посольстве..., с.150) и В. Г. Котовичем (О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджере и Таргу, Древности Дагестана, Махачкала, 1974, с. 189).

⁶ Каланкатуаки, с. 127.

В это время изменилась политическая ситуация на Южном Кавказе. Вслед за халифом Мрваном (683-685 гг.) правителем стал его сын Абд ал-Малик (685-705 гг), при котором после подавления внутренних мятежей в стране, халифат вновь переживает подъём¹. Его современником на византийском престоле был император Юстиниан II и между ними вскоре было заключено соглашение, согласно которому стороны в течение десяти лет (685-695 гг.) с равными правами должны были править на Кипре, в Армении, Алуанке и Иверии, а взимаемую в этих странах дань делить между собой². То, что и Алуанка находился в числе стран, плативших дань Византии и Арабскому халифату, видно из сообщения Каланкатуаци, согласно которому “князь Вараз-Трдат дань платил трем [царям] – царю хазиров, тачиков и ромеев”³.

В 688 г. Юстиниан, лично возглавив огромную армию, двинулся на Южный Кавказ. Разделив свои полки на три части, он отправил их в Армению, Алуанку и Иверию. Создав действительную угрозу внутренней самостоятельности этих стран, Юстиниан принудил правителей явиться к себе. Некоторых из явившихся князей он задержал при себе, других же отпустил, предварительно взяв заложников, некоторых князей он вновь утвердил в их должности. В числе последних был князь Алуанка Вараз-Трдат⁴. Однако этими почестями императора не долго пользовался князь Алуанка, поскольку сам Юстиниан II в 695 г. лишился престола. Его сменил император Леонтий, вынужденный затем и сам покинуть трон под давлением Тиберия III Ансимира (698-705 гг.), при котором самое тяжкое бедствие “на его (Вараз-Трдата – Г. С.) долю выпало”⁵. Вскоре князь Алуанка был вызван вместе со своими сыновьями в Константинополь, где “был задержан императором”⁶. Здесь Вараз-Трдат провел пять лет⁷. Согласно С. Т. Еремяну, император Тиберий III устранил алуанского князя от политической жизни, вследствие его хороших отношений с хазарами, опасаясь, что он смог бы использовать эти отношения и помочь сбежавшему к ним Юстиниану, стремившемуся вновь утвердиться на

¹ А. Тер-Гевондян, Арабские эмираты в Багратидской Армении, Ереван, 1965, с. 43 (на арм. яз.). Его же, Армения и Арабский халифат, Ереван, 1977, с. 71 и сл.

² Ю. Кулаковский, История Византии, т. III, Киев, 1915, с. 254.

³ Каланкатуаци, с. 156.

⁴ Асолик, с. 72.

⁵ Каланкатуаци, с. 157.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

византийском престоле¹. Эти опасения императора Тиберия не были безосновательными. Действительно, Юстиниан II смог вновь занять византийский престол. В 705 г., вступив заново на престол, он освободил князя Алуанка, однако, последний возвратился на родину один. Император, исходя из каких-то побуждений, удержал в Константинополе его сыновей – Гагика и Вардана в качестве заложников.

За время отсутствия Вараз-Трдата в стране Алуанк произошли значительные изменения. В это время княжеский престол перешел к князю по имени Шеро (699 г.), который достиг этого, преодолев сопротивление католикоса Нерсеса-Бакура и жены Вараз-Трдата-Спрамы. Нерсес был рукоположен католикосом после смерти Елиазара в 688 г. В период его католикосства в стране получило широкое распространение халкедонитство, к которому примкнули также католикос и жена Вараз-Трдата – Спрам. Последняя была у власти, когда ее муж находился в Константинополе в почетном плену. “В то время правила Алуанком”, - как о ней пишет Драсханакертци², а Степанос Орбелян называет ее “царицей”³. В это же самое время восстали те сородичи Вараз-Трдата, которые “завидовали ему и вынашивали бесплодные мысли”⁴, пытаясь взять власть в свои руки. Эту группировку возглавлял князь Шеро. Борьба за власть между этими группировками внешне выражалась в богословских спорах. Однако в ее основе лежал вопрос политической ориентации сторон. Католикос Нерсес и княгиня Алуанка, примкнув к халкедонитству, выступали как сторонники Византии. Этого требовали создавшиеся условия, поскольку там в плену находился Вараз-Трдат с двумя сыновьями, обстоятельство, которое порождало двойную сложность, в особенности для Спрам, потому что верность Византии требовала и “супружеская любовь и материнское умиление к своим детям, которые находились в Константинополе”⁵.

Другая группировка во главе с Шеро ориентировалась на Арабский халифат. Эта политическая борьба стала причиной непосредственного вмешательства Арабского халифата во внутренние дела исследуемого края. Шеро и его единомышленники сообщили армянскому католикосу Елие о том, что

¹ С. Т. Еремян, Моисей Каланкатуэйский о посольстве..., с. 153.

² Драсханакертци, с. 97.

³ Орбелян, с. 455.

⁴ Каланкатуацци, с. 120.

⁵ Н. Акинян, Мовсес Дасхуранци, с. 367.

Нерсес и его сторонники склонились к халкедонитству. Армянский католикос сразу прибыл в Партав, куда должно было явиться также и войско халифа Абд ал-Малика, и расправился с Нерсесом-Бакуром и Спрамоу. Елия лишил Нерсеса сана католикоса и приговорил к изгнанию. Последний не выдержал этого и, “не принимая пищи дней восемь, умер”¹.

Так завершилась борьба между двумя враждующими группировками, которая возникла “между князем (Шеро – Г. С.) и Спрамоу из-за власти”².

В историографии участие католикоса Елии в этом конфликте интерпретировалось как пример попытки армянских церковных деятелей упразднить самостоятельность алуанской церкви, подчинить ее своему влиянию, уничтожить местную письменность и литературу, насильственно арменизировать население края. Однако автор этих необоснованных обвинений по отношению к армянским церковным деятелям, З. Бунятов, обходя молчанием сложившуюся в то время политическую обстановку, требующую проведения вынужденной политики, таким предосудительным способом желает доказать выдвинутые им же самим ложные и надуманные мнения, не имеющие никакого отношения к науке. Католикос Елия в данном случае действовал соответственно политической обстановке и по приглашению и желанию правящей верхушки Алуанка с целью остановить раскол между фенеу армянской церкви. В исследуемый период в Аран-Алуанке кроме халкедонитства широкое распространение получили также иконоборчество и павликианство. Заключались также и кровосмесительные браки. Князь Шеро, преодолев сопротивление халкедонитов и став правителем страны, провел серьезную борьбу против этих явлений. Поэтому в Партаве был созван церковный собор, на котором были преданы анафеме все ереси, принято решение запретить браки между родственниками и провозглашалась приверженность монофизитской церкви к утвержденным ею канонам. “Мы предаем проклятию всех еретиков, - пишут собравшиеся католикосу Елии, - ... Мы устанавливаем этот канон перед Богом и перед вашей святостью, чтобы впредь никто не смел удаляться от преданий отцов наших и ваших”³. Содержание письма, направленного армянскому католикосу Елии, приводит и Самвел Анеци. В нем Шеро называет себя “патрик алуанат, владыка Гардмана и Алуанка” и заверяет

¹ Каланкатуаци, с. 149.

² Там же.

³ Там же.

Елию, что “Когда вы предпринимаете (мероприятия – Г. С.) против халкедонитской ереси, или против Маирагомеац, или паили кенац¹, или о кровосмешивательной женитьбе, или что-нибудь другое, никто не может не выполнять ваш приказ”².

Щеро вскоре лишился княжеского престола Алуанка. В конце VII и начале VIII вв. арабы с целью окончательного завоевания Южного Кавказа развернули там серьезные действия. По свидетельству Каланкатуаци, правитель Арминии Махмет II (Мрван ибн Мухаммад) “пришел в Армению и через Алуанк поспешно вторгся в Чола”³. Это означает, что арабы опять завоевали районы, расположенные до Чора. Армяне оказали упорное сопротивление Махмет-Мрвану, всячески препятствуя его стремлению прочно утвердиться в регионе. В течение трех лет Мрван ибн Мухаммад организовывал походы в сторону Арминии, многих предал мечу, захватил ряд местностей, но ввиду упорного сопротивления армян его успехи были сведены к нулю. Наряду с военными действиями, Мрван “заманил в ловушку, великими клятвами, коварством и обманом собрал у себя всех главных армянских [нахараров] – восемьсот мужей, угнал их в город Нахчаван, запер их в церкви и сжег живьем. Четыреста других мужей [из армянских нахараров] он сжег в храме, а остальных предал мечу”⁴. Этот тяжелый удар по армянской военной силе облегчил завоевание Арминии и всего Южного Кавказа. Начались насилия. Приняв во внимание арабскую ориентацию князя Щеро и его лояльность к арабам, Мрван ибн Мухаммад сравнительно мягко поступил с этой частью Арминии и его князем. В то время, когда других армянских князей, принуждая заплатить выкуп, все же уничтожали⁵, князь Щеро просто был арестован и взят в плен. “После этого, - пишет Каланкатуаци, - увели князя Алуанка Щеро вместе с асатами – сначала в Тарон, а оттуда в Сирию. То было в сто пятьдесят третьем году армянского летосчисления”⁶. После этих событий, в 705 г., Вараз-Трдат, получив свободу от Юстиниана II, возвратился на родину, оставив своих сыновей в Византии как заложников. Возвратившись в Алуанк и заняв вновь княжеский престол, он был

¹ Это искаженное слово “павликианец”. Оно – первое упоминание павликиан в историографии (см. Р. Бартикян, Источники для изучения истории павликианского движения, Ереван, 1961, с. 31).

² Самвел иереи Анеци, Собрание из сочинений историков, с предисл., сравн., прилож. и др. А. Тер-Микелян, Вагаршанат, 1893, с. 286 (на древнеарм. яз.).

³ Каланкатуаци, с. 160.

⁴ Там же.

⁵ Левонд, с. 22-23.

⁶ Каланкатуаци.

вынужден примириться с создавшимся политическим положением и “передав страну Восточную тачикам, он только им и платил налоги”, став причиной ареста оставленных заложников своих сыновей¹.

Этим актом Алуанк окончательно попал под владычество Арабского халифата. А как долго правил во второй раз Вараз-Трдат, лишь можно предположить, ибо в источниках об этом ничего не сказано. По всей вероятности, он стал жертвой очередного похода хазар, когда, в 709 г. пришли они с восьмьюдесятью тысячами воинов и заняли Алуанк². “То было в сто пятьдесят восьмом году армянского летосчисления”³. Возможно, что во время этого похода хазар (в 709 г.) Вараз-Трдат, как князь подчиненной арабам страны, со своим войском участвовал в боях против хазар и погиб во время одной из стычек.

После этого похода хазар и гибели Вараз-Трдата в Глубинном крае Армении на смену арабскому владычеству приходит короткое, двухлетнее владычество хазар.

В 711 г. арабы смогли восстановить в Алуанке свои утерянные права и первым князем назначили одного из вельмож по имени Джуаншер (711-725 гг.) из рода Мухранидов, выразившего им покорность. О его жизни и деятельности трудно сказать что-либо определенное. Лишь известно, что при нем в 724 г. арабский остикан Маслама занял Дербент, опустошил его, затем двинулся в Хазарию, где, однако, потерпел неудачу и только благодаря храбрости военачальника арьергарда – Вачагана Араншаһика, смог ускользнуть от преследования хазар. Последнее обстоятельство говорит о том, что в военной и политической жизни страны снова возвышаются Араншаһики.

Для Алуанка начинаются тяжелые времена. Страна была разорена налогами, которые платились арабам. Эпидемия среди скота еще более усугубила и без того расшатанное экономическое положение страны. Несмотря на это, арабы продолжали свою жестокую налоговую политику. Более того, стараясь насколько возможно больше взимать налогов, они зимой 725 г. провели перепись, которая по имени ее исполнителя называлась перепись һЭрта. Она имела целью заменить подъемный налог подушным и обложить налогом скот и

¹ Там же, с. 157.

² Там же, с. 160.

³ Там же.

землю¹. Тяжелое экономическое и политическое положение страны Алуанк открыло дорогу острым разногласиям и распрям, которые в 725 г. привели к убийству князя Алуанка – Джуаншира II. По свидетельству историка, его убили “аметедуки”².

После этого Михранидский род, хотя и продолжал сохранять в течение одного столетия свою власть, тем не менее после 725 г. “лишилось славы княжество Алуанка и полчища агарийцев захватили ее”³. Затем на княжеский престол Алуанка один за другим следуют незаметные и ничем не выделявшиеся князья. За Джуанширом II следует вернувшийся из плена сын Вараз-Трдата – Вардан, которого затем сменил его старший сын Нерсеһ, из-за своего свирепого характера ставший ненавистным народу и, получив от него название Джндак (“Свирель”).

В середине VIII в. в политической жизни Арабского халифата произошли крупные изменения. Оме́йядов сменили Аббасиды, в период владычества которых крайне обострилась политическая и экономическая жизнь подчиненных халифату стран, в том числе и Алуанка-Арана. Аббасиды отстраняют от политической жизни Алуанка местных князей и руководство страной полностью берут в свои руки. Партав превращается в резиденцию арабских остиканов⁴.

Это было в 789г., когда Партав после Двина становится основной резиденцией остиканов Арминии.

Тяжелое положение, создавшееся при Аббасидах, заставляет многих покинуть родную страну и перейти в Византию. Однако большая часть населения все же осталась на местах и часто поднималась на освободительную войну против арабского ига. Весь VIII в. полон восстаниями и повстанческими движениями, которые постоянно вспыхивали то в одной, то в другой стране региона. В 792 г. при правителе остикана Фадла ал-Бармакида восстают жители Партава. Восстание началось с убийства Абу Сабаха, прибывшего в

¹ Там же, с. 161. О переписи нЭрта и тяжелых следствиях рассказывают также Левонд (гл. 17) и Асолик, с. 98-99.

² **Каланкатуаци**, с. 161.

³ **Алишан**, Алуанк, Базмавэп, Венеция, 1970, N 11-12, с.350.

⁴ **Каланкатуаци**, с. 163.

Партав для сбора налогов. Затем оно разрослось и охватило также Паїтакаран, Дербент, Ширван¹.

В 793-794 гг. вновь восстают жители Партава и Паїтакарана. В это время на территории Аран-Алуанка жили разные арабские племена, которые постоянно находились в состоянии войны между собой. Новому правителю Арминии Йазид ибн Мазіад Шайбани (799-801 гг.) удалось усмирить эти враждебные по отношению друг к другу племена и одновременно завоевать симпатии знати страны Алуанк². Возможно, что с его разрешения правителями страны назначаются представители местной знати, притом с сохранением титула “князь”. На это указывает то обстоятельство, что в конце VIII в. вновь в качестве князя Алуанка упоминается князь Варазман из Михранидского рода, о деятельности которого ничего не известно. Вследствие молчания источников невозможно что-либо сказать о политической, экономической и культурной деятельности алуанских князей этого периода.

На алуанском княжеском престоле Варазмана сменяет сын – Вараз-Трдат II. Последний имел трех сыновей – Степанноса, Варазмана и Джуаншерика. Старший из них – Степаннос, по словам историка, “умер в полдень [своей жизни]. А брат его Варазман утонул в реке Куре, которая и стала его могилой. Наследником остался Джуаншерик, брат его”³. Однако Джуаншерик или остался наследником или же правил весьма надолго, поскольку в 821 г. князем Алуанка уже упоминается сын Степанноса Вараз-Трдат III. Этот Вараз-Трдат, который “был восьмым [владельцем], считая от Вараз-Григора, первого князя Алуанка”⁴ стал последним князем Михранидского рода в Алуанке и имел трагическую кончину: вместе с сыном Степанносом в 821 г. был убит в гаваре Верин Хачен, области Арцах, в местечке монастыря Дадо, рукой своего сородича князя Филипиян Нерсеа⁵.

После убийства Вараз-Трдата его жена увела свою дочь в крепость Хачен⁶, Хачен⁶, где выдала ее замуж за сына Сахла Омбатяна Араншахика – князя

¹ Арабские историки..., с. 111-113. См. также А. Тер-Гевондян, Армения и арабский халифат, с. 120.

² С. Т. Еремян, Азербайджан (Албания) в период арабского владычества, Очерки истории СССР, III-IX вв. с, 536.

³ Калканкатуаци, с. 164.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 164.

⁶ Там же.

Хачена Амрнерсеһа, тем самым вновь объединив Араншаһикский и Миһранидский роды.

Смертью Вараз-Трдата III род Миһранидов был упразднен и северо-восточным областями Армении, называемыми Алуанком, вновь начали править Араншаһики. Управляемое ими армянское княжество с освобождением центральной Армении от арабского ига Багратидами в 885 г. усилиями һАмама Аревелци приобретает свободу: “Затем благочестивый һАмам, воцарившись в Алуанке, возобновил упраздненное царство Алуанка, как Ашот Багратуни – царство армянское. Это совершилось одновременно”¹. Созданное им “царство” выступало как одно из армянских государственных образований того времени и включалось в систему феодалных княжеств, находившихся под верховным владьмеством Багратидов Армении.

¹ Там же, с. 168.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале I в. до н. э. на Южном Кавказе образуется и на исторической арене выступает новое государство, которое в армянских источниках называлось “Алуанк”, греко-римских – “Албания”, в грузинских – “Рани”, а в персидских, сирийских и арабских источниках – “Аран”.

Армянское название “Алуанк”, не имея этнического происхождения, восходит к армянскому слову “аху”, “алу”, означающему “кроткий”, “приятный”. Семантика слова отражает природные условия и благоприятный климат страны.

Поскольку суффикс “еанк” обозначает принадлежность, то слово “алуанцы”, превратившись впоследствии в топоним, означает “жители благодатной страны”. А греко-римское название страны Албания происходит от армянского названия “Алуанк” на основе чередования армянских звуков η и πλ (ц), эквивалентных латинским звукам “l” и “b”.

Страна Алуанк была населена с древнейших времен, начиная с неолита, и ее население прошло все стадии человеческого развития. Аборигены страны Алуанк, которые вначале носили общее название “каспы”, с очень ранних времен стали участниками исторических событий. Еще в последних десятилетиях VI в. до н. э. они попали под владычество Ахеменидского Ирана и составили ее одиннадцатую сатрапию. Последняя носила название “Каспиана” и, заключая в себе территорию, которая с севера была ограничена южными склонами Кавказского хребта, с востока – Каспийским морем, с юга – рекой Курой, с запада – рекой Алазан, не имела никакой связи с упоминаемой позднее в армянских источниках и расположенной на другом месте того же западного побережья Каспийского моря “Каспианоу- Паутакараном”, с которой исследователи ошибочно отождествляют ее. Несмотря на то, что греко-римские источники упоминают о наличии 26 различных племен на территории будущего Алуанка, тем не менее всех их они называют “албанцами-алуанцами”. Это обстоятельство позволяет утверждать, что указанное название является общим, относится ко всем племенам и будучи собирательным термином, не является этническим названием.

В письменных источниках название “алуанцы” засвидетельствовано с конца IV в. до н. э. в связи со сражением при Гавгамелах. Согласно этим сообщениям,

алуанцы продолжали оставаться подданными Ахеменидов и в этой битве сражались против Македонии. В то же самое время их политические объединения не вышли за рамки племенных союзов.

В Гавгамельской битве рядом с алуанцами против македонян сражались также племена, называемые “сакесины”, которые только по внешнему сходству с названием населения одного из гаваров армянской области Утик-Сакасен-Шакашена отождествлены исследователями с ее населением. Отсюда ими делалось заключение, что якобы гавар Шакашена, а следовательно и вся область Утик являлась одной из древних областей Алуанка. Однако исследованием выясняется, что сакесины, сражавшиеся в Гавгамелах рядом с алуанцами, являлись остатками обосновавшихся на территории будущего Алуанка скифских племен и, имея совершенно иное место обитания по западному побережью Каспийского моря, не были идентичными с “шакашен-сакасенцами”, которые в то же время выступали под командованием армянского царя Оронтеса или Ерванда как неотъемлемая часть населения Великой Армении. Поэтому точка зрения относительно принадлежности гавара и всей области Алуанку – надумана и антиисторична.

Гавгамельская битва завершилась поражением Ахеменидов, после чего алуанские племена на долгое время приобрели самостоятельность и независимость, способствовавшим формированию государственности. В силу ряда общественных, политических и географических факторов, государство в Алуанке образуется позднее, чем в соседних странах – Великой Армении и Иверии.

Оно образовалось путем объединения 26 разноразных племен, в начале I в. до н. э. как результат социально-экономического, политического и общественного развития.

Политические границы Алуанка, за исключением краткого промежутка времени в IV в., с I в. до н. э. до середины V в. оставались неизменными и на севере проходили по южной - Кераунской ветви Главного Кавказского хребта и рекой Суаной (Сумгаит), на востоке – по прилегающему к нему побережью Каспийского моря, на юге – по реке Куре, а на западе – по реке Алазан. Столицей ее был город Капалак. Именно эта страна в указанных границах выступает в греко-римских источниках под названием “Албания”, а его разноразное и разноразное население – “алуанцы”. С формированием

государственности начался и процесс консолидации алуанских племен. Однако в силу географической и экономической раздробленности страны и ряда социально-экономических факторов этот процесс остался незавершенным, и алуанские племена не обрели этнической общности.

Источники представляют алуанцев как высокорослых и строиных людей. Это были воинственные племена, которые сражались на конях и пешими, легко и тяжело вооруженными, имея соответственно для того времени вооружение.

Алуанцы занимались скотоводством и земледелием, которое являлось ведущей отраслью хозяйства. Они занимались виноградарством, виноделием, обрабатывали овощные и технические культуры. Древние жители исследуемого региона занимались также охотой и рыболовством, ремеслом и торговлей, выразившихся в простом натуральном товарообороте. Они почитали Солнце, Луну, которым были посвящены святилища, где им приносились жертвы. Кроме этих общих божеств и других культовых предметов каждое из 26 алуанских племен имело также свое собственное местное божество и предмет культа. При храмах создавались обширные и густонаселенные храмовые хозяйства, во главе которых стояли жрецы – самые чтимые у алуанцев после царя люди.

Во главе алуанского государства стоял царь. В Алуанке как и в других восточных странах, после царя и членов его семьи главенствующую роль играли жрецы и военная знать. Внизу социальной лестницы находились объединенные в сельские общины свободные крестьяне, домашние слуги и другие неимущие и бесправные прослойки.

В Алуанке использовался и рабский труд. Однако рабства в классическом значении этого слова здесь не было. Рабский труд в Алуанке применялся большей частью в хозяйстве, нежели в производстве, иными словами, оно имело характер восточного рабства.

С начала I в. до н. э. Алуанка становится объектом римских походов. Его географическое положение, владение Кавказскими проходами, что составляло важную часть римской завоевательной политики и вообще всей программы Рима овладеть Южным Кавказом, сделали необходимым для империи завоевание Алуанки. Период римско-алуанских отношений полон примерами борьбы алуанцев против чужеземцев.

Походы Рима привели к завоеванию Алуанки. Однако его власть здесь не была прочной, и зачастую могущественный Рим бывал вынужден все начинать

сначала. Иногда помимо военной силы, приходилось прибегать и к дипломатическим средствам.

Завоеванный Алуанк, вопреки своим интересам, по принуждению, часто сражался на стороне Рима.

На политическое и экономическое развитие Алуанка отрицательное влияние оказывали грабительские и опустошительные походы северных кочевых племен – алан, хазар и др. В эти тяжелые для страны времена еще более тесными становились армяно-алуанские связи.

С первых десятилетий III в. н. э. со вступлением на историческую арену Сасанидского Ирана, меняется политическая ситуация в Передней Азии. Теперь уже разворачивается острая и непримиримая борьба между Римом и Сасанидским Ираном, сменившим Парфию. Новая держава с самого начала своего существования с унаследованной от предыдущей династии политикой подчинения, ассимиляции, религиозных гонений настраивает против себя закавказские народы. Постоянными участниками этой борьбы против Сасанидов, возглавляемой армянскими царями, были также и алуанцы.

Однако, борьба противоборствующих сторон завершилась тем, что в середине III в. сперва Армения, затем и Алуанк попали под владычество Сасанидского Ирана.

В IV-VI вв. в Алуанке складываются феодальные отношения, а VII в. становятся основным способом производства.

Прежние экономические отношения в Алуанке преобразовывались в феодальные в основном в двух направлениях – путем развития сельской общины и превращения рабов в зависимых крестьян. Кроме этого в Алуанке феодальные отношения созревали также и опосредственными путями. Однако в Алуанке, наряду с феодальными отношениями, сохранились также элементы родовых и рабовладельческих отношений, которые придавали экономическому строю Алуанка многоукладность, что было особенностью его феодального строя.

Феодальное общество Алуанка также было разделено на два основных класса – феодалов и крестьян, делившихся в свою очередь на отдельные прослойки, и имевших соответствующие их положению права и обязанности.

Новый экономический строй обусловил преобразования и в системе политической власти. В конце 30-х годов IV в. в Алуанке приходит к власти новая династия Аршакидов, которая генетически восходя к армянским

Аршакидам, просуществовала до первых десятилетий VI в. Основоположником династии был Вачаган Храбрый. Управляемый династией Аршакидов, Алуанк прошел исторический путь, полный значительных событий. В этот период армянским ученым и просветителем, творцом армянских письмен Месропом Маштоцем создается алуанский алфавит, осуществляется перевод священных книг, и христианство провозглашается царем Урнайром в 70-х гг. IV в. государственной религией. Эта династия дала Алуанку таких крупных политических, государственных и общественных деятелей, как Вачаган Храбрый, Урнайр, Есваген, Ваче II, Вачаган Благочестивый и другие. Они всеми средствами, вплоть до военных действий, сражались против чужеземных завоевателей за свободу, независимость своей страны, укрепление и усиление ее экономической и политической мощи, развитие культуры.

Яркими страницами истории алуанцев являются освободительные войны против Сасанидов при помощи армянского народа, с которым они были связаны обетом и клятвой. Еще в 450 г. армяно-алуанские войска во главе с армянским спаранетом Варданом Мамиконяном прошли по всей стране, выгоняя оттуда засевшие в крепостях и укрепленных местах Алуанка персидские войска, освобождая алуанские церкви от засилья персидских церковников, пытавшихся насадить в стране зороастризм.

В 457 г. в Алуанке вспыхнуло народное восстание во главе с царем Ваче II. Восставшие, пользуясь тем, что после смерти Иазкерта его сыновья вели братоубийственную войну за престол, на время сбросили с себя персидское иго, христианство объявили свободной религией и начали открыто исповедать его, восстановили нахарарские права и другие порядки системы внутреннего самоуправления. Победив в двухлетней борьбе и завладев престолом царя царей младший сын Иазкерта Пероз занялся восставшими алуанцами. Они целый год смело сопротивлялись многочисленным войскам шахиншаха, часто нанося им тяжелые удары, но силы были неравны и в 461 г. Пероз подавил восстание, жестоко расправился с восставшими, а царя Ваче II удалил с алуанского престола.

Единое централизованное Алуанское государство было безвозвратно ликвидировано.

Удалив с престола царя Ваче II и упразднив в Алуанке царскую власть Пероз утвердил там марзпанский режим, при котором политическое управление

уже осуществляли персидские марзпаны, назначенные Сасанидами, Образование марзпанства кроме политических привнесло также и административные изменения. В первый же период его образования от Великой Армении Сасанидами были отторгнуты и присоединены к Алуанскому марзпанству армянские области Утик и Арцах, вследствие чего границы марзпанства на юге достигли реки Аракс. В истории впервые на упомянутые области распространилось название "Алуанк". Но необходимо констатировать, что и в составе Алуанского марзпанства эти армянские области продолжали жить своей самостоятельной жизнью, без какой-либо органической связи с другими частями марзпанства.

Столицей новосозданного политического образования стал город Партав, находившийся в области Утик.

Вследствие завоевательной политики персидских царей границы алуанского марзпанства расширяются также и на севере, достигая Дербента, поскольку параллельно с завоеванием гаваров на западном берегу Каспийского моря, передвигаясь на север, Сасаниды присоединяли их к марзпанству.

По прихоти исторической судьбы названию "Алуанк" суждено было просуществовать дольше, нежели населению его исконной территории. Стремление Ирана прочно укрепиться на Южном Кавказе, частые набеги кочевых племен и необходимость борьбы против них заставили Сасанидов предпринять оборонительные меры. С этой целью на северной части территории марзпанства они заселяли верных себе людей, предоставляли территории отдельным племенам и народностям, определили для них границы, предводителям даровали шахские титулы и посты, предоставляли самостоятельность и вверяли им защиту обширных территорий от нашествий кочевников. Вследствие этого страна делилась на отдельные мелкие самостоятельные политико-административные образования, которые начинали выступать под названиями своих племен, княжеских домов или же конкретных географических местностей. При наличии последних, общее название "Алуанк", до этого обозначающее всю территорию марзпанства, становится лишним и перестает показывать бывшую территорию марзпанства. Одновременно с этими политическими изменениями, в новообразованных административно-политических единицах начинается и деэтнизация алуанских племен. С VII в. происходит процесс их слияния с

переселенными туда разными по религии и языку племенами. Деэтнизация края более интенсивно протекала со второй половины XI в. после появления в регионе тюрк-сельджуков. С их появлением началась тюркизация края.

Следовательно, алуанские племена не участвовали в образовании азербайджанского народа как один из его компонентов и, значит, никоим образом не могут являться их предками, что стремятся доказать азербайджанские исследователи, фальсифицируя и подтасовывая факты, дабы желаемое выдать за действительность.

Совершенно иной процесс происходит в той части марзпанства, которая была расположена к югу от Куры – в Арцахе и Утике. Имея единое армянское население, находясь в тесной связи с матерью-Арменией, своим экономическим и высоким культурным развитием армянские области никакой почвы не оставили для политических преобразований, подобных тем, что произошли в северной части марзпанства. Являясь стабильной и моноэтнической административной единицей Алуанского марзпанства и как его составная часть получив название общее для всего марзпанства, эти армянские области сохранили за собой уже потерявшее на севере свое былое содержание название “Алуанк”, которое так и не перейдя для них за черту географического понятия, сохраняется включительно до XIX в.

Таким образом, в то время, когда на бывшей территории собственно Алуанка возникали самостоятельные политические единицы со своими отдельными названиями, понятие “Страна Алуанк” приобретает новое значение и начинает обозначать совсем иную территорию. Границы этой территории или же новоназванной страны Алуанк, проходили на севере по реке Куре, на юге-востоке – реке Аракс, юго-западе – по Арцахским-Севанским и Мургузским (Мианорским) _ горам Малого Кавказского хребта и северо-западе – у крепости Ынаракерт, составляя треугольник, в которой включены армянские области Утик и Арцах или, что одно и то же, северо-восточная часть Великой Армении. Отныне, под названием “страны Алуанк” особенно армянские историки понимали указанную территорию и употребляли его как синоним понятиям “Восточная часть Армении”, “Северо-восточные края Армении”, “Глубинная страна Армении” и т. д. Не трудно заметить, что Алуанк-Албания греко-римских источников со своими политическими границами и 26 разноязычными племенами различается от новоназванной “страны Алуанк” с иными

политическими границами и монолитным армянским населением. На территории новонареченной страны Алуанк с конца VI в. опять вследствие завоевательной политики Сасанидского Ирана возвысился персидский род Миһранидов. С приходом власти Миһранидов в истории Утик-Арцаха начинается новый период, охватывающий VII-VIII вв. Род Миһранидов пришел к власти после истребления многих из ее исконных армянских хозяев Араншаһиков. Миһраниды имели персидское происхождение, однако установившиеся родственные связи с местными армянскими родами, соприкосновение с армянским населением, в условиях расцвета армянской письменности, литературы и культурной жизни, скоро арменизировались и усваивая обычаи и быт местной знати, выступили как поборники всего того, что было армянским.

В начальный период Миһранидский род утвердился в гаваре Гардман области Утик, затем различными способами сумел достичь господства над территорией, лежащей между Курой и Араксом, в течение двух веков сохранив за собой право ношения титула Великих князей Алуанка-Арана. Будучи предусмотрительными и дальновидными политическими деятелями, Миһраниды сумели не только закрепить свою власть на указанной территории, но и при Джуаншире, самой яркой личности из династии, распространить ее и на некоторые части левобережья Куры. Являясь князьями и владельцами иной, отличной от Собственно Алуанка территории, они, естественно, ни коим образом не могли являться восстановителями царской традиции в Собственно Алуанке, как предполагают некоторые исследователи.

Миһранидское княжество представляло собой одно из политических образований феодальной Армении.

БИБЛОГРАФИЯ

Первоисточники

Рукописи

Институт древних рукописей им. Месропа Маштоца (Матенадаран), рук. NN1531, 1725, 2646, 4197.

Античные

Аммиан Марцелин, История, пер. с латинского Ю. Кулаковский и А. Сонни, Киев, 1908.

Арриан, Поход Александра, пер. с древнегреческого М.Е. Сергеевко, М. - Л., 1962.

Ган К., Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе, СМОМПК, вып. 4, Тифлис, 1884.

Геродот, История в девяти книгах, Пер. и прим. Г. А. Стратановского, Л., 1972.

Деяния божественного Августа, ВДИ, 1949, I.

Диодор Сицилийский, пер. с оригинала, предисл. и примеч. С. М. Кряжаряна, Е., 1985 (на арм. яз.).

Дион Кассий, Римская история, Иосиф Флавий, Дион Кассий, пер. с оригинала, предисл. и прим. С.М.Кряжаряна", Ереван, 1976, (на арм.яз.).

Евтропий, Бревиарий, ВДИ, 1949, N 3.

Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, собрал и издал с русским переводом В. В. Латышев, т. 1., СПб., 1980, т. II, 1904.

Иосиф Флавий, Иудейские древности, Иосиф Флавий, Дион Кассий, пер. с оригинала, предисл. и прим. С. М. Кряжаряна, Ереван, 1976 (на арм. яз.).

Клавдий Птолемей, Географическое руководство, ВДИ, 1983, N 1.

Квинт Курций Руф, История Александра Македонского, Москва, 1963.

Плутарх, Сравнительные жизнеописания, тт. I-III, М., 1961-1964.

Полибий, Всеобщая история в сорока книгах, пер. с греческого Ф. Г. Мищенко, тт. I-III, Москва, 1890-1899.

Помпоний Мела, Землеописания, ВДИ, 1949, N 1.

Присциан, Землеописания, ВДИ, 1949, N 4.

Страбон, География, пер., статья и комментарии Г.А.Стратановского, Л., 1964.

Стефан Византийский, Ethnica, ВДИ, 1948, N 2.

Солин Ю., Сборник достопримечательностей, ВДИ, 1949, N 3.

Тацит Корнелий, Сочинения в двух томах, Л., 1969.

Тацит, пер. и коммент. и о. проф. П. Сотникяна, Ереван, 1941 (на арм. яз.).

Юстин, Эпитома сочинения Помпея Трога, ВДИ, 1954, NN 2-4.

Флор, Сокращения, ВДИ, 1949, N 3.

Армянские

Агатангелос, История Армении, научно-критический текст. Г. Тер-Мкртчяна и С. Канаянца, перевод на совр. арм. яз. и коммент. А. Тер-Гевондян, Ереван, 1983.

Анания Ширакаци, Избранные труды, пер. на современный арм. яз., предисл. и ком. А. Г. Абрамян, Г. Б. Петросян, Ереван, 1979.

Анонимная хронография VII в., Венеция, 1904 (на арм. яз.).

Армянская книга канонов, II, предисл., научно-критический текст и примеч. В. Акопяна, Ереван, 1971 (на древнеарм. яз.).

Ашхарацуиц Мовсеса Хоренаци, Венеция, 1881 (на древнеармянском яз.).

Всеобщая история Вардана Великого, перевел Н. Эмин, М., 1861.

Всеобщая история Степаноса Таронского Асохика по прозванию, переведена с армянского и объяснена Н. Эмином, М., 1864.

Библиография нашего святого отца Мовсеса Хоренаци, Венеция, 1865 (на арм. яз.).

Егишэ, О Вардане и войне армянской, перевод с древнеармянского акад. И. А. Орбели, Ереван, 1971.

Епископ Ухтанес, История Армении, Вагаршанат, 1871 (на древнеарм. яз.).

Иоанн Мамиконян, История Тарона, Ереван, 1941, с. 66-67 (на древнеарм. яз.).

Иованнес Драсханакертци, История Армении, пер. с древнеарм., вступительная статья и коммент. М. О. Дарбинян-Меликян, Е., 1986.

История Армении Фавстоса Бузанда, перевод с древнеарм. и коммент. М. А. Геворгяна, Ереван, 1953.

История Армении Моисея Хоренского, новый пер. И. О. Эмина (с примечаниями и приложениями), Москва, 1893.

История епископа Себеоса, пер. Ст. Малхасянца, Ереван, 1939.

История агван Моўсея Каганкатваццц писателя X в. Пер. с армянского К. Патканяна, СПб., 1861.

История халифов Варданета Гевонда, писателя VIII в. Пер. с армянского К. II. Патканяна, СПб., 1862.

Киракос Гандзакеццц, История Армении, пер. с древнеарм. предисл. и комментарии Л.А.Ханларян, Ереван, 1976.

Книга посланий, Тифлис, 1902 (на древнеарм. яз.).

Корюн, Житие Маштоца, перевод Ш.В.Смбатяна и К. А. Мелик-Оганджяна, Ереван, 1962.

Лазар Парпеццц, История Армении, Письмо Вагану Мамиконяну, крит. текст Г. Тер-Мкртчян и Ст.Малхасянца, пер. на совр. арм. яз. и примеч. Б.Улубабяна, Ереван, 1982.

Маттеос Урхаеццц, Хронография, Вагаршапат, 1898.

Мовсес Каланкатуаццц, История страны Алуанк, с примеч. издал К.Шаһназарян, Париж, 1860 (на древнеарм. яз.).

Мовсес Каланкатуаццц, История страны Алуанк, пер. на совр. арм. яз., предисл. и примеч. В. Аракеяна, Ереван, 1969.

Мовсес Каланкатуаццц, История страны Алуанк, критич. текст и предисл. В. Аракеяна, Ереван, 1983 (на древнеарм. яз.).

Мовсес Каланкатуаццц, История страны Алуанк, пер. с древнеарм. арм. яз., предисл. и коммент. Ш. В. Смбатяна, Ереван, 1984.

Мовсес Каланкатуаццц, История страны Алуанк, пер. с древнеарм., предисл., примеч и указатели Л.С.Давлианидзе-Татишвили, Тбилиси, 1985 (на груз. яз.).

Мхитар Айриванеццц, История Армении, Москва, 1860 (на древнеарм. яз.).

Мхитар Анеццц, Книга по всемирной Истории, подгот. текста к изданию и исслед. А. Г. Маргаряна, Ереван, 1983, с. 92 (на древнеарм. яз.).

Португал-Паша Микаел, О Вардане и армянской войне варданета Егише и его критика, Венеция, 1903 (на арм. яз.).

Самуел иереи Анеццц, Собрание из сочинений историков, с предисл., сравн., прилож. и пр. А. Тер-Микелян, Вагаршапат, 1893, (на древнеарм. яз.).

Степанос Орбелян, История Сюника, Тифлис, 1910 (на древнеарм. яз.).

Хрестоматия по истории армянского народа, Ереван, 1981(на арм. яз.).

Грузинские, арабские, византийские и сирийские

Картлис Цховреба, подготовил к изданию по всем основным рукописям проф. С.Г.Каухчишвили, т. 1, Тбилиси, 1955, т. II, Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).

Краткая история Грузии, написанная историком Джуамширом, Венеция, 1884, (на арм.яз.).

Л.М.Меликсет-Бек, Грузинские источники об Армении и армянах, т. 1, (V-XI вв.); Ереван, 1934, т. II, (XIII-XVIII вв.), Ереван, 1936, (на арм.яз.).

Е. С. Такайшвили, Источники грузинских летописей, Три хроники. СМОМПК, вып. 28, Тифлис, 1900.

Арабские историки об Армении, собрал и перевел Б. Халатянц, Вена, 1919 (на арм. яз.).

Арабские источники об Армении и сопредельных странах составил А.Т.Налбандян, Ереван, 1965 (на арм. яз.).

Баладзори, Книга завоевания стран, пер. П.К.Жузе, Баку, 1927.

Ибн ал-Асир, перевод с оригинала, предисл. и прим. А.Н.Тер-Гевондяна, Ереван 1967 (на арм.яз.).

Караулов Н. А., Сведения арабских писателей о Кавказе Армении и Азербайджане, СМОМК, вып. 29, Тифлис, 1901, вып. 31, Тифлис, 1902, вып. 32, Тифлис, 1903, вып. 38, Тифлис, 1908.

Византийские историки (Петр Патриций, Феофан Византиец, Менандр), пер. С.Дестуниса, СПб., 1860.

Константин Порфирородный, О ритуалах Византийского двора, пер. с оригинала, предисл. и коммент. Р. М. Бартияна, Ереван, 1970 (на арм. яз.).

Прокопий Кесарийский, О войнах, пер. с оригинала, предисл. и прим. Р. М. Бартияна, Ереван, 1967 (на арм. яз.).

Феофан Исповедник, пер. с оригинала, предисл. и прим. Р. М. Бартияна, Ереван, 1983, (на арм. яз.).

Филофакт Симокатта, История, пер. С.П.Кондратьева, М., 1957.

Сирийские источники, пер. с оригинала, предисл. и примеч, Г.Г.Мелконян, Ереван, 1976 (на арм.яз.).

Переведенные на европейские языки

Ammianus Marcellinus, Works, in three volumes.

Arrian, Anabasis Alexandri, in two volumes.

Brosset M., Extraits de Histoire des Aghovans en Arménien par Moise Caghancatovatsi (Additions et éclaircissement a l'histoire de la Georger), SPb, 1851.

Dios Roman History, in nine volumes.

Lustini Luniani, Epitoma Historiarum Phillipicarum Pompei Trogi, BDU, 1955, Nr. 1.

Lucius Junius Moderatus Columella, On Agriculture, in three volumes, London, 1948.

Movses Dasxuranci, The History of the Caucasian Albanians, translated by S. J. F. Dowsett, London, 1961.

Pliny, Natural History, in ten volumes, London, 1950-1962.

Polyaeni Strategemation, libri octo, rec. Ed. Wollfflin, ed. Teubner.

Suetonius, The lives of the Caesars, in two volumes, London, 1950, 1960.

The Geography of Strabo, in eight volumes, London, 1960-1964.

The scriptores Historiae Augustae, in three volumes, London, 1960-1965.

Исследования

Абрамян А. Г., Расшифровка некоторых надписей, считающихся алуанскими, Ереванский университет, 1956 (на арм. яз.).

Абрамян А. Г., Дешифровка надписей Кавказских агван, Ереван, 1964.

Абегян М., Труды, т. I, Ереван, 1966, (на арм. яз.).

Авдалбекян Т., Хас, сак и баж, Арменоведческие исследования, Ереван, 1969 (на арм. яз.).

Адонц Н., Исследование по Мовсесу Каланкатваци, Ереван, «Анаһит», 1939, №6, 1940 N 1-3 (на арм. яз.).

Адонц Н., Армения в эпоху Юстиниана, Ереван, 1971.

Адонц Н., История Армении, Ереван, 1972 (на арм. яз.).

Адонц Н., Дионисий Фракийский и армянские толкователи, СПб, 1915.

Акинян Н., Мовсес Дасхуранци (прозванный Каланкатуацци) и его история Алуанка, Вена, 1970 (на арм. яз.).

Акопян А. А., Албания-Алуанк в греко-латинских и древне-армянских источниках, Ереван, 1987.

Акопян А. А., О локализации каспиев и области Каспиана (Каспк), ВОН, 1983, N1 (на арм. яз.).

Акопян А. А., П. М. Мурадян, К. Н. Юзбашян, К изучению истории Кавказской Албании, ИФЖ, 1987, N 3.

Акопян С., История армянского крестьянства, т. 1, Ереван, 1967, т. 2, Ереван, 1969 (на арм. яз.).

Акопян С., Царраи-алахинь-рабы и их социально-экономическое положение в средневековой Армении, ИФЖ, 1962, N 1, (на арм. яз.).

Амбарян А., Гаргарейцы или Гугарейцы? hАндэс амсореа, Вена, 1910 (на арм. яз.).

Алиев А. А., Сравнительный анализ археологических находок с письменными источниками об оружии албанов (IV в. до н. э. – III в. н. э.), Известия АН АзССР, 1981, N 1, (на азерб. яз.).

Алиев И. Г., О первых племенных союзах на территории Азербайджана, Баку, 1959.

Алиев И. Г., История Мидии, Баку, 1960.

Алиев И. Г., К интерпретации параграфов 1, 3, 4 и 5 IV главы XI книги “Географии” Страбона, ВДИ, 1975, N 3.

Алиев И. Г., Османов Ф. Л., Бассейн рек Геокчай-Гурдминчай-Ахсучай в античное время, СА, 1975, N 1.

Алиев И. Г., Асланов Г., Племена сармато-массагето-аланского круга в Азербайджане, ДВ, N 2, Ереван, 1976.

Алиев И. Г., О скифах и скифском царстве в Азербайджане, Переднеазиатский сборник, III, Москва, 1979.

Алиев И. Г., Серьезный вклад в албанистику, Известия АН АзССР, 1986, N 4.

Алиев К., К вопросу о древнем населении Албании, ДАН, АзССР, 1959, т. XV, N 2.

Алиев К., К вопросу об источниках Страбона в описании древней Кавказской Албании, ДАН, Аз. ССР, т. XVI, 1960, N 4.

Алиев К., Албань-кочевники и Басилевс Зобер, Известия АН АзССР, 1962, N 8.

Алиев К., Кавказская Албания (I в. до н.э. - I в. н.э.), Баку, 1974.

Ализаде А. А., К некоторым вопросам, относящимся к истории владьчества сельджуков на Среднем Востоке и в Закавказье. Сб. Вопросы истории народов Кавказа, Тбилиси, 1966.

Алишан, Айрарат, Венеция, 1890 (на арм. яз.).

Алишан, Алуанк, Базмавен, 1970, N 11-12, (на арм. яз.).

Алияров, Об этногенезе азербайджанского народа (К постановке проблемы), сб. К проблеме этногенеза азербайджанского народа, Баку, 1984.

Армен Г., Падение Арташесидской династии, Бейрут, 1967, (на арм. яз.).

Артамонов М. И., История хазар, Л-д, 1962.

Арутюнян Б., Административно-политическое состояние северо-восточных областей царства Великой Армении в 387-451 гг. ВЕУ, 1976, N 2 (на арм. яз.).

Арутюнян Б., Административное деление Закавказских владений Сасанидского Ирана согласно труду Егише, Кавказ и Византия, вып. I, Ереван, 1979.

Арутюнян Б., К вопросу о локализации Лпинка, ВЕУ, 1981, N 1(на арм. яз.).

Арутюнян Б., Поход Мазкутского царя Санесана на Армению, ВОН, 1981, N 6, (на арм. яз.).

Арутюнян Б., Когда отсутствует научная добросовестность, ВОН, 1987, N 7.

Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И., Древний Мингечаур, Баку, 1959.

Асланов Г. М., Археологические исследования на Ашпероне, (Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане 1975 г.), Баку, 1978.

Астурян А., Политические отношения между Арменией и Римом с 190 г. до р. X. до 428 г. после р. X., Венеция, 1912, (на арм. яз.).

Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане за 1975 г., 1976, 1979 гг.), Баку, 1978, 1979, 1982.

Археологические открытия 1980 г., Москва, 1981.

Ахмедов Г. М., Новый объект по Ялоилутепинской культуры, ДАН, АзССР, т. XV, 1959, N 5.

Ачарян Р., Словарь армянских личных имен, т. I, Ереван, 1942, т. IV, Ереван, 1948, (на арм. яз.).

Ачарян Р., Этимологический коренной словарь армянского языка, т. 1, Ереван, 1971, (на арм. яз.).

Бабаев И. А., О трех стеклянных многогранных печатях, найденных в Мингечауре, Археологические исследования в Азербайджане, Баку, 1965.

Бабаев И. А., Казиев С.М., Кабалинский клад монет эллинистической эпохи, "Нумизматика и эпиграфия", IX, Москва, 1971.

Бабаев И. А., К вопросу о возникновении государства Албании (Кавказской), Известия АН АзССР, 1976, N 4.

Бакиханов Абас-Кули ага, Гюлистан-Ирам, Баку, 1926.

Бартикян Р., Источники для изучения истории павликианского движения, Ереван, 1961.

Бартольд В. В., Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, Сочинения, т. II, ч. I, Москва, 1963.

Бартольд В. В., Краткий обзор истории Азербайджана, Сочинение, т. II, ч. I, Москва, 1963.

Бартольд В. В., Кавказ, Туркестан, Волга, Сочинения, т. II, ч. I, Москва, 1963.

Бартольд В. В., Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии, т. V, М., 1968.

Бархутарянц М., Алуанская страна и ее соседи (Средний Дагестан), Тифлис, 1893 (на арм. яз.).

Бархутарянц М., Арцах, Баку, 1895 (на арм. яз.).

Бархутарянц М., История Алуанка, т. 1, Вагаршапат, 1902 (на арм. яз.).

Бархутарянц С. Г., Княжества Арцаха, Шаки и Парисоса в IX-X вв., ИФЖ, 1971, N 1 (на арм. яз.).

Бозоян А. А., Акопян А. А., Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках, ВОН, 1989, N 4.

Болтунова А. И., Племена, обитавшие на территории Азербайджана в I тысячелетии до н. э., в кн. Очерки истории СССР, первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР, М., 1956.

Бунятов З. М., О длительности пребывания хазар в Албании в VII-VIII вв. Известия АН АзССР, 1961, N 1.

Бунятов З. М., О деятельности католикоса Албании Виро (596-630 гг.), Ближний и Средний Восток, Москва, 1962.

- Буниятов З. М., *Albanica-III*, Известия АН АзССР, 1964, N 4.
- Буниятов З. М., *Азербайджан в VII-IX вв.*, Баку, 1965.
- Буниятов З. М., *Размышления по поводу книги А. Н. Тер-Гевондяна "Армения и арабский халифат"*, Известия АН АзССР, 1977, N 4.
- Буниятов З. М., *Новое исследование по истории Азербайджанского государства Саджидов (889-929 годы)*, Известия АН АзССР, 1980, N 3.
- Ваидов Р.М., *Археологическая характеристика эпиграфических памятников Мингечаура*, Известия АН АзССР, 1958, N4 (на азерб. яз.).
- Вахушти, *География Грузии, Введение, перевод и пр. М. Г. Джанашвили*, ЗКОИРГО, XXIV, вып. 5, Тифлис, 1904.
- Виноградов В. Б., *О скифских походах через Кавказ (по письменным источникам)*, Труды Чечено-Ингушского НИИ, т. 9, Грозный, 1964.
- Вопросы истории Кавказской Албании (сб. статей)*, Баку, 1962.
- Всемирная история*, т. II, М., 1955.
- Гадиров Ф. В., *Работы на городище Кабала, Археологические открытия 1980 года*, Москва, 1981.
- Гаидукевич В. Ф., *Боспорское царство*, М.-Л., 1949.
- Ганалаян А., Хачикян Л., Тер-Гевондян А., *Об очередных "размышлениях"* З. М. Буниятова, ВОН, 1978, N 5.
- Гарагашян А., *Критическая история Армении*, т. II, Тифлис, 1895 (на арм. яз.).
- Гюшев Р. Б., *Христианство в Кавказской Албании*, Баку, 1984.
- Голенко К. Г., *Заметки об обращении римской монеты в Закавказье*, ВДИ, 1971, N 4.
- Голубкина Т. И., *Археологические исследования и раскопки кувшинных погребений в Азербайджане в 1953 г.*, Известия АН АзССР, 1951, N 1
- Григорьев, *О древних походах руссов на Восток*, ЖМНП, 1835, часть 2
- Гукасян В., *Удинские слова в "Истории албан"*, Известия Ан АзССР (серия Лит. Языка и Искусства), 1968, N1.
- Гукасян В., *О некоторых вопросах истории албанской письменности и литературы*, Известия Ан АзССР (серия Лит. Языка и Искусства), 1968, N2.
- Гукасян В., *К освещению некоторых вопросов истории Азербайджана в монографии «Азербайджан в VII-IX вв.»*, Известия Ан АзССР (серия Лит. Языка и Искусства), 1968, N 4.

Гукасян В., Тюркизмы в «Истории албан» М. Утицкого. Сб. "Структура и история тюркских языков", М., 1976.

Гулиев Н., Торговые связи Кавказской Албании в раннем средневековье, Автореферат кандидатской диссертации, Баку, 1972.

Гусейнов Р. А., О тюрках IV-VI вв. в зоне Кавказской Албании (см. Вопросы истории Кавказской Албании, Баку, 1962.

Гусейнов Р. А., Тюркские этнические группы XI-XII вв. в Закавказье. Тюркологический сборник, 1972, М., 1973.

Гусейнов Р. А., Новая публикация по албановедению, Известия АН АзССР, 1978, №2.

Гусейнов М., Древний палеолит Азербайджана, Баку, 1985.

Дандамаев М. М., Иран при первых ахеменидах (VI в. до н. э.), Москва, 1963.

Даниелянц О. А., Парное погребение в кувшине из Мингечаура, ДАН АзССР, т. XV, N3.

Джавадов И., О стоянке римских войск зимой 66/65 гг. до н. э. в Закавказье, ДАН, АзССР, 1960, т. 16, N7.

Джалалянц С., Путешествие по Великой Армении, ч. II, Тифлис, с. 248 (на арм. яз.).

Джафарзаде И. М., Развитие археологических работ в Азербайджане. Известия АзФАН, 1945, N6.

Джафарзаде И.М., Археологические разведки на Апшероне, Известия АМ АзССР, 1948, N6.

Джафарзаде И.М., Древнелатинская надпись у подошвы горы Бююк-даш, ДАН, Аз.ССР, т. IV, (1948), N7.

Джафарзаде И.М., Наскальные изображения Кобистана (Азербайджанская ССР), Археологические исследования в Азербайджане, Баку 1965.

Джафаров Ю. Р., О локализации храмовой области Кавказской Албании, ВДИ, 1985, N2.

Дьяконов И. М., История Мидии, Москва-Ленинград, 1956.

Дьяконов И. М., Предыстория армянского народа, Ереван, 1968.

Дьяконов М. М., Очерк истории древнего Ирана, Москва, 1961.

Дорн Б., Каспий, О походах древних руссов в Табаристан (Приложение к XXVI-му тому Записок Императорской Академии Наук, N 1, СПб., 1875.

Ельницкий Л.А., Северочерноморские заметки. Римляне у Каспийских ворот, ВДИ, N 1, 1950.

Еремян С. Т., Оюния и оборона сасанидами кавказских проходов, Известия АрмФАНа, 1941, N 7.

Еремян С. Т., Заметки к тексту "Хроники Сумбата", Известия Арм ФАН-а, 1941, N 9.

Еремян С. Т., Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху, Известия АН Арм. ССР, 1948, N 11.

Еремян С. Т., О рабстве и рабовладении в древней Армении, ВДИ, 1950, N 1.

Еремян С. Т., Опыт периодизации истории Армении феодальной эпохи, ВИ, 1951, N 7.

Еремян С. Т., Рабовладельческое общество древней Армении, Автореферат докт. дис., М., 1953.

Еремян С. Т., Моисей Каланакатуиский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому Хакану Ал-Илитверу, ЗИВАН СССР, т. VII, М.-Л., 1939.

Еремян С. Т., Основные проблемы периодизации истории народов Закавказья, Труды объединенной научной сессии АН СССР и АН Закавказских республик по общественным наукам, Баку, 1957.

Еремян С. Т., Экономика и социальный строй Албании III-VII вв. (в кн. Очерки истории СССР III-IX вв., Москва, 1958).

Еремян С. Т., Политическая история Албании III-IV вв. (в кн. Очерки истории СССР III-IX вв., Москва, 1958).

Еремян С. Т., Идеология и культура Албании, III-VII вв. (в кн. Очерки истории СССР III-IX вв., Москва, 1958).

Еремян С. Т., Азербайджан (Албания) в период арабского владычества (в кн. Очерки истории СССР, III-IX вв., Москва, 1958).

Еремян С.Т., Армения по "Ашхарацуицу", Ереван, 1963, /на древнеарм. яз./.

Еремян С.Т., Страна Махелония, надписи Кааба-и-Зардушт, ВДИ, 1967, N4.

Еремян С. Т., Н. Марр и армянский "Ашхарацуиц" VII в., Марр и вопросы арменоведения, Ереван, 1968, (на арм. яз.).

Еремян С.Т., Опыт реконструкции первоначального текста "Ашхарацуица", ИФЖ, 1972, N4, 1973, N1-2, (на древнеарм. яз.).

Еремян С. Т., Политическое состояние Армении в период царствования Артавазда V (252/3-261), ВОН, 1975, N 1(на арм. яз.).

Есаи́и Нчеци, Анализ грамматики. Текст подготовил и снабдил предисловием Л. Г. Хачерян, Ереван, 1966 (на арм. яз.).

Есаян С. А., Древняя культура племен северо-восточной Армении, Ереван, 1976.

Зарбаналян Г., История древней армянской литературы (IV-XIII вв.), Венеция, 1897, (на арм. яз.).

Зулалян М., Вопросы древней и средневековой истории Армении в освещении современной турецкой историографии, Ереван, 1970.

Исмизаде О.Ш., Ялоулуменская культура, Баку, 1956.

Исмизаде О. Ш., О зооморфной керамике из Каратепе, ДАН АзССР, 1959, т. 15, N 1, с. 93-97 (на аз.яз.).

Исмизаде О. Ш., Кабала – столица древней Кавказской Албании. Об. «Вопросы истории Кавказской Албании», Баку, 1962.

История Азербайджана, т. 1, Баку, 1968.

История армянского народа (Учебник для вузов), т. I, Ереван, 1963(на арм. яз.).

История армянского народа, т. I, Ереван, 1971 (на арм. яз.).

История армянского народа, т. 2, Ереван, 1984 (на арм. яз.).

История Византии, т. II, Москва, 1967.

История Грузии, т. I, Тбилиси, 1962.

История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства, кн. 1 (части I-II); книга 2 (части III-IV), Ленинград, 1939 (Макет).

Казиев С. М., Археологические раскопки в Варташенском и Куткашенском районах в 1945 г., Об. Экспедиция АН АзССР, Баку, 1947.

Казиев С. М., Археологические памятники Мингечаура как исторический источник для изучения истории Азербайджана, Известия АН АзССР, 1950, N 7.

Казиев С. М., Из истории Кабалинского магала, Об. Вопросы истории Кавказской Албании, Баку, 1962.

Канаянц Ст., Неизвестные гавары древней Армении, Вагаршапат, 1914 (на арм.яз.).

Кананцян Г. А., Chetto-Armeniaca, Ереван, 1931.

- Карагезян Ов., Урартские топонимы Восточной Армении, ВОН, 1978, N 10 (на арм. яз.).
- Ковалевский С.А., "Карта Птолемея" в свете исторической географии Прикаспия, ИВГО, 1953, т. 85, вып. 1.
- Котович В. Г., Древности Дагестана, Махачкала, 1974.
- Кошеленко Г. А., Внутривосточная борьба в Парфии (вторая половина I в. до н. э. – начале I в. н. э.), ВДИ, 1963, N 3.
- Крисяшарян С. М., Очерки истории городов древней Армении и Малой Азии, Ереван, 1970 (на арм. яз.).
- Крузе Ф., О важности юго-кавказских областей России в отношении антикварном и о Птолемея главном писателе в рассуждении Географии сей страны, ЖМНП, 1835, ч.5.
- Крымский А. Е., История Сасанидов, Москва, 1904.
- Крымский А.Е., Страницы из истории северного или Кавказского Азербайджана (Классическая Албания), Сб. в честь С.Ф.Ольденбурга, Л., 1934.
- Крымский А. Е., Страницы из истории северного Кавказского Азербайджана(Классическая Албания), Шеки, Сб. "Памяти Н.Я.Марра", Л., 1938.
- Кудрявцев О. В., Римская политика в Армении и Парфии в первой половине правления Нерона, ВДИ, 1948, N 3.
- Кулаковский Ю., История Византии, т. III, Киев, 1915.
- Лалаян Е.А., Раскопки сс. Нидж и Варташен Нухинского уезда, "Известия Кавказского отделения Московского археологического общества", Тифлис, 1919, вып. V.
- Левитов В. Н., Азербайджан с V в. до н. л. по III в. н. л., Известия АН АзССР, 1950, N 1.
- Лео, Собрание сочинений, т. I, Ереван, 1966, т. 2, Ереван, 1967 (на арм. яз.).
- Мамедов А., Теоретические проблемы восстановления первичных корней в тюркских языках, сб. Вопросы азербайджанской философии, вып. 2, Баку, 1984.
- Мамедов Т. М., Албания и Атропатена по древне-армянским источникам (IV-VII вв.), Баку, 1977.
- Мамедов Т. М., Кавказская Албания в IV-VII вв. (Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук), Баку, 1965.
- Мамедова Ф., "История албан" Мовсеса Каланкатуиского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании, Баку, 1977.

Мамедова Ф., Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н.э. - VIII в н.э.), Баку, 1986.

Мамедова Ф., Кавказская Албания и албаны, Баку, 2005.

Манандян Я.А., Критический обзор истории армянского народа (с начала до утверждения Аршакидов в Армении, 66 г. н. э.), Труды, т. I, Ереван, 1977, т. II, Ереван, 1978 (на арм. яз.).

Манандян Я. А., Тигран II и Рим, Труды, т. 1, Ереван, 1977 (на арм. яз.).

Манандян Я. А., Феодализм в древней Армении, Труды, т. 4, Ереван, 1981 (на арм. яз.).

Манандян Я. А., Заметки о положении шинаканов древней Армении в эпоху марзбанства, Труды, т. 4, Ереван, 1981 (на арм. яз.).

Манандян Я.А., Маршруты персидских походов императора Ираклия, Труды, т. 5, Ереван, 1984 (на арм. яз.).

Манандян Я.А., Цель и направление подготовлявшегося Нероном Кавказского похода, Труды, т. 5, Ереван, 1984.

Манандян Я.А., Круговой путь Помпея в Закавказье, Труды, т. V, Ереван, 1984.

Манандян Я. А., О местонахождении Caspia Via и Caspia portae, Труды, т. V, Ереван, 1984.

Марковин В.И., Наскальные изображения в Дагестане, ИВГО, 1953, т. 85, вып. 2.

Марр Н., Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием (арабская версия), Спб, 1905.

Марр Н. Я., По поводу русского слова "сало" в древнеармянском описании хазарской трапезы VII в., Избранные работы, т. 5, М.-Л., 1935.

Мапкин Н. А., История древнего Рима, Москва, 1947.

Меликишвили Г. А., К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959.

Меликишвили Г. А., Урартские клинописные надписи, Москва, 1960.

Мелик-Оганджян К. А., Историко-литературная концепция З. Буниятова, ВАА, 1968, N 2.

Мелик-Оганджян К. А., Еще раз о национальной принадлежности Мхитара Гоша, автора "Судебника", ВАА, 1969, N 1.

Минорский В. В., История Ширвана и Дербента. X-XI вв., М., 1963.

Моммзен Т., История Рима, русский пер. под общей ред. Н. А. Машкина, т. III, М., 1941.

Мнацаканян Ас., Севак П., По поводу книги З. Буятова "Азербайджан в VII-IX вв.", ИФЖ, 1967, N 1.

Мнацаканян Ас., О литературе Кавказской Албании, Ереван, 1969.

Мсерянц З., Справка о князе Джуаншире и Давтаке ораторе, Цраках., М. 1860.

Мунчаев Р. М., Кавказ на заре бронзового века, 1975.

Муравьев С. Н., Птолемеява карта Кавказской Албании и уровень Каспия, ВДИ, 1983, N1.

Муравьев С. Н., Заметки по исторической географии Закавказья. Плиний о населении Кавказа, ВДИ, 1988, N 1.

Мухелишвили Д. Л., К вопросу о локализации Хунана (Хунаракерта), Археологические памятники феодальной Грузии, II, Тбилиси, 1974.

Мухелишвили Д. Л., Из исторической географии Восточной Грузии (Шаки и Гогарене), Тбилиси, 1982.

Мушегян А. В., Псевдоалбанская литература и ее апологеты, ВОН, 1989, N 8.

Мушегян Х. С., Денежное обращение в Армении, Ереван, 1983 (на арм. яз.).

Нейматова М. С., Еще раз об Урудских памятниках Зангезура, Известия АН АзССР, 1985, N 4.

Ниорадзе Г., Раскопки в Алазанской долине, Тбилиси, 1940 (на груз.яз).

Новосельцев А. П., Пашуто В.Т., Лерепнин Л.В., Пути развития феодализма, М., 1972.

Новосельцев А. П., К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании в античный период, Кавказ и Византия, вып. I, Ереван, 1979.

Новосельцев А. П., Генезис феодализма в странах Закавказья, М., 1980.

Новосельцев А. П., Мовсес Каланкатуаци, История страны Алван, История СССР, 1985, N1.

Новосельцев А. П., Древнейшие государства на территории СССР (Некоторые итоги и задачи изучения), История СССР, 1985, N 6.

"Ноян Агавни" ("Ноев голубь"), Константинополь, 1852, N36, 37, 58 (на арм. яз.).

- Нуриев А. Б., Стекланные изделия и их производство в Кавказской Албании, Баку, 1981 (на аз. яз.).
- Оганесян С., Каноны Ахвенского учредительного собрания и их связь с Аштишатскими канонами, ИФЖ, 1967, N 4 (на арм. яз.).
- Оксенюк Р. Н., Роль Северного Причерноморья в борьбе Понта с Римом (II-I вв. до н. э.), Томск, 1953.
- Орманян М., История Армении, ч. I, Константинополь, 1913 (на арм. яз.).
- Османов Ф. Л., Ибрагимов Ф. А., Металлические браслеты античной эпохи из раскопок с. Нюди, Известия АН АзССР, 1978, N 2.
- Очерки истории Дагестана, т. 1, Махачкала, 1957.
- Очерки истории СССР, первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР, Москва, 1956.
- Очерки истории СССР III-IX вв., Москва, 1958.
- Очерки истории СССР, период феодализма IX-XV вв. (в двух частях), Москва, 1953.
- Папуашвили Т., Вопросы истории Эрети, Тбилиси. 1970 (на груз. яз.).
- Патканов К., Ванские надписи и значение их для истории Передней Азии, СПб, 1881.
- Пахомов Е. А., Римская надпись I в. н.э. и легион XII Фульмината. Известия АН Аз.ССР, 1949, N1.
- Пахомов Е. А., Античные монеты в Албании (в пределах Азербайджанской ССР), Сб. Вопросы истории Кавказской Албании, Баку, 1962.
- Пахомов Е. А., Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье, Проблемы истории материальной культуры, 1933, N 9-10.
- Пигулевская Н. В., Сирийские источники по истории народов СССР, М.-Л., 1941.
- Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Беленицкий А. М., История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в., Ленинград, 1958.
- Пиотровский Б. Б., Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н. э., Л., 1949.
- Пиотровский Б. Б., Ванское царство, Москва, 1959.
- Погребова М. Н., Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время, М., 1984.

- Пьянков И. В., Борьба Кира II с Астиагом, ВДИ, 1971, N 3.
- Ранов В. А., Древнейшие страницы истории человечества, М., 1988.
- Ранович, Эминизм и его историческая роль, М., 1950.
- Ростовцев М. И., Новая греческая надпись из Эчмиадзина, «Христианский Восток», т. III, вып. 3, СПб, 1915.
- Рустамов Д. Н., Мурадова Ф. М., «Кяниза – стоянка каменного века Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1975), Баку, 1978.
- Рустамов Д. Н., Мурадова Ф.М., Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане 1978 г., Баку, 1982.
- Саргсян Г. Х., Антиох III Селевкид и армянские государства, ВЕУ, 1969, N 1, (на арм. яз.).
- Связян Г. С., Источники «Истории страны Албанской» Мовсеса Каланкатвацци, ИФЖ, 1972, N 3 (на арм. яз.).
- Связян Г. С., Понятие "Страна Агванк" в сочинении Мовсеса Каланкатуаци, ВАА, 1973, N1 (на арм. яз.).
- Связян Г. С., К вопросу о датах правления Албанских князей Джуаншира и Вараз-Трдата, ВОИ, 1973, N11 (на арм. яз.).
- Связян Г. С., Агванк в VII-VIII вв., Автореферат кандидатской диссертации, Ереван, 1974.
- Связян Г. С., Воцарение ветви династии Аршакидов в Кавказской Албании, ВАА, 1977, N 3.
- Связян Г. С., Источники Страбона о Кавказской Албании. ИФЖ, 1978, N 1 (на арм. яз.).
- Связян Г. С., К вопросу об образовании марзпанства Кавказской Албании ИФЖ, 1979, N 4 (на арм. яз.).
- Связян Г. С., Племенные союзы каспов в период господства Ахеменидского Ирана (VI в. до н. э. – IV в. до н. э.), ВОИ, N6, Ереван, 1983 (на арм. яз.).
- Связян Г. С., Возникновение государства Атропатены и Кавказская Албания, ВОИ, 1985, N 2 (на арм. яз.).
- Связян Г. С., Мовсес Каланкатуаци, История страны Алуанк, ВОИ, 1986, N1.
- Связян Г. С., Об одной "албанской" надписи, ВОИ, 1987, N2.

Связян Г. С., Пример использования исторической науки в экспансивных целях, ВЕУ, 1989, N 2.

Связян Г. С., Арцах в исторических первоисточниках, ВОИ, 1989, N 11.

Связян Г. С., Алуанк в первоисточниках и в историографии (Краткий историко-географический обзор), ВАА, 1989, N 2.

Связян Г. С., К вопросу о “завоевании” Арташесом I области Каспиане-Паитакаран (по данным Мовсеса Хоренаци), ВОИ, 1991, N 3 (на арм. яз.).

Связян Г. С., Алуанский “католикос” Манук Григорис, “Эчмиадзин”, 2003, N 6.

Связян Г. С., Св. Елиша просветитель Северо-Восточных краев Великой Армении, страны Чора и Алуанка, ВОИ, 2000, N 2

Связян Г. С., Пути и время проникновения христианство в Албанию, ИФЖ, 2002, N 2

Связян Г. С., Феодальные отношения в Алуанке и провозглашение христианство государственной официальной религией. ИФЖ, 2003, N 3

Связян Г. С., Духовные предводители Алуанка докатоликосского периода, ИФЖ, 2004, N 3

Свод армянских надписей, составил С. Г. Бархударян, вып. V, Ереван, 1982 (на арм. яз.).

Сеидов М., Об этническом термине “Хайландурк” в исторических трудах Егише и Мовсеса Каганкайтукского, Известия АН АзССР, 1965, N 6 (на азерб. яз.).

Смирнов К. Ф., Археологические исследования в Дагестане в 1948-1950гг. КСИИМК, вып.45, 1952.

Струев В. В., Белявский В.А., Ломоури Н.Ю., Тревер К.В., Очерки по истории Албании, ВДИ, 1960, N 3.

Сумбатзаде А. С., К истории Атропатены, Известия АН АзССР, 1978, N 3.

Сумбатзаде А. С., Об истоках истории Азербайджана, Известия АН АзССР, 1979, N1.

Тер-Гевондян А. Н., Арабские эмираты в Багратидской Армении, Ереван, 1965, (на арм. яз.).

Тер-Гевондян А. Н., “Армения и арабский халифат”, Ереван, 1977.

Тер-Оганисян, Хронологическая история св. Иерусалима, т. 1, Иерусалим, 1890 (на арм. яз.).

Тирацян Г., Территория Еруандидской Армении (конец VI в. – конец III в. до н. э.), ИФЖ, 1981, N 2, (на арм. яз.).

Тихвинский С. Л., Состояние и задачи координации исторических исследований, Вопросы истории, Москва, 1986, N 9.

Томсон Дж., История древней географии, Москва, 1953.

Тревер К. В., Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, IV в. до н. э. – VI в. н. э., М.-Л., 1959.

Тревер К. В., Очерки по истории и культуре древней Армении, М.-Л., 1953.

Тревер К. В., К вопросу о культуре Кавказской Албании, М.-Л., 1960.

Тумбиль П. Х., Римская надпись I в. н. э., обнаруженная в пределах Азербайджана (Кабристан), ДАН, АзССР, т. XV, N 7, 1948.

« Улдуз », Баку, 1971, N 6.

Улубабян Б., Вачаган Барепашт и подъем просветительской культурной жизни Восточных краев Армении, Советакан Манкаварж (Советский педагог), 1969, N 3 (на арм. яз.).

Улубабян Б., Еще раз о времени созыва Агвенского собора, ВОИ, 1969, N 6 (на арм. яз.).

Улубабян Б. А., К вопросу о царской династии Агванка, ВОИ, 1971, N 7 (на арм. яз.).

Улубабян Б. А., Топонимы “Албания”, “Агванк” и «Аран» ИФЖ, 1971, N 3 (на арм. яз.).

Улубабян Б. А., К вопросу об административно-политическом положении северо-восточной Армении в домарзпанский период, ВЕУ, 1975, N 2 (на арм. яз.).

Улубабян Б. А., Княжество Хачена в X-XIV вв., Ереван, 1975 (на арм. яз.).

Улубабян Б. А., О границах древнего Агванка, ВЕУ, 1979, N 1 .

Улубабян Б. А., Очерки истории Восточного края Армении (V-VII вв.), Ереван, 1981 (на арм. яз.).

Фрай Р., Наследие Ирана, Москва, 1972.

Халилов Дж. А., Каменные статуи из Хьньсли, ДАН, АзССР, т. XVI, 1960, N 11.

Халилов Дж. А., Бабаев И. Б., О городах древней Кавказской Албании, СА, 1974, N 4.

Халилов Дж. А., Материальная культура Кавказской Албании, Баку, 1985.

Хачикян Л., Несколько замечаний по поводу 54 главы второй книги "Истории Армении", М. Хоренского (по поводу древнелатинской надписи, найденной в Азербайджане), Известия АН Арм ССР (общественные науки), 1948, N 1 (на арм. яз.).

Чамчянц Микаел, "История Армении с начала сотворения мира до 1784 г. господня, написанная отцом архимандритом Микаелом Чамчяном, т. 1-3, Ереван, 1984 (на арм. яз.).

Шпен И., Новые заметки на древняя истории Кавказа и его обитателей, СПб., 1866.

Шур В., Восточная политика императора Нерона, пер. с немецкого на арм. яз. Месроп Гапозян, Вена, 1930 (на арм. яз.).

Эльчибекиян Ж. Г., Армения и селевкиды, Ереван, 1979, с. 52 (на арм. яз.).

Юсифов Ю. Б., О наименованиях "Албания" и "Арран", Известия АН АзССР, 1961, N 10.

Юшков С. В., К вопросу о границах древней Албании, Исторические записки АН СССР, т.1, 1937.

Ямпольский З. И., Две заметки к трактовке Страбонова текста об азербайджанской Албании, Известия АзФАНа, 1942, N 7.

Ямпольский З. И., К римской надписи в Азербайджане, Известия Ан Аз. ССР, 1919, N 1.

Ямпольский З. И., Вновь открытая латинская надпись у горы Беюк-даш (Азербайджанская ССР, ВДИ, 1950, N 1.

Ямпольский З. И., К вопросу об одноименности древнейшего населения Атропатены и Албании, Труды Института истории и философии, Баку, 1954, т. IV.

Ямпольский З. И., Древние авторы о языке населения Азербайджана, Известия АН АзССР, 1955, N8.

Ямпольский З. И., Материалы о происхождении Азербайджанского народа, Известия АН АзССР, 1956, N 1.

Ямпольский З. И., К изучению летописи Кавказской Албании, Известия АН Аз. ССР, 1957, N9.

Ямпольский З. И., Древняя Албания III-I вв. до н. э., Баку, 1961.

Ямпольский З. И., О значении слова "ван" в имени Нахичевань (к анализу имени Нахичевань), Известия АН АзССР, 1961, N 1.

Ямпольский З. И., Об этногенетической непрерывности на почве Азербайджана, Об. Вопросы истории Кавказской Албании, Баку, 1962.

Ямпольский З. И., О времени возникновения государства Амронатена, ДАН, АзССР, т. XXVII, 1971, N 9.

Ямпольский З. И., Об Амронате – современнике Александра Македонского, ВДИ, 1974, N 2.

Яновский А., О древней Кавказской Албании, ЖМНП, 1846, ч. 52.

Christensen A., L'Iran sous les Sassanides, Copenhagen, Paris, 1944.

Ньбсманн Н., Die Alt-armenischen Ortsnamen, Indogermanische Forschungen, Bd. 16, 1904.

Ньбсманн Н., Armenische Grammatik, Leipzig, 1895.

Manandian A., (aus Achalzich). Beitrage zur albanischen Geschichte, Leipzig, 1897.

Marquart J., Eransahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci, Berlin, 1901.

Marquart J., Untersuchungen zue Geschichte Erans, I, Guttingen, 1896.

Marquart J., Die Entstehung der armenischen Bistümer, Rom, 1932, "Orientalia Christiana", vol. XXVII, 2.

Moise Kaghankatoatsi, Aghovans des origines traduite du manuscrit armenien, par E. Bore, avec des annotations de Viven de Saint-Martin, Univers. catholique Journal de l'institute sc.hist, t. XXII, Pris, No. 136, novembre.

Recherches sur Les Res Gestae divi Saporis par Ernest Honigmann et Andre Maricq, Bruxelles, 1953.

Res Geestae divi Saporis par Andre Maricq, Syria, t. XXXV, Paris, 1958.

Sandaljian J., Histoire documentaire de l'Armenie, t. II, Rome, 1917.

Tarn W. W., Alexander the Great, t. II, Studies and Sources, Cambridge, 1950.

Tomaschek, Albania, Albanoi, PRE, Stuttgart, 1893, I, 1.

Toumanoff Cyril, Studies in Christian Caucasian History, Georgetown, 1963.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

"Азербайджанский учитель", 6 августа, 1986 (на азерб. яз.).

Армянская Советская энциклопедия, т. 1, Ереван, 1974.

Атлас Азербайджанской ССР, Баку-Москва, 1963.

Атлас Армянской ССР, Ереван-Москва, 1963.

- Атлас к книге “История армянского народа”, ч. 1, Ереван, 1952.
“Баку”, Орган ЦК КП Азербайджана и Бакинского горсовета, 15 июля, 1986.
“Вышка”, Орган ЦК КП Азербайджана, 13 мая, 1986.
Дворецкий И. Х., Латинско-русский словарь, Москва, 1976.
Каталог археологических материалов, т. 2, Тбилиси, 1955.
“Литературный Азербайджан”, 1986, N 10.
“Молодежь Азербайджана”, Орган ЦК ЛКСМ Азербайджана, 20 сентября, 1986.
Советская историческая энциклопедия, т. 1, Москва, 1961.

СОКРАЩЕНИЯ

- ВAA – Вестник Архивов Армении
ВДИ – Вестник древней истории
ВЕУ – Вестник Ереванского университета
ВИ – Вопросы истории
ВОН – Вестник общественных наук
ДАН – Доклады Академии наук
ДВ – Древний Восток
ИВГО – Известия Всесоюзного географического общества
ИФЖ – Историко-филологический журнал
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗИВАН – Записки института Востоковедения Академии Наук
ЗКОИРГО – Записки Кавказского отделения Императорского русского географического общества
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
СА – Советская археология
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
ХВ – Христианский Восток
РМК – Pauly – Wissowa – Kroll – Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft